UNIVERSITY OF AMSTERDAM

UvA-DARE (Digital Academic Repository)

Сталин и органы НКВД-МГБ в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945-1953 гг. : Stalinisme en Sovjetisering 1945-1953 : Een studie van archiefmateriaal over Stalin, de NKVD-MGB, Duitsland en andere landen in Centraal- en Oost-Europa

Petrov, N.

Publication date
2008
Document Version
Final published version

Link to publication

Citation for published version (APA):
Petrov, N. (2008). *Сталин и органы НКВД-МГБ в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945-1953 гг. : Stalinisme en Sovjetisering 1945-1953 : Een studie van archiefmateriaal over Stalin, de NKVD-MGB, Duitsland en andere landen in Centraal- en Oost-Europa*. [Thesis, fully internal, Universiteit van Amsterdam].

General rights
It is not permitted to download or to forward/distribute the text or part of it without the consent of the author(s) and/or copyright holder(s), other than for strictly personal, individual use, unless the work is under an open content license (like Creative Commons).

Disclaimer/Complaints regulations
If you believe that digital publication of certain material infringes any of your rights or (privacy) interests, please let the Library know, stating your reasons. In case of a legitimate complaint, the Library will make the material inaccessible and/or remove it from the website. Please Ask the Library: https://uba.uva.nl/en/contact, or a letter to: Library of the University of Amsterdam, Secretariat, P.O. Box 19185, 1000 GD Amsterdam, The Netherlands. You will be contacted as soon as possible.

UvA-DARE is a service provided by the library of the University of Amsterdam (https://dare.uva.nl)

Download date:02 Nov 2026

Сталин и органы НКВД-МГБ в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945-1953 гг.

Stalinisme en Sovjetisering 1945-1953

Een studie van archiefmateriaal over Stalin, de NKVD-MGB, Duitsland en andere landen in Centraal- en Oost-Europa

ACADEMISCH PROEFSCHRIFT

ter verkrijging van de graad van doctor

aan de Universiteit van Amsterdam

op gezag van de Rector Magnificus

prof. dr. D.C. van der Boom

ten overstaan van een door het college voor promoties ingestelde

commissie, in het openbaar te verdedigen in de Agnietenkapel der Universiteit

op dinsdag 10 juni 2008, te 14.00 uur

door Nikita Vasilevitsj Petrov

geboren te Kiev

Promotor: Prof. dr. B. Naarden

Co-promotor: Dr. M.C. Jansen

Overige leden:

Dr. N. Adler

Prof. dr. M.J. Ellman

Prof. dr. M.Kemper

Dr. E. van Ree

Prof. dr. H. Renner

Faculteit der Geesteswetenschappen

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ……...I

ВВЕДЕНИЕ……..VII

Глава 1. Советская военная администрация и процесс советизации Восточной Германии……1

Формирование органов немецкого самоуправления……3
Немецкие органы самоуправления и обстановка в Советской зоне…….24
Выборы в органы самоуправления……..40
«Денацификация» и ее цели в Советской зоне……43
Методы управления органами немецкой администрации……45
Создание органов немецкой криминальной полиции……49
Зигзаги советизации……..53

Глава 2. Аппарат Уполномоченного НКВД-МГБ в Германии, политические репрессии и формирование немецких органов госбезопасности в ГДР. 1945–1949 гг……69

Формирование немецких органов госбезопасности……112

Глава 3. Роль МГБ СССР в советизации Польши. Проведение референдума и выборов в Сейм в 1946–1947 гг……128

Глава 4. Деятельность советников МГБ в Венгрии по организации репрессий и показательного процесса Л.Райка. 1949–1953 гг……...153

Глава 5. Общие закономерности и различия в организации деятельности советских советников госбезопасности в странах Восточной Европы. 1945–1953 гг……185

Советские советники в Болгарии и подготовка процесса над Трайчо Костовым……195
Особенности советизации Чехословакии……207
1953: перестройка аппарата советников органов госбезопасности в странах «народной демократии»……..217

Глава 6. Репрессии в аппарате МГБ в последние годы жизни Сталина. 1951–1953 гг……222

«Дело Абакумова»……..224
«Мингрельское дело»……234
Реорганизации в МГБ в 1952 г……..238
Деятельность Берии: реабилитация и новые аресты……...253

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (ТЕЗИСЫ)……261

ПРИЛОЖЕНИЕ……267

Наставление для советников министерства государственной безопасности СССР при органах государственной безопасности в странах народной демократии. 22 октября 1951 г……..267

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ……...271
Архивы……271
Монографии, мемуары, статьи……272
Сборники документов, справочная литература…….278
Периодические издания……281

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН……282

Предметно-тематический указатель…….309
English summary……...……...313
Nederlandse samenvatting…….……..320

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

АДН – (ADN – Allgemeiner Deutscher Nachrichtendienst) – Всеобщее германское информационное агентство
АН – Академия наук
АПН – Агентство печати новости
АП РФ – Архив Президента Российской Федерации
АрмССР – Армянская Советская Социалистическая Республика
АССР – автономная советская социалистическая республика
БВО – Белорусский военный округ
БКП – Болгарская коммунистическая партия
БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВВС – военно-воздушные силы
ВКВС – Военная коллегия Верховного суда
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВМН – высшая мера наказания
ВМФ – Военно-Морской Флот
ВНР – Венгерская Народная Республика
внутр. – внутренний
ВО – военный округ
воен. – военный
ВОХР – военизированная охрана
ВПШ – Высшая партийная школа
ВТ – военный трибунал
вуз – высшее учебное заведение
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
в/ч – войсковая часть
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
ВШ – Высшая школа
г. – год, город
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГБ – государственная безопасность
гвард. – гвардейский
гг. – годы, города
ГДР – Германская Демократическая Республика
ГКО – Государственный комитет обороны
гл. – главный
гос. – государственный
ГПУ – Государственное политическое управление
ГРУ – Главное разведывательное управление

ГрузССР – Грузинская Советская Социалистическая Республика
ГСОВГ – Группа советских оккупационных войск в Германии
губ. – губерния, губернский
ГУГБ – Главное управление государственной безопасности
ГУКР – Главное управление контрразведки
ГУЛАГ – Главное управление лагерей
ГУО – Главное управление охраны
ГУПВИ – Главное управление по делам военнопленных и интернированных
Д. – дело
д. – деревня
див. – дивизионный
ДОСААФ – Добровольное общество содействия авиации, армии и флоту
ДОСАРМ – Добровольное общество содействия армии
ДПГ – Демократическая партия Германии
ДТО – дорожно-транспортный отд.
ЕАК – Еврейский антифашистский комитет
ж.д. – железная дорога
ж.-д. – железнодорожный
зав. – заведующий
ЗАГС – запись актов гражданского состояния
зам. – заместитель
им. – имени
инж. – инженерный
ИНО – иностранный отдел
ин-т – институт
и.о. – исполняющий обязанности
исслед. – исследовательский
ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
кав. – кавалерийский
КГБ – Комитет государственной безопасности
КИ – Комитет информации
КНДР – Корейская Народная Демократическая Республика
КНР – Китайская Народная Республика
ком. – командир
КП – Коммунистическая партия
КП(б)Б – Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии
КПГ – Коммунистическая партия Германии
КП(б)У – Коммунистическая партия (большевиков) Украины
КПЗ – камера предварительного заключения
КПК – Комиссия партийного контроля
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

КПЧ – Коммунистическая партия Чехословакии
КПЮ – Коммунистическая партия Югославии
Л. – лист
лаг. – лагерный
ЛВО – Ленинградский военный округ
ЛДП – Либерально-демократическая партия
ЛКСМ – Ленинский коммунистический союз молодежи
ЛКСМУ – Ленинский коммунистический союз молодежи Украины
МВД – Министерство внутренних дел
МВО – Московский военный округ
м-во – министерство
МВС – Министерство вооруженных сил
МГБ – Министерство государственной безопасности
МГУ – Московский государственный университет
мех. – механизированный
МИД – Министерство иностранных дел
мл. – младший
МНБ – Министерство национальной безопасности
МНР – Монгольская Народная Республика
МО – Министерство обороны
МОБ – Министерство общественной безопасности
науч. – научный
нач. – начальник
НДПГ – Национально-демократическая партия Германии
НИИ – научно-исследовательский институт
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
НКИД – Народный комиссариат иностранных дел
НКО – Народный комиссариат обороны
НКПС – Народный комиссариат путей сообщения
НСДАП – (NSDAP – Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei) – Национал-социалистическая рабочая партия Германии
обл. – область, областной
ОВД – особо важные дела
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ОКДВА – Особая Краснознаменная Дальневосточная армия
окр. – округ, окружной
ОКР – отдел контрразведки
ОО – особый отдел
ООН – Организация Объединенных Наций
Оп. – опись
опер. – оперативный
орг. – организационный

ОСО – Особое совещание
ОТ – охрана тыла
отд. – отдел
отд-е – отделение
парт. – партийный
ПБ – Политбюро
ПВС – Президиум Верховного Совета
пед. – педагогический
пех. – пехотный
ПКНО – Польский Комитет национального освобождения
ПНР – Польская Народная Республика
погран. – пограничный
полит. – политический
пом. – помощник
ПОРП – Польская объединенная рабочая партия
пос. – поселок
пост. – постановление
ППР – (PPR – Polska Partia Robotnicza) – Польская рабочая партия
ППС – (PPS – Polska Partia Socialistyczna) – Польская социалистическая партия
пред. – председатель
прик. – приказ
пров. – провинция
ПСЛ – Польске стронництво людове (Польская крестьянская партия)
п/я – почтовый ящик
р. – река
развед. – разведывательный, разведочный
РГАНИ – Российский Государственный архив новейшей истории
РГАСПИ – Российский Государственный архив социально-политической истории
РГВА – Российский Государственный военный архив
РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия
р-н – район
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ – Российская Федерация
с. – село, страница
СА – Советская Армия
СВА – Советская военная администрация
СВАГ – Советская военная администрация в Германии
СД – Стронництво демократичне (Демократическая партия)
СД – (SD - Sicherheitsdienst) – служба безопасности

СДПГ – Социал-демократическая партия Германии
СЕПГ – Социалистическая единая партия Германии
СКК – Советская контрольная комиссия
следств. – следственный
СМ – Совет Министров
СМЕРШ – военная контрразведка «смерть шпионам»
СНК – Совет народных комиссаров
сотр. –сотрудник
спец. – специальный
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ст. – старший
стр. – стрелковый
СФРЮ – Социалистическая Федеративная Республика Югославия
с.х. – сельское хозяйство
с.-х. – сельскохозяйственный
США – Соединенные Штаты Америки
Т. – том
ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
техн. – технический
УВД – управление внутренних дел
УВК – управление военных комендатур
УГБ – управление государственной безопасности
УИТЛиК – управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
УК – Уголовный кодекс
УКГБ – управление Комитета государственной безопасности
УКР – управление контрразведки
УКС – управление комендантской службы
УМВД – управление Министерства внутренних дел
УМГБ – управление Министерства государственной безопасности
УНКВД – управление Народного комиссариата внутренних дел
УНКГБ – управление Народного комиссариата государственной безопасности
ун-т – университет
УПВИ – управление по делам военнопленных и интернированных
уполн. – уполномоченный
упр. – управление
УСВА – управление Советской военной администрации в Германии
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
Ф. – фонд
ф-ка – фабрика
ФСБ – Федеральная служба безопасности
ф-т – факультет
ХДС – Христианско-демократический Союз

ХОЗУ – хозяйственное управление
ЦА ФСБ – Центральный архив Федеральной службы безопасности
ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК – Центральный комитет
ЦШ – центральная школа
ЧК – чрезвычайная комиссия

Введение

«Наша цель состоит в том, чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании и потом предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят. Никакого вмешательства во внутренние дела других народов!».
И.Сталин. 6 ноября 1941 г. [1]

Вынесенные в эпиграф сталинские слова были публично произнесены в момент, наибольшей для СССР опасности. Это было время, когда немецкая армия стояла у стен Москвы, и исход войны еще не был ясен. Сталин клялся, что СССР не намерен навязывать свою волю и политическую систему славянским и другим народам Европы. Но это был лишь пропагандистский ход. А каковы были истинные намерения Кремля?

Согласно воспоминаниям югославского коммуниста Милована Джиласа, позднее, в кругу своих соратников Сталин высказывался откровеннее и совершенно в ином духе: «Эта война отличается от всех предыдущих: кто занимает территорию, тот устанавливает свой собственный общественный порядок. Каждый вводит свою систему, куда входит его армия. По-другому и быть не может»[2]. Таковы были истинные цели послевоенной политики СССР в Европе. В намерения Сталина входила советизация не только всех занятых Красной Армией территорий Восточноевропейских государств, но и советской зоны оккупации Германии, а в перспективе и всей Германии. Эту мысль советский вождь ясно высказал летом 1946 г. в Кремле, в ходе беседы с болгарскими и югославскими руководителями: «вся Германия должна быть нашей, то есть советской коммунистической»[3]. Как отмечал в своих мемуарах

[1] Доклад на торжественном заседании в Москве 6 ноября 1941 г. (Сталин И.В. *О Великой Отечественной войне Советского Союза.* М. 1950. С. 62–63.)

[2] Эту фразу Сталина сказанную 11 апреля 1945 г. приводит в своих воспоминаниях М.Джилас. См.: Djilas M. *Gespraeche mit Stalin.* Stuttgart, [O. J.] S.139. Цит. по книге: Волков В.К. *Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы.* М. 2000. С. 78. В русском издании мемуаров Джиласа слова Сталина приведены в иной редакции: «В этой войне не так, как в прошлой, а кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему. Иначе и быть не может». (Джилас М. *Лицо тоталитаризма.* М. 1992. С. 84.)

[3] Югославские и болгарские руководители находились в одно и то же время в Москве в начале июня 1946 г. – 6 июня Сталин принимал в Кремле болгарскую, а 10 июня – югославскую делегации (см.: *Исторический архив.* 1996. № 4. С. 125.) Джилас М. *Лицо тоталитаризма.* М. 1992. С. 110.

М.Джилас, подобные заявления Сталина были следствием «опьянения военными победами» и надеждой на экономический и политический распад Европы[4].

Однако реальный расклад сил в послевоенной Европе не позволил Сталину моментально реализовать этот замысел. От некоторых экспансионистских планов, например, в отношении Финляндии пришлось отказаться. Позднее Сталин сожалел как о допущенной ошибке, что не оккупировал Финляндию: «мы слишком оглядывались на американцев, а они и пальцем бы не пошевелили»[5]. Тем не менее, на заключительном этапе войны «вместе с Красной Армией за пределы Советского Союза стала выходить его политическая система»[6], что означало приход к власти в освобождаемых от гитлеровской оккупации странах коммунистических партий и руководимых ими политических блоков. Двигавшиеся вслед за войсками Красной Армии советские карательные органы НКВД, НКГБ и СМЕРШ, были призваны подавить любое сопротивление насаждаемой Кремлем власти и проводили широкие репрессии против «нежелательных элементов»[7]. Применение насилия в деле общественного переустройства находилось в полном соответствии с доктриной и политической практикой коммунистического движения.

Не стала исключением и Советская зона оккупации Германии. Здесь с первых же дней Советского присутствия проводились аресты и расстрелы т.н. «фашистских» и «враждебных» элементов. Широко практиковались интернирование и вывоз гражданского населения на принудительные работы в СССР, а на месте нацистских были открыты спецлагеря НКВД[8]. На этом фоне Советской военной администрации было проще готовить и проводить социальные преобразования и насаждать политическую систему советского

---

[4] Там же.

[5] Там же, С. 110. Этот эпизод относится к визиту М.Джиласа в Москву в январе 1948 г. Встреча со Сталиным состоялась 16 января (см. *Исторический архив.* 1998. № 4. С. 64.)

[6] Волков В.К. *Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы.* М. 2000. С. 75.

[7] О репрессиях со стороны НКВД в Польше см.: *НКВД и польское подполье. 1944–1945. М.* 1994; *Из Варшавы, товарищу Берия…: Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг.* Москва–Новосибирск. 2001; *СССР–Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949. Сборник документов.* М. 1995; K. Kersten, *The Establishment of Communist Rule in Poland, 1943–1948.* Berkeley, 1991.

[8] О различных аспектах советской карательной политики в послевоенной Германии см.: *Sowjetische Straflager in Deutschland 1945 bis 1950.* Berlin: Akademie Verl. Bd. 1. 1998, Bd. 2. 1999; то же на русском языке: *Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т.II.*

образца. После таких «шоковых» методов, немцы любую нормализацию, даже с коммунистической подкладкой, должны были воспринимать с облегчением[9].

Вместе с тем, до сих пор ведутся дискуссии об истинных целях и замыслах Сталина в отношении стран Центральной и Восточной Европы. Современными российскими историками подвергается серьезному сомнению тезис о распространении советского имперского влияния на, отошедшие в сферу интересов СССР, страны и навязывание им с самого начала тоталитарных порядков. Они утверждают, что в этих странах под патронажем СССР в 1945–1947 гг. «были проведены глубокие демократические преобразования», хотя и признают «весьма неоднозначное влияние на ход событий» которое оказывал Советский Союз[10]. Возникшая в странах Восточной Европы многопартийность, считают они, «была отнюдь не формальной, как это стало к началу 50-х годов»[11]. С их точки зрения, «навязывание сталинской модели социализма» началось в 1947 г. и тем самым «был прерван естественный путь развития народно-демократических революций»[12].

Между тем, не стоит забывать, что любая социализация, а отнюдь не только сталинская ее модель, не могла состояться без участия СССР. Так что, и речи быть не может о «естественности» такого хода событий. И если бы не советское присутствие в этих странах, то ни о какой национализации крупных предприятий, закрытии банков, земельной реформе, подавлении политических свобод и, наконец, репрессиях со стороны НКВД–МГБ, и речи быть не могло.

Рассматривая послевоенную историю в странах отошедших под влияние СССР как череду «народно-демократических революций», современные российские историки попросту перефразируют сталинские мысли, высказанные 24 мая 1946 г. им на встрече с польскими лидерами. Тогда Сталин утверждал, что в странах Восточной Европы устанавливается «новый тип демократии», которая «приближает к социализму без необходимости установления диктатуры

Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сборник документов и статей. – М. 2001.

[9] О репрессиях в советской зоне оккупации Германии см.: *Speziallager in der SBZ: Gedenkstaetten mit "doppelter Vergangenheit"* / Peter Reif-Spirek, Bodo Ritscher (Hg). Berlin: Links, 1999.; *Diktaturdurchsetzung: Instrumente und Methoden der kommunistischen Machtssicherung in der SBZ/DDR 1945–1955*. Dresden 2001.

[10] *Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т.1. Становление «реального социализма» (1945–1965).* М. 2000. С. 28.

[11] Там же, С. 35.

[12] Там же, С. 36–37.

пролетариата и советского строя»[13]. Сталинское рассуждение строилось на том факте, что в этих странах была проведена национализация крупной промышленности[14], с «политической арены исчезли классы крупных капиталистов и помещиков» и поэтому можно «приблизиться к социализму без кровавой борьбы»[15]. И в какой-то степени, он был прав, ведь всю «черную работу» – социальную чистку общества путем репрессий провели в первый же год советского присутствия органы НКВД, что в итоге создало для руководства этих стран тепличные условия. Именно сталинские рассуждения 1946 г. предопределили рождение будущего пропагандистского названия для стран восточного блока – «страны народной демократии». В действительности правящая верхушка этих стран была одинаково далека и от народа и от демократии. Там на самом деле, опираясь на репрессивный аппарат, безраздельно правила сталинская бюрократия.

Не стоит забывать, что мнимая многопартийность государственного устройства стран Восточной Европы и советской зоны оккупации Германии была лишь ширмой, за которой происходила серьезная тайная работа сталинской госбезопасности по разложению рядов оппозиции и подавлению любых форм сопротивления социализации. Именно тогда был опробован метод «управляемой оппозиции». Наиболее наглядный пример использования тайных пружин, провокаций и манипуляций мы видим в Польше (см. 3-ю главу), когда усилиями госбезопасности и ее тайных агентов оппозиция была разрушена изнутри. Точно такие же рецепты давал Сталин руководителям СЕПГ в декабре 1948 г., призывая их наводнять буржуазные политические партии в западных зонах агентами-коммунистами. «Нельзя ли сделать так, – спрашивал Сталин, – чтобы несколько хороших коммунистов вошло в СДПГ на западе и отреклись от коммунизма, а затем стали изнутри разлагать СДПГ?»[16].

Метод искусственного объединения малочисленных коммунистических партий с социал-демократами, предложенный Сталиным дал в восточноевропейских странах и Германии блестящий результат. Коммунисты не растворялись, а постепенно большевизировали объединившиеся с ними

[13] *Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953.* Москва–Новосибирск. 1997. Т.1. С.457–458.
[14] «Вы провели национализацию промышленности в 100 дней» – заявил он полякам (там же.)
[15] Там же.
[16] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 303. Л. 57.

партии. Однако этот результат был возможен лишь в советском присутствии и при использовании рычагов административного воздействия – для выдавливания из партий неугодных элементов, и аппарата госбезопасности – для их устрашения или устранения. Таким образом, в странах Восточной Европы к власти были приведены «карманные» партии, во главе которых стояли надежные и послушные Сталину функционеры.

Представляется, что действительный замысел Сталина заключался в создании просоветского блока из занятых Красной Армией стран Восточной Европы и восточной части Германии. Разумеется, речь не шла, как в 20-е годы о «мировой революции» или о мировом господстве коммунизма. Скорее всего, этот процесс следует понимать как желание гарантированно включить эти страны в зону советских интересов и создать своеобразный «пояс безопасности» к Западу от СССР. Сталину, при этом, виделся наиболее верный и надежный путь превращения этих стран в сателлиты СССР – посредством проведения однотипных с советским (и притом обязательно необратимых) социально-экономических преобразований. То есть советизация в данном случае была не целью, а лишь наиболее эффективным средством накрепко привязать эти страны к СССР. Своего рода, новым типом советской колонизации («советский неоколониализм»). Не случайно по прошествии двух десятилетий после Второй мировой войны действительному статусу стран советского блока будет найдено вполне точное определение – «ограниченный суверенитет»[17]. В этой связи небезынтересны современные исследования, рассматривающие проблему советизации восточной Европы с позиции поиска соотношения мотивов имперского экспансионизма и экспорта советской модели тоталитаризма[18].

Политические процессы в послевоенной Европе и политика СССР по сколачиванию собственного блока стран давно привлекли к себе внимание исследователей. Первые работы на эту тему появились достаточно давно[19]. Однако лишь в последнее десятилетие после крушения СССР и приоткрывшегося доступа к архивным материалам КПСС, госбезопасности и других советских официальных органов (полного доступа к документам этих

[17] После ввода в 1968 г. в Чехословакию советских войск, чаще говорили о т.н. «доктрине Брежнева».
[18] Jean-Franqois Soulet // *Une si longue nuit. L'apogée des regimes totalitaires en Europe 1935–1953.* Sous la direction de Stephane Courtois. Editions du Rocher, Monaco 2003. pp.408–427.
[19] H. Seton Watson, *The East European Revolution,* Oxford, 1950.

ведомств нет до сих пор) стала возможной работа по систематическому изучению истории становления Советского блока в странах Центральной и Восточной Европы. Все это не замедлило сказаться и на глубине проработки темы и на количестве публикуемых статей и монографий[20]. Наиболее общие проблемы советизации стран Центральной и Восточной Европы исследуются в работах В.К.Волкова[21], Л.Я.Гибианского[22], А.М.Филитова[23].

Различным аспектам политики эпохи «Холодной войны» посвящен ряд сборников и научных статей[24]. Хотя, до сих пор не стихают споры историков и публицистов о том, кто же все-таки виноват в возникновении «Холодной войны». Кое-кто и вовсе утверждает что «этой войны нужно и можно было избежать»[25]. Однако все же если задуматься, то ее не могло не быть. Со школьной скамьи советским детям вдалбливался постулат о том, что существуют «Два мира – две системы». На противопоставлении коммунистической системы и ее особых ценностей всему остальному миру зиждилась не только советская пропаганда. Это противопоставление было краеугольным камнем всего советского мироздания. Разумеется, весь остальной мир – «капиталистическая система» – изображался советской пропагандой как исключительно коварная в своей враждебности сила по отношению к «первой стране победившего социализма». Рудименты этой десятилетиями проводившейся пропаганды мы встречаем до сих пор и в массовом российском сознании и в откровениях нынешних российских руководителей, например:

---

[20] Naimark Norman, Gibianski Leonid (ed), *The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949*, Boulder (Colo.), 1997; *Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. "Демократическое интермеццо" с коммунистическим финалом. 1944–1948*. М. 2002.

[21] Волков В.К. *Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы.* М. 2000.

[22] Гибианский Л.Я. *СССР, Восточная Европа и формирование советского блока.* // *Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. "Демократическое интермеццо" с коммунистическим финалом. 1944–1948*. М. 2002. С. 16–37.

[23] Филитов А.М. *Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение.* М. 1993; Филитов А.М. *Советский Союз и германский вопрос в период позднего сталинизма (к вопросу о генезисе «сталинской ноты» 10 марта 1952 года)* // *Сталин и холодная война* / под ред. А.О.Чубарьяна и др. М. 1997. С. 315–349.

[24] *Холодная война: Новые подходы, новые документы.* М. 1995.; *Сталин и холодная война.* М., 1998. С. 102–124; *Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы.* М. 1999; *Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сборник.* Ст. отв. редактор Н.И.Егорова, А.О.Чубарьян. М. 2003; Нежинский Л.Н., Челышев И.А. *О доктринальных основах советской политики в годы «холодной войны»* // *Отечественная история.* 1995. № 1. С.3–27; Серебрянников В. *Социально-политические аспекты «холодной войны» 1946–1990-х годов.* // *Диалог.* 2002. № 1. С. 52–61.

[25] Анатолий Уткин. *Стоит ли говорить «спасибо» старине Уинстону?* // *Московские Новости.* 2006. 7–13 апреля.

агрессоры они, а не мы; они только и ждут момента, чтоб нам насолить; мы должны быть сильны, ибо «слабых всегда бьют».

Помимо стран Восточной Европы в рассмотрение включена и советская зона оккупации Германии, где в октябре 1949 г. была образована Германская Демократическая Республика[26]. И здесь события развивались в полном соответствии с доктриной Сталина. Хотя, как уже отмечалось выше, первоначально он мечтал о контроле над всей Германией, которая должна была стать «советской» и «коммунистической»[27]. Однако в начале 1948 г. Сталин возвращается к реальности. Он понимает неизбежность раскола Германии и хочет зафиксировать советское присутствие: «Запад из западной Германии сделает свое, а мы из восточной Германии свое государство!»[28]. Таким образом, принципиальное решение о пристегивании востока Германии к советскому блоку было принято. Номинальная самостоятельность ГДР и ее дальнейшее включение в систему стран «народной демократии» теперь было делом времени, но не принципа[29]. Разница с другими странами блока заключалась лишь в том, что в Германии продолжала существовать советская система МГБ, хотя и она постепенно передавала свои функции госбезопасности ГДР. Этот контролируемый вывод из подчинения растянулся на период с 1949 по 1955 гг. В то же время в остальных странах Восточной Европы изначально были созданы свои собственные органы госбезопасности, которые через советских советников жестко подчинялись влиянию сталинского МГБ. Процесс

---

[26] Об истории политических и социальных преобразований в советской зоне оккупации см.: Loth W. *Stalins ungeliebtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte.* Berlin, 1994; Naimark N. *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation 1945–1949.* Cambridge, London. 1995. Naimark N. *Die Russen in Deutschland. Die Sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949.* – Berlin, 1997; Bonwetsch B. Borddjugov G. *Stalin und die SBZ: Ein Besuch der SED–Fuehrung in Moskau vom 30. Januar – 7. Februar 1947* // *Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte*. Jg.42 (1994), N 3. S. 279–303; Pike D. *The Politics of Culture in Soviet-Occupied Germany, 1945–1949.* – Stanford University Press, 1993; Foitzik J. *Inventar der Befehle des Obersten Chefs der Sowjetischen Militäradministration in Deutschland (SMAD) 1945–1949.* Offene Serie. Hrsg. vom Institut für Zeitgeschichte. – München; London; Paris, 1995; Foitzik J. *Befehls-und Kommunikationsstruktur der Sowjetischen Militäradministration in Deutschland* // In: Schönhoven K., Staritz D. *Sozialismus und Kommunismus im Wandel. Hermann Weber zum 65. Geburtstag.* – Köln, 1993.

[27] Джилас М. *Лицо тоталитаризма.* М. 1992. С. 110.

[28] Там же.

[29] См. изданные в последнее время сборники документов о политике Сталина в отношении восточной Германии: *СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945 – 1949. (Сборник документов).* Под ред. Б.Бонвеча, Г.Бордюгова, Н.Неймарка. М. 1994. – С. 4; *СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. (Die UdSSR und die deutsche Frage. 1941–1949: Dokumente aus dem Archiv fuer Aussenpolitik der Russischen Foederation).* В 3-х томах. Т. 2: 9 мая 1945 г. – 3 октября 1946 г. /

налаживания полного контроля и подчинения шел очень быстро и к 1951–1952 гг. был завершен. Методами влияния и контроля стали: регулирование кадрового пополнения, учеба кадров в СССР, наличие советнического аппарата из СССР, методические рекомендации по организации работы и структуры. Причем копировались советские принципы в организации работы и конструировании системы госбезопасности стран-сателлитов (см. 5-ю главу).

Механизму советизации стран Восточной Европы посвящены и отдельные публикации, и научные сборники документов[30]. Работе советских советников по линии госбезопасности серьезное научное внимание стало уделяться только в последнее время, когда стали более или менее доступны закрытые ранее партийные архивы[31]. Хотя список общий этих публикаций невелик. Сведения о кадровом составе аппаратов советских советников МГБ–КГБ в странах Восточной Европы в открытых источниках почти отсутствуют. Единственное исключение – юбилейный биографический сборник, подготовленный Российской службой внешней разведки в 1995 г.[32]

Участию советских советников МГБ в подготовке конкретных показательных судебных процессов в странах Восточной Европы в 1949–1952 гг. посвящен ряд работ, и, в частности, делам Ласло Райка, Трайчо Костова и Рудольфа Сланского[33].

Вместе с тем, в большинстве российских архивов доступ исследователей к материалам, касающимся послевоенной внешнеполитической активности Кремля, и, особенно содержащим сведения о репрессиях со стороны советской

Сост. Г.П.Кынин и Й.Лауфер. М. Международные отношения. 2000; Т. 3. 6 октября 1936 г. – 15 июня 1948 г. / Сост. Г.П.Кынин и Й.Лауфер. М. Международные отношения. 2003.

[30] *Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы.* М. 1998. (См. также материалы совещания, публиковавшиеся по горячим следам: *Совещание Информационного бюро коммунистических партий.* М. 1949); воспоминания Ракоши см.: *«Людям свойственно ошибаться».* Публикаторы А.В.Коротков, В.Т.Середа, А.Д.Чернев, А.А.Чернобаев. // *Исторический архив.* 1997. № 3; *Советский Союз и венгерский кризис 1956 года.* М. 1998; *Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953.* Москва–Новосибирск. 1997. Т. 1. 1998. Т. 2.

[31] Носкова А.Ф. *Московские советники в странах Восточной Европы (1945–1953 гг.).* // *Вопросы Истории.* 1998. № 1. С. 104–113.; Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. *Советское руководство и политические процессы Т.Костова и Л.Райка.* // *Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы.* М. 1999. С. 23–35.

[32] *Ветераны внешней разведки СССР.* М. 1995.

[33] Punkosti A. *Rakosi a csucson. 1948–1953.* Budapest, 1996; Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. *Советское руководство и политические процессы Т.Костова и Л.Райка.* // *Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы.* М. 1999. С. 23–35; Желицки Б.Й. *Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г.* // *Новая и новейшая история.* 2001. № 2. С. 125–138, № 3. С. 166–186.

госбезопасности против граждан стран Восточной и Центральной Европы, в настоящее время предельно затруднен. Следствием этого является явная малочисленность публикаций, в которых целенаправленно бы исследовался именно «чекистский аспект» сталинской советизации стран Центральной и Восточной Европы. Исключение, составляет недавно вышедший коллективный труд российских историков, в котором впервые этот вопрос исследуется более или менее подробно[34]. Пожалуй, это наиболее обстоятельная работа, в которой говорится о деятельности советских советников. Хотя при этом авторы изучили лишь материалы Архива Президента РФ и не использовали архивы ФСБ. Кроме того, в указанной книге не говорится о важном периоде с 1945–1948 гг., когда курс на советизацию был скрыт под демагогическим лозунгом «демократизации» и первостепенную роль играли тайные методы и подрывные акции проводимые руками московских представителей.

Немаловажно отметить и то, что политический климат современной России не способствует проведению исторических изысканий о былой экспансионистской политике Кремля. Сегодня в России вновь принято замалчивать «трудные» вопросы недавнего прошлого. И история о том, как странам Центральной и Восточной Европы давлением и силой была навязана советская модель политического и экономического устройства, совершенно не вписывается в принятую ныне большинством российских политиков концепцию «обоюдной ответственности» за выбор курса. То есть, часть вины за произошедшее возлагается на жертву советизации. Лучшей иллюстрацией и подтверждением этого является тот факт, что в последние 3–4 года в российских научных институтах готовились диссертации по самому широкому спектру тем, о чем угодно. От политического терроризма до роли России в глобальной политике, даже гражданская война в Сьерра-Леоне не была обойдена вниманием. Но не было защищено ни одной диссертации по темам связанным с послевоенным политическим присутствием СССР в Восточной Европе и, уж тем более о советских репрессиях в этих странах[35].

В изданных недавно очерках об истории российской разведки «трудные вопросы» истории либо обходятся стороной и замалчиваются, либо попросту

[34] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. *Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории.* М. 2002.

фальсифицируются. В этом смысле неплохой иллюстрацией может служить короткая глава с красноречивым названием: «В семье дружественных разведок», где речь идет о взаимодействии разведок стран «народной демократии» с внешнеполитической разведкой СССР. Здесь ни слова не говорится о громких политических судебных процессах подготовленных советскими советниками МГБ и делается, хотя и голословная попытка опровергнуть очевидные факты их участия в произволе, творимом местной госбезопасностью[36]. А в другой главе этой книги посвященной Югославии безапелляционно утверждается, что «в целом вся работа советских разведчиков в Югославии в послевоенный период была направлена прежде всего на оказание содействия югославским спецслужбам без вмешательства в их дела»[37]. Между тем, сами кремлевские руководители признавали, что в то время работники советской разведки вели себя в Югославии «действительно провокационно»[38] (см. подробнее 5 главу).

В предпринятом исследовании изучение архивных источников играет важнейшую, если не сказать, первостепенную роль. И таким образом, стоит на первом месте по сравнению с анализом современной исторической литературы по настоящей теме. Это связано с тем, что многие архивные материалы, способные пролить свет на историю проблемы, как уже говорилось, до сих пор остаются недоступны исследователям.

Лишь в очень короткий период в 1991–1995 гг. автору удалось видеть эти документы и изучать их. Поэтому, важным представляется, прежде всего, познакомить историков с этими уникальными документами. Особенно это касается практически неизученного вопроса о серьезном недовольстве Сталина работой советской госбезопасности и устроенной им в 1951–1953 годах чистке в МГБ. До сих пор в исторической литературе нет внятных объяснений, почему Сталин организовал новую волну арестов чекистской верхушки. Тем не менее, вполне очевидна прямая связь между сталинскими инициативами, как в странах «народной демократии» по проведению реформ в сфере управления госбезопасностью и чистке правящей верхушки и аппарата безопасности, так и

---

[35] Каталог диссертаций: http://www.aspirantura.com
[36] *Очерки истории российской внешней разведки: 1945–1965 годы.* Т. 5. М. 2003. С. 445.
[37] Там же, С. 309.
[38] По крайней мере, именно так выразился Н.С.Хрущев на июльском (1955) пленуме ЦК КПСС (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 143. Л. 131).

в СССР, где Сталин также решил подвергнуть серьезной чистке и реорганизации органы МГБ. Самое любопытное заключается в том, что в ходе сталинской чистки МГБ в 1951 году были арестованы многие из тех, кто оказывал содействие в качестве советников МГБ при подготовке показательных процессов в странах Восточного блока. Одной из причин стала их осведомленность о «тайных методах советизации» – фальсификации выборов, репрессиях против политических противников и компрометация и устранение тех руководителей стран-сателлитов, кто не разделял сталинских идеологических установок или колебался при проведении «жесткого курса».

В настоящем исследовании помимо упомянутой выше научной литературы, в основном использовались архивные источники. Были изучены фонды Архива Президента Российской Федерации (АП РФ), Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского архива документов новейшей истории (РГАНИ), Центрального архива Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ), Российского государственного военного архива (РГВА). Большинство использованных в тексте документов впервые вводится в научный оборот.

В **1-й и 2-й главах** рассказывается о становлении немецкого варианта социализма в восточной зоне оккупации Германии. Речь идет об общих проблемах и закономерностях и о сталинских предначертаниях и конкретных рецептах в деле политического переустройства. Впервые внимание привлечено к таким проблемам, как формирование органов немецкого самоуправления под контролем и с помощью НКВД. С использованием новых документов яснее становятся механизмы подчинения Москве правящей элиты Восточной Германии и рычаги воздействия на нее. Причем в главе 2-й исследуются конкретные приемы советской репрессивной политики, способы подавления сопротивления и особенности отправления правосудия в советской зоне оккупации Германии. Здесь впервые детально и с опорой на документы исследуется вопрос об организации собственной немецкой тайной полиции.

В **главе 3-й** изложена история фальсификации результатов референдума и выборов в Польский сейм в 1946–1947 годах в контексте усилий советской и польской госбезопасности по изоляции политических противников. До сих пор

в научной литературе факт фальсификации советским МГБ результатов волеизъявления поляков не был достаточно изучен.

В **главах 4-й и 5-й** на примерах Венгрии, Болгарии и Чехословакии достоверно и детально изучен механизм принятия решений об арестах руководящих деятелей стран «Восточного блока» и подоплека этих репрессий. Кроме того, впервые с привлечением большого количества архивных документов советского МГБ, в деталях показаны тайные стороны подготовки громких политических шпионских процессов в этих странах.

Наконец, в **главе 6-й** речь идет о самых малоисследованных последних годах сталинского правления. До сих пор практически отсутствуют научные публикации, посвященные затеянной Сталиным кампании кадровой чистки и политических арестов в аппарате МГБ СССР в 1951–1953 гг. При этом совершенно нет недостатка в публицистической литературе на эту тему. Отдельные историки не только снимают ответственность со Сталина, но и договариваются до того, что Сталин, чуть ли не с февраля 1951 г., был отстранен от власти[39]. Об аресте Абакумова и других руководителей МГБ писалось немало, но версии событий выстраиваемые публицистами (и о масштабах арестов, и об их причинах и о конечных целях Сталина) не выдерживают «проверки фактами». На строго документальной основе, с привлечением ранее совершенно неизвестных архивных источников в главе исследуется ход и механизм сталинской чистки МГБ, ее цели и персональная роль Сталина как организатора и вдохновителя нового витка репрессий.

[39] Жуков Ю.Н. *Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков.* М. 2000. С. 545.

Глава 1. Советская Военная Администрация и процесс советизации Восточной Германии.

На заключительном этапе войны «вместе с Красной Армией за пределы Советского Союза стала выходить его политическая система»[1], что означало приход к власти в освобождаемых от гитлеровской оккупации странах коммунистических партий и руководимых ими политических блоков. Двигавшиеся вслед за войсками Красной Армии советские карательные органы НКВД, НКГБ и СМЕРШ, были призваны подавить любое сопротивление насаждаемой Кремлем власти и проводили широкие репрессии против «нежелательных элементов». Применение насилия в деле общественного переустройства находилось в полном соответствии с доктриной и политической практикой коммунистического движения.

Не стала исключением и Советская зона оккупации Германии. Здесь с первых же дней Советского присутствия проводились аресты и расстрелы т.н. «фашистских» и «враждебных» элементов. Широко практиковались интернирование и вывоз гражданского населения на принудительные работы в СССР, а на месте нацистских были открыты спецлагеря НКВД.[2] На этом фоне Советской военной администрации было проще готовить и проводить социальные преобразования и насаждать политическую систему советского образца. После таких «шоковых» методов, немцы любую нормализацию, даже с коммунистической подкладкой, должны были воспринимать с облегчением.

В последнее десятилетие значительно возросло количество публикаций документов и научных статей, посвященных послевоенному периоду в истории Германии и в их числе об организации под контролем СВАГ немецких административных органов – органов самоуправления и подчиненных им полиции, суда и прокуратуры. Наиболее крупными и обобщающими

[1] Волков В.К. *Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы.* М. 2000. С. 75.

[2] О различных аспектах советской карательной политики в послевоенной Германии см.: *Sowjetische Straflager in Deutschland 1945 bis 1950.* Berlin: Akademie Verl. 1998. Bd. 1–2. 1998; то же на русском языке: *Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т.II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сборник документов и статей.* М. 2001.

исследованиями стали труды В.Лота и Н.Неймарка.[3] Ряд исторических работ и публикаций затрагивает проблему становления Восточногерманской государственности в контексте разделенной Германии. Здесь особо стоит выделить исследования российских историков А.М.Филитова и В.К.Волкова базирующиеся на ранее недоступных архивных источниках.[4] Различные аспекты развития послевоенной Германии рассматриваются в работах Б.Бонвеча, Д.Пайка, Я.Фойтцика и других историков.[5]

Открывшийся в 1990-е годы доступ к архивным материалам СВАГ хранящимся в ГАРФ сделал возможным подготовку и издание ряда серьезных книг посвященных истории СВАГ и деятельности ее структурных подразделений.[6] Хотя до сих пор не доступна вся документация и существует ряд надуманных и противозаконных ограничений, например, из общего количества дел комендантской службы – 62 дел (Ф.7317 Оп.9) на сегодняшний момент 44 остаются на секретном хранении, то есть около 70%. А ведь именно донесения военных комендатур, сосредоточенные в делах этой описи являются важнейшим источником информации о начальном этапе формирования органов немецкого самоуправления в апреле – июле 1945 г.

---

[3] Loth W. *Stalins ungeliebtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte.* Berlin, 1994; Naimark N. *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation 1945–1949.* Cambridge, London. 1995. Naimark N. *Die Russen in Deutschland. Die Sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949.* Berlin, 1997.

[4] Филитов А.М. *Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение.* М. 1993; Филитов А.М. *Советский Союз и германский вопрос в период позднего сталинизма (к вопросу о генезисе «сталинской ноты» 10 марта 1952 года) // Сталин и холодная война /* под ред. А.О.Чубарьяна и др. М. 1997. С. 315–349; Волков В.К. *Германский вопрос глазами Сталина (1947–1952) // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго–Восточной Европы.* М. 2000. С. 118–151.

[5] Bonwetsch B., Bordjugov G. *Stalin und die SBZ: Ein Besuch der SED–Fuehrung in Moskau vom 30. Januar – 7. Februar 1947 // Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte.* Jg.42 (1994), N 3. S. 279–303; Pike D. *The Politics of Culture in Soviet–Occupied Germany, 1945–1949.* Stanford, 1993; Foitzik J. *Inventar der Befehle des Obersten Chefs der Sowjetischen Militäradministration in Deutschland (SMAD) 1945–1949.* Offene Serie. Hrsg. vom Institut für Zeitgeschichte. München, London, Paris, 1995; Foitzik J. *Befehls– und Kommunikationsstruktur der Sowjetischen Militäradministration in Deutschland* // In: Schönhoven K., Staritz D. *Sozialismus und Kommunismus im Wandel.* Hermann Weber zum 65. Geburtstag. Köln, 1993.

[6] Foitzik J. *Sowjetische Militaeradministration in Deutschland (SMAD): 1945–1949; Struktur und Funktion.* Berlin, 1999; *SBZ–Handbuch. Staatliche Verwaltungen, Parteien, gesellschaftliche Organisationen und ihre Führungskräfte in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands 1945–1949.* Hrsg. von Martin Broszat und Hermann Weber. München, 1993; Филипповых Д.Н. *Советская военная администрация в Германии: военно–политический аспект деятельности (1945–1949 гг.).* М. Военный университет. 1995. С. 24; *Материалы по истории Советской военной администрации в Германии в 1945–1949 гг.* Авторы – В.В.Захаров, Д.Н.Филипповых, М.Хайнеман. Под ред. А.В.Окорокова. Выпуск 1. М. 1999; Выпуск 2. М. 1999.

Не меньший интерес для истории возникновения и начального этапа деятельности органов немецкого самоуправления представляют и опубликованные в разное время мемуары советских военачальников, партийных и государственных функционеров, работавших в послевоенное время в аппарате СВАГ.[7] К недостаткам такого рода источников следует отнести присущий им, порой, субъективизм, а также ряд умолчаний и перегруженность советской идеологией, что особенно заметно в мемуаристике, опубликованной до 1991 г.

В последние годы появились и сборники важнейших документов и материалов о политической борьбе в Советской зоне и усилиях Москвы по насаждению коммунистических порядков.[8] Тем не менее, до сих пор не было серьезных публикаций документов специально посвященных истории организации и деятельности органов немецкой администрации в Советской зоне оккупации. Хотя, отдельные и порой достаточно важные документы по этому вопросу публиковались в различных сборниках документов о Второй мировой войне и послевоенной политике в Европе.[9]

Формирование органов немецкого самоуправления.

Как только Красная Армия перешла границы Германии, перед советским командованием встал вопрос об установлении контроля на занятых территориях и управлении ими. Эта проблема возникла уже в октябре 1944 г. при вступлении

---

[7] Приведем наиболее заметные: Абызов В. *Берлин, весна, год 1945-й* // Юность. 1968. № 5; Чуйков В.И. *Конец третьего рейха.* М. 1975; Боков Ф.Е. *Весна победы.* М. 1979; Горбатов А.В. *Годы и войны.* М. 1980; Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления.* Т. 3. М. 1990; Коваль К.И. *Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне.* М. 1997; Колесниченко И.С. *Битва после войны.* М. 1987; Семиряга М.И. *Как мы управляли Германией.* М. 1995; Nikitin P.I. *Zwischen Dogma und gesundem Menschenverstand: Wie ich die Universitaeten der deutschen Besatzungszone "sowjetisierte"; Errinerungen des Sektorenleiters Hochschulen und Wissenschaft der Sowjetischen Militaeradministration in Deutschland.* Berlin, 1997; Semjonow W.S. *Von Stalin bis Gorbatschow.* Berlin 1995; Tjulpanov S.I. *Deutschland nach dem Kriege (1945–1949).* Berlin (Ost), 1986.

[8] *СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949. (Сборник документов).* Под ред. Б.Бонвеча, Г.Бордюгова, Н.Неймарка. М. 1994. С. 4; *СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. (Die UdSSR und die deutsche Frage. 1941 – 1949: Dokumente aus dem Archiv fuer Aussenpolitik der Russischen Foederation).* В 3-х томах. Т. 2: 9 мая 1945 г. – 3 октября 1946 г. / Сост. Г.П.Кынин и Й.Лауфер. М. 2000; Т. 3. 6 октября 1936 г. – 15 июня 1948 г. / Сост. Г.П.Кынин и Й.Лауфер. М. 2003.

[9] Так, важнейшая директива Сталина от 20 апреля 1945 г. об отношении к немецкому населению и формированию немецкой администрации на местах была опубликована в сборнике *Русский архив. Великая отечественная. Т. 4 (5). Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). Документы и материалы.* М. 1995. С. 220.

в Восточную Пруссию. И хотя формально будущий статус этих земель еще не был определен, Сталин их рассматривал как военную добычу, намереваясь отторгнуть в пользу СССР. В Восточной Пруссии даже не делалось никаких попыток создавать какое-либо подобие немецкого гражданского самоуправления, там действовали только военные комендатуры[10]. Свое первое указание о создании немецкой администрации на территориях занятых Красной Армией Сталин дал лишь 20 апреля 1945 г.[11] определив, заодно, и будущие восточные границы Германии – по линии Одер–Нейсе[12]. После окончания войны, на Берлинской конференции трех союзных держав, при обсуждении вопроса о границах Германии, Сталин категорически заявил: «Если в Кенигсберге появится немецкая администрация, мы ее прогоним, обязательно прогоним».[13]

Тотчас же после приказа Сталина, для сбора информации и оказания помощи по организации управления на территории Германии в распоряжение командующих 1 и 2 Белорусских и 1 Украинского фронтов были направлены специальные группы советских работников, возглавляемые чиновниками НКИД (так, на 1 Белорусский фронт 25 апреля 1945 г. был направлен заведующий 3 Европейским отделом НКИД А.А.Смирнов)[14]. Однако им пришлось столкнуться с сопротивлением Уполномоченных НКВД по фронтам, которые рассматривали свои функции шире, чем просто «очистка» тыла от «враждебных элементов»[15].

---

[10] Разделение Восточной Пруссии на две части, одна из которых отходила Польше, а вторая включалась в границы СССР было осуществлено постановлением ГКО № 7558сс от 20 февраля 1945 г. См.: *Из Варшавы. Москва, товарищу Берия…: Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг.* Москва–Новосибирск. 2001. С. 359.

[11] На основе указания Сталина 23 апреля 1945 г. был выпущен приказ № 5 по войскам 1–го Белорусского фронта который был отпечатан в виде плаката с текстом на русском и немецком языках и вывешен в населенных пунктах Германии. В этом приказе говорилось о том, что вся полнота власти сосредотачивается в советских военных комендатурах и устанавливались правила поведения для населения (соблюдение комендантского часа, сдача оружия, регистрация и т.п.), а в пункте 3 приказа сообщалось о том, что военные коменданты формируют органы исполнительной власти и назначают бургомистров и старост «из числа местных жителей» (РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 104. Л. 164–б).

[12] РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 100. Л. 296–296-об.

[13] *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. 17 июля – 2 августа 1945 г.* М. 1984. С. 57.

[14] *СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации.* Т. 2: 9 мая 1945 г. – 3 октября 1946 г. / Сост. Г.П.Кынин и Й.Лауфер. М. 2000. С. 15.

[15] Институт Уполномоченных НКВД при фронтах был учрежден приказом НКВД СССР № 0016 от 11 января 1945 г. (См.: *Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т.II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сборник документов и статей.* – М. 2001. С. 11–14). Инициатива Берии не противоречила уже сложившейся практике, когда руководство военными комендатурами создаваемыми на территории занятой Красной

Отвечавший за их работу – народный комиссар внутренних дел Л.П.Берия перехватил инициативу у ведомства иностранных дел и уже 22 апреля 1945 г. направил Сталину докладную записку с предложением ввести при командующих фронтами «заместителей по управлению гражданскими делами» наделив их полномочиями «осуществлять наблюдение за работой местных немецких учреждений и контроль за проведением ими в жизнь распоряжений Советского военного командования»[16].

И Уполномоченные НКВД по фронтам, действовавшим в Германии, тут же приступили к выполнению директивы Сталина о формировании немецких органов власти на местах. Согласно сообщению И.А.Серова (Уполномоченный НКВД при 1 Белорусском фронте) на имя Л.П.Берии от 24 апреля 1945 г. в Берлине была проведена подготовительная работа по организации управления городом на районном уровне[17]. Были опрошены немцы, которые могли бы исполнять обязанности бургомистров. Однако, к удивлению Серова, «никто не дал согласия на это, мотивируя разными второстепенными причинами. Видно, – писал он далее, – что они боятся последствий и не хотят идти на эту работу»[18]. Поразмыслив над ситуацией, Серов сообщал о своем решении: «для пользы дела целесообразно подобрать бургомистров из числа находящихся у нас в лагерях военнопленных жителей г. Берлина»[19].

Постановление ГКО № 8377сс о введении при командующих 1 Белорусским, 2 Белорусским и 1 Украинским фронтами должности заместителя командующего фронтом по делам гражданской администрации Сталин подписал 2 мая 1945 г. Этим постановлением заместителями командующих фронтов по делам гражданской администрации были, соответственно, назначены крупные чекисты И.А.Серов, Л.Ф.Цанава и П.Я.Мешик. Одновременно они оставались во главе аппаратов Уполномоченных НКВД при

Армией поручалось представителям НКВД. Например, в утвержденном 25 января 1945 г. командованием 2 Украинского фронта «Положении о военных комендатурах на территории Венгрии» четко говорилось: «военные коменданты подчиняются начальнику войск НКВД по охране фронта, последний руководство их служебной деятельностью осуществляет через отдел военных комендатур и отчитывается перед Военным Советом фронта». (РГВА. Ф. 32948. Оп. 1. Д. 21. Л. 55). Той же логике следовал Берия и в апреле 1945 г., поручив заботу о гражданской администрации в Германии своим людям.

[16] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 317–320.

[17] Это сообщение 25 апреля 1945 г. Л.П.Берия разослал в ГКО Сталину, в ЦК ВКП(б) Маленкову, в Генштаб Антонову и в НКИД Вышинскому (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 304–307).

[18] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 306.

тех же фронтах. Теперь, помимо главной задачи – проведения репрессий, в их обязанности также входило осуществление контроля «за деятельностью германских местных органов власти, в том числе в области соблюдения общественного порядка и за выполнением этими органами всех распоряжений и заданий советского военного командования». Причем, как подчеркивалось в постановлении, этот контроль должен был непременно сопровождаться «необходимой работой по выявлению и изъятию на территории Германии, занятой частями Красной Армии, шпионов, диверсантов, террористов, сотрудников гитлеровских карательных органов, руководящих участников фашистских организаций и иного активного враждебного элемента», и для этого выделялись «оперативные группы»[20], игравшие роль тайной полиции и состоявшие из сотрудников НКВД–НКГБ и СМЕРШ, а для содержания арестованных ими немцев разрешалось создать в Германии «необходимое количество тюрем и лагерей».

Тем не менее, не было полной ясности в вопросе о том, как конкретно должна строиться немецкая администрации и на каких принципах она будет существовать. Так, Мешик 11 мая 1945 г. просил Берию дать «указание по вопросам, которые невозможно разрешить на месте» и сетовал на несогласованность действий заместителей командующих фронтами: «товарищи Серов, Цанава и я слабо связаны между собой. Я выезжал в Берлин и советовался с товарищем Серовым по вопросу структуры органов власти на территории Германии. Он согласился с моим предложением, но никакого общего документа о структуре мы не имеем»[21].

Мешик изложил свои соображения о структуре немецких органов управления, добавив, что «на всех трех фронтах структура органов власти должна быть одинаковой», а «работа всех трех заместителей командующих по управлению гражданскими делами должна быть централизована»[22]. Однако, для Мешика неясным оставался ряд вопросов: какие деньги пускать в оборот, как организовать торговлю, в какой степени должна быть допущена частная инициатива для восстановления легкой промышленности, как организовать

---

[19] Там же.

[20] До декабря 1945 г. они официально именовались оперативными группами НКВД СССР, а с декабря было решено именовать их «оперативными группами СВА», что, конечно же, никак не отразилось на их подчиненности (РГВА. Ф. 32921. Оп. 1. Д. 28. Л. 141).

[21] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 126. Л. 126.

сельское хозяйство, надо ли переселять в деревню людей, нужно ли использовать для восстановления села «рабочих или германских бюргеров и прочий нетрудовой элемент»? При этом сам он полагал, что «на первых порах следует поощрять и развивать частную торговлю. Однако, прямых указаний об этом мы не имеем»[23].

При штабе Эйзенхауэра, – сообщал Мешик, – есть специальное 5 управление (при армиях отделы, в полках – уполномоченные), которое занято организацией управления оккупированными германскими территориями, а для работы в этом управлении подобраны кадры из промышленников, финансистов, специалистов сельского хозяйства и все они окончили специальные школы. «Мы же, – товарищи Серов, Цанава и я имеем в своем распоряжении немногочисленный чекистский аппарат, который сможет обеспечить подбор людей в аппараты местного самоуправления и контрольные функции. Я думаю, – писал Мешик, – что этот аппарат обеспечит также работу по очистке территории от фашистских элементов»[24]. Конечно, Мешик хотел иметь у себя на 1 Украинском фронте тоже специальный аппарат советников или помощников и считал целесообразным подчинить себе отделы по руководству военными комендатурами фронта. До настоящего времени, – писал он, – всеми вопросами организации жизни в занятых областях занималось Политуправление фронта, «в результате нескольких встреч я понял, что оно и сейчас не хочет уступать эти функции кому бы то ни было»[25].

Здесь же Мешик сообщал о проведенных им организационных мероприятиях: «Аппарат уполномоченного НКВД СССР занят подбором бургомистров и других чинов местной администрации», а из числа работников НКВД в каждую военную комендатуру было назначено по одному человеку, который будет являться уполномоченным заместителя командующего фронтом по гражданским делам. «Для этой цели, – писал Мешик, – мною от СМЕРШ 1 Украинского фронта затребовано 100 человек»[26].

Не дожидаясь формального согласования планов по организации немецкого самоуправления в полосе всех трех фронтов действовавших в

---

[22] Там же.
[23] Там же. Л. 127.
[24] Там же. Л. 129.
[25] Там же. Л. 130.
[26] Там же. Л. 131.

Германии Мешик самостоятельно не только разработал соответствующие предложения, но и добился их утверждения Военным Советом 1 Украинского фронта[27].

Точно также и в полосе действия 2 Белорусского фронта, как сообщал Цанава, «из числа работников НКВД, НКГБ и СМЕРШ» в 26 городах и уездах были назначены «уполномоченные по организации немецкой администрации»[28]. Разумеется, эту работу они совмещали со своей основной должностью – начальника опергруппы НКВД по соответствующему городу или уезду. Об итогах работы «уполномоченных по организации немецкой администрации» Цанава сообщил в Москву Берии 1 июня 1945 г. специальной докладной запиской. В ней, в частности, говорилось:

> «В первых числах мая т.г. с назначенными уполномоченными проведено оперативное совещание, на котором изучено постановление Государственного Комитета Обороны и намечены мероприятия по его практическому осуществлению.
>
> На уполномоченных возложено руководство по созданию органов местной власти, а также изъятию вражеского элемента на территории Германии.
>
> Для проведения этой работы каждому уполномоченному, в зависимости от территории и численности населения, придана группа оперативных работников 5–8 человек, 1–2 роты войск НКВД и необходимое количество автотранспорта.
>
> Кроме этого, проведено совещание с военными комендантами городов и уездов с докладом об их задачах в практической реализации постановления Государственного Комитета Обороны по созданию органов гражданской администрации и контроля за их деятельностью в области выполнения заданий советского военного командования и соблюдения общественного порядка»[29].

В сообщении Цанавы довольно ясно и откровенно говорилось и о принципах подбора новых кадров:

> «Бургомистры уездов и городов, начальники полиции, прокуроры, судьи и сельские старосты подбирались и назначались из числа лояльно относящихся к нам местных жителей, пользующихся доверием населения, с учетом индивидуальных способностей обеспечить доверенную им работу.

[27] В своем письме к Берии 23 мая 1945 г. Мешик сообщал, что совместно с Политуправлением фронта им был разработан текст письма Военного Совета 1 Украинского фронта военным комендантам, уполномоченным заместителя командующего фронта по управлению гражданскими делами и заместителям военных комендантов по политической части со схемой организации немецких органов самоуправления, полиции, суда и прокуратуры. Этот документ 16 мая был подписан и разослан адресатам. (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 126. Л. 132–142).
[28] Там же. Д. 127. Л. 37.
[29] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 127. Л. 39–40.

До назначения на руководящую работу намеченные нами кандидатуры тщательно изучались, на каждого проверяемого заведено личное дело, в котором концентрируются все данные о нем»[30].

Всего, как сообщал Цанава, на части территории Германии, занимаемой войсками 2 Белорусского фронта были произведены назначения:

бургомистров уездов –	22
заместителей бургомистров уездов –	29
бургомистров городов –	73
заместителей бургомистров городов –	76
начальников полиции –	80
заместителей начальников полиции –	59
прокуроров –	28
судей –	37
сельских старост –	1816

По состоянию на 1 июня 1945 г., подводил итог Цанава, подбор и назначение работников органов гражданской администрации «полностью закончен»[31]. В то же время, обращает на себя внимание другая сторона деятельности Цанавы по «очистке тыла фронта от враждебных элементов», о которой он также отчитывался перед Берией. В докладной записке от 7 июня 1945 г. он писал о проведенных до 20 апреля 1945 г. арестах 19 «руководителей областных, окружных и уездных дум и управ» и 124 бургомистров[32], а в период с 20 апреля по 5 июня 1945 г. было арестовано еще 67 руководителей областных, городских и районных административных органов[33].

Понятно, что до прихода Красной Армии в городах и уездах имелась прежняя немецкая администрация. Но, в отличие от линии принятой союзниками – отстранять от работы в немецких административных органах только нацистов, в задачи аппаратов Уполномоченных НКВД по фронтам входила полная смена немецкого управленческого аппарата. И на практике это означало, что первоначально уполномоченные НКВД проводили тотальные аресты немецких руководителей всех уровней, а затем уже прилагали немалые усилия для подбора и назначения новых немецких кадров. Подобное совмещение обязанностей для руководителей оперативных групп НКВД весьма символично.

[30] Там же. Л. 41.
[31] Там же.
[32] Там же. Л. 77.
[33] Там же. Л. 81.

Итак, о проведенной работе по организации немецкого самоуправления заместители командующих фронтами по делам гражданской администрации Серов (1 Белорусский фронт), Цанава (2 Белорусский фронт) и Мешик (1 Украинский фронт) регулярно докладывали Берии в Москву, а тот, в свою очередь, направлял их донесения Сталину.

После организации 6 июня 1945 г. СВАГ контроль над органами немецкого самоуправления сосредоточился в руках Серова занявшего должности заместителя Главноначальствующего СВАГ по делам гражданской администрации и Уполномоченного НКВД в Германии. Мешик из Дрездена переместился в Центральную группу войск на должность уполномоченного НКВД при группе войск[34], а нарком госбезопасности Белоруссии Цанава отбыл по месту основной службы в Минск.

Решение сосредоточить в руках Уполномоченных НКВД все заботы по организации немецкой администрации предопределило в дальнейшем особую политическую роль советских органов НКВД–МГБ на территории Германии[35]. Не будучи подчиненными аппарату СВАГ, они с помощью, как прямых репрессивных, так и тайных методов (используя многочисленных агентов – немцев) оказывали влияние не только на первоначальную расстановку немецких кадров, но и их последующую работу[36]. Но помимо прочего, первоначальное совмещение должностей начальников опергрупп НКВД и заместителей военного коменданта по гражданским делам вызвало в дальнейшем серьезные трения между органами НКВД и военными комендатурами, когда заботы о немецких органах самоуправления были перепоручены последним.

---

[34] *Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т.II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сборник документов и статей.* – М. 2001. С. 27–28.

[35] Даже внутренние войска НКВД охранявшие тыл Красной Армии не остались в стороне. В качестве одной из задач стоявших перед войсками в 1945 г. указывалось: «обеспечение мероприятий командования Красной Армии по организации органов самоуправления на оккупированной территории» (РГВА. Ф. 38686. Оп. 1. Д. 25. Л. 17).

[36] Как отмечалось в справке «о состоянии агентурно-осведомительного аппарата» войск НКВД в Германии за май–август 1945 г. указания разрешившие вербовать немцев поступили в войска примерно 22 мая 1945 г., ранее органы НКВД использовали агентуру из числа советских граждан угнанных в Германию. После этого, как отмечалось в справке, была развернута работа по созданию агентуры «из немцев – бывшей партийной среды, лояльно расположенной к нам, пользующейся доверием и располагающей связями среди враждебного нам круга лиц» (РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 106. Л. 26–26-об). В рекомендациях НКВД говорилось о необходимости «практиковать насаждение широкой агентурно-осведомительной сети и создание института резидентов. Активно использовать в наших интересах новую гражданскую администрацию» (там же. Л. 27).

В материалах фондов СВАГ и УСВА земель можно видеть лишь вершину этого айсберга. Невидимыми остаются каждодневные усилия аппарата НКВД–МГБ по контролю кадров немецкой администрации и их деятельности. Между тем, рекомендации оперативных секторов МГБ были решающими для СВАГ при проведении кадровых назначений, чисток и увольнений немцев. Перед назначением руководителей немецкого самоуправления всегда проводилась проверка их кандидатур (даже если речь шла и о коммунистах) в органах НКВД–МГБ. Так, заместитель начальника СВА провинции Бранденбург В.М.Шаров 3 августа 1945 г. писал начальнику оперативного сектора НКВД той же провинции П.М.Фокину о представленных Президентом провинции кандидатурах на должности оберландратов окружных самоуправлений и просил сообщить «имеющийся на указанных лиц материал»[37]. Точно также Шаров запрашивал Фокина о кандидатурах на должности директора филиала Госбанка в Потсдаме и руководителя страхового хозяйства провинции[38]. Однако, лишь единичные документы, свидетельствующие об этой процедуре, сохранились в фондах СВАГ и УСВА земель, находящихся на хранении в ГАРФ. Основной массив подобной документации по-прежнему находится на хранении в ведомственном архиве ЦА ФСБ и совершенно недоступен исследователям.

В отличие от союзников, Красная Армия загодя готовила надежные и преданные немецкие кадры для дальнейшего использования на управленческой работе в Германии. Об этом, в частности свидетельствует записка руководителей отдела международной информации ЦК ВКП(б) Г.Димитрова и А.С.Панюшкина, направленная в марте 1945 г. секретарю ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкову, отвечавшему за работу с кадрами. В ней прямо говорилось о необходимости создания «органов содействия» Красной Армии на занятых немецких территориях и во главе этих органов «должны быть поставлены наиболее надежные и крепкие работники из числа немецких коммунистов»[39]. В записке назывались и конкретные кандидатуры будущих немецких руководителей и, среди них – Аккерман, Ульбрихт, Соботка, Матерн и др[40].

---

[37] ГАРФ. Ф. 7077. Оп. 1. Д. 28. Л. 13.
[38] Там же. Л. 11.
[39] *СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949. (Сборник документов).* Под ред. Б.Бонвеча, Г.Бордюгова, Н.Неймарка. М. 1994. С. 23.
[40] Там же.

Всю работу по подбору и подготовке кадров будущего немецкого самоуправления осуществляли Управление по антифашистской работе (7-е управление) Главного политуправления Красной Армии и 7-е отделы политуправлений фронтов. Уже в конце апреля – начале мая 1945 г. готовились кадры и составлялись характеристики на будущих бургомистров[41].

В конце апреля 1945 г. из Москвы в Германию «прибыли три представительные группы ЦК КПГ, работу которых координировала одна из них, а именно группа члена Политбюро ЦК КПГ В.Ульбрихта, известная как «Бюро Ульбрихта»[42]. В последующие дни в Германию прибывали группы по 100 человек и больше в каждой – немецких политических эмигрантов, антифашистов из военнопленных, деятелей Национального комитета «Свободная Германия», прошедших политическую подготовку в Советском Союзе[43].

Советская зона оккупации в Германии административно делилась на 2 федеральные земли: Саксония (центр – Дрезден) и Тюрингия (центр – Веймар) и 3 провинции Мекленбург (центр – Шверин), Бранденбург (центр – Потсдам) и Саксония (центр – Гале). В состав этих провинций и земель входили 18 округов, в которых было всего 135 районов. Отдельную административную единицу представлял собой советский сектор Берлина, состоявший из 8 районов[44].

Процесс формирования на местах новой немецкой власти и возникающие при этом проблемы нашли свое отражение и в «исторических справках» Управлений Советской Военной Администрации (УСВА) земель подготовленных в конце 1948 г. Однако, картина рисуемая этими документами не вполне достоверна. Мало того, что заслуга создания органов немецкой администрации приписывалась только военным комендатурам, так еще искажались и реальные события. Например, ситуация в Саксонии и Дрездене в справке была представлена как некий стихийный процесс:

> «Перед органами самоуправления после крушения и разгрома гитлеровской государственной машины были стихийно возникшие на местах антифашистские комитеты, которые немедленно после прекращения боевых действий приступали с помощью комендатур к наведению элементарного порядка в поселках и городах. Из состава

[41] ГАРФ. Ф. 7103. Оп. 1. Д. 72. Л. 335.
[42] Бурцев М.И. *Прозрение.* М. 1981. С. 315.
[43] Там же. С. 315–316.
[44] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 55. Л. 204.

этих антифашистских комитетов военные коменданты назначали бургомистров, занимавшихся, в первую очередь, совместно с комендатурами вопросами обеспечения населения продовольствием, налаживанием коммунального хозяйства. Вскоре в районах были назначены ландраты, объединившие все местные самоуправления в районах в целях улучшения управления, наведения порядка и лучшего снабжения населения».[45]

Между тем, достаточно вспомнить об усилиях уполномоченного НКВД по 1 Украинскому фронту П.Я.Мешика и его донесениях из Дрездена, чтобы соотнести роль и место НКВД и военных комендатур в этом деле и убедиться, кто же в действительности подбирал кандидатуры немецких управленцев и проверял их перед назначением на должности[46].

В Мекленбурге, в связи с тем, что первоначально ряд районов был занят союзниками, возникла другая, весьма характерная проблема:

«Несколько позднее (после ухода англо-американских войск) было произведено назначение бургомистров и ландратов в западных районах земли Мекленбург, причем здесь пришлось сменить большинство назначенных англичанами руководителей, поскольку последние были подобраны из реакционных и нацистских элементов.

Трудность, с которой встретились советские люди при создании немецкого управленческого аппарата, заключалась в том, что при вступлении наших войск в города не был заранее известен круг лиц из числа коммунистов и борцов против фашизма, на которых можно было бы сразу опереться. Большую помощь в подборе руководящих кадров для немецких органов самоуправления оказали офицеры 7-х отделений Политотделов Армий и 7 отдела Политуправления фронта. Подбор обер-бургомистров и ландратов производился, главным образом, за счет членов КПГ, немецких военнопленных, окончивших антифашистские школы в СССР, и немецких антифашистов, освобожденных советскими войсками из гитлеровских концентрационных лагерей.[47] Необходимо иметь также ввиду, что так как немецкие органы самоуправления создавались «на ходу», то было немало случаев, когда подбор руководителей этих органов производился поспешно и при поверхностном их изучении, а иногда после предъявления ими членских билетов КПГ. Это привело к тому, что в управленческом аппарате на руководящих должностях оказалось немало нацистов и проходимцев, которых впоследствии пришлось разоблачать и изгонять»… «Назначенный англичанами президент провинции Мекленбург Есс, а также целый ряд руководящих нацистских чиновников – англо-

[45] ГАРФ. Ф. 7212. Оп. 1. Д. 2. Л. 122–133.
[46] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 96. Л. 143–144.
[47] Эта практика сохранилась и позднее. В составе Политуправления ГСОВГ в 1946 г. продолжала действовать антифашистская школа, готовившая немецкие кадры управленцев и пропагандистов. (См.: ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 49. Д. 69. Л. 412). На август 1946 г. школу возглавлял майор Мартенс Вильгельм Людвигович.

американских ставленников – были сразу же отстранены от занимаемых постов»[48].

Довольно откровенно говорится о критериях отбора немцев на работу в самоуправлении в «исторической справке» УСВА земли Бранденбург: «Главным критерием при подборе руководящих кадров являлись, в первую очередь: антифашистско-демократические политические взгляды и лояльное отношение к Советскому Союзу»[49].

Тотальное недоверие к органам самоуправления учрежденным союзниками в тех районах, куда Красная Армия вступила позднее объяснялось не только противоположностью политических систем и взглядов на общественное устройство. Не имея под рукой заранее подготовленных немцев, союзники зачастую без волокиты и проверки проводили назначение в самоуправление лиц, которые объективно могли внушать подозрение. Такая ситуация сложилась в Саксонии-Ангальт:

> «Районы Саксонии были оккупированы американскими войсками. Содержащиеся в тюрьмах и лагерях Бухенвальд, Торгау и других заключенные освобождены американцами. Эти лагеря и тюрьмы были наводнены не только политическими, но и уголовными преступниками. Отъявленные бандиты, профессиональные жулики, крупные мошенники, подделыватели документов были выпущены вместе с политическими заключенными. При выходе из тюрем и лагерей весь этот сброд получил от американских властей документы о том, что они являются «жертвами фашизма» – политическими заключенными»[50].

Многие из них не только «потянулись» на работу в немецкие правительственные органы и создаваемую полицию, но и «чтобы закрепить свое положение они начали вступать в коммунистическую партию»[51]. Так, после ухода американцев во главе полиции г. Бернбург оказался Альфред Рик, «который выдавал себя за политического заключенного, а на самом деле был уголовным преступником. Он производил незаконные аресты, изъятие имущества, избивал арестованных»[52]. Любопытно, что руководствуясь ведомственными интересами, начальник оперативной группы НКВД в

[48] ГАРФ. Ф. 7103. Оп. 1. Д. 1. Л. 33–37, 40.
[49] ГАРФ. Ф. 7077. Оп. 1. Д. 1. Л. 168–194.
[50] ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3418. Л.4–5.
[51] Там же.
[52] Там же.

Бернбурге майор Ф.И.Судариков до последнего защищал Рика и его сослуживцев пытаясь сохранить столь «ценные кадры» на работе в полиции[53].

В южные районы Тюрингии Красная Армия также вступила в начале июля 1945 г. после ухода американских оккупационных войск. Как отмечалось в докладе инспектора Управления комендантской службы СВАГ: «население районов Тюрингского леса занимает выжидательную позицию по отношению к Красной Армии, высказывая мысль: «Американцы держали образцовый порядок, – посмотрим, что будут делать русские»»[54]. А представители местного самоуправления высказывали опасение, что назначение на руководящие должности коммунистов, вдруг появившихся в большом количестве неизвестно откуда, до добра не доведет. Например, ландрат района Мейнинген говорил представителю комендантской службы:

> «Мне кажется, что Вы делаете большую ошибку, что недостаточно включаете интеллигенцию Германии в работу, чем наводите беспокойство среди нее; не каждый тот коммунист, который теперь себя называет коммунистом, большинство из таких коммунистов не имеют никакого понятия об этом учении; это в значительной мере те люди, которые выброшены в прошлом из гитлеровских партий, как неспособные хозяйственники, либо политики, – теперь эти люди ищут пути в компартию и стараются возглавить жизнь. Такие люди наводят беспокойство в г. Целамелис, где замкнули предприятия, а промышленников заставили подметать улицы»[55].

Постановлением СНК СССР от 6 июня 1945 г. была создана Советская военная администрация в Германии (СВАГ)[56]. Сообщение об этом было опубликовано в центральных газетах с некоторым запозданием 14 июня[57]. Первый приказ Главноначальствующий СВАГ и Главнокомандующий ГСОВГ Г.К.Жуков подписал 9 июня, в нем он извещал о формировании СВАГ. Следующий приказ СВАГ № 2 разрешал существование нескольких политических партий и профсоюзов[58]. Однако политическая жизнь в Советской

---

[53] ГАРФ. Ф. 7133. Оп. 1. Д. 271. Л. 30–31-об.
[54] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 20. Л. 276.
[55] Там же.
[56] *Русский архив. Великая отечественная. Т. 4 (5). Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). Документы и материалы*. М. 1995. С. 408–410.
[57] *Правда.* 1945. 14 июня. Любопытно, что среди руководителей СВАГ в этой официальной публикации И.А.Серов, имевший специальное звание комиссара госбезопасности 2 ранга был стыдливо указан как генерал–полковник. В действительности это звание он получил месяцем позже 9 июля 1945 г. когда на сотрудников НКВД и НКГБ была распространена система персональных званий принятая в Красной Армии.
[58] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 8. Д. 1. Л. 2–3.

зоне началась раньше, В.Пик получил указание из Кремля о разрешении партий и профсоюзов уже 26 мая 1945 г.[59]

Приказом Главноначальствующего СВАГ и Главнокомандующего ГСОВГ № 5 от 9 июля 1945 г. «для управления провинциями и обеспечения контроля за работой местных органов самоуправления» были назначены начальники Советской военной администрации (СВА) земель и провинций и их заместители по гражданским делам[60]. Начальниками СВА (по территориальности) стали командующие войсками армий расположенных в соответствующих землях и провинциях:

Командующий 2 Гвардейской танковой армией, Маршал бронетанковых войск С.И.Богданов – СВА провинции Бранденбург;

Командующий 2 Ударной армией, генерал-полковник И.И.Федюнинский – СВА провинции Мекленбург;

Командующий 3 Ударной армией, генерал-полковник В.И.Кузнецов – СВА провинции Саксонии (Саксония-Ангальт);

Командующий 1 Гвардейской танковой армией, генерал-полковник М.Е.Катуков – СВА земли Саксонии;

Командующий 8 Гвардейской армией, генерал-полковник В.И.Чуйков – СВА земли Тюрингии.

Их заместителями по гражданским делам стали генерал-майоры В.М.Шаров (Бранденбург); М.И.Скосырев (Мекленбург), А.Г.Котиков (Саксония-Ангальт), Д.Г.Дубровский (Саксония), И.С.Колесниченко (Тюрингия). Исключение составила провинция Саксония-Ангальт, где наряду с должностью заместителя по гражданским делам была введена дополнительная должность 1-го заместителя начальника СВА. На нее был назначен генерал-лейтенант Ф.И.Перхорович – командующий 47 армией. Это можно объяснить тем, что маршал Г.К.Жуков, раз уж в Саксонии-Ангальт оказались дислоцированными сразу две армии, решил «по справедливости» не оставлять командующего другой армии без должности.

В этот же день 9 июля 1945 г. Главнокомандующий ГСОВГ Г.К.Жуков приказом № 029 утвердил «Временное положение о работе начальника СВА

[59] Согласно воспоминаниям Пика. См.: R.Badstubner…S.50. *СССР и Германский вопрос…* Т. 2 С. 721.
[60] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 8. Д. 1. Л. 8–10.

провинции или федеральной земли в Советской зоне оккупации и его заместителя по гражданским делам». В положении говорилось, что начальник СВА является «высшим представителем» Главнокомандующего СВАГ и «обладает всей полнотой оккупационной власти в пределах соответствующей провинции или федеральной земли». Основной целью деятельности СВА, говорилось далее, является «осуществление управления провинцией и контроль за деятельностью немецкого управления провинции и местного самоуправления». В пункте 6 положения был четко определен и служебный статус заместителей СВА по гражданским делам: «Заместитель Начальника Советской Военной Администрации по гражданским делам одновременно является и начальником Управления Советской Военной Администрации (УСВА – авт.) провинции или федеральной земли и в своей работе отчитывается перед заместителем Главноначальствующего Советской Военной Администрации в Германии»[61].

В конце 1946 г. начальники СВА провинций и земель сошли со сцены, а их заместители по гражданским делам – начальники УСВА стали играть главенствующую роль в своих провинциях и землях. Причина в том, что в декабре 1946 г. было принято решение о серьезном сокращении Советских войск в Германии и, соответственно о выводе ряда подразделений на территорию СССР. Таким образом, некоторые высокопоставленные военачальники покинули свои должности в Германии. Предстоящее серьезное сокращение Советских войск за границей находившийся на отдыхе Сталин обсуждал при его посещении Молотовым в октябре 1946 г. в Гаграх[62]. Через некоторое время, 23 октября 1946 г. Сталин сообщил Молотову в Москву о том,

[61] ГАРФ. Ф.7184. Оп.1. Д.2. Л.1–2. Начальники СВА земель и провинций ревниво следили за тем, чтобы их подчиненные не нарушали субординацию. Так, начальник СВА провинции Мекленбург и Западной Померании Федюнинский строго указал командиру 2–го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанту В.В.Крюкову (его корпус дислоцировался в Померании), который направил ему 4 августа 1945 г. не оригинал, а копию доклада о работе с бургомистрами и ландратами Штеттинского округа. Федюнинский напомнил, что он является начальником СВА и переписку с ним нужно вести «в подлиннике», пояснив это следующим образом: «Как заместитель начальника администрации провинции в Германии, Военному Совету Советской Военной Администрации в Германии – минуя меня писать у Вас нет оснований. Такое положение вносит дезорганизацию в работе т.к. у нас нет двух провинций – Мекленбургская и Западная Померания, а есть одна провинция, как указано в приказе Главноначальствующего № 5. Это провинция Мекленбург с включением в нее районов Западной Померании». (ГАРФ. Ф.7103. Оп.1. Д.5. Л.139.)

[62] В.М.Молотов собирался отправиться на Генеральную ассамблею ООН, где среди прочих должен был обсуждаться вопрос о сокращении вооружений и пребывании вооруженных сил

что он вызвал к себе Н.А.Булганина и А.М.Василевского и также обсудил с ними этот вопрос. В результате было решено сократить войска, дислоцированные за границей всего на 280 тыс. человек, из них в Германии на 200 тыс. (остальное сокращение провести в Румынии, Порт-Артуре и Корее). Вместо 450 тысячного военного контингента в Германии должно было остаться 250 тысяч человек[63]. Результатом стало обособление военно-бюрократического аппарата СВАГ на местах от армейского командования. И только высшем руководящем звене ГСОВГ совмещение армейских и административных должностей в СВАГ сохранялось. Так, Главноначальствующий СВАГ совмещал свою должность с командованием ГСОВГ, тогда как командующие армиями дислоцированными на территориях земель и провинций сосредоточились теперь исключительно на руководстве войсками.

С первых дней своего существования, в работе СВАГ наметилась определенная самостоятельность в принятии решений. В первой половине июля 1945 г. Главноначальствующий СВАГ Г.К.Жуков рассмотрел и утвердил кандидатуры президентов и вице-президентов земель и провинций в советской зоне[64]. Хотя, по видимому, не без участия НКИД[65] был подготовлен и выпущен другой приказ СВАГ – № 17 от 27 июля 1945 г. о создании Центральных немецких управлений. Разумеется, важнейшие должности в этих управлениях заняли члены КПГ[66].

Согласно распоряжению Управления комендантской службы (УКС) ГСОВГ[67] № 03290 от 9 июля 1945 г. военные коменданты должны были подготовить сведения о вверенных им районах и о составе и структуре органов немецкой администрации. В июле 1945 г. военные коменданты отчитывались перед управлением комендантской службы СВАГ об организации немецкой

союзников на территориях «невражеских государств». См.: Молотов В.М. *Вопросы внешней политики.* М. 1948. С. 246–344.

[63] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 101. Л. 129–130.

[64] Филипповых Д.Н. *Советская военная администрация в Германии: военно–политический аспект деятельности (1945–1949 гг.).* М. 1995. С. 24.

[65] По крайней мере, документы, которые показывали бы участие НКИД до сих пор в Архиве внешней политики РФ не выявлены. (См.: *СССР и германский вопрос. 1941–1949.* Сост. Кынин Г.П., Лауфер Й. Т. 2. М. 2000. С. 61).

[66] Там же.

[67] УКС ГСОВГ создано согласно директиве Генерального Штаба Красной Армии № ОРГ/6/9148 от 12 июня 1945 и приказу Главнокомандующего ГСОВГ № 09 от 18 июня 1945 г. Передано в Штаб СВАГ на основании постановления СНК СССР № 1326–301сс от 23 июля 1945 г. и приказа Главнокомандующего ГСОВГ № 050 от того же числа. См.: Захаров В.В., Филипповых

администрации на местах. Схема построения органов самоуправления не была однотипной, и порой созданные в различных местах городские управления (магистраты) заметно отличались друг от друга по структуре. Чаще всего структура магистрата выглядела примерно следующим образом. Так, в крупном городе Коттбус городской магистрат состоял из обербургомистра, 3-х бургомистров, 8-ми советников (по промышленности, торговле, финансам, здравоохранению, просвещению, соцобеспечению и по административным вопросам и кадрам), прокурора, судьи, командира полиции, начальника отдела полиции порядка, начальника отдела уголовной полиции и начальника пожарной команды. Всего 18 человек[68]. В мелких городах магистрат мог состоять из бургомистра, 5-ти советников и командира полиции[69]. Структура уездного управления была схожей с городской: начальник уезда, 8 советников, уездный врач, уездный ветврач, архитектор, начальник полиции[70]. В расположенных на территории уезда деревнях и селах были назначены старосты[71].

В 1945–1946 гг. сложилась следующая общая схема органов самоуправления. В провинциях и федеральных землях были созданы парламенты (лантаги) во главе с президентами,[72] в округах – магистраты (крайсраты) во главе с президентами, в районах – районные советы (ландраты) во главе с районными советниками (ландратами), в городах – бургомистраты во главе с бургомистрами, в отдельных населенных пунктах назначены старшины (старосты). В советском секторе Берлина и крупных городах были созданы магистраты во главе с обер-бургомистрами, а входившие в них административные районы, в свою очередь, возглавлялись бургомистрами.

Руководство и контроль над немецким самоуправлением возлагался на военные комендатуры соответствующего уровня. В тех случаях, когда построение немецких органов самоуправления выбивалось из привычной схемы, все несоответствия устранялись по требованиям военных комендантов. Например, 7 декабря 1945 г. военный комендант г. Магдебург обратил

Д.Н., Хайнеманн М. *Материалы по истории Советской военной администрации в Германии 1945–1949 гг.* Выпуск 2. М. 1999. С. 195.

[68] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 35. Л. 307.

[69] Там же. Л. 308.

[70] Там же. Л. 307–308.

[71] Там же. Л. 308.

внимание начальника УСВА провинции на то, что немецкое самоуправление городского уровня слито с самоуправлением Магдебургского округа и Президент округа Бер одновременно является и обербургомистром города. Так как президент округа согласовывал все свои действия, в том числе и касающиеся городских вопросов, с окружной военной комендатурой, военный комендант города почувствовал себя лишним. Ознакомившись с письмом военного коменданта, начальник УСВА А.Г.Котиков подготовил шифротелеграмму на имя начальника УВК Магдебургского округа следующего содержания: «Мне стало известно, что личная уния президента округа Бера распространилась на весь аппарат городского магистрата, обязанности городских и окружных чиновников совмещены. По существу окружного аппарата управления нет. Немедля пересмотрите органы гор. и окр. управления, разделите эти два аппарата и подберите гор. бургомистра. Помните, что это чревато большими политическими последствиями»[73].

Формально с 9 июля 1945 г. непосредственное руководство органами немецкого самоуправления в землях и провинциях и контроль за их деятельностью были переданы от руководимого И.А.Серовым аппарата НКВД к заместителям начальников СВА по гражданским делам, а в округах, городах, уездах и районах к военным комендантам. Тем не менее, вплоть до конца 1945 г. на местах нередки были «выяснения отношений» между военными комендантами и оперативными группами НКВД по вопросу о том, кто и какими немецкими органами руководит, кто в праве производить аресты и т.п. Порой эти распри принимали трагикомические формы. О ситуации «двоевластия» красноречиво свидетельствует фрагмент политдонесения заместителя военного коменданта по политической части города Засснитц от 20 июля 1945 г.: «Для меня пока остаются неясны вопросы по взаимоотношению с местными органами власти и опергруппы по гражданским делам[74]. Из беседы с пом. нач. опергруппы капитаном Ребровым я выясняю, что они назначают и снимают бургомистров, даже не ставя в известность коменданта данного города»[75]. Далее в политдонесении сообщалось, что попытки найти общий язык с

[72] После выборов в ландтаги, в декабре 1946 г. были сформированы правительства земель и провинций во главе которых стояли министры–президенты.
[73] ГАРФ. Ф. 7133. Оп. 1. Д. 271. Л. 134–135.
[74] Имеется ввиду опергруппа НКВД.
[75] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 35. Л. 500.

представителями НКВД, разграничить полномочия и обмениваться информацией не увенчались успехом: «я пытался эту связь установить, но мне нач. опер. группы ответил, что он стоит выше и не обязан каждого коменданта информировать»[76]. И такие случаи не были единичными. О том же писал 12 июля 1945 г. и заместитель военного коменданта по политчасти района Ратенов:

> «В своей работе я встретился с целым рядом ненормальностей которые творит старший оперуполномоченный группы СМЕРШ майор Ткач Иван Илларионович[77], прежде всего не знаю из каких источников он себя именует начальником НКВД района и во всеуслышанье заявляет, что я никому здесь не подчиняюсь, хотя даже нет абсолютно нужды об этом говорить, кроме того, что он арестовывает разного рода враждебных элементов, он стал на путь самоснабжения и растранжиривания государственного достояния…»[78].

В направленной 11 августа 1945 г. начальником УКС СВАГ С.Ф.Гороховым заместителю Главноначальствующего СВАГ И.А.Серову «Временной инструкции Военным Комендантам в Советской зоне оккупации Германии»[79] четко разграничивались обязанности военной администрации и НКВД в отношении задержанных немцев: «Военные коменданты обязаны передавать местной полиции всех уголовных преступников и других нарушителей общественного порядка немецкой национальности для принятия соответствующих мер воздействия. Лиц уличенных в контрреволюционных преступлениях передавать в опергруппы НКВД»[80].

А между тем, арестами немцев продолжали заниматься все кому не лень. Начальник отдела комендантской службы СВА провинции Саксония Мухин 25 августа 1945 г. с возмущением писал начальнику штаба 47 армии о том, что 9 и 10 августа в г. Виттенберг и других населенных пунктах этого района военнослужащие армии «произвели аресты рядовых членов фашистской

---

[76] Там же. Л. 501-об.
[77] Так в документе. Правильно – Ткач Иван Родионович.
[78] Там же. Л. 189.
[79] В аппарате И.А.Серова проект «Временной инструкции» зарегистрирован 8 сентября 1945 г. Ознакомившись с ним, Серов наложил резолюцию: «Подкорректировать и можно издать». (ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 21. Л. 190.). Помимо Серова, проект также был разослан в УСВА земель и провинций и некоторые отраслевые управления СВАГ для рассмотрения и отзыва. 28 сентября 1945 г. исправленный проект инструкции был направлен Главноначальствующему СВАГ Г.К.Жукову (зарегистрирован в секретариате Главноначальствующего 10 октября). Рассмотрев его, Жуков наложил резолюцию: «т. Соколовскому. Переработанный проект. Прежде чем утвердить прошу доложить мне». (ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 22. Л. 437).
[80] Фраза, начинающаяся словами «Лиц уличенных…» была вписана от руки и, вероятнее всего являлась результатом согласования проекта с И.А.Серовым (ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 21. Л. 166).

партии, грабя у них часы, радиоприемники и другие вещи», причем «все указанные действия производились без ведома комендатуры»[81]. В некоторых провинциях, например в Мекленбурге, начальник УСВА М.И.Скосырев и начальник оперативного сектора НКВД В.В.Губин 20 октября 1945 г. вынуждены были дать на места совместную директиву об установлении «нормальных» взаимоотношений между комендантской службой и начальниками оперативных групп НКВД округов и уездов, в которой строго потребовали «установить деловой контакт в работе»[82]. В декабре 1945 г. в разработанную Управлением комендантской службы типовую форму отчета-доклада для военных комендатур был включен специальный пункт, в котором требовалось отразить: «взаимоотношение военных комендантов с органами прокуратуры, СМЕРШ и опергруппами НКВД, показать реальную помощь со стороны этих органов»[83].

В конце концов, между НКВД и органами СВАГ сложилось распределение обязанностей по руководству и надзору за деятельностью немецких административных органов. Номинальный контроль за работой немецкой полиции и подбором ее кадров был поручен сформированным в августе 1945 г. секторам внутренних дел УСВА провинций и земель[84]. Органы немецкого суда и прокуратуры контролировал правовой отдел СВАГ и УСВА, а контроль за деятельностью органов самоуправления осуществляли, специально выделенные для этого, работники отделов пропаганды (информации)[85] УСВА и, непосредственно, военные коменданты на местах[86].

Согласно директиве Управления информации СВАГ от 30 августа 1947 г. при отделах информации земель были созданы «отделения по контролю над деятельностью немецких органов самоуправления». Летом 1948 г. для

[81] ГАРФ. Ф. 7133. Оп. 1. Д. 115. Л. 49.
[82] ГАРФ. Ф. 7103. Оп. 1. Д. 9. Л. 76–78.
[83] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 23. Л. 171.
[84] При этом за «оперативное руководство» немецкой полицией и негласный контроль ее деятельности (вербовка в рядах полиции агентов), по–прежнему отвечали органы НКВД – оперативные секторы провинций и земель и оперативные группы НКВД на местах.
[85] С мая 1947 г. отделы пропаганды УСВА земель и провинций переименованы в отделы информации.
[86] В разосланном 3 августа 1945 г. для руководства «Положении об отделах комендантской службы провинций и земель» в штате отдела комендантской службы УСВА значилось отделение по гражданским делам. О его задачах было сказано: «Отделение по гражданским делам при отделах комендантской службы СВА провинций и окружных управлениях свою работу организует по двум направлениям: а) проверка подбора органов местной немецкой

руководства и контроля за деятельностью немецких органов самоуправления были созданы отделы гражданской администрации СВАГ и УСВА земель[87].

Эти новые отделы, тем не менее, руководствовались старыми установками и приемами, опробованными еще в 1945 г. О том, насколько реальна была власть немецкого самоуправления в 1949 г. можно судить по одной курьезной цитате из документа отдела гражданской администрации УСВА Саксония-Ангальт:

> «Серьезным тормозом в укреплении дисциплины среди бургомистров, обер-бургомистров, ландратов и всех служащих управленческого аппарата, тормозом в создании действительно единой, цельной системы органов власти снизу доверху является широкое распространение среди работников органов управления, в том числе и членов СЕПГ, старой и вредной в настоящее время «теории» о том, что местные органы управления являются органами «самоуправления»[88].

Вместе с тем, выполнявшие функции политической полиции в советской зоне оперативные секторы НКВД–МВД провинций и земель и их органы на местах – оперативные группы округов, городов и уездов (а с ноября 1946 г. – оперативные секторы МГБ провинций и земель и окружные, городские и уездные отделы МГБ) в оперативном отношении главенствовали над немецкой криминальной полицией. Они продолжали не только руководить ее органами, но и привлекали силы полиции для выполнения своих заданий по проведению арестов немецких граждан. Согласно записям начальника отдела полиции Саксонии-Ангальт за 1946 г. немецкой полицией в провинции было арестовано 10179 чел. «для управления УСВА», или, как между собой говорили немцы «для русского НКВД»[89].

Аппарат советской госбезопасности в Германии не был подчинен СВАГ, он напрямую подчинялся министерству госбезопасности и министру В.С.Абакумову в Москве. При этом, аппарат Уполномоченного МГБ СССР в Германии играл важнейшую роль во внутренней жизни советской зоны оккупации. Об этом можно судить, хотя бы по тому факту, что из 348 руководящих сотрудников СВАГ награжденных 24 июня 1948 г. орденами, по меньшей мере, 40 человек (11,5%) были сотрудниками аппарата

администрации, контроль за их работой; б) руководство военных комендантов в области хозяйственной жизни и контроль за снабжением населения» (ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 21. Л. 2).

[87] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 7. Д. 73. Л. 151–152.

[88] ГАРФ. Ф. 7133. Оп. 1. Д. 221. Л. 55–78.

Уполномоченного МГБ в Германии и оперативных секторов МГБ земель[90]. Роль Аппарата Уполномоченного МГБ в негласном контроле за деятельностью политических партий трудно переоценить. Советские чекисты пристально следили за «партийным строительством» в оппозиционных партиях, направляли его в нужное русло и, когда надо, пресекали их «вредные» попытки упрочить свое влияние. Примеров активности в этом деле немало. Так, в оперативной сводке за июль 1947 г. указано, что усилиями отделов МГБ оперативного сектора земли Саксония «приняты меры на вскрытие практических мероприятий, проводимых руководством ЛДП в Советской зоне оккупации Германии, по созданию своей самостоятельной молодежной организации»[91]. Под неослабным вниманием советской госбезопасности находились и высшие руководители СЕПГ. Об их взаимоотношениях, закулисных делах и нравах царящих в немецкой верхушке министр госбезопасности СССР регулярно докладывал Сталину. Например, 16 апреля 1949 г. Абакумов направил в Кремль сообщение (№ 5302/А) «о поведении в личной жизни председателя Центрального правления СЕПГ Гротеволя»[92].

Немецкие органы самоуправления и обстановка в советской зоне.

На заключительном этапе войны, после вступления Красной Армии на территорию воевавших с СССР государств, серьезной проблемой стало поведение войск по отношению к гражданскому населению. Уровень жизни и общая экономическая ситуация в странах Восточной Европы и в Германии по сравнению с разоренной войной территорией СССР, выглядели куда более благополучными и создавали массу искушений. Жажда мести, желание получить трофеи, да и прочие низменные инстинкты стали мотивацией вседозволенности по отношению к местным жителям. Солдаты и офицеры Красной Армии, не отличавшиеся и ранее тягой к строгому соблюдению воинской дисциплины, почувствовав близкий конец войны, все больше

[89] ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3418. Л. 7.
[90] *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1948. 2 июля.
[91] РГВА. Ф. 32883. Оп. 1. Д. 95. Л. 107.
[92] РГАНИ. Картотека корреспонденции входящей в ЦК ВКП(б).

выходили из под контроля. Как отмечалось в документах управления войск НКВД по охране тыла 1 Украинского фронта:

> «С вступлением на территорию Германии и при дальнейшем продвижении войск фронта на Запад среди военнослужащих Красной Армии появилось немало случаев мародерства, барахольства, изнасилования женщин, девушек и подростков, поджога домов, убоя без всякой необходимости скота, живности и птицы, а также умышленной порчи различных ценностей. В результате употребления метилового спирта появились случаи массового отравления военнослужащих со смертельным исходом»[93].

Немалую роль в формировании настроений в войсках Красной Армии сыграла и советская политическая пропаганда, культивировавшая звериную ненависть к немцам. На протяжении всех военных лет страницы центральной, местной и военной печати наводнялись очерками, статьями и фельетонами в которых описывалась жестокость немецкого оккупационного режима. И первую скрипку в этой психологической войне играло бойкое перо Ильи Эренбурга, выпустившего за годы войны не менее полутора тысяч статей. Его хлесткие едкие и злые публикации отличались особой неистовостью и активно использовались политработниками в войсках. Так, в донесении политотдела 16 пограничного полка войск НКВД от 13 февраля 1945 г. говорилось о том, что «перед вступлением на территорию Германии с личным составом полка были проведены во всех подразделениях беседы, в основу беседы была взята статья Ильи Эренбурга в «Правде» от 24 января 1945»[94], и сообщалось о результатах: «среди личного состава существует вполне здоровое мнение к немцам: «они враги и никакого благодушия, ни капли беспечности»[95].

---

[93] См. отчет за 1 квартал 1945 г. от 8 апреля 1945 г. (РГВА. Ф. 32891. Оп. 1. Д. 270. Л. 165–165об).

[94] Статья называлась «Этого не будет!» и в ней Эренбург с негодованием писал об организованной американцами полицейской школе для переподготовки кадров для новых органов полиции в освобожденных районах: «Американцы решили приобщить злодеев к некоторым достижениям демократической культуры, а потом снова отправить их на работу; таким образом, мы имеем дело с курсами по повышению квалификации фашистских держиморд» (Эренбург И.Г. *Война. 1941–1945.* М. 2004. С. 700–703). Рисуя «идиллическую» картину отношения на Западе к «освобожденным от Гитлера» немцам автор иступлено призывал: «мы покараем злодеев, и мы спасем детей». Особое возмущение Эренбурга вызвал вопрос Нью-Йоркского журнала «Политик»: «Неужели вы не будете протестовать против того, чтобы немецких солдат заставили работать в России в трудовых батальонах?» (там же). Между прочим, личный состав 16 пограничного полка как раз и был занят вылавливанием и вывозом на принудительную работу в СССР трудоспособного гражданского немецкого населения.

[95] РГВА. Ф. 32888. Оп. 1. Д. 110. Л. 17-об–18. Неясно, какого эффекта от бесед ожидало командование, но отдельные бойцы понимали призывы Эренбурга слишком буквально. Начальник политотдела этого полка в донесении от 13 февраля отмечал: «В силу неправильного

В начале 1945 г., пока еще шла война, Сталин весьма снисходительно относился к проявлению недисциплинированности и даже к уголовным преступлениям (конечно, если они не были направлены против советских государственных устоев). Как вспоминал Милован Джилас, на сей счет у Сталина было своеобразное оправдание:

> «Представьте себе человека, который проходит с боями от Сталинграда до Белграда – тысячи километров по своей опустошенной земле, видя гибель товарищей и самых близких людей! Разве такой человек может реагировать нормально? И что страшного в том, если он пошалит с женщиной после таких ужасов?…В**о**ина надо понимать. И Красная Армия не идеальна. Важно, чтобы она била немцев – а она их бьет хорошо, – все остальное второстепенно»[96].

Бесчинства Красной Армии и репрессивная политика НКВД и СМЕРШ на занятой территории Германии дали сильнейший козырь гитлеровской пропаганде. В руки немцев попали приказы командующих фронтами Г.К.Жукова и И.С.Конева требующие от вверенных им войск прекратить грабежи и бесчинства. Как писал 2 марта 1945 г. в своем дневнике Геббельс, в этих документах приводились «отдельные факты, в точности совпадающие с нашими данными»[97]. Днем раньше Геббельс писал: «К нам поступают теперь бесчисленные сведения о большевистских зверствах. Они настолько ужасны в

понимания мести, отдельные бойцы вопрос мести находят в насилии и издевательстве. Так, например: на совещании врач 1 стрелкового батальона Ланина сообщала, что когда она проводила беседы по вопросу венерических заболеваний, бойцы ей заявили (фамилии пока не уточнены) «приятно видеть когда хорошенькая фрау у тебя на руках плачет». На вопрос, что она может «наградить»… – отвечают: «Эх, доктор, да разве ей жалко 9–ти грамм свинца»…(там же. Л. 14об).

[96] Джилас М. *Лицо тоталитаризма.* М. 1992. С. 82. В беседе с Джиласом Сталин заявил, что Красная Армия «не идеальна» и не может быть такой, сославшись на определенный процент уголовников попавших в Красную Армию: «мы открыли тюрьмы и всех взяли в армию» (там же). А в подкреплении своих слов рассказал о реальном случае, когда им был помилован приговоренный к расстрелу майор – летчик, застреливший штатского инженера вступившегося за женщину. «Дело дошло до меня, – сказал Сталин, – я им заинтересовался и – у меня на это есть право как у Верховного Главнокомандующего во время войны – освободил майора, отправил его на фронт. Сейчас он один из героев» (там же).

[97] Геббельс Й. *Дневники 1945 года. Последние записи:* Пер. с нем./ Вступ. слово и общ. ред. А.А.Галкина. – Смоленск. 1993. С. 57, 65–66. В частности Геббельс писал: «Конев требует от командиров принятия строжайших мер против разложения советских войск. Он указывает также, что поджоги и грабежи могут производиться только по приказу. Характеристика, которую он дает этим фактам, чрезвычайно интересна. Из нее видно, что фактически в лице советских солдат мы имеем дело со степными подонками. Это подтверждают поступившие к нам из восточных областей сведения о зверствах. Они действительно вызывают ужас. Их невозможно даже воспроизвести в отдельности. Прежде всего следует упомянуть об ужасных документах, поступивших из Верхней Силезии. В отдельных деревнях и городах бесчисленным изнасилованиям подверглись все женщины от десяти до 70 лет. Кажется, что это делается по приказу сверху, так как в поведении советской солдатни можно усмотреть явную систему» (там же. С. 66.).

своей правдивости, что дольше ехать некуда. Я намерен довести эти сообщения до сведения международной общественности»[98]. Предполагалось, что приказы Жукова и Конева будут оглашены генерал-полковником Гудерианом на приеме представителей внутренней и зарубежной печати в Берлине, и тут же будет произведен публичный допрос ряда немецких офицеров, возвратившихся из Познани и «неоднократно видевших собственными глазами произведенные опустошения и совершенные зверства»[99].

Сталин понял, наконец, какими политическими и военными издержками чреваты армейские безобразия и хотя и поздно, но осознал, что настало время налаживать отношения с немецким населением.[100] И в этом смысле мотивация сталинского приказа от 20 апреля 1945 г. вполне очевидна. В этом приказе говорилось: «Потребовать от войск изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданскому населению и обращаться с ними лучше. Жестокое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам не выгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне»[101]. Итак, прежде всего, необходимо было сломить волю к сопротивлению немецких войск, а населению дать надежду на установление твердого и справедливого порядка путем формирования немецких органов власти. Между тем, описывая положение в осажденном Берлине, 23 апреля 1945 г. Уполномоченный НКВД по 1 Белорусскому фронту Серов сообщал:

---

[98] Там же. С. 57.
[99] Там же. С. 57, 66.
[100] Историк Ральф Поссекель по этому поводу остроумно заметил: «Если учесть, что советскому руководству потребовалось почти полгода, чтобы понять связь между обращением с немецким гражданским населением и готовностью немцев воевать до последнего, то уже в этом следовало бы усмотреть причину фатальной индифферентности советского руководства к политическим вопросам. Пока Красная Армия мощными бросками продвигалась от Вислы до Одера, занять Берлин казалось чисто техническим вопросом, зависящем от бесперебойного военного снабжения и крепости льда на Одере. Только когда это наступление приостановилось в Померании и Силезии, когда один город за другим продолжал оказывать ожесточенное сопротивление, когда Эйзенхауэр, над которым еще в январе в Москве смеялись из-за осечки в Арденах, вдруг оказался недалеко от Берлина, Москва вспомнила о военном значении оккупационной политики» (*Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т.II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сборник документов и статей.* – М. 2001. С. 296).
[101] РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 100. Л. 296.

«Из показаний военнопленных и гражданских жителей установлено, что страх среди солдат и населения перед большевиками до сих пор велик. Немецкая пропаганда до последнего дня внушает немцам, что большевики всех режут и в лучшем случае – угоняют в Сибирь. Достаточно указать на тот факт, что когда побежали из немецких окопов русские женщины, то немцы им вслед кричали: «не бегите к русским, они вас убьют». Но, тем не менее, по ним не стреляли»[102].

А за неделю до выхода сталинского приказа Эренбург пал жертвой смены пропагандистского курса. 14 апреля 1945 г. его строго одернула главная газета страны – «Правда», поместив статью начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александрова «Товарищ Эренбург упрощает». Кремль считал важным публично дезавуировать прежние кровожадные призывы не только Эренбурга, поставившего свое перо на службу сталинскому агитпропу, но и всех остальных авторов, писавших в том же духе – А.Н.Толстого и ему подобных[103].

Но если легко было, задав нужную директиву, изменить отношение высшего командования к немецким гражданам и их проблемам, то в одночасье перестроить сознание и поведение рядовых солдат и младших офицеров, навести должную дисциплину в опьяненной долгожданной победой армии, было непросто[104]. И после окончания войны дурное поведение военнослужащих Красной Армии на территории Германии продолжало служить помехой планам СВАГ. Заместитель командующего войсками 1 Украинского фронта по делам гражданской администрации Мешик 11 мая 1945 г. сообщал Берии: «несмотря на приказ товарища Сталина о необходимости более мягкого отношения к

[102] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 310.

[103] Эренбург счел критику в свой адрес обидной и несправедливой. Хотя, после поездки в марте 1945 г. в Восточную Пруссию кое–что стал понимать. Там он собственными глазами убедился, какова на практике солдатская месть и пришел в ужас от размаха бесчинств и насилия по отношению к местному населению. Статья в «Правде», по воспоминаниям близких, совершенно деморализовала Эренбурга и ввергла в апатию: «Тупой взгляд Ильи, полное отсутствие интереса ко всему, нежелание ничего есть, за исключением укропа…Написал письмо Сталину и ждет…». Ответа Сталина он так и не получил. (*Эренбург, Илья Григорьевич. Письма. Т. 2. 1931–1967. «На цоколе историй…».* Изд. подготовлено Б.Я.Фрезинским. М. 2004. С. 337–339).

[104] Через год руководители СВАГ в этом убедились. Так, начальник УСВА земли Тюрингия И.С.Колесниченко 26 июня 1946 г. писал члену Военного Совета ГСОВГ Ф.Е.Бокову: «Нельзя отрицать и того факта, что многих из военнослужащих война настолько развратила, что они трудно поддаются воспитанию», и «…среди наших военнослужащих имеется немало людей буквально социально опасных, которые способны допускать бандитские поступки в независимости от социальной среды» (ГАРФ. Ф. 7184. Оп. 1. Д. 13. Л. 126, 128).

немцам, до сих пор, к сожалению, не прекращены грабежи местного населения и насилие немецких женщин»[105].

Летом 1945 г. главной задачей возлагаемой на немецкие административные органы стала уборка урожая. Об этом прямо говорилось и в документах и на личных встречах советских представителей с руководителями земель[106]. В то же время, советское командование получало многочисленные жалобы немецких бургомистров, вызванные произволом военных комендантов и непрекращающимися в Советской зоне оккупации Германии массовыми грабежами и насилием[107]. Подобные «эксцессы» стали серьезным препятствием для налаживания нормальной жизни и мешали не только порядку управления и самим немцам, но и ставили под угрозу хозяйственные планы СВАГ. А уборка урожая и проведение сельскохозяйственных работ в этих планах занимали главенствующее место.

Для исправления сложившегося положения требовались неотложные меры. В телеграмме Жукова и Телегина, направленной 30 июня 1945 г. войскам ГСОВГ прямо говорилось: «От местных органов немецкой власти, крестьянских общин и отдельных жителей продолжают поступать многочисленные жалобы на произвол, насилия и отдельные факты прямого проявления бандитизма лиц в форме военнослужащих Красной Армии и репатриантов. Во многих сельских местах немецкие женщины не выходят на полевые работы и сенокос из-за боязни быть изнасилованными или ограбленными»[108]. И далее подчеркивалось, что «несмотря на неоднократные и строжайшие требования Военного Совета о самой суровой борьбе с произволом и самовольством, Военные Советы армий, командиры соединений и частей, военные коменданты и войска охраны тыла до сих пор по настоящему этих требований не выполнили, порядка не навели и своей нерешительностью, мягкотелостью, по существу, поощряют преступное поведение своих подчиненных»[109]. Жуков грозно писал: «Я вынужден последний раз сделать строжайшее предупреждение Военным Советам армий, командирам и начальникам политорганов соединений и частей, военным комендантам, что если в ближайшие 3 – 5 дней не будет восстановлен должный

[105] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 126. Л. 130.
[106] ГАРФ. Ф. 7103. Оп. 1. Д. 11. Л. 45–52.
[107] РГВА. Ф. 38816. Оп. 1. Д. 39. Л. 10–12.
[108] Там же. Л. 10.
[109] Там же.

порядок и не будут прекращены грабежи, насилия и произвол по отношению к местному населению – то будут сделаны самые серьезные выводы, не считаясь с положением и заслугами»[110]. В телеграмме также говорилось, что в связи с предстоящей «демобилизацией старших возрастов, выводом некоторых полевых Управлений армий и частей на территорию СССР, а также направления походным порядком несколько сот тысяч репатриантов – не исключено увеличение фактов самовольства и произвола»[111]. Конечно, о быстром «перевоспитании» советского воинского контингента не могло идти и речи, и, единственное что оставалось это по возможности ограничить его контакты с гражданским населением. Так что и меры, предложенные Жуковым для прекращения бесчинств, были просты и вполне традиционны:

«а) Запретить отпуска и увольнение со двора всех военнослужащих.

б) Установить в каждом населенном пункте района расположения и ночевок офицерский патруль по улицам.

в) Обеспечить, чтобы перед каждым выступлением из населенного пункта с места дислокации или ночевки на территории Германии и Польши, командир и начальник части и учреждения, или ответственные офицеры по их поручению обходили занимавшиеся под размещение жилые дома и опрашивали домохозяек о претензиях для немедленного их разбора на месте.

г) Во всех населенных пунктах, через которые будут проходить войска – иметь подвижные патрули с офицерами во главе. Всех отстающих или заходящих в дома – задерживать и строго наказывать. Запретить категорически остановки колонн, автомашин и обозов (или отдельных повозок) в населенных пунктах на пути движения»[112]. Отдельным пунктом шло требование: «принять меры к оказанию необходимой безопасности населения на полевых работах и недопущению изъятия сельскохозяйственного инвентаря и тягла»[113].

Ряд изданных вскоре приказов Главноначальствующего СВАГ свидетельствует, что положение не было исправлено, ни через 3–5 дней, как того желал Жуков, ни через одну две недели, ни позднее. Поведение советских войск стало также и реальной политической проблемой. Как отмечалось в приказе Главнокомандующего ГСОВГ № 063 от 3 августа 1945 г. «Творимые

[110] Там же.
[111] Там же.
[112] Там же. Л. 11–12.

безобразия и самовольства, особенно после войны, очень сильно компрометируют нас в глазах немцев-антифашистов и хорошо помогают фашистам вести против Красной Армии и Советского Правительства агитацию и клевету»[114]. Приказ предписывал в числе прочих мер направленных на усиление дисциплины в частях ГСОВГ сократить до минимума увольнение и отпуска из расположения войск, запретить какие-либо «экскурсии» в Берлин, запретить ночлег военнослужащих в частных квартирах без разрешения комендантов. Двумя неделями позже Главнокомандующий Жуков заявил, что не остановится перед расстрелом «нескольких десятков тысяч людей» для наведения порядка в зоне оккупации[115].

Помимо военнослужащих в бесчинствах были повинны советские репатрианты и дезертиры часто сбивавшиеся в банды. Но не меньше хлопот Советской военной администрации доставляли и подростки, проникающие разными путями на территорию Германии «с целью грабежа и изъятия ценностей у местного населения». Только за сентябрь и первую половину октября 1945 г. в Германии было задержано 150 подростков прибывших из СССР «за трофеем» и «занимавшихся грабежами и насилием»[116].

Некоторые бургомистры, не полагаясь на помощь комендатур в деле наведения порядка, предпринимали собственные меры с целью обезопасить гражданское население от набегов. В сводке 83 пограничного полка от 4 июня 1945 г. говорилось о том, что в Дейчнендорфе «бургомистр набрав в состав полиции до 20 человек немцев, вопреки приказа военного коменданта вооружил их винтовками (оставленными немцами при своем отступлении). Это вооружение бургомистр объяснил тем, что в деревню очень часто приезжают неизвестные лица и занимаются грабежом местного населения и насилованием женщин, задержать которых без оружия невозможно»[117]. По распоряжению командира 83 полка в Дейчнендорф выслали офицера-разведчика в месте с нарядом. Они разоружили полицию и строго предупредили бургомистра о недопустимости подобной практики[118].

---

[113] Там же.
[114] РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 297. Л. 30–31.
[115] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 7. Д. 14. Л. 121–133.
[116] РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 101. Л. 180.
[117] РГВА. Ф. 32891. Оп. 1. Д. 132. Л. 397.
[118] Там же.

Вместе с тем, нередко попытки немцев защититься своими силами от набегов мародеров кончались трагично. Фридрих Шенейман – бургомистр деревни в районе Гарделеген в июле 1945 г. проинструктировал мужчин села, что в случае появления красноармейцев и поляков следует объявлять тревогу, вооружаться холодным оружием и задерживать и избивать пришельцев. Но не всегда немцы могли отличить «законное от незаконного» в действиях военнослужащих Красной Армии. Когда военный комендант этой деревни пытался разместить на квартиры своих людей, жителями была поднята тревога, а при попытке коменданта задержать одного из немцев ему было оказано физическое сопротивление. И хотя комендант не пострадал, узнавший об этом случае Серов распорядился «организаторов невыполнения указания военного коменданта и попытку к избиению, арестовать, отдать под суд, после решения суда расстрелять на месте»[119]. Бургомистр деревни и несколько жителей были расстреляны[120].

Точно так же 25 августа 1945 г. приговорили к расстрелу бургомистра деревни Кольштедт в Тюрингии Рихарда Шефера, который, как сказано в приговоре, «8 июля 1945 года под предлогом борьбы с воровством издал распоряжение о том, что в случае появления в деревне военнослужащих, все жители обязаны собраться на площади для оказания сопротивления пришедшим». Военнослужащие Красной Армии не заставили себя долго ждать, появившись в деревне уже на следующий день. Они были избиты и заперты в сарай[121]. Между тем, нередки были случаи убийств бургомистров в результате разбойных нападений с целью ограбления со стороны военнослужащих Красной

[119] Это указание Серова 14 сентября 1945 г. было передано в качестве назидания всем военным комендантам провинции Бранденбург. (См.: ГАРФ. Ф. 7133. Оп. 1. Д. 115. Л. 149).

[120] Дело по обвинению бургомистра Шенеймана Фридриха (1892 г.р.), Кюйн Вильгельма (1880 г.р.), Вернике Пауля (1922 г.р.) и Шройдер Отто (1896 г.р.) по ст. 58–2 УК РСФСР рассмотрел 24 августа 1945 г. Военный трибунал 3 Ударной армии в закрытом судебном заседании в «упрощенном порядке» (без участия сторон – прокурора и адвокатов). Все подсудимые были приговорены к высшей мере наказания расстрелу с конфискацией всего принадлежащего им имущества. Вынесенный приговор имел окончательный характер и не подлежал обжалованию.

[121] ГАРФ. Ф. 7184. Оп. 1. Д. 92. Л. 60. В приговоре Военного трибунала 132 дивизии действия Шефера были квалифицированы по ст. 58–8 УК РСФСР как «провокация немецкого населения на террористические акты против представителей Красной Армии» и кратко излагались обстоятельства происшествия: «9 июля 1945 года при появлении в д. Кольштедт военнослужащих Красной Армии была поднята тревога и собравшиеся немцы – жители этой деревни, в количестве около 200 человек избили до потери сознания» четырех военнослужащих, а Шефер, «присутствующий при этом избиении и слышавший крики из толпы «русс капут», «комиссар капут», мер к прекращению избиения не принял и вместо оказания медицинской помощи избитым военнослужащим Красной Армии, приказал перенести их и запереть в сарай» (там же).

Армии. Так, в ночь с 25 на 26 августа 1945 г. был убит бургомистр дер. Зеетин (округ Магдебург)[122].

Попытавшись положить конец бесчинствам Главнокомандующий ГСОВГ Г.К.Жуков пошел на крайние меры. 9 сентября 1945 г. он выпустил приказ № 00138/оп, в котором говорилось: «случаи мародерства, хулиганства, грабежей и насилия над немецким населением до сих пор не прекращены и, наоборот, преступность военнослужащих за последнее время значительно усилилась. Недопустимое поведение военнослужащих, репатриантов и демонтажников, позорящих своим поведением Красную Армию и наш Советский народ, должно быть любой ценой немедля прекращено»[123]. Этим приказом было установлен порядок, согласно которому с 10 сентября весь офицерский состав армии и военных комендатур до командира роты включительно переводился на казарменное положение и должен был располагаться вместе с подчиненными людьми. Любое увольнение из расположения части всех рядовых, сержантов и офицеров запрещалось. В немецких населенных пунктах разрешалось находиться только суточному наряду, а весь остальной личный состав «должен находиться на занятиях и в казарме». Впредь, «до особых указаний» вводились круглосуточные офицерские патрули. Предписывалось взять на учет всех «пьяниц, хулиганов, мародеров и лиц проявляющих бесчинство», составить на них именной список для доклада Главноначальствующему с целью «изъятия их из военных комендатур и направления в особые районы Советского Союза, чтобы они за границей больше не позорили наш Советский народ и Красную армию, в глазах наших Союзников и Германского населения»[124].

Трудно сказать, могли ли принести желаемый результат столь беспрецедентные меры, однако, в дело вмешался Сталин. Как Верховный Главнокомандующий он 20 сентября 1945 г. направил Указание Военному Совету ГСОВГ с требованием отмены приказа № 00138/оп. Сталин писал:

> «Я случайно узнал вчера от СМЕРШ, что Военный совет Группы советских оккупационных войск в Германии издал приказ от 9 сентября с.г., где он, отмечая мародерские действия отдельных военнослужащих,

[122] ГАРФ. Ф. 7133. Оп. 1. Д. 115. Л. 101.
[123] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 16. Л. 566.
[124] На основании приказа Главнокомандующего ГСОВГ и Главноначальствующего СВАГ № 00138/ОП от 9 сентября 1945 г. был выпущен повторяющий его положения приказ по УКС штаба СВАГ № 0067 от 14 сентября 1945 г. (См.: ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 16. Л. 566–568).

считает необходимым наказать весь командный состав от сержантов и офицеров до командиров рот включительно путем перевода офицерского состава до командиров рот включительно на казарменное положение с тем, чтобы командиры были расположены вместе с подчиненными с обязательством командирам взводов и командирам рот постоянно находиться со своими подчиненными.

Как оказалось, копия этого приказа не была послана в Генеральный штаб.

Я считаю этот приказ неправильным и вредным. Он неправилен ввиду его огульного характера и несправедливости, так как из-за мародерских действий отдельных военнослужащих огульно и несправедливо наказывается весь командный состав до командиров рот включительно. Он вреден, так как он не укрепляет дисциплину, а наоборот, ломает ее, дискредитируя командный состав в глазах рядовых. Я уже не говорю о том, что если этот приказ попадет в руки руководителей иностранных армий, они не преминут объявить Красную Армию армией мародеров.

Прошу Вас немедленно отменить этот приказ. Найдите форму для отмены приказа, которая бы не набрасывала тень на командование Группы. Я не пишу Вам формального приказа Ставки об отмене Вашего приказа, чтобы не ставить Вас в неловкое положение, но я требую, чтобы:

1. Приказ был отменен немедленно с донесением об этом в Генеральный штаб.
2. Подобные приказы, имеющие серьезный характер, не издавались впредь без предварительного сообщения в Ставку о Ваших соображениях.
3. Копии всех Ваших приказов посылались в Генеральный штаб. Советую Вам усилить политическую работу в войсках группы и почаще прибегать к суду чести, вместо того, чтобы пугать людей приказами и таскать офицеров в суд как проворовавшихся уголовников.

Я думаю, что это будет лучшее средство для ликвидации мародерских действий.

Сталин»[125].

Жуков незамедлительно выполнил указание Сталина, хотя и постарался «сохранить лицо». В тот же день 20 сентября 1945 г. был выпущен приказ Главнокомандующего ГСОВГ № 0207 в преамбуле которого сообщалось, что «за последнее время Военные Советы Армий, командиры соединений, частей и полит. органы войск группы провели большую работу по укреплению воинской дисциплины и наведению порядка в войсках. В связи с этим надобность в проведении особых мероприятий, указанных в моем приказе № 00138 отпала»[126]. Далее, в полном соответствии с пожеланиями Сталина,

[125] *Военно–исторический архив.* Вып. 10. М. 2000. С. 146–148.
[126] ГАРФ. Ф. 7184. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.

предписывалось усилить политическую работу «с целью разъяснения всему личному составу необходимости полного изжития аморальных явлений и дальнейшего укрепления воинской дисциплины», и шире использовать офицерские суды чести и товарищеские суды по отношению к провинившимся, а также шире практиковать меры поощрения к офицерам образцово и честно несущим службу. С приказом следовало ознакомить только офицерский состав, причем до командира роты включительно, но не ниже. А в конце приказа содержалось совсем уж необычное распоряжение: «Учитывая особую секретность моего приказа № 00138 и во избежание его утери, этот Приказ из войсковых штабов изъять, вернуть в штаб ГСОВ в Германии и уничтожить установленным порядком»[127]. Видимо, предостережение Сталина о том, что произойдет если приказ попадет на запад, произвело должное впечатление на Жукова.

И, хотя некоторые военные комендатуры сообщали в своих отчетах, что воинская дисциплина в сентябре 1945 г. «по сравнению с августом месяцем коренным образом улучшилась»[128], отчетная статистика, тем не менее, показывала неуклонный рост числа военнослужащих задержанных за пьянство, хулиганство, изнасилования и мародерство в масштабах всей советской зоны: в августе – 860, в сентябре – 1094, в октябре – 2370 и в ноябре – 3306 чел[129].

В конце 1945 г. случаев грабежей и убийств бургомистров совершенных советскими военнослужащими не становилось меньше. Только в ноябре 1945 г. было убито трое бургомистров: 13 ноября – бургомистр села Цико (р-н Цербст)[130]; в ночь с 19 на 20 ноября – член компартии, бургомистр деревни Тибсе (р-н Гримен)[131]; 25 ноября – бургомистр деревни Корбиц (р-н Лукенвальде)[132].

Остановить бесчинства военнослужащих Красной Армии по отношению к населению оккупированных стран и уменьшить многочисленные нарушения

---

[127] Там же.
[128] Как, например, говорилось в отчете УКС округа Штеттин за сентябрь 1945 г. (см.: ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 17. Л. 94).
[129] Сведения приводятся из отчетов УКС ГСОВГ (ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 1. Л. 8, 27–28, 99, 209–212.) В отчетах, к сожалению, отсутствуют сведения о числе зарегистрированных происшествий и преступлений. Так что, с другой стороны, сам по себе рост числа задержанных, мог свидетельствовать лишь об улучшении работы военных комендатур, когда все меньшему числу военнослужащих творящих бесчинства удавалось уйти от ответственности.
[130] ГАРФ. Ф. 7133. Оп. 1. Д. 115. Л. 395.
[131] Там же. Ф. 7103. Оп. 1. Д. 13. Л. 207.
[132] Там же. Ф. 7077. Оп. 1. Д. 70. Л. 252.

воинской дисциплины было призвано постановление Пленума Верховного Суда СССР № 13/14/V от 27 ноября 1945 г. «об ответственности военнослужащих оккупационных войск за совершенные ими преступления по законам военного времени»[133]. Это постановление было разъяснено всему личному составу советских войск дислоцированных за границей. Теперь за самовольную отлучку с места службы более 3 часов военнослужащих предавали суду Военного Трибунала.

Политическая мотивация решительных мер СВАГ в 1945 г. по наведению порядка вполне очевидна. Ведь не только уборка урожая интересовала советское руководство. Дурное поведение красноармейцев стало фактором существенно тормозящим, а порой сводящим на нет все усилия по советизации. И это было куда серьезнее. Ровно через год, когда в связи с выборами в местные органы самоуправления спокойствие и хорошее политическое самочувствие немцев вновь было важным для советских оккупационных властей, опять было принято сиюминутное решение – не выпускать в дни выборов красноармейцев из казарм[134].

К декабрю 1946 г. письма с жалобами немцев на продолжающиеся бесчинства со стороны советских военнослужащих[135] стали все больше раздражать И.А.Серова, но он предпочел бороться не с причиной, а со следствием, обратив свой гнев на жалобщиков. Получив очередной доклад о поведении и настроениях немецкого населения, Серов учинил на нем грозную резолюцию: «Т.т. Горохову, Тюльпанову. Надо выбрать из каждой провинции по 2–3 провокационных письма об убийствах и др. и их авторов отдать под суд Военного Трибунала, приговоры которых опубликовать в печати провинций»[136].

Увы, поведение советских военнослужащих и в последующие годы оставалось серьезной политической проблемой, создавая трудности в управлении Германией и помехи в деле советизации[137]. Так, например, в июле

---

[133] РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 1222. Л. 119.
[134] ГАРФ. Ф. 7184. Оп. 1. Д. 7. Л. 359–364.
[135] Согласно докладам УКС ГСОВГ число задержанных за пьянство, хулиганство, изнасилования и мародерство в масштабах зоны и в конце 1946 г. оставалось стабильно высоким: в августе – 3849, в сентябре – 3336, в октябре – 3178 и в ноябре – 3411 чел. (ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 40. Л. 143–145, 219–221, 295, 350).
[136] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 55. Л. 377.
[137] Даже бургомистры – члены коммунистической партии порой заявляли: «Русские нам мешают проводить свою политику, скорее бы они ушли, ибо кроме пьянства, грабежей и насилий мы ничего от них не имеем» (ГАРФ. Ф. 7077. Оп. 1. Д. 200. Л. 1).

1947 г. была разгромлена провинциальная партийная школа СЕПГ близ Луизенталя (округ Гота, Тюрингия). Три солдата 28 танкового полка во главе с офицером 13 июля «под угрозой оружия разломали помещение партшколы, сняли часть черепичной крыши, обшивку стен, вынули застекленные оконные рамы, разбили электроплафоны, взломали дверные замки»[138]. В последующие дни, 16, 17 и 19 июля военнослужащие продолжали ломать здания школы. Все полученные таким образом строительные материалы были вывезены «в неизвестном направлении». Как отмечал начальник политуправления СВАГ, «подвергшиеся разорению здания партшколы СЕПГ были только что восстановлены и заново отремонтированы на средства партийной организации СЕПГ и создание такой партшколы соответствовало интересам Советской Военной Администрации в Германии»[139].

В директиве Управления комендантской службы СВАГ от 30 августа 1947 г. отмечалось, что «до сих пор в ряде комендатур имеет место пассивное регистрирование фактов убийств, грабежей, насилий, творимых по отношению к немецкому населению…», и указывалось: «Быстрое и энергичное реагирование военных комендатур на всякое происшествие и принятие должных мер к пресечению всякого рода безобразий и бесчинств, является решающим залогом к завоеванию симпатии немецкого населения и к дальнейшему демократическому преобразованию Германии»[140].

В 1946 году, как и в предыдущем 1945, главным требованием руководителей СВАГ к немецким административным органам оставалось выполнение сельскохозяйственных поставок. Между тем в СССР летом 1946 г. случилась сильнейшая засуха, и урожай оказался крайне скудным. По распоряжению Сталина в «борьбу за хлеб» включились все члены Политбюро и аппарат ЦК ВКП(б) – осенью они разъехались по областям для форсирования хлебозаготовок[141].

В это же время, в октябре 1946 г. И.А.Серов направил Берии пространную записку с предложением вывезти из советской зоны оккупации Германии «излишки» продовольствия в СССР. Он писал, что «существующее положение со снабжением генералов, офицеров и советских работников,

[138] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 10. Д. 29. Л. 259.
[139] Там же.
[140] Там же. Оп. 9. Д. 57. Л. 55.

находящихся в Германии, являются неправильным, а выдаваемые продовольственные нормы снабжения чрезмерно увеличенными», и предлагал пересмотреть нормы снабжения офицерского и вольнонаемного состава СВАГ, а, кроме того, откомандировать из Германии лишних людей – «различных представителей от министерств», сократив их количество в 4 или 5 раз, оставив лишь тех, кто «обеспечивает работы по репарациям для СССР и занимается специальными вопросами по решению Совета Министров»[142].

Кроме того, Серов обращал внимание на наличие в органах снабжения СВАГ «непредвиденных запасов», которые можно было бы направить в СССР. Отдельно Серов коснулся вопроса о нормах снабжения немецкого населения:

> «Попутно следует доложить, что в адрес т. Соколовского от ЦК Социалистической Единой Партии получена просьба о том, чтобы немцев, получающих карточки по 4 категории перевести на 3 категорию. Каких-либо серьезных мотивов к этому не приводится. Таких немцев, которые получают карточки по 4 категории и нигде не работают, насчитывается более 8 млн. человек. Это потребует большие расходы хлебных ресурсов. Как заявил подполковник Шумилов, член Военного Совета т. Боков хочет частично поддержать эту просьбу[143]. Я считаю неправильной просьбу Социалистической Единой Партии, которая стремится завоевать авторитет народа мероприятиями за счет СВА, а не работой»[144].

Если не менять нормы снабжения немецкого населения, – писал Серов, – то в резерве останется до 150 тысяч тонн зерна, до 250 тысяч тонн сахара и до 300–400 тонн картофеля[145]. Он отмечал, что торговый отдел СВАГ не сообщал в Москву об этих потенциальных резервах и предлагал следующее: «Если учесть, что у союзников нормы снабжения, кроме американцев, значительно ниже, то можно вполне рассчитывать, что эти резервы в Германии не потребуются и их можно отправить в Советский Союз»[146].

Берия, посчитав записку чрезвычайно важной, отправил ее 20 октября 1946 г. отдыхавшему на юге Сталину. Предложения Серова пришлись как нельзя кстати. Воодушевленный Сталин 3 ноября 1946 г. продиктовал с юга в

---

[141] Патоличев Н.С. *Совестью своей не поступлюсь.* М. 1995. С. 18–19.
[142] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 732. Л. 50–54.
[143] Читавший записку Серова Сталин, слева от этого абзаца написал: «Не поддерживать».
[144] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 732. Л. 53.
[145] Годом раньше, на совещании руководящего состава СВАГ, 16 августа 1945 г. Серов поделился своими оригинальными соображениями о снабжении продовольствием немецкого населения: «наше правительство не допустит чтобы мы пирожными немцев кормили, но оно не позволит, чтобы дело дошло до опухания (голода)» (ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 7. Д. 14. Л. 100).

Москву телефонограмму на имя А.А.Жданова, Н.А.Вознесенского, Н.А.Булганина, Н.С.Патоличева, Б.А.Двинского и Н.С.Хрущева в которой просил обратить внимание на предложения Серова, добавив от себя, что их можно принять: «…можно было бы теперь же потребовать, чтобы немедленно отпустили для вывоза в Советский Союз тысяч сто тонн или больше зерна, тысяч сто пятьдесят тонн или больше сахара и тысяч двести пятьдесят тонн картофеля. Все это в резерв, для потребления в СССР»[147]. «Через два месяца, – писал далее Сталин, – наши войска в Германии будут сокращены на 40%. Хорошо было бы в связи с этим выкроить какие-либо продовольственные резервы для Советского Союза и завести их в нашу страну». Сталин просил вызвать в Москву Соколовского «и передать ему мою просьбу в духе изложенных выше требований», а «тов. Серову передать от меня благодарность за его записку»[148].

Вывоз продовольствия с востока Германии серьезно отразился на и без того скудном снабжении населения. Это привело к массовому недовольству и осложнило работу немецкого самоуправления. Немцы справедливо винили в своих бедах не только советскую оккупационную власть, но и органы самоуправления и правящую партию – СЕПГ. В начале 1947 г. Главноначальствующий СВАГ Соколовский счел необходимым обратиться с письмом к премьер-министрам земель и провинций советской зоны. В нем он призывал закрепить «успехи» 1946 г., «обеспечить дальнейший подъем сельскохозяйственного производства» и сделать для этого в 1947 г. «все необходимое».[149] Накануне весеннего сева в марте 1947 г. обращение Соколовского зачитывалось и обсуждалось в местных органах власти, при этом советские кураторы пристально следили за реакцией немцев. Те, кто посмел выступать с критикой сельскохозяйственной программы, подвергались гонениям. Так, было принято решение о снятии с должности Ландрата района Пренцлау Кицмана за высказанное им несогласие[150].

---

[146] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 732. Л. 53.
[147] Там же. Д. 102. Л. 6.
[148] Там же.
[149] ГАРФ. Ф. 7077. Оп. 1. Д. 215. Л. 27–29.
[150] Там же. Л. 67–71.

Выборы в органы самоуправления.

Реализация решений Берлинской конференции о необходимости проведения выборов немецких органов самоуправления стала серьезной проблемой для СВАГ. В сентябре 1945 г. американская военная администрация объявила о проведении, начиная с января 1946 г., в своей зоне выборов в местные органы власти[151]. Это известие обеспокоило руководство СВАГ, тем более, что результатом выборов стала победа ХДС. За кандидатов этой партии проголосовало около 40% избирателей, за СДПГ – 25,7%. Коммунисты же потерпели поражение, за кандидатов КПГ было отдано лишь 4% голосов[152].

В советской зоне первоначально выборы планировали провести в мае 1946 г.[153], однако, проведенная Москвой в апреле политическая комбинация по объединению КПГ и СДПГ отвлекла силы и не позволила этого сделать. Выборы были отложены на осень[154]. Объединение коммунистов и социал-демократов, по замыслу кремлевских стратегов, было призвано расширить социальную базу левых и сыграть роль «народного фронта». Новой партии, получившей название СЕПГ, и по сути являвшейся предвыборным блоком, следовало окрепнуть и преодолеть неизбежные внутренние противоречия.

Правда, 30 июня 1946 г. в Саксонии был организован референдум, который вызвал недовольство немцев посчитавших его суррогатом выборов[155]. На референдум был вынесен вполне очевидный, с точки зрения союзных держав, вопрос об изъятии собственности крупных нацистов и ее передаче органам немецкого самоуправления. Речь шла о собственности, на которую уже был наложен секвестр приказами Главноначальствующего СВАГ и этот вопрос казался решенным[156]. Тем не менее, советская администрация рассматривала референдум как своеобразную пробу политических сил. Но, вероятно, сила советской политической традиции оказывать давление на избирателей была такова, что ее с легкостью переняли в СЕПГ. Как осторожно отмечал

---

[151] Выборы должны были пройти в три этапа: в январе – общинные выборы, в апреле–мае – выборы в районные советы, а в конце 1946 – начале 1947 – в ландтаги. (*СССР и Германский вопрос*… Т. 2. 778.)
[152] *СССР и германский вопрос*… Т. 2. С.373.
[153] Там же. С. 778–779.
[154] Там же. С. 376.
[155] ГАРФ. Ф. 7212. Оп. 1. Д. 187. Л. 140.

политсоветник В.С.Семенов, перед референдумом «имелись случаи, когда отдельные сеповцы[157] в агитации применяли методы запугивания. Угрожали, например, тем, что если население не проголосует «да», то в населенном пункте (деревне) будет расквартирован русский батальон, который придется кормить всем селом в течение продолжительного времени. Иногда аналогичные угрозы (р-н Баутцен) исходили также и от отдельных работников комендатур»[158].

Результат референдума вполне удовлетворил руководителей СВАГ: «за» проголосовало 77,7% и «против» 16,5% избирателей[159]. Еще до того, как состоялся референдум, руководство советской зоны стало готовиться к выборам в местные и земельные органы власти. Однако, у них было своеобразное видение, каким должен был быть результат. Главноначальствующий СВАГ В.Д.Соколовский 18 июня 1946 г. выпустил специальное указание, в котором говорилось о «создании условий» для победы СЕПГ на предстоящих выборах и выдвигалась основная задача – «организационно-политическое укрепление СЕПГ». Соколовский прямо заявлял, что результаты выборов «будут считаться удовлетворительными лишь в том случае, если они дадут победу Социалистической единой партии»[160].

По-прежнему одним из главных препятствий в завоевании симпатий населения было искоренение бесчинств военнослужащих. Руководители УСВА земель и провинций прекрасно понимали что успех выборной кампании напрямую зависит «от порядка и прекращения бесчинств»[161]. Командующий 1-й Гвардейской механизированной армии, он же начальник СВА земли Саксонии М.Е.Катуков накануне выборов издал специальный приказ «об обеспечении порядка на выборах», в котором запретил в дни выборов любое увольнение военнослужащих за пределы их частей и ввел усиленное патрулирование населенных пунктов[162].

---

[156] Секвестр был наложен приказами Главноначальствующего № 124 от 30 октября и № 126 от 31 октября 1945 г. (*СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949. (Сборник документов)*. Под ред. Б.Бонвеча, Г.Бордюгова, Н.Неймарка. М. 1994. С. 55).
[157] Речь идет о членах СЕПГ.
[158] *СССР и германский вопрос…* Т. 2. С.630.
[159] *СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945 – 1949. (Сборник документов)*. Под ред. Б.Бонвеча, Г.Бордюгова, Н.Неймарка. М. 1994. С.53.
[160] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 7. Д. 21. Л. 38–43.
[161] ГАРФ. Ф. 7184. Оп. 1. Д. 7. Л. 359–364.
[162] ГАРФ. Ф. 7212. Оп.1. Д. 15. Л. 120–121.

Любопытна и технология выборов в Советской зоне разработанная в СВАГ. Здесь явственно видны примеры администрирования и подавления конкурирующих партий. Общинные выборы в земле Бранденбург проведенные 15 сентября принесли победу СЕПГ, и об этом в документах СВАГ говорилось откровенно и просто: «Сравнительно высокий процент (59,8) голосов, отданных за списки СЕПГ на общинных выборах объясняется тем, что органам СВА Земли удалось не допустить в 33 процентах общин выставления списков буржуазных партий»[163].

О результатах состоявшихся 20 октября 1946 г. в советской зоне выборов в ландтаги и крайстаги начальник управления пропаганды СВАГ С.И.Тюльпанов составил докладную записку[164]. Из приведенных в записке данных следовало, что СЕПГ собрала около 50% голосов избирателей и делался вывод, что такие итоги выборов «обеспечивают для СЕПГ руководящую роль»[165]. Отметив, что «буржуазные партии» получили половину мест в ландтагах и крайстагах, Тюльпанов, понимая, что грядущая зима неизбежно принесет трудности с продовольствием предпринял иезуитский ход. Он предложил изменить тактику по отношению к политическим конкурентам СЕПГ: «больше привлекать эти партии к сотрудничеству с органами СВА и предоставить им больше постов в управлениях провинций, округов и районов, связанных со снабжением населения»[166]. Тем самым планировалось политически дискредитировать и ослабить противников советизации, обратив против них недовольство и гнев населения.

Между тем, прошедшие также 20 октября 1946 г. выборы в берлинские органы самоуправления (в городское и районные собрания) принесли СЕПГ сокрушительное поражение. В целом по Берлину СЕПГ получила лишь 19,8%, а СДП – 48,7%, ХДС – 22,1% и ЛДП – 9,4%[167]. Самым печальным для СВАГ фактом было то, что даже в советском секторе Берлина (то есть в режиме наибольшего благоприятствования) СЕПГ смогла набрать только 29,9% голосов (в американском – 12,6%; в английском – 10,5%; во французском – 21,1%). И, хотя, советская администрация и СЕПГ прилагали колоссальные усилия для

[163] ГАРФ. Ф. 7077. Оп. 1. Д. 1. Л. 168–194.
[164] Текст записки С.И.Тюльпанова от 18 ноября 1946 г. См.: *СССР и германский вопрос*….Т. 3. С. 170–178.
[165] *СССР и германский вопрос*….Т. 3. С.176.
[166] Там же. С. 178.

победы, все же в условиях свободного волеизъявления проявились, и истинная степень влияния немецких коммунистов, и отсутствие у них реальной поддержки населения. Позднее, в беседе со Сталиным[168] Гротеволь признавал: «обширные идеологические мероприятия СЕПГ не оказали соответствующего действия в Берлине»[169]. Не исключено, что неудача в Берлине, тогда как в землях и провинциях результат был для СВАГ и СЕПГ вполне приемлемым, запомнилась руководству советской зоны надолго, и заставили впредь не рисковать. Следующие местные выборы, которые должны были состояться через два года – в 1948 г. были отложены.

«Денацификация» и ее цели в Советской зоне оккупации.

Отдельную тему составляет чистка немецких административных органов от «реакционеров» и прочих «враждебных элементов». Здесь явно прослеживается противоречивость процесса денацификации и ее использование в советской зоне для упрочения власти СЕПГ. Причина заключалась в том, что советские лидеры совершенно по своему, и с иным политическим подтекстом понимали, кто является «реакционером» и «врагом». И это понимание кардинальным образом отличалось от видения ситуации союзниками. Как вспоминал посол США в СССР Джорж Кеннан, Потсдамские соглашения произвели на него тяжелое впечатление. «Дело было не только в том, – писал Кеннан, – что я не верил в систему четырехстороннего контроля в управлении Германией, но и в том, что такие употребляемые в документах термины, как «демократический», «миролюбивый» или «справедливый», трактовались русскими по-своему, в таком смысле, который не совпадает с принятым у нас пониманием этих выражений»[170].

Кадровая чистка немецких административных органов и самоуправления проходила на основании директивы Контрольного Совета в Германии № 24 «По

---

[167] *СССР и германский вопрос*….Т. 3. С. 192.
[168] Встреча и беседа немецких руководителей со Сталиным в Кремле состоялась 31 января 1947 г. Текст записи беседы см.: *СССР и германский вопрос*….Т. 3. С. 244–264.
[169] Там же. С. 256.
[170] Кеннан Дж. *Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана.* М. 2002. С. 168.

устранению нацистов и других лиц враждебных союзным целям, из учреждений и ответственных постов» от 12 января 1946 г.[171]

Свою отчетность по выполнению этой директивы во всей советской оккупационной зоне, включая Берлин (по состоянию на 1 января 1947 г.) СССР представил в Контрольный Совет[172]:

Наименование учреждений и организаций	Смещено и уволено	Недопущено на работу	Временно оставлено на службе	Всего уволено и недопущено
Немецкие органы самоуправления	71385	12186	8255	83571
Полиция	13702	11911	139	25613
Суды и прокуратура	8467	1351	74	9818

В докладной записке начальника правового отдела СВАГ Я.А.Карасева на имя Н.К.Ковальчука и П.М.Малькова 16 марта 1948 г. говорилось о том, что в соответствии с приказом № 201 Главноначальствующего СВАГ от 16 августа 1947 г., немецкими судами советской зоны осуждено к тюремному заключению более 500 человек – «нацистских и военных преступников», которые уже отбывают наказание в тюрьмах земель, и суды продолжаются[173]. Тем не менее, несмотря на столь внушительную работу, в ряде случаев, когда это было санкционировано советскими органами МГБ, и что называется, «в интересах дела», бывшие члены НСДАП использовались не только в немецком государственном, но и в партийных аппаратах. Так, в последующие годы, не менее 39 нацистов сделали карьеру в информационном агентстве АДН и в отделе агитации и пропаганды ЦК СЕПГ[174].

---

[171] Текст директивы см.: *Сборник № 2 официальных документов принятых и подписанных Контрольным Советом в Германии с 1 января по 31 марта 1946 г.* Берлин. Изд. СВАГ. 1946. С. 83–105.

[172] Здесь приводятся сведения только в отношении органов самоуправления, полиции, судов и прокуратуры. См.: *Доклад Контрольного Совета в Германии Совету Министров иностранных дел. Раздел 2. Денацификация.* Берлин. Изд. СВАГ. 1947. С. 51.

[173] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 52. Д. 8. Л. 90–91. Более полные данные сообщил в своей записке на имя заместителя Главноначальствующего СВАГ А.Ф.Кабанова и начальника правового отдела СВАГ Я.А.Карасева начальник УВД СВАГ П.М.Мальков 7 апреля 1948 г.: «По состоянию на 25 февраля с.г. лиц этой категории осуждено 1120 человек. Кроме того, органами немецкой полиции уже заключено и направлено прокурорам для передачи по подсудности 2500 дел и находятся в производстве 5420 следственных дел» (там же. Л. 139.)

[174] Карпов М. *Список Визенталя*. // *Совершенно секретно.* 2003. № 5. С. 28.

В конце 1948 г. была затеяна кампания по сокращению немецкого государственного аппарата. Ее тайный смысл, помимо очевидной цели повышения эффективности управления экономической и административной сферами, заключался в продолжении чистки государственного аппарата от политически неугодных элементов и в улучшении его партийного и классового состава[175]. Об этом прямо говорилось в донесении отдела гражданской администрации УСВА Тюрингии:

> «Сокращение штатов привело к увеличению удельного веса СЕПГ в органах самоуправления с 36,9 до 42,9, т.е. на 5,4%, и выходцев из рабочих и крестьян с 45,45% до 56,2%, т.е. на 10,57%. Положительным является также тот факт, что по неполным данным из органов управления в процессе сокращения штатов уволены и вычищены за антисоветские, антидемократические настроения по другим политическим мотивам 1721 человек»[176].

Точно также, в Саксонии из состава земельного правительства в результате сокращения было уволено 28,2% членов ЛДП, 24,2% членов ХДС, 22,6% беспартийных и, лишь 7,3% членов СЕПГ[177].

Методы управления органами немецкой администрации.

С первых же дней существования местного самоуправления его деятельность находилась под огнем критики населения. И причина заключалась не только в невозможности быстро покончить с последствиями войны, наладить снабжение населения и навести элементарный порядок на улицах. Созданные СВАГ немецкие административные органы были, своего рода, передаточным звеном, принимая на себя гнев и недовольство населения, зачастую (и не без оснований) боявшегося напрямую критиковать советские военные комендатуры. Однако, и сам статус органов немецкого самоуправления вызывал насмешки. Немцы говорили о том, что они «не имеют самостоятельности», а,

[175] Позднее, в 1951 г. проводилась чистка государственных органов ГДР от лиц ранее бывших в плену у союзников или занимавших в западных зонах мало–мальски значительные должности. Об этом свидетельствует заявление бывшего начальника отдела Генеральной дирекции водного транспорта ГДР: «В июне 1951 г. мне было сообщено моим непосредственным начальником, что на основании нового распоряжения никто, кто ранее был в плену у западных союзников, руководящих должностей в Германской Демократической Республике занимать не может». (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 76. Д. 162. Л. 139, 140).
[176] ГАРФ. Ф. 7184. Оп. 1. Д. 136. Л. 357–364.
[177] ГАРФ. Ф. 7212. Оп. 1. Д. 263. Л. 215.

кроме того, и речи быть не может «о демократических началах в их деятельности», и «все высокопоставленные личности, магистраты есть ничто иное, как, образно выражаясь, по-немецки говорящие русские!»[178].

Серьезной проблемой явилось и то, что советские военные коменданты и руководители СВА не были готовы к гражданскому управлению на местах[179], слабо представляли себе немецкую специфику, а, зачастую и просто были необразованными и малокультурными людьми. Даже лучшие из них, кто старался понять немцев, глубже вникнуть в их проблемы, были представителями другого мира. И здесь не малую роль играли существенные различия в мировоззрении и культурных традициях.

Начальник УСВА Тюрингии И.С.Колесниченко, порой не мог понять элементарных вещей. В начале 1946 г. президент Тюрингии Пауль трижды обращался к Колесниченко по поводу улучшения питания больных туберкулезом. Причем особой проблемой стало то, что органы соцобеспечения, руководствуясь приказом СВАГ от 25 июля 1945 г., (согласно которому не разрешалось платить пособия и пенсии бывшим членам нацистской партии), отказывались оплачивать расходы на лечение бывших членов НСДАП заболевших туберкулезом. Получив обращения Пауля, Колесниченко не решился самостоятельно что-либо предпринимать, и лишь запросил начальника сектора здравоохранения: «Что по этому поводу говорят в Берлине?»[180].

Точно также не нашла понимания у Колесниченко и другая жалоба Пауля о приостановке с 1 декабря 1945 г. выплат пособий сиротам и вдовам нацистов и некоторым категориям нацистов, по старости или инвалидности неспособных обеспечить себя. С просьбой проявить к ним милосердие к Паулю обратился епископ Тюрингской евангелической церкви.[181] В своем ответе Колесниченко, как истинный бюрократ, отметил общий перерасход средств на социальное обеспечение в земле и с возмущением указал на недопустимость вмешательства в это дело церкви, полагая, что надо подходить к этим вопросам «исходя не из моральных мотивов, а из реальных возможностей бюджета», подытожив свои рассуждения следующим образом: «В вопросах материального

[178] ГАРФ. Ф. 7077. оп. 1. Д. 27. Л. 42–46.
[179] Американцы, по крайней мере, загодя подготовили около 3-х тысяч сотрудников своего будущего аппарата военной администрации. (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 317–318)
[180] ГАРФ. Ф.7184. Оп. 1. Д. 11. Л. 173, 356, 357, 359.
[181] Там же. Л. 42–46.

обеспечения людей должна соблюдаться социальная справедливость, а не религиозные догмы, и эту справедливость может осуществить государство, право, а не церковь»[182].

Особое внимание в отчетных документах СВАГ уделялось проведенной работе по контролю за состоянием кадров немецкого самоуправления. В отчете о работе отдела гражданской администрации говорилось, что за 1-е полугодие 1949 г. «В составе ландтага Тюрингии заменено 8 выбывших по разным причинам депутатов, в том числе 2 из фракции СЕПГ (были заменены самой фракцией) и 6 из фракции ЛДП. В составе фракции ХДС за отчетный период изменений не произошло. В числе 6 депутатов ЛДП, которые выбыли за отчетный период, есть такие реакционеры, как доктор Эльстер, доктор Шумерус и доктор Маар. Два первых удалены из фракции ЛДП благодаря нашим совместным усилиям с отделом информации, последний арестован органами безопасности СВА Тюрингии. Двое из либералов бежали на запад»[183].

Не менее важной проблемой для руководства СВАГ было установление строгой подчиненности немецких земельных органов центральным управлениям. Заместитель политического советника СВАГ Грибанов в январе с беспокойством писал о «самостоятельности» земель в Советской зоне, иллюстрируя это тем, что органы юстиции земель игнорируют указания зональных управлений. Грибанов полагал, что настало время серьезно заняться «очищением аппарата управления в центре и в землях от враждебных делу демократизации лиц, шкурников, спекулянтов и саботажников. До сих пор, – писал он, – все пять министров юстиции в землях нашей зоны возглавляются руководящими деятелями ЛДП»[184]. По сути Грибанов выступил против «федерализма», предложив выстроить систему взаимоотношения центральных управлений в Берлине с властями земель как между «иерархически подчиненными государственными органами». На деле это означало, как теперь принято говорить, укрепление «вертикали власти». Движение в этом направлении в дальнейшем шло по нарастающей и земли постепенно теряли самостоятельность, пока в 1952 г. не были вовсе упразднены. Вместо них

[182] ГАРФ. Ф. 7184. Оп. 1. Д. 11. Л. 90.
[183] Там же. Д. 136. Л. 295.
[184] *СССР и германский вопрос*….Т. 3. С.567.

появились, строго подчиненные центру 14 округов, не имевшие никаких признаков самостоятельности.

Высшие руководители провинций и земель – президенты персонально были утверждены в июле 1945 г. Жуковым[185]. При этом, назначенные ранее союзниками Бриль в Тюрингии и Есс в Мекленбурге были смещены со своих постов. Президенты представляли самые разные политические силы. Членами СДПГ были Фридрихс (земля Саксония), Хеккер (Мекленбург) и Штейнхоф (Бранденбург), членом ДПГ – Пауль (Тюрингия), членом ЛДП Хюбенер (провинция Саксония). После образование СЕПГ, Фридрихс, Хеккер и Штейнхоф стали членами этой партии. В нее же перешел и Пауль. Теперь, независимо от личных убеждений, все они вынуждены были выполнять волю партийного руководства СЕПГ. Однако, по разному сложилась их судьба.

После конфликта с руководством СЕПГ по поводу участия в Мюнхенском совещании премьер-министров земель, неожиданно 13 июня 1947 г. умер премьер-министр земли Саксония Фридрихс. Как официально сообщалось, он умер после «непродолжительной болезни». Сразу же поползли слухи, что он был отравлен.

Тяготился своей ролью и несколько раз порывался уйти в отставку премьер-министр провинции Саксония Хюбенер. Ему надоело быть ширмой коммунистических преобразований со стороны узурпировавшей власть СЕПГ и репрессивной политики советского МГБ[186]. Хюбенер заявлял, что от него – члена ЛДП – нельзя требовать чтобы он проводил линию СЕПГ. Хотя он прекрасно понимал свою роль, заявляя: «я являюсь куклой, украшающей корабль, а не его капитаном или штурманом»[187].

Не выдержав, бежал на Запад из-под советской опеки премьер-министр Тюрингии Пауль. Начальник УСВА Колесниченко так и не разобрался в мотивах его бегства. Другие руководители УСВА земель также порой проявляли полное непонимание обстановки, не умея наладить более или менее уважительные отношения с премьер-министрами земель, сводили свой стиль руководства лишь к администрированию.

---

[185] С 1946 г. после выборов в ландтаги именовались премьер–министрами.

[186] Хюбенер весьма открыто высказывался о репрессиях со стороны оперсектора МГБ: «то что СВАГ с такими трудностями строит, стремясь морально завоевать немцев на свою сторону, все это часто расстраивается одним арестом со стороны НКВД какого–либо немца, и его бесследным исчезновением». (ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 64. Д. 2712. Л. 31.).

Наконец, в 1948 г. ЦК ВКП(б) обратил пристальное внимание на состав и деловые качества верхушки СВАГ. Готовилось решение о замене десяти руководящих работников. В июне 1948 г. на каждого отзываемого с работы были составлены подробные, а порой и беспощадные характеристики. Например, о начальнике правового отдела СВАГ Я.А.Карасеве говорилось: «Отделом руководит слабо. Беспринципен, малоинициативен. Контроль за органами юстиции и очистку их от нацистских и реакционных элементов проводит плохо. За три года отдел не подготовил ни одного серьезного мероприятия по переработке немецкого законодательства. В 1922 г. Карасев арестовывался органами ОГПУ за хранение и распространение нелегальной эсеровской литературы»[188]. О начальнике УСВА Тюрингии И.С.Колесниченко говорилось: «Начал работой тяготиться. За последнее время допустил ряд ошибок. Допустил арест 19 бургомистров за невыполнение заготовок, зажим самокритики, недооценку роли политаппарата. Проявил беспечность, проглядев бегство за границу премьер-министра земли Тюрингия – Пауля»[189]. О начальнике УКС СВАГ С.Ф.Горохове: «За трехлетнюю работу в СВАГ к недостаткам привык. Злоупотребляет своим служебным положением в целях личного обогащения. Занимается барахольством, за что 5 марта 1948 г. получил партвзыскание – выговор»[190]. А о начальнике УСВА земли Мекленбург Н.И.Труфанове, помимо сведений о том, что он бросил семью и «сошелся» с женщиной работавшей в период оккупации у немцев, говорилось коротко и ясно: «Ограниченный человек, отнюдь не политик»[191]. Тем не менее, на руководящей работе в СВАГ все они остались. Более того, это не помешало, например С.Ф.Горохову, в августе 1948 г. занять высокую должность начальника УВД СВАГ.

Создание органов немецкой криминальной полиции.

Мероприятия по организации немецких органов полиции начались еще в мае 1945 г., то есть задолго до появления СВАГ. Хотя точнее будет сказать, что

---

[187] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 64. Д. 2712. Л. 68.
[188] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 127. Д. 1720. Л. 123.
[189] Там же. Л. 122.
[190] Там же. Л. 121.

речь шла о реорганизации уже имеющегося аппарата криминальной полиции, чистке его кадрового состава и приспособления его для использования в нуждах оперативных групп НКВД. В июне 1946 г. Серов инициировал вопрос о едином руководстве полицией всех земель Советской зоны[192]. Руководство и контроль за деятельностью немецкой полиции были возложены на Отдел (с апреля 1947 г. – управление) внутренних дел СВАГ.

В мае 1945 г. началась и в последующие годы не прекращалась кадровая чистка немецкой полиции. Ее направленность вполне очевидна. Уже 2 июня 1945 г. в оперативной сводке 105 пограничного полка приданного Берлинскому оперативному сектору НКВД и охранявшего объекты в Берлине отмечалось: «руководители парторганизаций фашистской партии и работники Гестапо, проживающие в Берлине всячески пытаются пробраться в органы местного самоуправления и организуемую полицию»[193]. Поэтому мощным кадровым резервом для будущих восточногерманских спецслужб стали прошедшие советскую пропагандистскую школу и «проверенные на конкретной работе в СССР» немецкие военнопленные. 20 августа 1948 года Круглов направил Молотову предложения о репатриации 25 немцев – бывших членов Национального Комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров» прошедших специальную политическую подготовку. Среди них пять генералов: Винценц Мюллер, Отто Корфес, Ганс Вульц, Артур Брандт, Вальтер Шрайбер, четыре полковника, среди которых знаменитые Генрих Шерхорн и Ганс Михаелис (сотрудничавшие в 1944–45 годах с Павлом Судоплатовым и 4-м Управлением НКГБ в операции «Березино», результатом которой стал расстрел группы немецких военнопленных на Лубянке) и т.д. Вот что писал Круглов:

> «В январе 1948 года МВД СССР представило Вам соображения относительно использования руководящих членов Национального Комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров» для ведения политической разведки и контрпропаганды в Германии, в целях противодействия распространяемым в западных зонах Германии провокационным и антисоветским слухам.

---

[191] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1720. Л. 121.
[192] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2412. Л. 385–391.
[193] РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 121. Л. 64.

По Вашему указанию, в дальнейшем совместно с Комитетом Информации[194], был проведен ряд мероприятий по подготовке отправки членов Национального Комитета и «Союза немецких офицеров» в Германию.

В Подмосковном лагере было собрано 47 участников этих организаций, которые наряду с проведением с ними политических занятий по специальной программе, были подвергнуты тщательному агентурному изучению с тем, чтобы выявить и отсеять политически неблагонадежных лиц.

Учитывая, что бывшие члены Национального Комитета и «Союза немецких офицеров» по согласованию с тов. СОКОЛОВСКИМ и УЛЬБРИХТОМ, а также с Комитетом Информации будут использованы в административных органах советской зоны оккупации Германии, у 22-х немцев было запрошено согласие на вывоз их семей из западных зон в советскую зону.

В результате проведенных совместно с КИ мероприятий отобрано 25 бывших членов Национального Комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров», характеризующихся по перепроверенным агентурным данным и по своему поведению в лагерях военнопленных положительно, и которых МВД СССР считает возможным, в связи с окончанием подготовительных мероприятий к их отправке в Германию, репатриировать. [...]

К этой группе может быть присоединен для отправки в Германию военнопленный генерал-майор бывшей германской армии ВЕЕХ Ганс, не входивший в состав членов Национального Комитета, но намеченный к репатриации, в связи с мероприятиями по отбору немецких генералов для использования на руководящих должностях в органах полиции в советской зоне оккупации.

Прошу Вашего решения.

Проект распоряжения Совета Министров СССР при этом представляется»[195].

Санкция Молотова была получена. Уже через восемь дней вышло распоряжение Совета Министров СССР № 12095 от 28 августа 1948 года о репатриации всех без исключения поименованных в письме Круглова немцев. Это распоряжение было объявлено приказом МВД № 001064 от 3 сентября 1948 года. В нем говорилось об освобождении из лагеря военнопленных № 27 бывших членов Национального Комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров» в количестве 26 человек и передаче их до 20 сентября через лагерь № 69 во Франкфурте–на–Одере органам Управления Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации.

[194] Комитет Информации (КИ) при Совете Министров СССР был образован в мае 1947 года и объединил всю советскую внешнюю разведку. Во главе КИ до марта 1949 года был В.М.Молотов.

С одним из репатриированных в этой группе генералом-майором медицинской службы Вальтером Шрайбером случилась осечка. То ли его плохо проверяли, то ли он сумел обмануть советских оперативников, но будучи отправленным 10 октября 1948 года из Москвы, он уже 17 октября сбежал с семьей в Западный Берлин[196].

Примерно в то же время Совет Министров СССР принял постановление № 2443–1019сс от 6 июля 1948 года «Об укреплении немецкой полиции в Советской зоне оккупации Германии». Согласно этому постановлению необходимо было отобрать и подготовить из числа немецких военнопленных кадры формирующейся немецкой полиции. Об этом говорилось в приказе МВД СССР № 00796 от 8/9 июля 1948 года. Начальнику ГУПВИ и начальнику Оперативного Управления ГУПВИ предписывалось «отобрать и до 1 октября с.г. направить в Советскую зону оккупации Германии в распоряжение Главноначальствующего СВАГ тов. Соколовского из числа прошедших специальную проверку военнопленных немцев 5 тысяч человек рядового и сержантского состава, 100 офицеров и 5 генералов, которые могут быть направлены для работы в немецкой полиции»[197].

По состоянию на 1 апреля 1949 г. функции по руководству различными видами немецкой полиции и контролю за ее деятельностью были распределены между отделами УВД СВАГ следующим образом:

1 отдел УВД (органы немецкой территориальной полиции) – состоял из четырех отделений: отделение криминальной полиции, отделение охранной полиции, отделение административной полиции и отделение пожарных служб;

2 отдел УВД (резервно-казарменная, пограничная и водная полиция) – состоял из трех отделений: отделение резервно-казарменной полиции, отделение пограничной полиции и отделение водной полиции;

3 отдел УВД (подготовка и снабжение полиции) – состоял из четырех отделений: отделение боевой подготовки полиции; отделение снабжения полиции; отделение по переселению и трудоустройству немцев и отделение по изучению кадров немецкой полиции[198].

---

[195] ГАРФ Ф. 9401 Оп. 2 Д. 204 Л. 209–211. См. также Конасов В.Б. *Судьбы немецких военнопленных в СССР*. Вологда. 1996. С. 211–213.
[196] Конасов В.Б. *Судьбы немецких военнопленных в СССР*. Вологда. 1996. С. 213–215.
[197] ГАРФ Ф. 9401 Оп. 2 Д. 9 Л. 585–586.
[198] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 60. Д. 116. Л. 190–196.

Помимо этих структурных подразделений в УВД был Общий отдел, архивное отделение, бюро по выдаче межзональных пропусков и отделение по учету и информации. Всего в штате на это момент числилось 74 человека[199].

Вместе с тем, кадровый состав УВД СВАГ оставлял желать лучшего. На «несерьезное» отношение МВД и МГБ СССР к подбору кадров направляемых на работу в Германию начальник УВД С.Ф.Горохов 25 мая 1949 г. жаловался в своем письме на имя Главноначальствующего В.И.Чуйкова и политсоветника В.С.Семенова: «В соответствии с решением ЦК ВКП(б), для укрепления Управления и отделов внутренних дел Советской Военной Администрации, в конце 1948 г. министерствами внутренних дел и государственной безопасности СССР было направлено в Германию 40 человек, из которых по несоответствию занимаемым должностям и аморальным поступкам откомандировано обратно 11 человек и требуют немедленного откомандирования 4 человека», при этом, писал Горохов, управления кадров МВД и МГБ отказались дать им замену[200].

Зигзаги советизации.

Вопрос о том, с какого момента проводимая Кремлем советизация Восточной Германии становится явной и необратимой довольно существенен, но ясного ответа на него пока нет. Об этом до сих пор ведутся довольно острые дискуссии, и это не случайно. Ведь если у Сталина с первых дней оккупации Германии было четкое намерение провести социалистические преобразования, это означает его заведомое пренебрежение обязательствами перед союзниками – США, Великобританией и Францией.

В этой связи не менее важно выяснить и сам момент начала со стороны СВАГ осмысленной политики советизации и превращения востока Германии в подобие СССР по экономическому и политическому укладу. Если говорить о первых шагах преобразований в Советской зоне, то важно знать, что делалось только лишь для удобства управления зоной исходя из привычек и принятых советских традиций, т.е. без выработанного в деталях заранее социально политического курса, и еще без отчетливого понимания, что подобная практика

[199] Там же.
[200] Там же. Л. 286–287.

неизбежно ведет к узурпации власти одной партией, а в конечном счете к ее диктатуре. А что могло быть действительно стратегическим планом в отношении будущего Германии?

Обособленные экономические преобразования в советской зоне и отказ СВАГ от объединения усилий по управлению экономикой (или, по крайней мере координации в сфере управления) с западными зонами неизбежно вели к невозможности будущего объединения зон оккупации. И это в противовес решениям Берлинской конференции, смысл которых сводился к тому, что несмотря на существующие зоны оккупации Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое. Растущие различия в экономике зон оставляли для этого все меньше шансов.

Первые приметы социализации видны уже в мае–июле 1945 г. В Берлине власти района Пренцлауэр-Берг пытались отменить плату взимаемую домовладельцами с жильцов, покушаясь таким образом на принцип частной собственности домовладений[201]. Под жесткий контроль в советской зоне была взята банковская система. Специальным секретным приказом заместителя Главноначальствующего СВАГ № 01 от 23 июля 1945 г. устанавливалось, что разрешение на открытие частных банков следует давать лишь «в крайнем случае»[202]. В этом же ряду стоят и мероприятия по пролетаризации общества, когда большинство коммерческих училищ и учебных заведений готовивших клерков подлежало закрытию, а обучающихся в них детей следовало определить в ремесленные школы по строительным специальностям – каменщиков, маляров, штукатуров, плотников, слесарей и т.п.[203]

[201] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 96. Л. 300–304.
[202] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 7. Д. 10. Л. 1–7.
[203] Это породило немало семейных трагедий, и в ноябре – декабре 1946 г. немцы писали об этом в письмах. Так, в письме, адресованном в английскую зону, одна немка писала о своей дочери: «… Рената доставляла мне много радости своей учебой в школе, но она, по всей вероятности, должна будет стать ученицей – каменщицей. По приказу русских около 300 учеников и учениц должны быть взяты из школы для обучения профессии каменщиков». Другая немка просила своих родственников из американской зоны узнать, может ли ее сын продолжить там учебу: «…у Эриха нет никакого стремления к другой профессии, кроме как к профессии конторского служащего». В одном из писем говорилось, что «В Тюрингии свыше 10000 учащихся из торговых школ исключены». А многие учащиеся всерьез задумались о переезде на Запад: «…Я бы охотнее переехала жить к тебе, так как здесь живется не очень хорошо. К тому же нас всех сняли с учебы и перевели туда, где мы нужны русским. По приказу СВА остальные учащиеся торговой школы тоже уволены. В прошлые времена учащиеся торговых школ были вынуждены стать военными, а теперь эти господа пользуются такими же методами, только с небольшим изменением». (ГАРФ. Ф. 7184. Оп. 1. Д. 9. Л. 145–148).

Еще одной особенностью советской экономической политики в Германии был и беспрецедентный масштаб вывоза оборудования промышленных предприятий – т.н. «демонтаж». Он обрекал советскую зону на долгие годы экономической слабости. И тут даже не столь уж важно, в каком направлении хотел двигаться Сталин. Объединять Германию на принципах буржуазной демократии, или устанавливать в ее советской части социализм. И в том, и в другом случае было неразумно и вредно доводить ситуацию до экономического краха и продовольственных затруднений. Рациональней было бы подкрепить немецкий социализм ростом и стабильностью экономики. Но все происходило как раз наоборот. Хищническое начало советской имперской политики (забрать как можно больше) боролось с доктриной марксистско-ленинского «мессианства» (дать немецкому народу «счастье» социалистических преобразований)[204].

Сиюминутные цели советской оккупационной политики в Германии довольно откровенно сформулировал Главноначальствующий СВАГ маршал Г.К.Жуков 16 августа 1945 г. в своей речи перед руководителями УСВА земель и провинций. Начав с того, что «мы гости здесь не вечные» он заявил: «Нам нужно быстрее вывезти все, что нужно вывезти в счет покрытия издержек войны», пояснив это благоприятным психологическим моментом – пока немцы «ошарашены финалом войны»[205]. Объективно выходило, что первые годы оккупации Германии советское руководство сделало все, чтобы затруднить себе же жизнь в дальнейшем.

Представляется, что общий замысел Сталина заключался в создании просоветского блока из занятых Красной Армией стран Восточной Европы и восточной части Германии. Разумеется, речь уже не шла, как в 20-е годы о «мировой революции» или о мировом господстве коммунизма. Скорее всего, этот процесс следует понимать как желание гарантированно включить эти страны в зону советских интересов и создать своеобразный «пояс безопасности» к Западу от СССР.

---

[204] Историки давно обратили внимание на это противоречие и находили этому объяснение в соперничестве неких группировок в советском руководстве и наличии двух стратегий. Так, Борис Майсснер полагал, что одни делали упор на получение репараций и для них советизация Германии играла лишь побочную роль, для других важнее всего были идеи «мировой революции» и захват власти коммунистами. (См.: Meissner Boris. *Russland, die Westmaechte und Deutschland. Die sowjetische Deutschlandpolitik 1943–1953.* Hamburg, 1953, S. 81.).

[205] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 7. Д. 14. Л. 121–133.

При этом, Сталину виделся наиболее верный и надежный путь превращения этих стран в сателлиты СССР посредством проведения однотипных с советским (и притом обязательно необратимых) социально-экономических преобразований. То есть советизация в данном случае была не целью, а лишь наиболее эффективным средством накрепко привязать эти страны к СССР. И она являлась, по сути, новым типом колонизации – «советским неоколониализмом». В этом смысле «историографический спор о том, что преобладало в германской позиции Сталина – идеологические установки на расширение мировой системы социализма или внешнеполитические расчеты на обеспечение безопасности СССР – можно считать беспредметными. Они обуславливали друг друга, и менять одно на другое не имело никакого смысла. Даже маленький германский социализм обеспечивал Советской армии надежный плацдарм в центре Европы»[206].

Не случайно по прошествии двух десятилетий после Второй мировой войны действительному статусу стран советского блока будет найдено вполне точное определение – «ограниченный суверенитет»[207]. В странах Восточной Европы к власти были приведены «карманные» партии, во главе которых стояли надежные и послушные Сталину лидеры.

Смысл преобразований в странах Восточного блока, теоретическое обоснование этого процесса и его конечная цель были предельно ясно сформулированы в докладе А.А.Жданова 25 сентября 1947 г. на Информационном совещании представителей коммунистических партий в Польше. Отметив, что в Югославии, Болгарии, Румынии, Польше, Чехословакии, Венгрии и Албании была проведена аграрная реформа, приведшая к «ликвидации класса помещиков», национализирована крупная промышленность и банки, Жданов сообщил, что тем самым: «…была заложена основа государственной общенародной собственности, был создан новый тип государства – народная республика, где власть принадлежит народу, крупная промышленность, транспорт и банки принадлежат государству и ведущей силой является блок трудящихся классов населения во главе с рабочим классом. В

[206] Ватлин А.Ю. *Германия в XX веке.* М. 2002. С. 170.

[207] Этот термин появился после ввода в 1968 г. в Чехословакию советских войск. Принцип вассальной зависимости стран Восточного блока от московского руководства западные политологи назвали «доктриной Брежнева».

итоге народы этих стран не только избавились от тисков империализма, но закладывают основу перехода на путь социалистического развития»[208].

Положения доклада Жданова – это официальная точка зрения кремлевской верхушки. Его текст был просмотрен и одобрен Сталиным накануне совещания[209]. Таким образом, были четко сформулированы главные признаки или критерии по которым определялось, принадлежит ли то или иное государство к странам «народной демократии» и, можно видеть какое реальное наполнение имеет термин советизация, то есть какие социально-политические преобразования, по мнению Москвы, гарантируют переход на путь социалистического развития.

Совокупность проводимых с 1945 года в Восточной Германии мероприятий не оставляет сомнений в том, что они четко и заданно идут в русле советизации, ломают традиционный уклад жизни, носят по сути революционный характер. Путь социальных преобразований, который Советский союз прошел за двадцать предвоенных лет, советская зона Германии преодолела за пять – семь. С первых шагов – земельная реформа, заключавшаяся в разделе помещичьих угодий превышавших размерами 100 гектаров. Такой, своего рода, российский 1917 год с лозунгом «землю крестьянам». Форсирование процесса начнется через два года, с нападок на успевших разбогатеть крестьян[210], а уже через пять – семь лет грянет и сама коллективизация. Осень 1945 г., помимо земельной реформы принесла и продовольственную разверстку, проводимую методами военного коммунизма. Военные коменданты со всей решимостью были готовы применять крайние меры против не желающих сдавать собранный урожай. Немцы, несогласные с проводимой в советской зоне аграрной политикой, жестоко наказывались[211].

---

[208] *Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы.* М. 1998. С. 153.

[209] Кроме того, Жданов непосредственно получил инструкции от находящегося в отпуске Сталина, выехав к нему на юг. Об этом свидетельствуют их совместные телеграммы в Москву остальным членам Политбюро от 17 и 20 сентября 1947 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 106).

[210] В 1948 г. на двух пленумах Центрального правления СЕПГ Ульбрихт выступил с нападками на зажиточных крестьян, назвав их «кулаками». Новые веяния в политике правящей СЕПГ не остались без внимания руководителей других партий. Член ЛДП – премьер–министр Саксонии–Ангальт Хюбенер в беседе с заместителем Главноначальствующего СВАГ А.Ф.Кабановым в декабре 1948 г. откровенно заявил, что он не хочет быть «либеральной ширмой сеповской политики», пояснив, что «взятый СЕПГ курс на превращение ее в партию нового типа» и «объявленное Ульбрихтом антикулацкое движение, поддерживаемое советскими офицерами» убедило его уйти в отставку. (ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 64. Д. 2712. Л. 30).

[211] Лица «злостно уклоняющиеся от выполнения обязательной сдачи сельскохозяйственных продуктов» привлекались к ответственности согласно приказу Главноначальствующего СВАГ

В 1945–1948 гг. была проведена и социальная чистка немецкого общества, хотя и не в таком демонстративном и явном виде, каким был «большой террор» 1937–1938 гг. в СССР. Просто десятки тысяч немцев – заключенных спецлагерей НКВД–МВД в Германии, уморили голодом и болезнями[212]. При этом Сталин был совершенно равнодушен к сообщениям об их ужасающем положении. Он помнил, что в этих лагерях содержались разного уровня руководящие работники Третьего Рейха и члены их семей. Многое объясняет высказанная, им как бы в шутку на обеде с союзниками в Тегеране мысль о том, что все могущество армии Гитлера зависит примерно от 50 тысяч офицеров и специалистов: «Если этих людей выловить и расстрелять после войны, военная мощь Германии будет уничтожена с корнем»[213]. Примерно то же Сталин мог думать и о погибающих в спецлагерях немецких чиновниках, промышленниках и интеллигенции «составлявших могущество» государства.

Но наряду со всем этим, вполне очевидно и желание Кремля скрыть свои истинные намерения в отношении Восточной Германии, двигаться к своей цели скрытно и не давать повод для критики и обвинений в том, что СЕПГ – «русская партия». В декабре 1948 г. Сталин поучал немецких руководителей: «СЕПГ лучше будет подчеркивать свою самостоятельность по отношению к Москве», так как «не следует давать новые аргументы врагам»[214], а в апреле 1952 г. призывая вести наступление на «кулаков» и создавать колхозы, он советовал, тем не менее, «лавировать и маскироваться в отношении средних слоев», добавив, что «кричать о социализме не нужно…»[215].

№ 160 от 3 декабря 1945 г. «Об ответственности за саботаж и диверсионные акты», который предусматривал наказание до 15 лет каторжной тюрьмы, а в «особо тяжких случаях» и смертную казнь. (*Материалы по истории Советской военной администрации в Германии в 1945–1949 гг.* Авторы – В.В.Захаров, Д.Н.Филипповых, М.Хайнеман. Под ред. А.В.Окорокова. Выпуск 1. М. 1999. С. 198–199).

[212] За четыре года, с мая 1945 г. по май 1949 г. в спецлагерях НКВД–МВД в Германии умерло 41907 немецких граждан, что составило примерно 35% от общего числа немцев, находившихся в них (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 364. Л. 200).

[213] Невежин В.А. *Застольные речи Сталина. Документы и материалы.* М. – СПБ. 2003. С. 354.

[214] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 104. Л. 77.

[215] В ходе беседы Ульбрихт, памятуя, что раньше Сталин высказывался против колхозов, спросил, а как же прежняя линия? Сталин ответил: «кричать о социализме не нужно и теперь. Производственные кооперативы – есть кусочки социализма. Народные предприятия это тоже социализм», и посоветовал пока колхозами их не называть. Ульбрихт высказал опасение, что при организации колхозов «часть кулаков перебежит на запад». Сталин парировал: «А что в этом плохого? Вы возьмете их землю». (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 104. Л. 182–185).

Вместе с тем, копирование советского опыта и методов было во всем[216]. Так, земельная реформа неизбежно сопровождалась репрессиями, и бывшие землевладельцы подвергались выселению. Для оправдания этой меры нашлось и обоснование. Начальник управления сельского хозяйства и лесоводства СВАГ А.Ф.Кабанов 12 августа 1947 г. сообщал заместителю Главноначальствующего СВАГ М.И.Дратвину и политсоветнику В.С.Семенову о том, что часть бывших владельцев имений «вмешивается в хозяйственные дела и ведет систематическую агитацию против земельной реформы», а сам по себе факт их проживания на территории своих прежних владений или в ближайших общинах и городах «вселяет в новых крестьян, получивших землю по земельной реформе, неуверенность в стабильности своего положения и порождает нездоровые политические настроения»[217]. Кабанов посчитал необходимым «дать указания военным комендантам проверить, кто из бывших землевладельцев проживает вблизи принадлежавших им прежде имений, и выселить их через немецкие полицейские органы за пределы уезда», добавив, что «эта мера практиковалась в отношении помещиков в 1945–46 гг. и дала более положительные результаты, чем выселение бывших землевладельцев на остров Рюген»[218]. Предложение Кабанова встретило полное понимание и одобрение со стороны Дратвина, который 16 августа 1947 г. наложил на письме резолюцию: «Согласен. Дать указания начальникам УСВА земель»[219].

Немецкое население довольно быстро разобралось в особенностях политики проводимой в советской зоне оккупации и не питало никаких иллюзий относительно будущего. Когда в ноябре 1945 г. в результате уточнения демаркационной линии из британской в советскую зону передавались 13

---

[216] Некоторые историки полагают, что советизация «не являлась односторонним переносом советской модели на восточногерманские отношения, а большей частью добровольным введением этой модели немецкими коммунистами в целях обеспечения собственной власти и господства» (Michael Lemke, *Einheit oder Sozialismus? Die Deutschlandpolitik der SED 1949–1961,* Koeln, 2001, S. 503).

[217] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 7. Д. 57. Л. 36.

[218] Там же.

[219] Там же. Соответствующая директива всем начальникам УСВА о выселении за подписью Дратвина была разослана 18 августа 1947 г. Согласно этой директиве до 1 сентября 1947 г. подлежали выселению вместе с семьями бывшие помещичьи управляющие и владельцы конфискованных имений, проживающие в своих бывших владениях или поблизости от них. Выселяемым предоставлялось право выбрать новое местожительство, но за пределами уезда, где было расположено конфискованное имение. При этом, для некоторой категории бывших помещичьих управляющих (но не для владельцев) было сделано исключение. Выселению не подлежали те из них, «которые на деле доказали лояльное отношение к земельной реформе» (ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 7. Д. 57. Л. 37).

населенных пунктов, их жители не захотели оказаться в советской зоне и, забрав вещи и скот, ушли на запад. При этом советская сторона, не желая признать очевидное, обвинила англичан в том, что они «запугивали» население и, что ими «почти полностью уведено население и прекращена хозяйственная жизнь 13 сел»[220]. В селе Дехов из 37 семей осталось только две[221].

Печать в советской зоне была монополизирована СЕПГ. Единственным способом выражения собственного мнения оставались листовки. В 1946 г. в листовках немцы писали об отсутствии «элементарных политических прав – свободы слова, собраний и печати» и протестовали против «большевизации»[222]. При этом в официальной периодике, обслуживающей интересы правящей СЕПГ, без устали писалось о подавлении свобод и «разгуле реакции» в западных зонах. Это вызывало язвительные реплики читателей. Так, читатель «Лейпцигер Фолькcцайтунг» в апреле 1947 г. написал в газету возмущенное письмо, в котором спрашивал, наберется ли газета смелости «сделать вопрос о праве рабочих на забастовку предметом дискуссии», добавив: «Я не думаю. Вы так много пишите всегда о положении в Советском Союзе. А как обстоит там дело с правом забастовок? Вероятно, его там не существует, ибо на одном лейпцигском предприятии «благородные» русские заявили, что они поставят к стенке любого, кто осмелится бастовать». Обращаясь к редакции, читатель с сарказмом писал: «сегодня, как некогда при Геббельсе, приходится читать только Ваше мнение»[223].

Была и еще одна интересная особенность германской политики Сталина. Новым тактическим приемом стало разыгрывание «национальной карты». В условиях блоковой политики, с точки зрения Сталина, декларативный интернационализм уже не мог дать реальных плодов. Расширению базы советского влияния и проникновения могла и, при том вполне эффективно, помочь националистическая риторика. Вполне уместным было поощрение националистических настроений и потакание любым формам «национальной гордости» лишь бы вывести европейские страны из-под влияния США.

В январе 1947 г. на встрече с немецкими руководителями Сталин рассуждал вслух: «были же в фашистской партии патриотические элементы» и

[220] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 9. Д. 32. Л. 462.
[221] Там же. Л. 487.
[222] ГАРФ. Ф. 7212. Оп. 1. Д. 187. Л. 140.

«их надо завербовать на свою сторону», после чего прямо предложил оторопевшим руководителям СЕПГ «создать для бывших нацистов какую-то партию, которая притянула бы к себе патриотов и неактивные элементы из бывшей национал-социалистической партии»[224]. Это, дескать, помогло бы «нейтрализовать» бывших фашистов и таким образом уменьшить базу «реакции»[225]. «Это проблема тактики, – поучал Сталин, – ничего непринципиального или беспринципного в этом нет»[226]. Удивленный Пик спросил: «как может разрешить такую партию Советская военная администрация в Германии». Сталин засмеялся и ответил, что он «постарается, чтобы такую партию разрешили» и пояснил: «Ее можно назвать «национал-демократической партией» или как-нибудь иначе, дело не в названии. Но старое название давать не стоит. Так можно будет разложить тот лагерь, который собирается вокруг англичан и американцев»[227]. Несмотря на сталинский нажим, руководители СЕПГ долго сомневались в том, стоит ли создавать партию которая может стать их реальным конкурентом[228]. Мысль об использовании «национального принципа» для разрыхления Западного блока не оставляла Сталина и стала лейтмотивом его последней публичной речи произнесенной на XIX съезде КПСС[229].

---

[223] ГАРФ. Ф. 7212. Оп. 1. Д. 198. Л. 193.

[224] *СССР и германский вопрос*….Т. 3. С. 251–252.

[225] «Реакционеров нельзя пускать в новую партию, но только патриотов и неактивных фашистов. Речь идет о рабочих, интеллигенции, крестьянах», пояснял Сталин (*СССР и германский вопрос*….Т. 3. С. 253).

[226] *СССР и германский вопрос*….Т. 3. С. 252.

[227] Там же.

[228] В августе 1947 г. В.С.Семенов писал в МИД СССР о том, что в условиях резких возражений СЕПГ против создания новой партии, следует для начала издавать для «патриотов» из бывшей НСДАП хотя бы газету под названием «Националь–цайтунг» (*СССР и германский вопрос*….Т. 3. С. 456–458). 22 марта 1948 г. газета под таким названием стала выходить в Берлине (там же. С. 674), а в мае 1948 г. В.С.Семенов и С.И.Тюльпанов прилагали усилия по созданию Национально–демократической партии Германии (НДПГ) обеспечивая в ней «руководящую роль со стороны специально подобранных членов СЕПГ и близко стоящих к ней лиц, в частности, из числа недавно вернувшихся из советского плена» (там же. С. 674–676). Критики СЕПГ моментально разгадали этот маневр и открыто говорили, что НДПГ – «вассальная партия» и ее создание «дело рук самой СЕПГ» (там же). В полном соответствии с рецептом Сталина, эта партия и в последующие годы объединяла «в основном часть средних слоев населения, в том числе бывших военнослужащих гитлеровской армии и бывших рядовых членов нацистской партии» (Справочник пропагандиста–международника. М. 1967. С. 94). По состоянию на 1967 г. в ней насчитывалось 90 тыс. членов (там же). НДПГ просуществовала до 1989 г. и сошла с политической сцены вместе с СЕПГ. В 1990-х гг. под этим названием возникла новая партия.

[229] Обращаясь к представителям коммунистических и рабочих партий присутствующих на съезде, Сталин высказался вполне определенно: «Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «превыше всего». Теперь не осталось и следа от «национального принципа». Теперь буржуазия продает права и независимость нации за

В мае – июне 1945 года, уже с самого начала советской оккупации Коммунистическая партия Германии ставила для себя «стратегическую задачу – довести до конца под руководством рабочего класса буржуазно-демократическую революцию, полностью искоренить империализм, милитаризм и нацизм, создать единую, миролюбивую, антифашистскую и демократическую республику»[230]. Этот же мотив прозвучал в заявлениях лидеров КПГ 11 июня и ЦК СДПГ 15 июня 1945 г. Причем, главной задачей немецкие коммунисты считали «сплочение рабочего класса на марксистско-ленинской основе»[231]. Конечная цель этого сплочения им виделась в духе догматов марксизма-ленинизма, то есть, вполне по-советски. Как позднее отмечал Ульбрихт:

> «Уже в процессе борьбы за ликвидацию империализма и создание антифашистско-демократического строя следовало не упускать из виду задачи перехода к выполнению исторической миссии рабочего класса – социалистического переустройства общества.
>
> Было достигнуто понимание того, что речь идет не о поисках «особого, немецкого пути к социализму». Задача состояла скорее в правильном применении в сложившихся условиях страны учения Маркса, Энгельса и Ленина, примера социализма, созданного Великой Октябрьской социалистической революцией»[232].

Ему вторит и С.И.Тюльпанов. Поспешность социализации, форсирование экономических преобразований в советской зоне и возникавшие вследствие этого эксцессы объясняются им просто: «Чтобы не пропустить исключительно благоприятный исторический момент, который возник в связи с разгромом германского империализма, нужно было действовать твердо и непримиримо»[233].

Разумеется, немецкие коммунисты пользовались всецелой поддержкой со стороны руководства СВАГ. 16 августа 1945 г. в своей речи перед руководителями УСВА земель и провинций Главноначальствующий СВАГ

доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации» (Сталин И.В. *Речь на XIX съезде партии 14 октября 1952 г.* М. 1952. С. 12–13).

[230] Ульбрихт В. *Исторические достижения Социалистической единой партии Германии.* // *Коммунист.* 1971. № 6. С. 115.

[231] Там же.

[232] Там же. С. 115–116.

[233] Тюльпанов С. *Товарищ Вильгельм* // *Неделя.* 1976. 5–11 января.

Г.К.Жуков отверг тезис о равной поддержке всех демократических партий, четко обозначив линию действия – «не в ущерб коммунистической партии», дав понять что его симпатии на стороне коммунистов[234].

Но такие откровения можно было услышать лишь в своем внутреннем кругу чиновников СВАГ. Публично, и особенно на переговорах с союзниками, лидеры восточной зоны, например В.Д.Соколовский, демагогически заявляли о «равном» отношении ко всем партиям.

В апреле 1947 г. в беседе с Тюльпановым председатель ХДС в советской зоне Я.Кайзер, желая знать мнение информированного собеседника осторожно поинтересовался в форме полувопроса: «русские ведь действительно могут желать только демократизации Германии, а не большевизации ее». Тюльпанов отмолчался[235].

Вместе с тем, все официальные и рассчитанные на пропагандистский эффект внешнеполитические инициативы СССР строго выдержаны в духе курса на «мирное объединение Германии», ее «демилитаризацию» и «демократический» статус. При выработке директив по вопросу о судьбах Германии, в решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 июня 1946 г. (П52/143–оп), четко говорилось: «мы против расчленения Германии»[236].

В этом смысле характерно замечание Сталина к проекту немецкой Конституции. Молотов 13 ноября 1946 г. одобрил положения конституции находясь в Нью-Йорке и рекомендовал утвердить их решением Политбюро ЦК ВКП(б)[237]. Однако, в телеграмме из Москвы на имя Соколовского и Семенова, по поводу отсутствия в проекте конституции поста президента республики, появилось замечание, несомненно, продиктованное Сталиным:

> «Повторять советский принцип в этом отношении не следует ввиду различия в общественном и политическом строе СССР и Германии и ввиду нежелательности критики с обвинениями, что в этом пункте имеется подражание СССР»[238].

В отношении к проводимым преобразованиям в Германии, как полагают некоторые историки, в сознании Сталина одновременно существовали «программа-минимум» (обособление и советизация востока Германии) и

[234] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 7. Д. 14. Л. 121–133.
[235] *СССР и германский вопрос*….Т. 3. С. 379.
[236] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 705. Л. 1–4.
[237] *СССР и германский вопрос*….Т. 3. С. 20.

«программа-максимум» (мирный договор с единой Германией)[239]. Тем не менее, к началу 1948 г. явственно обозначился разрыв между этими программными целями. Понимая неизбежность раскола Германии, Сталин хотел прочно зафиксировать здесь советское присутствие, четко обозначив его цель: «Запад из западной Германии сделает свое, а мы из восточной Германии свое государство!»[240].

Между тем, у немецких руководителей не было ясного представления о тактике Сталина. В апреле 1948 г. обеспокоенный политическими издержками нового витка демонтажа немецких предприятий и вывозом оборудования в СССР, Ульбрихт в беседах с советскими представителями хотел ясности, и четкого ответа – «чего мы политически хотим», полагая, что либо надо «установить диктатуру пролетариата и тогда все вопросы решать будет просто», и советские представители смогут всем распоряжаться, «но нельзя же при таких условиях требовать чтобы мы играли в демократию и проводили парламентские выборы. При сложившихся условиях мы и в будущем году не сможем проводить выборов»[241].

Как видим, идея отложить выборы в органы местной власти в советской зоне на более поздний срок давно витала в воздухе, но официально об их переносе было объявлено лишь в августе 1948 г. Это решение вызвало волну резкой критики. При этом ни для кого не было секретом, кто больше всего боится выборов и по чьей инициативе они отложены. В оперативной сводке Управления внутренних войск МГБ в Германии за август 1948 г. отмечалось:

> «Главноначальствующий СВАГ объявил об отсрочке выборов в местное самоуправление до осени 1949 г., для масс это была неожиданность, буржуазные партии в острой форме критикуют и говорят о «нарушении положений принятой конституции» – все считают, что это сделано по просьбе СЕПГ»[242].

После начала блокады Берлина были предприняты дальнейшие шаги по отгораживанию советской зоны от зон союзников. С октября 1948 г. было запрещено привозить из западных зон любую изданную там литературу и

---

[238] *СССР и германский вопрос*….Т. 3. С. 179.
[239] Волков В.К. *Узловые проблемы*…С. 137.
[240] Джилас М. *Лицо тоталитаризма.* М. 1992. С. 110. Речь идет о встрече Джиласа со Сталиным 16 января 1948 г. (См. *Исторический архив.* 1998. № 4. С. 64).
[241] *СССР и германский вопрос. 1941–1949*…Т. 3. С. 663–664.
[242] РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 332. Л. 220–221.

периодические издания. Донесение СВАГ об изъятии этой печатной продукции и мерах по «предотвращению проникновения этой продукции в будущем» 20 октября 1948 г. было направлено секретарю ЦК ВКП(б) М.А.Суслову и начальнику Главного политического управления вооруженных сил СССР И.В.Шикину[243].

Важнейшим инструментом советизации Восточной Германии являлся аппарат Уполномоченного МГБ в Германии. Репрессии, проводимые советскими чекистами обрушивались на всех противников курса СЕПГ. При этом немалую роль в определении «адресов террора», то есть организаций, групп и отдельных лиц, являвших собой «наибольшую угрозу» режиму, а также в эскалации арестов сыграли советские политические наместники. Руководящая верхушка СВАГ буквально бомбит Кремль тревожными сообщениями, требуя широких репрессий. Так, заместитель Главноначальствующего СВАГ А.Г.Русских 4 сентября 1948 г. сообщает в Кремль «об усилении деятельности террористических групп в советской зоне оккупации Германии», 9 сентября 1948 г. направляет справку о «Восточном бюро СДПГ» в которой утверждается о «шпионской деятельности социал-демократов в советской зоне оккупации», 28 февраля 1949 г. «о деятельности в западных секторах Берлина «Группы по борьбе с бесчеловечностью». Политсоветник СВАГ В.С.Семенов направляет 8 декабря 1949 г. материал «о деятельности троцкистских элементов земельной организации СЕПГ земли Саксония». Начальник управления информации С.И.Тюльпанов 5 марта 1949 г. сообщал «об организации и деятельности троцкистов и других враждебных элементах внутри компартии Германии». Наконец, 1 июля 1950 г. в ЦК ВКП(б) была получена докладная записка исполняющего обязанности начальника отдела информации СКК Бакулина «о разоблачении шумахеровской группы в районном правлении СЕПГ города Магдебурга»[244].

Осенью 1948 г. Пик, Гротеволь и Ульбрихт пожелали поехать в Москву и встретиться со Сталиным. Об этом В.С.Семенов сообщил наверх. Текст его телеграммы был направлен Сталину 5 ноября 1948 г. В ней говорилось о том, что немецкие руководители в беседе с Соколовским сообщили о предстоящей конференции СЕПГ перед которой они желали бы узнать у Сталина, правильно

[243] ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 3. Д. 1. Л. 162–164.
[244] РГАНИ. Картотека корреспонденции входящей в ЦК ВКП(б).

ли руководство СЕПГ оценивает обстановку и «какова вероятность оформления советской зоны в самостоятельное государство со своим парламентом и правительством в ближайшее время»[245].

Встреча и беседа немецких руководителей со Сталиным состоялась в Кремле 18 декабря 1948 г. На этой встрече Пик поставил вопрос об образовании немецкого правительства в советской зоне, оговорив при этом условие, что оно будет создано только после западногерманского. Сталин, похвалив немцев за то, что они не хотят быть «инициаторами раскола», дал согласие на создание «правительства в Берлине»[246]. В ходе обсуждения процедуры создания правительства, было решено, что после образования из представителей ландтагов Народной палаты, она будет в состоянии сформировать правительство и вынести его состав на утверждение Немецким Народным Советом. Сталин при этом подчеркнул, что «в правительстве должны участвовать главные руководящие лица партии. Правительство должно быть авторитетным, в нем должны быть авторитетные люди, иначе скажут, что это не настоящее правительство, поскольку главные люди в него не вошли»[247]. При этом, в ходе беседы, Сталин напомнил немецким руководителям свою идею о пути к социализму «не прямо, а зигзагами и обходными движениями, ибо условия в Германии тяжелые и они диктуют более осторожную политику», при этом Сталин шутя заметил, что «он в данном случае на старости лет стал оппортунистом»[248].

Зато единственным марксистом в СВАГ оказался начальник УСВА земли Тюрингия И.С.Колесниченко. Он отличился тем, что в 1948 г. на совещании комендантов, их заместителей и начальников отделений информации земли Тюрингия отстаивал тезис о том, что «в Германии мы строим не вообще миролюбивую демократическую республику, а социалистическую республику», и обвинил СЕПГ в «заигрывании с буржуазными партиями», заявив при этом: «Надо разжигать классовую борьбу, а не лавировать между буржуазными партиями»[249].

---

[245] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 110. Л. 145. Находящийся на юге Сталин, по видимому, с этим сообщением ознакомился, но каких–либо резолюций на тексте не сделал.
[246] Волков В.К. *Узловые проблемы*…С. 135.
[247] Там же. С. 136.
[248] Там же. С. 135.
[249] *СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945 – 1949. (Сборник документов)*. Под ред. Б.Бонвеча, Г.Бордюгова, Н.Неймарка. М. 1994. С. 219.

Официальный представитель Главного политуправления Вооруженных сил СССР проверявший работу Управления информации СВАГ в июле 1948 г. расценил высказывания Колесниченко как «левацкие»[250]. Однако, именно Колесниченко пользовался расположением 1-го заместителя заведующего внешнеполитическим отделом ЦК ВКП(б) Б.Н.Пономарева (будущего секретаря ЦК КПСС, отвечавшего при Брежневе за все международные контакты с коммунистическими партиями капиталистических стран), которому направил свой объемный документ с соображениями и наблюдениями (порой довольно точными и дельными) о политике СВАГ в Германии[251].

В то же время отличавшийся умеренностью С.И.Тюльпанов, по должности ответственный за всю немецкую политическую жизнь в Советской зоне, впал в немилость и все тот же Б.Н.Пономарев долго помнил о его «ошибках»[252]. Несогласие с проводимой Тюльпановым линией открыто выражал и Уполномоченный МГБ в Германии Н.К.Ковальчук. Этот конфликт стоил Тюльпанову карьеры[253].

19 сентября 1949 г. Пик, Ульбрихт и Гротеволь обратились с письмом к Сталину. Главным вопросом письма было «образование временного немецкого правительства в Советской оккупационной зоне». Пик, Ульбрихт и Гротеволь видели эту процедуру следующей: правительство «должно быть образовано в первой половине октября в течении одной недели», существующий Народный Совет будет преобразован во Временную Народную Палату, которая объявит законом уже принятую Конституцию, примет решение о создании Палаты земель из 35 представителей 5 земель, а затем на совместном заседании Народной Палаты и Палаты земель будет избран Президент Республики. «Министра-президента, – писали далее Пик, Ульбрихт и Гротеволь, – выдвигает согласно Конституции сильнейшая фракция, каковой является СЕПГ. Министр-президент представляет Народной Палате временное правительство и зачитывает заявление правительства»[254]. В этом заявлении, по соображениям немецких лидеров следовало объявить, что «Правительство предпримет шаги

---

[250] Там же.
[251] См.: записку Колесниченко «О некоторых вопросах Советского присутствия в Германии» от 31 декабря 1948 г. (ГАРФ. Ф. 7184. Оп. 1. Д. 27. Л .252–266).
[252] *СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949. (Сборник документов).* Под ред. Б.Бонвеча, Г.Бордюгова, Н.Неймарка. М. 1994. С. 236–238.
[253] Там же.
[254] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 808. Л. 34–38.

для того, чтобы Советская Военная Администрация в Германии была превращена в Советскую контрольную комиссию с передачей функций управления правительству Германской Демократической Республики»[255]. Здесь же Пик, Ульбрихт и Гротеволь поясняли, что «не должно быть сделано заявления о признании Западного правительства»[256]. Правительство ГДР должно было состоять из 18 членов (Министра-президента, 3-х его замов и 14 министров), из них 8 должны были быть членами СЕПГ, а остальные 10 – членами других партий. Роли были распределены заранее: Президентом Республики должен был стать Вильгельм Пик, Министром-президентом Отто Гротеволь, а его заместителями Вальтер Ульбрихт (СЕПГ), Отто Нушке (ХДС) и Герман Кастнер (ЛДП)[257].

Сталин рассмотрел письмо Пика, Ульбрихта и Гротеволя и продиктовал на его основе «предложение» которое и было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 28 сентября 1949 г. (П71/236–оп)[258]. В этом решении Политбюро о предложениях Пика, Ульбрихта и Гротеволя было сталинским слогом сказано: «считать приемлемыми», правда, будущую процедуру образования ГДР Сталин дополнил одним эффектным пропагандистским элементом: «Считать необходимым после принятия Немецким Народным Советом решения об образовании Временного Правительства ГДР выступление тов. Чуйкова по поручению Советского Правительства с заявлением о согласии СССР с решением Немецкого Народного Совета» и указать, что правительству ГДР «передаются функции управления, принадлежавшие до сего времени СВАГ», вместо которого будет создан СКК[259].

[255] Там же.
[256] Там же.
[257] Там же.
[258] Там же.
[259] Там же. Л.12.

Глава 2. Аппарат Уполномоченного НКВД–МГБ СССР в Германии, политические репрессии и формирование немецких органов госбезопасности в ГДР. 1945–1953 гг.

К моменту вступления на территорию Германии частей Красной Армии в Советском Союзе действовали четыре самостоятельных спецслужбы. Сферы их деятельности и задачи существенно отличались друг от друга. Главное Управление контрразведки (ГУКР) СМЕРШ, выполняло функции военной контрразведки и подчинялось наркому обороны Сталину. Аналогичные задачи в частях и соединениях флота выполняло Управление контрразведки СМЕРШ наркомата Военно-морского флота. Функции тайной полиции внутри СССР были возложены на наркомат госбезопасности (НКГБ), в этот же наркомат входила и внешняя разведка. И, наконец, внутренними войсками, войсками по охране тыла Красной Армии, тюрьмами, лагерями и милицией – руководил наркомат внутренних дел (НКВД), его возглавлял Л.П.Берия[260].

На территорию Восточной Европы вместе с советскими передовыми частями продвигались и подразделения военной контрразведки СМЕРШ и войска НКВД по охране тыла Красной Армии. Их задачи несколько разнились. Если СМЕРШ существовал только в частях и соединениях Красной Армии и должен был заботиться о безопасности войск и бороться с изменой в их рядах, а также бороться с агентурой противника, то на войска НКВД по охране тыла, которые продвигались за армиями, ложилась работа по проведению широких облав и арестам всех подозрительных и враждебных элементов. Именно подразделения НКВД и призваны были обеспечить порядок и поддерживать советскую оккупационную власть на новых землях. Конечно, обе службы помогали друг другу в работе. Официально же их усилия соединились, когда был учрежден институт Уполномоченных НКВД при Фронтах Красной Армии.

Так произошло, что вместе в Красной Армией весной 1945 г. на территорию Германии пришли и подразделения всех советских карательных ведомств: НКВД, НКГБ и ГУКР СМЕРШ НКО. Сам по себе этот факт свидетельствует о далеко идущих намерениях СССР по советизации завоеванных стран. Ведь если бы речь шла только о пребывании частей Красной

Армии, то необходимым и достаточным было пребывание органов военной контрразведки, и только, ведь они были неотъемлемой частью армии.

Первоначально, за проведение всей карательной политики на оккупированной Красной Армией территории отвечал НКВД. Еще 11 января 1945 г. был принят Приказ НКВД СССР № 0016 об учреждении института Уполномоченных НКВД по всем фронтам, наступавшим на запад[261]. Смысл этого приказа, вытекающего из принятого в декабре 1944 г. решения ГОКО, заключался в проведении широких политических чисток на территориях попавших под оккупацию Советов в целях подготовки условий для приведения к власти угодных Кремлю режимов. Включение восточно-европейских стран в орбиту советской политики не могло быть добровольным. Сделать это можно было только насильственным путем, насадив в этих странах полицейские порядки и режимы.

Конечно, помимо этих далеко идущих политических планов, Уполномоченные НКВД и приданные им оперативные группы чекистов преследовали и вполне понятные сиюминутные цели обеспечения устойчивости тыла наступающей армии, проводя широкие облавы и «очистку территории» и вывоза в СССР для работы на обезлюдевших хозяйственных предприятиях бесплатной рабочей силы – мобилизованных немцев. По большому счету, политика СССР в 1945 г. на оккупированных немецких землях – по своим целям и методам мало отличалась от гитлеровской оккупации советских земель.

Объединение, на первых порах, всей карательной политики в Германии в руках НКВД и его наркома – Берии, объясняется его высоким положением в советском руководстве и тем, что ему доверял Сталин. Он с 1941 г. был членом ГОКО, ему и его ведомству Сталин поручил наведение порядка в Советской зоне оккупации Германии. Без многочисленных войск НКВД это не было бы возможным. Таким образом, получилось, что и армейская контрразведка СМЕРШ и разведывательные группы НКГБ на территории Германии оказались подчинены Уполномоченному НКВД по Группе Советских оккупационных

---

[260] См.: *Лубянка: ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник* / Под. ред. акад. А.Н.Яковлева; авторы–сост.: А.И.Кокурин, Н.В.Петров. М. 2003.

[261] Подробнее о репрессиях проводимых аппаратами Уполномоченных НКВД по фронтам и тексты приказов НКВД см.: *Die Apparate des NKVD/MVD und des MGB in Deutschland (1945–1953). // Sowjetische Straflager in Deutschland 1945 bis 1950.* Berlin: Akademie Verl. 1998. Bd. 1, 2. См. также: *Аппарат уполномоченного НКВД–МГБ СССР в Германии (1945–1953 гг.) // Архив*

войск в Германии (ГСОВГ) И.А.Серову. Эта должность, взамен института Уполномоченных НКВД по фронтам, была учреждена 4 июля 1945 г. Приказом НКВД № 00780. В марте 1946 г. НКВД был переименован в МВД, соответственно, и Серов стал Уполномоченным МВД СССР в ГСОВГ.

Первоначально все лица, задержанные и арестованные аппаратами Уполномоченных НКВД по фронтам, подлежали вывозу в СССР. Но в силу их многочисленности было принято решение о размещении их в самой Германии. Приказом НКВД № 00461 от 10 мая 1945 г. были организованы тюрьмы и лагери при Уполномоченных НКВД по фронтам, и положение изменилось. Теперь все задержанные оставались на территории Германии. В пункте 7 этого приказа говорилось о создании в центральном аппарате НКВД в Москве Особой группы во главе с полковником ГБ Б.А.Людвиговым для разработки материалов поступающих от Уполномоченных НКВД по фронтам и подготовки на их основе ориентировок. Этот пункт был отменен Приказом НКВД № 00549 от 22 мая 1945 г., когда был организован отдел «Ф» НКВД. Как писалось в этом Приказе, Отдел «Ф» был создан – «Для повседневного наблюдения за выполнением директив и указаний НКВД СССР аппаратами уполномоченных НКВД по фронтам, а также обеспечения оперативной реализации материалов агентурно-оперативной работы органов НКВД–НКГБ–СМЕРШ на территории других стран, освобожденных Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков...»[262]. Начальником Отдела «Ф» был назначен комиссар ГБ 3 ранга П.А.Судоплатов, его заместителем – комиссар ГБ М.А.Запевалин[263]. Отдел просуществовал недолго и 30 августа 1945 г. Приказом НКВД № 001001 был расформирован. После ликвидации Отдела «Ф» нарком внутренних дел СССР, напрямую руководил аппаратами Уполномоченных НКВД при группах советских войск расположенных за пределами СССР.

Сразу же по окончании боевых действий на территории Германии для И.А.Серова возникла проблема пополнения своего аппарата новыми сотрудниками и придание им постоянного статуса. Это было вызвано, прежде всего тем, что часть оперативных работников подчиненных Уполномоченному НКВД по 1 Белорусскому фронту осталась на территории Польши для помощи

новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т. II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сборник документов и статей. – М. 2001.

[262] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 184.

польским органам безопасности и координации усилий при совместном проведении карательных акций. Таким образом, для работы на территории Германии потребовались новые кадры. Об этом 7 мая 1945 г. Серов написал из Берлина в Москву наркому внутренних дел Берия:

> «По приказу НКВД от 17 января 1945 г. в распоряжение Уполномоченных НКВД фронтов отделами кадров НКВД–НКГБ было выделено по 200 оперативных работников для организации оперативных групп в городах. Прибывшие в тот период оперативные работники на 1-й Белорусский фронт были нами назначены на должности инструкторов в уезды и воеводства на территории Польши.
>
> Учитывая, что эти оперативные работники приобрели опыт работы в Польше, они мною оставлены на своих местах. В настоящее время для организации оперативно-чекистских мероприятий на территории Германии нам необходимо не менее 200 оперативных работников НКВД–НКГБ. Кроме того, 20 руководящих оперативных работников для назначения на должности уполномоченных НКВД в крупных городах Германии в соответствии с постановлением ГОКО от 2 мая 1945 г.
>
> Прошу Вашего распоряжения выделить недостающее количество оперативных работников»[264].

К этой просьбе был приложен список руководящих работников, которых Серов желал видеть своими подчиненными в Германии. Персонально были названы 9 работников:

> Комиссар ГБ С.А.Клепов – НКГБ СССР
> Комиссар ГБ Г.П.Добрынин – НКВД СССР
> Комиссар ГБ В.Н.Суходольский – начальник Тульского УНКГБ
> Комиссар ГБ В.А.Какучая – нарком ГБ Северо-Осетинской АССР
> Комиссар ГБ С.В.Покотило – начальник Ростовского УНКГБ
> Полковник ГБ А.И.Поташев – НКГБ СССР
> Комиссар ГБ П.М.Фокин – нарком ГБ Крымской обл.
> Полковник ГБ Л.Ф.Галкин – нарком ГБ Туркмении
> Комиссар ГБ П.С.Мещанов – начальник Ставропольского УНКГБ (его фамилия в списке была зачеркнута и вместо него был вписан комиссар ГБ Г.А.Бежанов – нарком ГБ Кабардинской АССР)[265].

Далее Серов писал, что остальные 11 руководящих работников формируемого им аппарата должны быть присланы с уровня от заместителей начальников Управлений НКВД–НКГБ до начальников отделов УНКВД–УНКГБ. Ознакомившись с письмом, Берия наложил резолюцию:

---

[263] Там же.
[264] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2201. Л. 98.
[265] Там же. Л. 99.

«Тов. Кобулов! Вместе с т.т.Абакумовым и Обручниковым приготовьте свои предложения [касающиеся] кого послать и сколько в помощь тов.Серову 10/V – Л.Берия»[266].

Пока еще Л.П.Берия полновластный руководитель НКВД и координатор работы остальных спецслужб, поэтому и начальник СМЕРШ В.С.Абакумов и 1-й заместитель наркома ГБ Б.З.Кобулов беспрекословно выполняют его указания. Совместно с заместителем наркома внутренних дел СССР по кадрам Б.П.Обручниковым они моментально пишут ответ Берия:

«В соответствии с Вашим указанием считаем необходимым:

а). Командировать в распоряжение Серова 200 оперативных работников, из них 100 человек по линии СМЕРШ и по 50 человек от НКВД и НКГБ.

б). Для использования на руководящей работе направить 15 ответственных работников НКВД, НКГБ и СМЕРШ согласно прилагаемого списка»[267].

На документе короткая резолюция: «Утвердить. Л.Берия 11.05.45».[268] В этот же день в Берлин Серову ушла шифровка № 238 с сообщением о направлении ему 200 оперативных работников и отдельно список направляемых в Германию из 15 работников «для использования на руководящей работе». В списке значились:

Заместитель начальника 3 Управления НКГБ, комиссар ГБ – С.А.Клепов
Заместитель начальника ГУЛАГа НКВД, комиссар ГБ – Г.П.Добрынин
Начальник Отдела СМЕРШ НКВД, комиссар ГБ – В.И.Смирнов
Заместитель начальника ГУЛАГа НКВД, полковник ГБ – П.В.Сафонов
Заместитель начальника УКР СМЕРШ 4 Украинского фронта, полковник – К.В.Дубровский
Начальник Отдела СМЕРШ Закавказского фронта ПВО, полковник – М.И.Денскевич
Начальник Отдела СМЕРШ 32 Армии, полковник – А.В.Никитин
Начальник Отдела 3 Управления НКГБ, полковник ГБ – А.И.Поташев
Начальник Отдела 4 Управления НКГБ, полковник ГБ – И.Б.Маклярский
Заместитель наркома ГБ Эстонии, полковник ГБ – Е.В.Рудаков
Заместитель начальника УНКВД Ульяновской обл., полковник ГБ – Н.Е.Лапенков
Заместитель начальника Отдела 4 Управления НКГБ, подполковник ГБ – Е.К.Нерядов
Заместитель наркома ГБ Карело-Финской ССР, подполковник ГБ – А.А.Дубинин

[266] Там же. Л. 98.
[267] Там же. Л. 100.
[268] Там же.

Заместитель наркома ГБ Коми АССР, майор ГБ – А.В.Чернов
Начальник отделения 4 Управления НКГБ, подполковник ГБ – М.С.Прудников[269].

И, хотя Серов не заполучил всех тех, с кем бы хотел работать, список и должностной уровень прибывших к нему оперативных работников был внушительным. Однако, в Германии их положение было временным, занимая должности руководителей оперативных секторов земель и провинций, начальников региональных оперативных групп НКВД в немецких городах, они продолжали числиться по своим прежним должностям в Советском Союзе. То есть, находились в оперативной командировке, по истечении срока которой должны были возвратиться в СССР на прежние должности.

Постепенно складывались и принципы формирования местных подразделений аппарата Уполномоченного НКВД в Германии. Уже 23 апреля 1945 г. Серов сообщал Берия в Москву о мероприятиях по обеспечению общественного порядка и «организации оперативно-чекистских мероприятий в Берлине». В сообщении Серова говорилось о назначении комендантов в 20 административных районах Берлина и выделении в каждый район оперативной группы по 10–15 человек. Начальниками этих оперативных групп были назначены работники не ниже заместителя начальника отдела СМЕРШ армии или корпуса. На оперативные группы в районах возлагались задачи по задержанию и арестам немцев в полном соответствии с Приказом НКВД № 0016. Для этого в оперативные группы были направлены списки подлежащих аресту и материалы оперативного учета (данные картотек заведенных органами советской госбезопасности на немецких граждан). Также в распоряжении Серова, в Берлинской тюрьме имелись ранее арестованные немцы для опознания тех, кто еще не был задержан, но подлежал аресту[270].

Летом 1945 г. явно обозначились ведомственные противоречия между органами СМЕРШ и НКВД. В оперативных группах подчинявшихся Серову было немало работников СМЕРШ, начальником для которых был Абакумов. Если первоначально на Уполномоченных НКВД по фронтам Красной Армии возлагались задачи: очистки тылов фронтов, руководство проверочно-фильтрационными комиссиями при лагерях репатриантов и решение вопросов

[269] Там же. Л. 102–103.
[270] Там же. Л. 157–158.

связанных с военнопленными, то по окончании боевых действий задачи не могли не расшириться. Теперь предполагалось преобразовать оперативные группы аппарата Уполномоченного НКВД в нечто подобное территориальным органам тайной полиции. Серов, 12 июня 1945 г. в своем письме из Берлина на имя Берия предлагал в связи с решением СНК СССР о создании в Германии аппарата СВА следующее: «...считаю целесообразным, по нашей линии, (по линии НКВД – авт.) во всех уездах, городах, округах и провинциях создать оперативные группы НКВД зашифровав их под видом органов военной администрации». По мнению Серова, оперативные группы должны были отвечать за проведение «всех оперативно-чекистских мероприятий», что означало, попросту, исполнение функций советской госбезопасности. Общая численность оперативных групп, по расчетам Серова, должна была составить 1.700 человек, тогда как в его распоряжении было только 800 человек[271].

Но за право руководить всей карательной политикой в Германии с Серовым боролся начальник ГУКР СМЕРШ Абакумов. Он тоже решил послать свои оперативные группы во все города Германии и дал об этом команду начальнику УКР СМЕРШ в Германии А.А.Вадису. Узнав об этом Серов с возмущением писал 22 июня 1945 г. в письме на имя Берии: «Со своей стороны считаю нецелесообразным проведение агентурно-оперативной работы в городах Германии опергруппами НКВД и СМЕРШ параллельно»[272]. Несмотря на протесты Серова отделы контрразведки СМЕРШ были созданы при органах Советской военной администрации во всех землях и провинциях, а также в Берлине (в округах и городах – уполномоченные этих отделов), хотя их функции и ограничивались в основном слежкой за советским персоналом, тогда как проведение карательных акций против немцев, по-прежнему, было прерогативой оперативных групп НКВД.

В июне 1945 г. на территории земель и провинций были созданы Оперативные секторы НКВД для руководства деятельностью оперативных групп на местах. Кроме того, для выполнения функций обеспечения порядка и для руководства деятельностью вновь организуемыми органами немецкой полиции, при Управлениях СВА земель и провинций были созданы секторы внутренних дел (позднее преобразованы в отделы).

---

[271] Там же. Д. 2202. Л. 151–152.
[272] См.: Петров Н.В. *Первый председатель КГБ Иван Серов.* М. 2005. С. 60–62, 65–67, 227.

Руководящие кадры для комплектования Оперативных секторов НКВД подбирались из сотрудников аппарата Уполномоченного НКВД в Германии, включая и тех, кто был направлен в распоряжение Серова в мае 1945 г. Так, например, первым начальником Оперсектора НКВД земли Мекленбург стал генерал-майор Г.П.Добрынин[273], затем с августа 1945 г. генерал-майор В.В.Губин[274], а с ноября 1945 г. генерал-майор Д.М.Никитин, который еще весной 1945 г. работал заместителем Серова в аппарате Уполномоченного НКВД 1 Белорусского фронта. Также и генерал-майор П.М.Мальков с февраля 1945 г. работал в группе Серова. Свой путь он описал в автобиографии:

> «...по личному желанию был откомандирован на фронт в Польшу. В Польше занимал должности Уполномоченного по Познанскому воеводству и работал под руководством [...] Серова. В провинции Померания был назначен начальником оперативного сектора – города Штаргард, начальник оперативного сектора города Штеттин. Начальником оперативного сектора гор. Фюрстенвальде (Германия). Заместитель начальника оперативного сектора гор. Берлин. С июля 1945 года был назначен на должность начальника отдела Внутренних дел Советской военной Администрации в Германии...»[275].

Заметим, что формально Мальков продолжал при этом числиться по своей прежней должности – начальника УНКВД по Ивановской обл. От этой работы он был освобожден приказом по НКВД лишь в ноябре 1945 г., а до этого в Германии он был на положении командированного. Это относится и к большинству других руководителей оперативных секторов.

Кадровый состав оперативных работников аппарата Уполномоченного НКВД в Германии постоянно менялся. Работники, у которых истекал срок командировок возвращались в СССР, а на их место прибывали новые. Никакого официально утвержденного штата постоянных работников аппарата Уполномоченного НКВД в Германии в 1945 г. не существовало. Это положение и, как следствие, текучесть кадров не устраивали Серова и руководителей НКВД и НКГБ. Работникам, посланным в Германию, следовало бы придать постоянный статус. 26 января 1946 года нарком внутренних дел С.Н.Круглов и нарком ГБ В.Н.Меркулов направили на имя Берия докладную записку о

[273] В августе 1945 г. заместитель начальника ГУЛАГа Добрынин отправился в Москву к месту своей основной работы.
[274] В ноябре 1945 г. в связи с разгулом в Ярославле уголовного бандитизма, начальник УНКВД по Ярославской области Губин был отозван к месту своей основной работы (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2223. Л. 249–250).

необходимости разработки и утверждения временных штатов опергрупп НКВД и НКГБ на территории Германии, оккупированной советскими войсками[276].

Пока Л.П.Берия оставался наркомом внутренних дел СССР, порядок подчиненности подразделений органов НКГБ и СМЕРШ Уполномоченным НКВД оставался неизменным. Но в конце декабря 1945 г. наркомом внутренних дел стал С.Н.Круглов, фигура не слишком заметная, и в спецслужбах начались ропот и брожения. Первым отказался от подчинения системе НКВД начальник ГУКР СМЕРШ В.С.Абакумов. В отличие от него, нарком ГБ В.Н.Меркулов был менее решителен. Он предпочел ни с кем не сориться и сохранить прежний порядок, делегировав полномочия своего ведомства на территории Германии аппарату Серова. Вместе с Кругловым он направил 31 января 1946 г. записку Сталину № 735/М. В ней говорилось, что на территории Германии оккупированной Красной Армией вся чекистская работа проводится опергруппами НКВД под руководством Уполномоченного Серова. Далее сообщалось, что в составе оперативных групп имеется 2.230 работников НКВД и 399 работников НКГБ. В Берлине НКГБ имеет небольшую опергруппу из 35 чел. для разведывательной работы, а чекистской работой (разработка, аресты, следствие) заняты сотрудники НКВД. Меркулов и Круглов писали, – в целях разграничения функций считаем целесообразным Уполномоченного НКВД в ГСОВГ Серова назначить по совместительству Уполномоченным НКГБ там же. И далее: «Работу оперативных групп поставить так, чтоб они работали в соответствии с заданиями НКВД и НКГБ»[277]. Однако никакого формального решения по этой записке Сталин не принял, оставив все как есть.

В мае 1946 г. структура МГБ СССР была существенно перестроена и расширена. Теперь органы военной контрразведки СМЕРШ, ранее подчинявшиеся наркому обороны Сталину, вошли в состав МГБ в качестве 3-го Главного Управления МГБ. Новым министром ГБ вместо Меркулова 4 мая 1946 г. был назначен Абакумов, ранее возглавлявший ГУКР СМЕРШ.

Эти реорганизации и перестановки руководителей и определили дальнейшую деятельность и подчиненность советских спецслужб дислоцированных в Германии. Вся их работа была взята под контроль

---

[275] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Личное дело П.М. Малькова.
[276] ГАРФ Ф. 9401. Оп. 2. Д. 144. Л. 153–154.
[277] Там же. Д. 134. Л. 231–232.

Абакумова, разумеется, с ведома Сталина. Передача функций была оформлена решением Политбюро ЦК ВКП(б) П59/39 от 20 августа 1946 г., где, в частности в пункте 4 говорилось:

> «Оперативно-чекистскую и следственную работу в советской зоне оккупации Германии сосредоточить в Министерстве Государственной Безопасности СССР, передав из МВД СССР в МГБ СССР агентурно-осведомительную сеть, разработки, личный состав, КПЗ и внутренние тюрьмы, имущество, здания и материальные ценности.
>
> Оставить за МВД СССР тюрьмы для осужденных и пересыльные, спецлагери и конвоирование арестованных.
>
> Установить, что аресты за политические преступления в советской зоне оккупации Германии производят только органы МГБ.
>
> Оперативно подчинить МГБ СССР имеющиеся в советской зоне оккупации Германии войска МВД СССР (7 полков)»[278].

Этим же решением аппарат советника при МОБ Польши со всем личным составом и делами был также передан из МВД в МГБ.

В центральном аппарате МГБ специального органа по координации деятельности Уполномоченного МГБ в Германии не создавали. Общее руководство осуществлял теперь аппарат внешней разведки – 1 Главное Управление МГБ. Кроме того, направленный в сентябре 1946 г. на должность Уполномоченного МГБ в Германии генерал-лейтенант Н.К.Ковальчук, одновременно являлся заместителем министра ГБ СССР, и со всеми своими обращениями и требованиями, в соответствии с занимаемым положением, напрямую выходил на самого Абакумова. После передачи разведки МГБ в созданный в мае 1947 г. Комитет Информации при Совете Министров СССР, руководство работой аппарата Уполномоченного МГБ в Германии было возложено на 2 Главное Управление (контрразведка) МГБ СССР.

В сентябре 1946 г. заместитель министра госбезопасности генерал-лейтенант Н.К.Ковальчук, назначенный Уполномоченным МГБ в Германии, отправился в Берлин для того, чтобы принять дела у Серова. Вместе с ним в Германию выехала большая группа работников центрального аппарата МГБ, они были призваны заменить людей Серова. Акт приема передачи всех дел и имущества аппарата уполномоченного от Серова – Ковальчуку был подписан 2 ноября 1946 г. С ноября 1946 г. вся репрессивная деятельность была сосредоточена в аппарате уполномоченного МГБ в Германии. Серов продолжал

[278] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 9. Решение политбюро ЦК ВКП(б) П53/39 от 20 августа 1946 г.

до февраля 1947 г. числиться уполномоченным МВД в Германии и заместителем Главноначальствующего СВАГ, но теперь он отвечал только за работу спецлагерей МВД в Германии и отдела внутренних дел СВАГ.

Структура аппарата Уполномоченного МГБ в Германии была объявлена приказом МГБ СССР от 5 ноября 1946 г. В основном она копировала принципы построения аппаратов территориальных органов в СССР. Тем не менее, были и некоторые отличия. Так важнейшим отделом в аппарате уполномоченного стал 5 отдел, сформированный на основе переданного из УКР МГБ ГСОВГ отдела, отвечавшего за «работу среди советской колонии в Германии». Этот отдел был занят наблюдением за настроениями и слежкой за многочисленным персоналом СВАГ и других советских гражданских учреждений в Германии. Функции контроля над армейскими подразделениями, дислоцированными в Германии, оставались прерогативой военной контрразведки – УКР МГБ ГСОВГ.

Аппарат Уполномоченного МГБ в Германии состоял из секретариата, отделов и отделений (основных и вспомогательных). К основным относились отделы: 1 (разведывательная работа), 2 (контрразведка), 3 (секретно-политический), 4 (розыскной), 5 (по советской колонии), 6 (следственный) и Транспортный отдел (осуществлявший наблюдение и оперативную работу на ж.д. и водном транспорте). К вспомогательным – отделение «А» (учетно-архивное), отделение «Б» (оперативной техники), Отдел кадров, Административно-финансовый отдел. Серьезной реорганизации подверглись и периферийные органы аппарата уполномоченного МГБ в Германии. Оперативные секторы МВД земель и провинций были переименованы в Оперативные секторы МГБ и их внутренняя структура (наименование и функциональность отделов и отделений) строилась по аналогии со структурой аппарата уполномоченного МГБ. На местах оперативные группы НКВД округов, городов, районов и уездов стали именоваться соответствующими отделами МГБ. Всего в декабре 1946 г. согласно новым штатам числилось: 6 оперативных секторов МГБ земель и провинций, а в их составе 20 окружных отделов МГБ, 128 городских и уездных отделов МГБ и 8 районных отделов МГБ в Берлине[279].

[279] РГВА. Ф. 32933. Оп. 1. Д. 49. Л. 548–553. Для сравнения, в апреле 1946 г. существовали 18 окружных оперативных групп МВД и 183 уездных и городских оперативных групп МВД (там же. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 146. Л. 189–192.)

Согласно новой структуре аппарата Уполномоченного МГБ в Германии в ноябре 1946 г. были упразднены Отделы контрразведки МГБ при Управлениях СВА земель и провинций. Их персонал, по большей части, был направлен на укомплектование 5 отделов Оперативных секторов МГБ.

Руководящие работники аппарата Уполномоченного МГБ в Германии – заместители Уполномоченного, начальники Оперативных секторов в период 1945–1947 годов, находились в Германии на положении командированных работников и формально числились по своим прежним должностям в СССР. Так, начальник оперативного сектора НКВД–МВД Тюрингии Г.А.Бежанов сохранял должность министра ГБ Кабардинской АССР, Г.И.Мартиросов – начальник оперативного сектора НКВД–МВД–МГБ провинции Саксония – должность заместителя начальника УМГБ по Горьковской обл. Положение изменилось лишь к концу 1947 г., когда ряд назначений на руководящие должности в аппарате Уполномоченного МГБ в Германии был оформлен приказами по МГБ СССР. Некоторые руководители прошли процедуру назначения на должности задним числом. Так, Г.А.Мельников приказом по МГБ 8 декабря 1947 г. был назначен заместителем Уполномоченного МГБ в Германии, хотя фактически уже работал в этой должности с 10 декабря 1946 г. В начале 1948 г. руководящий состав аппарата уполномоченного МГБ в Германии возвели в ранг номенклатуры партии. Решением Секретариата ЦК Ст.344/47–г от 18 марта 1948 г. в номенклатуру ЦК ВКП(б) были включены 6 должностей начальников Оперативных секторов МГБ и 3 должности заместителей уполномоченного МГБ в Германии[280]. Отныне назначение и смещение работников этого уровня утверждалось на Секретариате ЦК ВКП(б) и лишь затем оформлялось приказами по МГБ СССР.

Изменение структуры аппарата уполномоченного МГБ в Германии произошедшее в начале 1949 г. было напрямую связано с созданием в советской зоне собственных немецких органов госбезопасности. Так, 7 марта 1949 г. Абакумов направил Сталину сообщение № 5166/А в котором говорилось о разработанных в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 декабря 1948 г. мероприятиях по созданию немецких органов безопасности в советской зоне. Об этом же он писал Сталину и в письме от 2 апреля 1949 г. В

[280] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 344. Л. 117.

нем говорилось об «усилении работы органов госбезопасности» в Германии и о проведении работы по созданию немецких органов госбезопасности. Во всех уездах, – сообщал Абакумов, – где организуются немецкие органы госбезопасности – также создаются и уездные отделы МГБ. На аппарат Уполномоченного МГБ и на оперативные секторы теперь ложится работа по руководству и контролю над немецкими органами госбезопасности. Далее Абакумов писал о направлении им 115 сотрудников МГБ СССР на работу в аппарат Уполномоченного МГБ в Германии[281].

Изменение структуры аппарата Уполномоченного МГБ в Германии было произведено приказом МГБ СССР от 25 марта 1949 г.[282] В составе оперативных секторов МГБ земель были ликвидированы окружные отделы МГБ, а вместо них в крупных городах созданы городские отделы МГБ. В структуре самого аппарата Уполномоченного МГБ были введены литерные условные наименования отделов – «в целях большей конспирации», как это объяснил Абакумов в письме Сталину от 2 апреля[283]. Так, транспортный отдел стал именоваться – Отдел «РВ», контрразведывательный – отдел «ЛИ», следственный – отдел «ОС», отдел кадров – отдел «ФК», учетно-архивный отдел – отдел «РС» и т.п.

На 1949 г. приходится, максимальная численность аппарата Уполномоченного МГБ в Германии. По состоянию на апрель 1949 г. в результате реорганизации появилось 40 городских отделов МГБ, 91 уездный отдел МГБ (при этом, в Берлине по-прежнему сохранялось 8 районных отделов МГБ). По приблизительной оценке общий штат аппарата Уполномоченного и его земельных органов, вместе со всем обслуживающим персоналом (шоферами, переводчиками, надзирателями в тюрьмах) составлял на тот момент не менее 4000 человек.

Вновь изменения в штатах аппарата Уполномоченного МГБ были произведены согласно приказу МГБ СССР от 4 августа 1950 г.[284] Был ликвидирован транспортный отдел (отдел «РВ») и его функции перешли в отдел по надзору за работой органов МГБ ГДР (отдел «МК»). Кроме того, был упразднен Берлинский оперативный сектор МГБ, и вся работа по советскому

[281] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 5. Л. 603–605.
[282] ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Приказ МГБ СССР № 0097 от 25 марта 1949 г.
[283] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 5. Л. 603–605.

сектору Берлина перешла непосредственно в аппарат Уполномоченного МГБ. Согласно новому штату также были упразднены все городские и уездные отделы МГБ, а вместо них созданы межуездные отделы МГБ, объединявшие под одним руководством территории нескольких уездов. К этому времени в составе аппарата Уполномоченного появился новый отдел по оперативному наблюдению на объектах советского акционерного общества (А/О) «Висмут». В связи с добычей урана этот объект был чрезвычайно важен для Москвы. Первоначально, с 1945 г. существовала Специальная оперативная группа (СОГ) НКВД–МВД при А/О «Висмут», затем оперативный отдел МВД А/О «Висмут», а в мае 1948 г. это подразделение было передано в ведение оперативного сектора МГБ земли Саксония. Согласно введенному в августе 1950 г. штату этот отдел имевший условное наименование – отдел «ВТ» был передан в аппарат уполномоченного МГБ. Общий штат аппарата МГБ в Германии в результате реорганизации в 1950 г. был существенно сокращен.

Приказом МГБ СССР 13 июня 1952 г. был введен новый штат аппарата Уполномоченного МГБ СССР в Германии[285]. Теперь вместо оперативных секторов МГБ земель (их было 5) вводились оперативные секторы округов (их стало 14). Новое построение органов МГБ в Германии по округам – полностью соответствовало принятому в то время административно-территориальному делению ГДР. Кроме того, этим же Приказом МГБ, были введены две дополнительные должности заместителя Уполномоченного МГБ в Германии и одна должность заместителя Уполномоченного МГБ – руководителя Управления «ВТ» (по совместительству). То есть, статус подразделения надзиравшего за А/О «Висмут» был повышен до управления «ВТ». Всего по новому штату Уполномоченному МГБ в Германии полагалось иметь 6 заместителей. Другие изменения коснулись функций отделов аппарата Уполномоченного МГБ в Германии. Был создан отдел внешнеполитической разведки, и основное внимание аппарата теперь нацеливалось на активное ведение разведки на Западе Германии. Наделение аппарата Уполномоченного МГБ в Германии разведывательными функциями было связано с тем, что еще 2 ноября 1951 г. внешнеполитическая разведка из Комитета Информации при

[284] ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Приказ МГБ СССР № 00418 от 4 августа 1950 г.
[285] ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Приказ МГБ СССР № 00399 от 13 июня 1952 г.

МИД была возвращена в МГБ СССР. Численность аппарата Уполномоченного МГБ в Германии после этой реорганизации составляла примерно 2200 человек.

Разграничение сфер деятельности аппарата Уполномоченного МГБ в Германии и Управления контрразведки МГБ ГСОВГ можно описать следующим образом. Управление контрразведки МГБ, являясь военной контрразведкой уделяло свое внимание исключительно армейским частям расположенным на территории восточной зоны. В сферу деятельности военной контрразведки попадали сами военнослужащие, члены их семей, жители военных городков и только те немцы, которые соприкасались с ними. Аппарат Уполномоченного МГБ на территории всей восточной зоны играл роль тайной полиции действовавшей против всего немецкого населения и советских граждан, исключая военнослужащих, ими, как уже говорилось, занималась военная контрразведка. Кроме этого, с начала 50-х гг. важнейшей задачей аппарата Уполномоченного МГБ в Германии было ведение разведывательной работы в западных зонах Германии и сопредельных странах.

Возникающие в производстве следственных органов аппарата Уполномоченного МГБ дела, требовали рассмотрения на месте, штатным трибуналом. До сих пор, все дела передавались на Военные Трибуналы армейских соединений находившихся в Германии. Распоряжением Совета Министров СССР № 10659–рс от 5 сентября 1946 г. был организован Военный Трибунал при СВАГ со штатом в 19 человек[286].

Жестокость, с которой советская госбезопасность проводила репрессии против немецкого населения, вступала в противоречие с принципами декларируемыми руководством СЕПГ – Ульбрихтом и Пиком. Многие случаи открытого мародерства, хищений и политических убийств немцев совершенные сотрудниками аппарата Уполномоченного МГБ приобрели огласку. Московское руководство вынуждено было реагировать. Для видимости, хотя и не слишком серьезно, были наказаны многие работники. Факты о смерти на допросах или об убитых в провокационных целях чекистами подрывали веру населения в показную «гуманность» Советской власти. Но подобные методы работы были неотъемлемой частью деятельности МГБ и широко практиковались в СССР. Отказаться от них было делом немыслимым. Конечно, в тех случаях, когда

[286] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 4. Д. 46. Это решение формально закрепило статус уже существовавшего с июня 1945 г. Военного трибунала ГСОВГ.

информация о подобных приемах в работе МГБ выходила наружу, принимались меры. Так, когда в феврале 1947 раскрылось дело Мадер[287] – немки убитой по указанию советских оккупационных властей, были наказаны сотрудники Оперативного сектора МГБ в Саксонии-Анхальт. Начальник Оперативного сектора Г.И.Мартиросов был снят с должности и отправлен в СССР. Хотя, наказания для садистов-следователей обычно не были слишком уж строгими. Так, сотрудники Оперативного сектора МГБ земли Бранденбург В.Е.Соколов и Н.Я.Волков, оба старшие следователи, у которых на допросе умер подследственный немец, были осуждены всего лишь на 3 года.

После многочисленных арестов, проведенных в Советской зоне оккупации в 1945 г., карательная политика не смягчалась. Конечно, масштабы арестов в последующие 1946 и 1947 гг. были ниже чем в 1945 г. Все же, число арестов, проводимых аппаратом Уполномоченного МГБ в Советской зоне в Германии продолжало оставаться высоким. 28 февраля 1948 г. Абакумов проинформировал В.М.Молотова, что за весь 1947 г. на территории Советской зоны арестовано 4.308 человек «вражеского элемента» из числа немецкого населения[288].

А время от времени, советские чекисты устраивали полномасштабные операции охватывающие всю оккупационную зону, целью которых была поимка всех подозрительных. Такая операция, например, была проведена в апреле 1948 г. О проводимых в Советской зоне широких чистках и облавах Абакумов сообщил И.В.Сталину, В.М.Молотову и А.А.Кузнецову 22 мая 1948 г. письмом № 4144/А. Он привел данные сообщения Ковальчука о проведенной 27–30 апреля 1948 г. «операции по задержанию шпионских и подозрительных элементов». Метод – сплошное прочесывание населенных пунктов, вокзалов,

---

[287] Дело об убийстве Хелги Мадер – оперативной сотрудницы криминальной полиции – слушалось в г. Галле с 29 января по 9 февраля 1947 г. Обвиняемыми по делу были: правительственный советник криминальной полиции Альфред Петер, обер–криминальный секретарь Генрих Штурман, безработный Ганс Цимерман, художник–рекламист Отто Нольте. Петер, Цимерман и Нольте сотрудничали с оперсектором НКВД. На суде подсудимые заявили, что убийство Мадер было совершено по приказу министра внутренних дел Саксонии Роберта Зиверта и президента полиции Георга Кенига. Мотивом убийства было то, что Мадер располагала документами, свидетельствующими о преступной деятельности руководителей СЕПГ из числа бывших коммунистов и руководящих лиц провинциального правительства. «Мадер была личным секретарем крупного спекулянта Швабе. Она вела его личную переписку, в частности, книгу учета продуктов, которые в большом количестве получали названные выше руководители, в том числе Зиверт и Кениг. Часть продуктов получалась для Вильгельма Пика» (См.: ГА РФ. Ф. Р–8131. Оп. 37. Д. 3418. Л. 1–2).

[288] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 6. Д. 26. Л. 129–150.

пристаней, ресторанов, гостиниц, притонов и др. мест. В ходе операции задержано 19.717 чел. в том числе 120 работников СВА, среди задержанных подавляющее большинство составили немцы и другие иноподданные – 17.699 чел. Результат «фильтрации» задержанных был такой:

арестовано –	18 чел.
передано в УКР МГБ –	76 чел.
передано в прокуратуру –	1 чел.
направлено в СССР –	3 чел.
передано в немецкую полицию –	761 чел.
освобождено –	18.104 чел.

Остальные, как говорилось в сообщении, находятся в стадии проверки – 295 чел[289].

При этом, надо сказать, руководители МГБ были обеспокоены переполненностью спецлагерей и высокой смертностью в них заключенных. Формально, Абакумов не отвечал за этот участок работы. Спецлагери подчинялись МВД и СВАГ. Но циркулирующие среди местного населения слухи о положении соотечественников в этих лагерях, просачивающиеся при том на Запад, сильно вредили проведению советской политики. Так или иначе, у Абакумова созрел замысел разгрузить спецлагеря от обитателей не слишком опасных, но наиболее склонных к болезням и смерти.

Свое предложение об освобождении части узников спецлагерей он сделал 29 ноября 1947 г., направив И.В.Сталину и секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Кузнецову записку с указанием на то, что в спецлагерях содержится 60.580 немцев. Абакумов предлагал освободить не более 20.000 человек, на кого «нет данных о преступной деятельности», а также стариков, женщин с детьми, подростков, инвалидов и тяжело больных[290].

26 марта 1948 г. состоялась встреча руководителей СЕПГ Пика и Гротеволя со Сталиным в Кремле[291]. Здесь впервые немецкие руководители заговорили о продолжающихся советских репрессиях в Германии, которые они никак не могли контролировать. Их осторожная просьба к Сталину заключалась в необходимости информирования родственников о судьбах арестованных. Вопреки всем немецким правовым традициям об этом ничего не сообщалось

[289] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 6. Д. 9. Л. 123–134.
[290] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 5. Д. 22. Л. 17.
[291] На встрече присутствовали: В.М.Молотов, А.А.Жданов, Г.М.Маленков, политический советник СВАГ В.С.Семенов и переводчики Г.Я.Короткевич, Ф.Эльснер.

родным и близким, что неизбежно вызывало растущую тревогу населения. Также прозвучала и осторожная просьба пересмотреть состав заключенных спецлагерей в Германии, где люди находились без каких-либо приговоров. Вот фрагмент этой беседы:

> Пик говорит об арестах немцев советскими оккупационными войсками, они (арестованные) как бы исчезают из жизни, им не предоставляется возможности связаться с родственниками, нет и публичных процессов. Население приписывает вину СЕПГ. Пик предлагает, чтобы при важных арестах оба председателя СЕПГ были бы информированы и, чтоб разрешили переписку с родственниками и что бы устраивались открытые процессы. Объясняет, что на Западе тоже аресты, но там разрешена связь с родственниками и время от времени открытые процессы, что способствует разряжению атмосферы.
> Сталин спрашивает, что может быть, советскими властями арестовываются иностранные агенты, шпионы?
> Пик – отвечает утвердительно, но говорит и о «неправильных» арестах по доносам реакционеров на социалистически настроенную молодежь и политически надежных людей СЕПГ. Хотел бы знать причины этих арестов, а также освободить неправильно арестованных людей из лагерей интернированных.
> Сталин спрашивает, почему руководители СЕПГ не писали сюда об этом.
> Пик отвечает, что не хотели мешать И.В.Сталину обращениями по мелким вопросам.
> Сталин бросает реплику «какая это помеха!»
> Пик говорит, что они хотели изложить просьбу об этом здесь и считают необходимым пересмотреть методы, не отменяя мер, необходимых для обеспечения безопасности[292].

В ответ на это Сталин заявил, что эту жалобу он принимает[293]. Осторожные просьбы немецких руководителей в ходе их визита к Сталину имели вполне конкретные последствия. Через несколько дней, 31 марта 1948 г. было принято подписанное Сталиным Постановление Совета Министров СССР № 1029–355сс, в пункте седьмом которого говорилось о порядке ареста и содержании арестованных немцев:

> «Обязать Министерство государственной безопасности СССР (т. Абакумова) и Советскую военную администрацию в Германии (т. Соколовского) установить такой порядок арестов и содержания арестованных немцев в Советской зоне оккупации Германии, при котором были бы обеспечены:
> а) информация обоих председателей СЕПГ о важных случаев арестов, в частности об арестах социалистов;

[292] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 303. Л. 24–26.
[293] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 303. Л. 27.

б) переписка осужденных арестованных с родственниками;
в) освобождение из лагерей интернированных членов СЕПГ, социалистически настроенной молодежи, арестованных по доносам фашистов без достаточных на то оснований;
г) устройство время от времени открытых судебных процессов над арестованными немцами»[294].

Однако вопрос был в том, будет ли принятый порядок выполняться. Вероятнее всего немцы не знали, что незадолго до их приезда в Москву, 8 марта 1948 г. было принято решение Совета Министров СССР «О пересмотре дел немецких граждан содержащихся под стражей в Советской зоне оккупации Германии» (№ 702–223сс)[295]. Его появление можно связать с обострением обстановки в Германии. Объяснение этому, достаточно простое. Советский режим, как и любую тоталитарную систему, занимала лишь одна, главная проблема – как давить без меры любую оппозицию и одновременно убеждать мир, что ничего особенного не происходит. Идя на обострение отношений с Западом, следовало «обеспечить тылы», т.е. дать небольшие послабления в своей зоне.

Для выполнения постановления Совета Министров СССР о спецлагерях была создана комиссия. Сообщение о своей работе комиссия направила 13 мая 1948 г. И.В.Сталину, В.М.Молотову, Л.П.Берия и А.А.Кузнецову. В нем говорилось о выполнении Постановления СМ СССР № 702–223сс от 8 марта 1948 г. Комиссия в составе Н.К.Ковальчука, военного прокурора ГСОВГ генерала-майора юстиции Б.М.Шавера и начальника УМВД СВА генерала-майора П.М.Малькова закончила рассмотрение дел на немцев содержащихся в спецлагерях МВД в Советской зоне Германии. Всего было рассмотрено 43.853 дела. Принято решение освободить 27.749 чел. и оставить для содержания в лагерях 16.104 чел. В записке указывалось, что в период 1945–48 г.г. было организовано 11 спецлагерей, а, к моменту составления записки, заключенные содержатся в 6 спецлагерях. С 1945 по 1948 в этих лагерях умерло 20.000 человек, из общего количества прошедших за это время через спецлагеря 146.000 чел. В настоящее время, отмечалось далее, – ежемесячно умирает 300–

[294] АП РФ. Ф. 93. Постановление СМ СССР № 1029–355сс от 31 марта 1948 г., экземпляр для рассылки. Это решение было пересмотрено постановлением СМ СССР № 5159–1967сс от 5 ноября 1949 г., а позднее постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 августа 1950 г.
[295] Текст этого постановления см.: *Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т.II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сборник документов и статей.* – М. 2001. С. 146–147.

400 чел. Далее Абакумов, Круглов и Сафонов – авторы документа, высказывают опасение, что об этом факте может узнать «западная реакционная печать» и предлагают: «немцев принимавших участие в захоронении умерших, а также других лиц, наиболее осведомленных о смертности заключенных – из лагерей не освобождать...»[296]. Вот, что прежде всего заботит Сталина. Главное не дать Западу аргументы для обвинения СССР в жестокости и беззаконии. Из приложенной к документу записки Ковальчука следовало, что в число оставляемых в спецлагерях попали, например: оперативный состав СД, Гестапо, Абвера – 6.032 чел., руководящий состав НСДАП и Гитлерюгенд – 2.049 чел. и так далее, в том числе «редакторы фашистских газет и крупные фашистские журналисты – 240 чел. Ковальчук привел сведения о партийности не подлежащих освобождению и освобождаемых:

членов НСДАП и организаций гитлеровской молодежи	12.168
членов СЕПГ	112
членов СДПГ	188
членов ЛДП	28
членов ХДС	21
беспартийных	3.587
Предлагалось отпустить из спецлагерей:	
членов НСДАП и организаций гитлеровской молодежи	26.153
беспартийных	1.596[297].

Как видим, отпускать на волю даже представителей СЕПГ Ковальчук не собирался. Борьба с оппозицией Ульбрихту и Пику в Советской зоне входила в прямые обязанности аппарата Уполномоченного МГБ. А между тем, насаждение советских порядков порой давало серьезные сбои. Так, 17 июня 1948 г. Молотову была направлена Абакумовым докладная записка Ковальчука, в которой он жаловался, что немецкие органы юстиции в советской зоне не способствуют проведению «демократических преобразований» и, – как он писал, – выражается это в том, что они выносят много оправдательных приговоров и прекращают много следственных дел. По мнению Ковальчука это связанно с тем, что немецкие органы юстиции возглавляются в основном представителями буржуазных партий[298]. После таких выводов становилось

[296] ЦА ФСБ Ф. 4-ос. Оп. 6. Д. 9. Л. 336–344.
[297] Там же.
[298] Там же. Д. 10. Л. 362.

понятно, что ликвидировать окончательно спецлагеря было еще рановато. Они еще нужны!

С выводами комиссии о категориях и количестве немцев подлежащих освобождению из спецлагерей Советское Правительство согласилось. Решение было оформлено постановлением Совета Министров № 2386–991сс от 30 июня 1948 г.[299]

Итак, с одной стороны, жалобу немецких руководителей Сталин принял и даже подписал Постановление Совета Министров, но, с другой стороны, вовсе не торопился его выполнять. Многие вопросы связанные с арестами немецких граждан так и не были разрешены (информирование родственников об арестах, приемлемые условия содержания и т.п.). В дальнейшем это привело к новым жалобам со стороны представителей немецкой общественности. И об этом ниже.

Пространную записку о работе органов МГБ в Германии «по борьбе с антисоветским подпольем» 24 мая 1949 г. Абакумов посылает Сталину, Молотову, Берия и Маленкову. В ее основе сообщение Ковальчука, из которого явствует, что с 1 января по 1 апреля 1949 аппаратом Уполномоченного МГБ было «вскрыто и ликвидировано 40 вражеских организаций и групп» с арестом 291 их участника, а всего за это время было арестовано 1.060 немцев. Эти 1.060 арестованных состояли из: арестованных за шпионаж в пользу иностранных разведок 440 чел., диверсантов, террористов и за саботаж – 73 чел., за проведение антисоветской работы – 141 чел., военных преступников – 200 чел., за незаконное хранение оружия – 102 чел., за другие преступления – 104 чел.[300]

Основу для ликвидации спецлагерей заложило решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 сентября 1949 г. По существу это было решение Сталина о создании государства ГДР. Формальными инициаторами были В.Пик, О.Гротеволь и В.Ульбрихт. Именно они 19 сентября направили Сталину письмо с подобным предложением и целой серией сопутствующих вопросов. Так что, Решение Политбюро от 28 сентября было, как бы, принятием их предложений. Этим решением, в частности, было признано нецелесообразным отправлять в СССР для отбытия наказания немцев осужденных Военным Трибуналом в

[299] *Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т.II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сборник документов и статей.* – М. 2001. С. 147–148.
[300] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 7. Л. 190–203.

Германии[301]. Вместо управлявшей полновластно в Советской зоне Советской военной администрации была создана Советская Контрольная Комиссия (СКК).

Руководствуясь логикой этого решения Абакумов и Круглов 19 октября 1949 направили Молотову проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о передаче органам ГДР немцев заключенных в спецлагерях и тюрьмах МВД в Советской зоне. Но, как всегда, не всех. Исключение составили «особо опасные», их, – по мнению составителей документа, – следовало передать Уполномоченному МГБ, причем, передать даже тех, на кого нет достаточных для суда документальных материалов. А уж Уполномоченный МГБ, должен был позаботиться об их осуждении на Особом Совещании МГБ. Сами спецлагеря должны были закрыться. Аппарату Уполномоченного МГБ оставались тюрьмы[302].

Что-то Молотову не понравилось в этом проекте и 27 октября 1949 г. ему направили переработанный проект постановления Политбюро о рассмотрении дел осужденных и неосужденных немцев, содержащихся в спецлагерях. Тут уже предлагалось создать комиссию для рассмотрения дел из представителей МГБ (Едунов), МВД (Соколов) и Прокуратуры (Шавер) и за 1,5 месяца рассмотреть дела. Часть арестованных передать ГДР, остальных освободить или осудить, и разработать порядок и внести предложения по использованию спецлагерей.[303] Стоит отметить, что существует и третий вариант проекта решения ПБ, он, как это ни странно, приложен к экземпляру письма от 19 октября, хранящемуся в ГА РФ[304]. Можно предположить, что это окончательный вариант. Он наименее жесткий.

Предварительное решение было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 31 октября 1949 г. В нем говорилось о создании комиссии в составе: Едунова (МГБ), Соколова (МВД) и Шавера (Прокуратура) которая должна была рассмотреть дела немцев и внести к 10 декабря 1949 г. предложения по следующим вопросам: 1. Об освобождении маловажных заключенных, не представляющих опасности для режима; 2. О передаче немецким органам не особо опасных осужденных и неосужденных, дела которых могут рассмотреть

[301] *Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т.II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сборник документов и статей.* – М. 2001. С. 156.
[302] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 18. Л. 395–398.
[303] Там же. Л. 195–197.
[304] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 240. Л. 262–265.

немецкие суды, а также немцев, осужденных советскими судами и не являющихся особо опасными, для дальнейшего отбытия наказания в немецких тюрьмах; 3. О порядке следствия и предания суду неосужденных к данному моменту особо опасных заключенных 4. О ликвидации спецлагерей в Германии[305].

Постановлением Совета Министров СССР № 5159–1967сс от 5 ноября 1949 г. Абакумову (МГБ) и Чуйкову (СКК) поручалось в 10-ти дневный срок представить в Совет Министров предложения об аппарате и функциях Уполномоченного МГБ в составе СКК в Германии (при этом были отменены ранее выпущенные на эту тему Приказ МГБ № 00503 от 5 ноября 1946 г. и записка по «ВЧ» Серова из Берлина – 1945 г.)[306].

Окончательный проект о ликвидации спецлагерей и тюрем МВД в Германии был направлен 27 декабря 1949 г. Сталину, Молотову, Берия и Маленкову от Абакумова, Круглова и Сафонова. В проекте содержались и количественные выкладки, кого и куда из заключенных направить. В частности, предлагалось освободить – 15.038 человек, передать в тюрьмы ГДР – 13.945 человек, передать Уполномоченному МГБ в Германии – 649 человек и, наконец, отправить в СССР 58 иностранцев «наиболее опасных» для их дальнейшего содержания под стражей. Но в последнем случае речь шла не о немцах[307].

Это решение было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 30 декабря 1949 г. (П72/100) и в тот же день оформлено Постановлением Совета Министров СССР № 6021–2251сс.[308]

Аппарат Уполномоченного МГБ СССР в Германии сохранил свои полномочия и функции, а также и тюрьмы, продолжая активно работать. 2 августа 1950 г. было принято «Постановление Инстанции» по вопросам деятельности СКК в Германии в котором, в частности, говорилось об усилении борьбы с агентурой иностранных разведок против советской оккупационной армии. При этом, председатель СКК Чуйков и Уполномоченный МГБ в Германии Давыдов были обязаны:

> «подготовить в ближайшее время два–три закрытых процесса против англо-американских агентов, проводящих шпионскую и

[305] РГАНИ. Ф. 89 Оп. 75. Д. 20. Л. 1–2.
[306] АП РФ. Ф. 93. Постановление СМ СССР № 5159–1967сс от 5 ноября 1949 г. Экз. для рассылки.
[307] РГАНИ. Ф. 89 Оп. 75. Д. 22. Л. 1–2.
[308] Там же. Д. 23. Л. 1–2.

подрывную работу против советской оккупационной армии в Германии, с объявлением впоследствии об исполнении приговоров»[309].

Первое предложение по этому вопросу они должны были представить в «Инстанцию» (т.е. – Сталину) в месячный срок. В телеграмме на имя Сталина от 6 сентября 1950 г. № 7/1936 Чуйков писал, что в связи с приближением выборов происходит активизация подрывной деятельности англо-американских разведорганов и реакционных центров. Распространяются антисоветские листовки, в отдельных случаях переходят к «более острым формам борьбы» – террору. Чуйков приводил пример – террористический акт против активиста СЕПГ в деревне Милов, Юккермюндского уезда совершенный 8 августа 1950 г. и считал необходимым устроить над террористом открытый процесс. Далее писал, что немецкими органами безопасности под руководством советских чекистов вскрыто и ликвидировано несколько групп, которые по заданию англо-американских центров собирали информацию о ходе избирательной кампании и разбрасывали антисоветские листовки. Далее Чуйков сообщал:

«В целях разоблачения подрывной деятельности англо-американских властей в Германской демократической республике, а также поднятия активности и усиления политической бдительности немецкого населения, целесообразно в течение ближайших десяти дней провести 1–2 открытых процесса в немецком суде с опубликованием судебных материалов в немецкой печати. Прошу Вашего согласия на проведения указанных трех открытых процессов. Чуйков»[310].

Следом Чуйков направил вторую телеграмму на имя Сталина № 7/1937 от 6 сентября. В ней говорилось о секте «Свидетели Иеговы» в ГДР, которая насчитывает 100 тысяч человек. Чуйков отмечал, что секта ведет пропаганду в направлении срыва выборов. С 23 августа 1950 г. пресса ГДР ежедневно разоблачает эту секту как «замаскированное гнездо американского шпионажа». 30 августа органы госбезопасности ГДР провели аресты руководящих проповедников секты, всего арестовано более 350 человек. 31 августа правительство ГДР приняло решение о роспуске секты. 1 сентября МВД ГДР дало указание народной полиции конфисковать все материалы и документы

[309] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 804. Л. 9. По сути, это было решение Сталина, хотя и не оформленное как решение Политбюро или СМ СССР, под ним есть подпись «Инстанция» и печать ЦК ВКП(б). Текст решения, согласно помете, был послан Молотову, Абакумову и Чуйкову.

секты, проведены обыски в общинах и изъято 5 тонн антисоветской литературы. «Население к арестам иеговистов и роспуску секты, в основном, относится положительно», утверждал Чуйков. В целях окончательного разоблачения иеговистов и компрометации их перед немецким населением, целесообразно провести открытый процесс в Верховном Суде ГДР над наиболее активными руководящими проповедниками секты, являющимися агентами американского империализма. И в конце сообщения вполне традиционная просьба: «Прошу Вашего согласия на поведение открытого процесса в городе Берлине над группой иеговистов в количестве 10–15 человек. Чуйков»[311].

Политбюро отреагировало 8 сентября 1950 г. (П77/305) приняв постановление по «Вопросам Чуйкова». В нем поручалось министру иностранных дел Вышинскому дать положительный ответ на телеграммы Чуйкова № 7/1936 и 7/1937[312].

В 1950 г. в связи с организацией министерства государственной безопасности ГДР потребовалось разграничение полномочий между ним и аппаратом Уполномоченного МГБ СССР и внесение корректив в судебную практику в Германии. Весьма показательно, что первым обратил на это внимание председатель военного трибунала ГСОВГ Н.Я.Майоров, а вовсе не высокие руководители в Москве или сами чекисты. Более того, ситуация серьезно менялась еще и потому, что с января 1950 г. вновь вводилась смертная казнь «для изменников Родине, шпионов и диверсантов». Подавляющее же большинство арестованных советской госбезопасностью на территории Германии немцев обвинялось, как раз, в шпионаже. Майоров, на практике проводивший в жизнь советские репрессивные установки, направил 10 марта 1950 г. (за № 00692) письмо в ЦК ВКП(б) в котором сообщал, что «ряд политических и юридических вопросов о подсудности немцев соответствующими инстанциями не решены», при этом советские военные трибуналы в Германии недостаточно «укомплектованы кадрами»[313]. Письмо

---

[310] На телеграмме Чуйкова стоит резолюция: «т. Булганину. Указано рассмотреть на шестерке. П[оскребышев]». Этой резолюций Поскребышева переданы слова Сталина с юга (АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 27–31).

[311] На этой телеграмме тоже резолюция Поскребышева об указании рассмотреть «на шестерке» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 29–31).

[312] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 26.

[313] РГАНИ. Картотека входящей в ЦК ВКП(б) корреспонденции.

Майорова для выработки решения было разослано 18 марта 1950 г. в МГБ, МИД и министерство юстиции СССР.

Но именно в то время, когда было необходимо формально привести законодательные нормы в соответствие с изменившейся реальностью, ведомственные руководители проявили поразительную индифферентность. Потребовалось около полугода, чтобы после многочисленных согласований дело сдвинулось с мертвой точки. Разработанный совместно МИД, МГБ, Прокуратурой и министерством юстиции СССР «проект постановления Правительства о подсудности дел военным трибуналам группы советских оккупационных войск в Германии» был 16 сентября 1950 г. представлен на рассмотрение в ЦК ВКП(б) и Совет Министров[314]. С проектом был ознакомлен Г.М.Маленков, о чем имеется помета его помощника Суханова на карточке входящих документов[315]. Однако, решение не было принято. Видимо, Сталин, в чью компетенцию председателя Совета Министров входило подписание таких документов, посчитал, что не стоит принимать решение на таком высоком уровне, а достаточно лишь дать указания руководителям СКК в Германии по линии МИД. Логика кремлевского руководителя понятна, не стоило связывать руки советским наместникам в ГДР столь жестким образом, нужно все же оставить им простор для маневра. Мало ли какие категории следственных дел на немцев потребуется в будущем рассматривать, и уровень регламентации здесь играл бы важную роль. Постановление Совета Министров СССР нарушить было бы труднее, чем просто какие-то «указания МИД». Неудивительно, что уже 23 сентября 1950 г. указанный проект был отправлен в архив. А немногим раньше, руководству СКК в Германии вновь было поручено представить свои соображения о том, как разграничить полномочия советской и немецкой юстиции в ГДР. Свои предложения по этому вопросу Чуйков и Семенов направили в Москву. Их, в свою очередь, рассмотрел заместитель министра иностранных дел А.А.Громыко и направил Сталину.

В своей записке от 20 сентября 1950 г. (№ 139–ги) на имя Сталина Громыко писал, что Чуйков и Семенов предлагают передать на рассмотрение немецких судов ряд дел ныне рассматриваемых военными трибуналами ГСОВГ. Учитывая изменение обстановки в Советской зоне после образования ГДР, а

[314] Там же.
[315] Там же.

также практику работы военных трибуналов и необходимость более точного определения дел, подсудных трибуналам, МИД считает такое предложение своевременным и правильным. Далее Громыко представил проект, согласованный с МГБ, МЮ, и Генеральной прокуратурой[316].

ПРОЕКТ указаний Чуйкову и Семенову:

1. Установить, что ВТ ГСОВГ подсудны все без исключения дела о преступлениях, совершаемых гражданами СССР в Германии, в том числе советскими военнослужащими, а также следующие дела о преступлениях совершенных немецкими гражданами.

а). государственные преступления предусмотренные Ст.58–2 – 58–14 УК РСФСР.

б). хищение советского государственного и общественного имущества, совершенное повторно или шайкой или в крупных размерах.

в). преступления против жизни, здоровья, личной безопасности и имущества граждан СССР.

г). дела, по которым немцы привлечены к ответственности как соучастники преступлений совершенных советскими гражданами.

2. Дела о других преступлениях, совершенных немецкими гражданами на территории Германии могут рассматриваться советскими ВТ по согласованию всякий раз с СКК в Германии и с МИД СССР.

3. Установить, что конфискация имущества, как дополнительная мера наказания, должна применяться советскими ВТ в предусмотренных законом случаях лишь в отношении тех осужденных немецких граждан «которые располагают крупной недвижимой собственностью, значительными ценностями и капиталами». Приговоры (в части конфискации) в этих случаях должны передаваться СКК на исполнение компетентным немецким органам, которые зачисляют суммы, вырученные от конфискации, в доход ГДР.

4. Поручить СКК (Чуйкову) сообщить правительству ГДР, что Советское правительство приняло решение отнести к подсудности судов ГДР дела о следующих преступлениях, совершаемых немецкими гражданами, рассматривавшимися ранее ВТ Советских оккупационных войск в Германии:

а). о незаконном хранении оружия и боеприпасов

б). о незаконном переходе демаркационной линии

в). о военных преступлениях, преступлениях против мира и человечности, если эти преступления не были направлены против СССР

г). о преступлениях, направленных против основ ГДР и мероприятий проводимых ее правительством, если лица, обвиняемые по этим делам, не изобличены также в совершении преступлений против СССР.

Поручить тов. Чуйкову поставить перед правительством ГДР вопрос об осуществлении мероприятий, необходимых для обеспечения надлежащей борьбы с перечисленными выше преступлениями[317].

---

[316] Письмо Громыко и проект были направлены также: Молотову, Маленкову, Берия, Микояну, Кагановичу, Булганину и Хрущеву.

[317] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 33–37.

По этому вопросу Политбюро 25 сентября 1950 г. (П78/34) приняло лишь промежуточное решение «О проекте указаний Чуйкову и Семенову по поводу передачи на рассмотрение немецких судов дел подсудных в настоящее время военным трибуналам ГСОВГ». В нем содержалось поручение для Громыко «в 3-х дневный срок на основе обмена мнениями представить объяснительную записку и исправленный проект указаний т.т. Чуйкову и Семенову по вопросу о передаче на рассмотрение немецких судов дел, подсудных в настоящее время военным трибуналам ГСОВГ»[318]. Ни через три дня, ни позднее Политбюро к рассмотрению этого проекта не вернулось. Но это вовсе не означало что вопрос надолго «завис». Просто Соображения Чуйкова и Семенова о разграничении полномочий были приняты за основу, и советский Военный Трибунал ГСОВГ и аппарат Уполномоченного МГБ следовал новым установкам. Кремль вообще не хотел какой-либо строгой регламентации, неписаные, хотя и соблюдаемые правила сохраняли пресловутую, но столь ценимую «свободу маневра».

Между тем, не только Чуйков из Германии, но и Абакумов в Москве вносил предложения о новых репрессивных акциях. В записке № 7213/А от 19 октября 1950 г. Абакумов писал о необходимости провести разновременно 3 закрытых судебных процесса над американскими и английскими шпионами. Абакумов напоминал, что решением ЦК от 2 августа органам МГБ было поручено подготовить в Германии 2–3 судебных процесса:

> «В течении последних двух месяцев МГБ совместно с работниками чекистских органов в Германии были вскрыты и ликвидированы следующие американские и английские шпионские резидентуры:
>
> первое: резидентура американской разведки в составе 8 арестованных шпионов возглавлявшаяся резидентом – немцем Людвигом Нибелунгом. Они сообщали сведения о советских воинских частях в Лейпциге, Веймаре, Эрфурте, работая по заданию сотрудника американского разведывательного органа «С–2» в Берлине капитана Гартмана резидента американской разведки Дамерау (бывший начальник немецкого разведоргана Абвергруппа–326). Сведения Нибелунг передавал выезжая в американский сектор Берлина.
>
> второе: американская шпионская резидентура передававшая по радио в Штуттгартский центр американской разведки шпионские сведения о вооружении и численном составе советских оккупационных войск в Тюрингии и Саксонии. Арестован 21 человек в том числе 3 агента радиста Дильснер Герхард (бывший радист Абвера), Баккер Гельмут (бывший радист переводчик), Пуш Альфред (бывший радист

[318] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 32.

Абвера), изъято 3 действующие радиостанции, все арестованные признались.

третье: резидентура английской разведки в составе 11 шпионов возглавлявшаяся немцем Гайлер Эргард-Вальтер, проводившая шпионскую деятельность по заданию сотрудников английской разведки Ричфорда и Картера. Сообщали данные о дислокации и численном составе советских войск в городах Людвигслусте, Демитце, Нерлеберге, Виттенберге и Стендале, о политических настроениях населения и служащих немецкой полиции. Гайлер передавал сведения Картеру, для этого нелегально выезжал в Гамбург[319].

Далее в письме Абакумов предложил рассмотреть дела в суде в сроки (как это и было принято Политбюро – в ноябре и первой половине декабря), рассмотрение дел вести за «закрытыми дверями»[320] под председательством генерал-майора юстиции Майорова. СКК поручить опубликовать сведения о процессах в немецкой печати (это предложение, писал Абакумов, согласовано с Чуйковым). «Прошу Вашего решения. Абакумов»[321].

Политбюро приняло следующее решение 23 октября 1950 г. (П78/313–оп) «Вопрос МГБ»:

О судебных процессах над американскими и английскими агентами в ГДР. 1). Принять предложение МГБ (Абакумова) и СКК (Чуйкова) об организации трех судебных процессов над американскими и английскими агентами проводившими шпионскую и подрывную работу против Советских оккупационных войск в Германии и ГДР. 2). Дела рассмотреть на закрытых судебных заседаниях ВТ ГСОВГ. Первое дело рассмотреть в начале ноября, второе в конце ноября и третье в первой половине декабря с.г. 3). Обязать СКК опубликовать в немецкой печати краткое сообщение о приговорах над осужденными англо-американскими шпионами. 4). Подготовку дел для рассмотрения в суде возложить на МГБ СССР[322].

И в следующем 1951 г. году репрессии проводимые аппаратом советской госбезопасности в ГДР не ослабевали. Но, как и в прежнее время, наибольшие сомнения возникали в советском руководстве, когда требовалась публикация сообщений о состоявшихся судах. 14 августа 1951 г. заместитель министра ГБ Е.П.Питовранов и министр иностранных дел А.Я.Вышинский направили Сталину записку № 308–ВК, в которой сообщали, что МГБ закончило следствие по нескольким делам немецких агентов английской, американской и

[319] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 39–43.
[320] То есть без доступа публики.
[321] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 39–43.

французской разведок. МИД и МГБ считают целесообразным опубликовать в немецкой печати судебные приговоры которые будут вынесены ВТ ГСОВГ – по двум делам агентов американской разведки – 13 человек, по одному делу агентов английской разведки – 8 человек, по делу агентов французской разведки – 5 человек. Публикации сделать с интервалами в 7 – 10 дней. В процессе следствия все признали себя виновными. «Опубликование в немецкой печати приговоров Военного трибунала по этим делам позволит мобилизовать внимание демократических кругов ГДР на борьбу с агентами иностранных разведок и затруднит деятельность англо-американской и французской разведок в ГДР по вербовке агентуры из местного населения»[323]. Политбюро приняло 15 августа 1951 г. следующее решение (П83/138) «Об опубликовании в немецкой печати содержания приговоров ВТ ГСОВГ по 4 делам немецких шпионов». Поручить МИДу представить тексты сообщений о приговорах, подлежащих опубликованию в немецкой печати, после чего рассмотреть вопрос[324].

Только через месяц появилось письмо Вышинского и Игнатьева № 571–ВК от 25 сентября 1951 г. на имя Сталина в котором сообщалось:

> В связи с поручением Политбюро представить уточненные тексты сообщений для немецкой печати о судебных приговорах по нескольким делам агентов американской, английской и французской разведок МИД и МГБ сообщают, что дополнительной проверкой выяснилось, что в настоящее время закончено следствие и имеется приговор ВТ в отношении агентов американской разведки Ганса-Рихарда и его соучастников. По делам других трех групп агентов Отто Хорстмана, Виллибальда Римана и Вольдемара Якайта еще не закончено следствие, проводимое аппаратом Уполномоченного МГБ в Германии. Исходя из этого, в настоящее время ограничиться публикацией одного судебного приговора, об остальных решить вопрос дополнительно, после окончания следствия[325].

К письму был приложен проект сообщения для печати под названием: «Суд над агентами американской разведки». В нем фигурировало 7 осужденных, из них 4 приговоренных к расстрелу[326].

Однако публикация так и не состоялась. В деле имеется справка. «Об опубликовании приговора ВТ ГСОВГ по делу американского агента Ганса-

---

[322] АП РФ. Ф.3. Оп.64. Д.805. Л.38.
[323] АП РФ. Ф.3. Оп.64. Д.805. Л.45–46
[324] АП РФ. Ф.3. Оп.64. Д.805. Л.44.
[325] АП РФ. Ф.3. Оп.64. Д.805. Л.55.
[326] Там же. Л.57.

Рихарда Эккеля (т.т.Вышинский и Игнатьев), и на ней помета: «27 сентября – Вопрос снять по предложению Вышинского»[327].

Назначенный в августе 1951 г. новый министр госбезопасности С.Д.Игнатьев запиской № 205/И от 1 сентября 1951 г. на имя Л.П.Берия[328] сообщал, что Уполномоченный МГБ в Германии т. Давыдов поставил перед МГБ вопрос о проведении судебными органами ГДР открытого процесса по делу «Круг сопротивления». Игнатьев пояснял, что «следствием установлено», что эта организация на территории ГДР создана по инициативе западной разведки. В Западном Берлине, – писал он, – «Круг сопротивления» возглавляют доктор Лют и Кауфман, и по их заданию участники «Круга сопротивления» собирали шпионские сведения о промышленных объектах ГДР, распространяли антисоветские и антидемократические литературу и листовки. В период фестиваля в Советском секторе Берлина они намечали совершить поджоги, уничтожать лозунги, транспаранты и т.п. По этому делу органами МГБ СССР в Германии арестовано 25 человек, из которых, по мнению Давыдова, на открытом процессе можно судить 5 наиболее активных участников, а материалы на остальных 20 человек выделить в отдельное дело и использовать их в качестве свидетелей. Далее Игнатьев писал, что «как сообщает Давыдов, подготовка дела к слушанию на процессе будет проведена немецкими органами безопасности при помощи опытных следственных работников аппарата Уполномоченного МГБ в Германии» и добавлял от себя, что МГБ считает целесообразным провести такой процесс «в целях разоблачения» перед немецким народом подрывных усилий Запада[329].

4 сентября 1951 г. Политбюро приняло следующее решение (П83/359) «О проведении в Германии открытого судебного процесса по делу шпионской диверсионной организации «Круг сопротивления»:

> Поручить т.т. Молотову, Вышинскому и Игнатьеву в 5-дневный срок представить предложения по данному вопросу, запросив предварительно мнение т. Чуйкова и немецких товарищей[330].

[327] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 54.
[328] На письме имеется помета: Разослано Берия, Булганину, Кагановичу, Маленкову, Микояну, Молотову, Хрущеву.
[329] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 48–50.
[330] Там же. Л.47.

Через неделю Политбюро вновь возвращается к этому вопросу, рассмотрев записку на имя Сталина от 10 сентября от Молотова, Вышинского и Игнатьева. Они сообщали, что по делу арестовано 20 человек и Чуйков (в телеграмме от 8 сентября № 570), которого просили сообщить свое мнение и мнение немецких друзей по этому вопросу, считает, что проводить открытый процесс над арестованными участниками организации «Круг сопротивления» нецелесообразно. В отношении лиц замешанных в подрывной деятельности против ГСОВГ, Чуйков считает нужным передать материал на доследование и в случае виновности направить на рассмотрение Военного Трибунала ГСОВГ. Вышинский и Игнатьев согласились с соображениями Чуйкова[331].

11 сентября 1951 г. принимается постановление Политбюро (83/479–оп) «О шпионско-диверсионной молодежной организации «Круг сопротивления» действовавшей на территории ГДР». В нем два пункта:

> 1). Принять предложения МИД СССР и МГБ СССР о нецелесообразности проведения открытого судебного процесса над арестованными по этому делу.
>
> 2). Материалы о лицах замешанных в подрывной деятельности против Советских оккупационных войск в Германии, передать на доследование и в случае подтверждения виновности, обязать СКК внести свои предложения на рассмотрение ЦК ВКП(б)[332].

В сентябре – октябре 1951 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает ряд решений направленных на ужесточения контроля за районами советского акционерного общества «Висмут» занятого в Германии добычей урана:

> 4 сентября 1951 г. (83/360) «О проведении в Германии открытого процесса над виновниками провокационных выступлений в г. Заальфельде»[333].
>
> 11 сентября 1951 г. (83/478–оп) «Об инцидентах в августе 1951 г. в районе А/О «Висмут». (В этом решении было поручение Чуйкову, Семенову, Семичастнову, Давыдову и Б.З.Кобулову не допускать впредь подобных провокаций, проверить состав немецкой полиции. И содержался общий вывод: «Считать нецелесообразным проведение открытого судебного процесса по делу о беспорядках в г. Заальфельде»)[334].
>
> 3 октября 1951 г. (П83/687–оп) «О согласии на арест Франке-Грикш (Берия, Вышинский, Игнатьев)»[335].

---

[331] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 52.
[332] Там же. Л.51.
[333] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1090.
[334] Там же. Оп. 162. Д. 46.
[335] Там же.

18 октября 1951 г. (П84/73–оп) «Вопросы А/О «Висмут». (В решении содержалось требование «добиться улучшения обстановки в районе. Усилить борьбу со шпионской агентурой в районе А/О «Висмут»)[336].

В октябре 1951 г. советское руководство вынуждено вновь вернуться к так и нерешенному вопросу о полномочиях и практике работы военных трибуналов в Германии. Знаменательно, что теперь инициатором рассмотрения этого вопроса выступил глава Евангелической церкви Дибелиус. Шифровкой от 28 сентября 1951 г. № 8/1334 в МИД из ГДР от Чуйкова, Семенова и Чеботарева сообщалось о том, что 26 сентября 1951 г. в дипломатическую миссию явился советник председателя Евангелической церкви Германии и передал личное письмо главы Евангелической церкви Дибелиуса на имя Сталина. В письме Дибелиус высказывал ряд замечаний относительно имеющихся, по его мнению, нарушений законности в работе судебно-следственных органов ГДР:

1. Производство арестов полицией без требуемой законом санкции судьи.
2. Неуведомление родственников о судьбе арестованных
3. Отсутствие гласности судебных процессов
4. Применение жестких мер судебных репрессий к молодежи.
5. Отсутствие необходимого гуманного отношения к больным заключенным.
6. Запрещение проведения церковных обрядов в местах заключения.
7. Отсутствие у лиц, осужденных советскими ВТ права на подачу просьб о помиловании.

Далее Чуйков, Семенов и Чеботарев сообщали свое мнение относительно соображений Дибелиуса:

«По ряду вопросов, как нам кажется, следовало бы внести поправки в практику немецких судебно-следственных органов и соответствующих советских органов применительно к обычному для Германии судопроизводству. Наши предложения по этому вопросу сообщим дополнительно»[337].

Однако, через несколько дней советские представители в Германии одумались и уже более негативно оценили демарш священника. Следующая шифротелеграмма № 8/1362 в МИД из ГДР от 4 октября 1951 г. была послана Семичастновым и Семеновым. В ней говорилось:

[336] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 47.
[337] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 60–61. Текст письма Дибелиуса см. там же. Л. 62–64.

Ряд положений письма (где речь шла о жестоких репрессиях к молодежи, негуманном отношении к заключенным, невозможности проведения религиозных обрядов в местах заключения – Н.П.) являются клеветническими, исходящими из враждебных ГДР и СССР побуждений – это «перевод англо-американской враждебной пропаганды по адресу органов госбезопасности, полиции и юстиции ГДР»….

«Следует заметить, что немецкие суды вследствие их большой засоренности реакционными элементами сплошь и рядом выносят недопустимо мягкие приговоры по делам о преступлениях, направленных против демократического порядка в ГДР и общественной собственности, а следственные органы зачастую не справляются с раскрытием и расследованием дел по антигосударственным преступлениям.

Поскольку в последнее время в ГДР наблюдается усиление активности вражеских элементов, выражающееся, в частности, в нападениях на органы народной полиции и тому подобное, необходимо будет принять меры, во-первых, по улучшению работы органов власти и их приближению к населению и, во-вторых, по усилению репрессий против подымающих голову враждебных элементов»[338].

Далее в письме Семенова и Семичастнова говорилось о том, какие поправки можно было бы принять. О производстве арестов – возможна санкция окружных судей по делам об антигосударственной деятельности. Об извещении родственников (госбезопасность не извещала), по мнению авторов письма, – «можно было бы уведомить их родственников об их судьбе после вынесения судебного приговора, чего в настоящее время, как правило, не делается». О гласности – советские ВТ, как правило, судят при закрытых дверях – «этот порядок надо сохранить без изменений». О помиловании – порядок просьб о помиловании разрешен в соответствии с указанием МИД СССР от 28 июля сего года – согласно ему просьбы направляются в ПВС СССР. О религиозных обрядах – разрешаются во всех тюрьмах кроме следственных тюрем МГБ[339].

Однако с ними не согласился Вышинский и 8 октября 1951 г. написал на Сталину, что письмо Дибелиуса – сигнал о неблагополучии и предложил Чуйкову и Семенову «более основательно разобраться с работой» органов немецкой госбезопасности, следственных и судебных органов[340].

Окончательные рекомендации Вышинского направленные 19 октября 1951 г. Сталину[341] в основе своей, полностью вошли в текст Указаний Чуйкову

[338] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 65–69.
[339] Там же. Л. 65–69.
[340] Там же. Л. 76.
[341] Там же. Л. 81–85.

и Семенову, который одобрило Политбюро решением 24 октября 1951 г. (П84/144–оп) «О письме Дибелиуса». В нем говорилось:

> 1). Утвердить подготовленный МИД СССР проект указаний Чуйкову и Семенову в связи с письмом Дибелиуса. 2). Поручить комиссии в составе т.т. Горшенина (созыв), Игнатьева, Сафонова, Семичастнова и Грибанова (МИД) в двухнедельный срок разработать и представить на рассмотрение ЦК ВКП(б) предложение об улучшении работы советских военных трибуналов в Германии[342].

В приложении к этому решению Политбюро содержался «Проект указаний Чуйкову и Семенову». Указания были следующие:

> 1. Встретиться с Пиком, Гротеволем и Ульбрихтом и ознакомить их с письмом Дибелиуса и порекомендовать им провести ряд мер по улучшению работы следственных органов, органов госбезопасности и судов. Аресты проводить в соответствии с законом ГДР, точно соблюдать сроки следствия, прокурорский надзор, закон о борьбе с преступностью среди молодежи (предусмотреть более мягкие репрессии). Очистить судебно-следственные органы «от реакционных и сомнительных элементов», улучшить подготовку и переподготовку кадров для госбезопасности. Закончить разработку закона о судоустройстве, положения о прокуратуре, Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса. Сообщите руководителям ГДР, что со стороны СКК будут приняты меры по улучшению работы советских военных трибуналов в Германии (об этом указания будут даны дополнительно).
> 2. Пригласить Дибелиуса и сообщить ему, что Сталиным поручено передать ему, что по всем затронутым вопросам СКК примет необходимые меры. «Поручить т.т. Чуйкову и Семенову обеспечить, чтобы беседа с Дибелиусом и сведения о мерах, принимаемых по улучшению работы судебно-следственных органов ГДР не стали достоянием гласности»[343].

Эти указания Политбюро были выполнены. Чуйков и Семенов сообщили 20 ноября 1951 г. о результатах беседы с Дибелиусом. Она состоялась 15 ноября и Дибелиусу было высказано все, что содержалось в «указаниях» Политбюро. При этом, Чуйков и Семенов просили рассматривать беседу как доверительную и предупредили его о неразглашении сказанного. Как писали Чуйков и Семенов, Дибелиус, в свою очередь, заверил, что разговор не станет достоянием гласности. Дибелиус также заявил, что настало время объявить амнистию военнопленным, попросил освободить своего племянника (содержавшегося в плену в СССР). Дибелиус сказал, что будет просить Кайзера в ФРГ не посылать

[342] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 60.

шпионов под видом священников. Дибелиус спрашивал о перспективах объединения Германии и рассказал о его беседах с Аденауэром. О позиции СССР по объединению Чуйков и Семенов ему ответили, что она ясно изложена в речи Вышинского в ООН 13 ноября 1951 г.[344]

Итак, встреча с Дибелиусом состоялась. А как обстояли дела с разработкой постановления о работе военных трибуналов в Германии? Здесь Политбюро потребовалось больше времени, чем планировалось ранее. И в итоге, решение так и не было принято.

Созданная Политбюро комиссия в составе Горшенина, Игнатьева, Сафонова, Семичастнова, Грибанова подготовила записку № 003831 от 14 ноября[345]. В ней говорилось, что в соответствии с постановлением Политбюро от 24 октября 1951 г. ими рассмотрен вопрос об улучшении работы советских военных трибуналов в Германии и подготовлен проект постановления СМ СССР по этому вопросу вносимый на рассмотрение Политбюро[346]. В первом варианте проекта вновь речь шла о том, какие дела следует передавать на рассмотрение в немецкие суды, причем содержательно этот вопрос в точности повторял предложения Громыко, сделанные в 1950 г., но к ним был добавлен один важный пункт, в котором предлагалось передавать немецким судам дела «о хищениях советского государственного и общественного имущества, за исключением дел о крупных хищениях»[347].

Через неделю, 20 ноября 1951 г. комиссия подготовила новую редакцию проекта постановления и внесла ее в Политбюро запиской № 003875. Принципиально новая редакция не отличалась от прежней[348]. Политбюро рассмотрело этот вопрос 26 ноября 1951 г. (П84/519), приняв решение «Об улучшении работы советских военных трибуналов в Германии». В нем говорилось, поручить комиссии Политбюро в 2-недельный срок с учетом обмена мнений представить переработанный проект постановления по данному вопросу[349].

---

[343] Дается в изложении (АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 70–71.
[344] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 89–96
[345] Первый вариант.
[346] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 106. Первый проект постановления см. там же. Л.107–112.
[347] Там же. Л. 111.
[348] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 98–106.
[349] Там же. Л.97.

Следующая записка Горшенина, Игнатьева, Сафонова, Семичастнова, Грибанова за № 004108 была подготовлена 11 декабря 1951 г.[350] Она была адресована Сталину и в ней говорилось о необходимости принять постановление Совета Министров СССР, в котором следует отметить недостатки в работе советских Военных Трибуналов в Германии. Недостатки, по мнению авторов записки, заключались в том, что советские Военные Трибуналы рассматривали дела о преступлениях направленных против ГДР, тогда как они подсудны судам ГДР, не давали ответов на жалобы родственников, применяли «необоснованно суровые меры наказания» (по делам об антисоветской агитации и хищениях имущества и т.п.). Далее содержались предложения о том, какие дела можно было оставить на рассмотрение советских военных трибуналов в Германии (здесь содержательных изменений не было), о том, как следует давать ответы родственникам о приговорах к высшей мере[351]. Комиссия также предложила изменить порядок, согласно которому до последнего времени советские Военные Трибуналы в Германии рассматривали все дела по законам военного времени. К записке прилагался теперь уже третий вариант проекта постановления СМ СССР[352]. По сравнению со 2-м вариантом он был сильно переработан. Появилась вступительная часть с констатацией недостатков в работе советских ВТ в Германии (то же, что и в письме выше). В проекте содержалось новое предложение – одобрить проект постановления Пленума Верховного Суда СССР о применении Военными Трибуналами дислоцированными за границей законов мирного времени. И предложение осужденных военными трибуналами передавать властям ГДР за исключением осужденных за шпионаж, террор, диверсии и других осужденных, степень опасности которых, по мнению СКК, не позволяет их держать в ГДР.

Политбюро рассмотрело эти предложения 15 декабря 1951 г. (П85/63) и приняло очередное решение «Об улучшении работы советских военных трибуналов в Германии». В нем говорилось: поручить тов. Горшенину в 2-х

[350] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 114–118.
[351] Предлагалось сообщать «только в необходимых случаях, причем возможен ответ о расстреле», в то же время, «в случаях, когда это неудобно будет делать» следовало, объяснять, что «осужденному не разрешена переписка». Там же. Л. 117.
[352] Там же. Л. 119–125.

недельный срок с учетом обмена мнений разобраться по существу в данном вопросе и представить в Политбюро переработанный проект постановления[353].

Но больше Политбюро к этому вопросу не возвращалось.

Сталин не был доволен работой советских чекистов в Германии. Уже после смещения и ареста Абакумова, вопросы работы аппарата Уполномоченного МГБ в Германии разбирались на Коллегии МГБ СССР 23 октября 1951 г. Тогда было признано, что Уполномоченный Давыдов «не сумел обеспечить работы», в особенности, – агентурно-оперативной и следственной. Те же недостатки были отмечены Коллегией и в работе Управления контрразведки МГБ ГСОВГ, которое работало в тесной связи с аппаратом Уполномоченного МГБ. Был сделан вывод, освободить Давыдова от должности Уполномоченного МГБ в Германии и предупредить начальника УКР МГБ ГСОВГ Железникова[354].

В конце 1952 г. по инициативе руководства ГДР в Москве вновь рассматривались вопросы карательной политики проводимой советским МГБ в Германии. Заместитель министра иностранных дел Я.Малик 30 ноября 1952 г. направил Г.М.Маленкову письмо № 145/ЯМ, в котором сообщал, что в правительственные органы ГДР поступили ходатайства о пересмотре приговоров и помиловании 5063 немецких граждан осужденных советскими Военными Трибуналами в Германии и отбывающих наказание на территории ГДР. Никаких ответов на эти ходатайства немецкие органы не дают. Пик «неоднократно обращался» в СКК и просил рассмотреть эти ходатайства и решить вопрос о выдаче справок о судьбе немецких граждан, осужденных военными трибуналами. Исполняющий обязанности председателя СКК Семичастнов и политсоветник Семенов (в телеграмме АДМ/48 от 17 ноября) внесли предложение поручить Военной Коллегии Верховного Суда совместно с Главной военной прокуратурой в порядке надзора рассмотреть ходатайства этих 5063 человек. Семичастнов и Семенов «считают политически целесообразным при этом амнистировать группу лиц, не представляющих в настоящее время социальной опасности». В дальнейшем поступающие от немцев ходатайства направлять через СКК в Военную Коллегию Верховного Суда. Справки о

[353] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 113.
[354] *Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т.II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сборник документов и статей.* – М. 2001. С. 361.

судьбе осужденных Семичастнов и Семенов предложили выдавать в устной форме через справочные бюро окружных управлений МГБ ГДР в следующем порядке:

а). о лицах арестованных органами МГБ СССР – сообщать, что арестован за преступление направленное против Советских оккупационных войск, ведется следствие;

б). о лицах осужденных советскими судами сообщать срок наказания;

в). о лицах приговоренных к расстрелу в период проведения чекистско-войсковых операций (1945 г.) если родственники не располагают сведениями об аресте, сообщать что ничего не известно;

В отношении остальных приговоренных к ВМН сообщать, что умер во время отбытия наказания, о чем по запросу ЗАГС выдавать справки установленного образца. Далее в письме предлагалось для выработки окончательного решения создать комиссию под руководством М.А.Суслова[355].

Письмо Малика было рассмотрено 3 декабря 1952 г. на заседании Бюро Президиума ЦК КПСС (БП4/78) «Вопрос СКК в Германии». Было решено: поручить т.т. Суслову (созыв), Волину, Гоглидзе, Горшенину, Пушкину и Сафонову рассмотреть вопросы, поставленные т.т. Семичастновым и Семеновым, и в 10-ти дневный срок представить предложения[356].

По частному вопросу, 6 декабря 1952 г. Бюро Президиума ЦК КПСС (БП4/91) приняло решение «О помиловании осужденных советским военным трибуналом двух немецких граждан». Был утвержден проект Указа ПВС СССР о помиловании осужденных военными трибуналами Тюрингии и Саксонии Андреаса Пауль (осужден Военным Трибуналом 10.03.49 по ст. 58–4, 6, 11 уголовного кодекса РСФСР) и Энде Вильгельма (осужден Военным Трибуналом 08.08.47 по ст. 58–2 уголовного кодекса РСФСР). Об их освобождении из-под стражи и передаче в ГДР просил лидер немецких коммунистов Вильгельм Пик[357].

В январе 1953 г. советское руководство вновь возвращается к вопросу о пересмотру дел и помиловании немецких граждан. В протоколе заседания постоянной комиссии по внешним делам при Президиуме ЦК КПСС № 13 от 16

[355] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 132–133.
[356] Там же. Л.131.
[357] Там же. Л.134.

января в пункте 9 читаем: «О рассмотрении ходатайств о пересмотре приговоров и помиловании 5063 немецких граждан, осужденных советскими военными трибуналами в Германии» (т.т. Берия, Суслов, Первухин, Поскребышев, Маленков). Решили:

> «Поручить т. Вышинскому сообщить т. Чуйкову ответ по этому вопросу в соответствии с указаниями, данными на заседании комиссии, имея в виду, что ходатайства о помиловании немецких граждан, осужденных советскими военными трибуналами, должна рассматривать Советская Контрольная Комиссия в Германии и в необходимых случаях докладывать свои предложения в установленном порядке. Председатель постоянной комиссии по внешним делам Г.Маленков»[358].

30 января 1953 г. министр госбезопасности С.Д.Игнатьев сообщал Маленкову (запиской № 347/И) об иностранцах, заключенных в СССР.

> Согласно существующему порядку, в соответствии с постановлением СМ СССР № 6021–2251сс от 30 декабря 1949 г. немецкие граждане и другие иностранцы, арестованные органами МГБ в Германии, после осуждения передаются для отбытия наказания в тюрьмы МВД ГДР, за исключением шпионов, диверсантов, террористов и других особо опасных преступников, которые после осуждения направляются для отбытия наказания в Советский Союз. С января 1952 г. такой же порядок был установлен и для австрийских граждан и иностранцев арестовываемых органами МГБ СССР в Австрии. Некоторое количество немцев, австрийцев и других иностранных граждан осужденных советскими ВТ за границей за уголовные преступления, до установления указанного порядка были также вывезены в места заключения на территории СССР. В настоящее время в местах заключения на территории СССР содержится таких иностранцев 5337 человек, в том числе осужденных:
>
> – шпионаж, террор, диверсию, участие в антисоветских организациях и группах – 3141 чел.
>
> – за службу в немецких карательных органах и участие в зверствах над советскими гражданами – 1047 чел.
>
> – за антисоветскую агитацию, склонение и оказание помощи советским гражданам к бегству за границу, разглашение государственной тайны, недоносительство и саботаж приказов советских оккупационных властей – 633 чел.
>
> – за бандитизм, кражи, хищения, разбой, спекуляции и другие уголовные преступления – 516 чел.
>
> Они все содержатся в лагерях вместе с другими советскими гражданами и работают с ними, а по возвращению на родину они возводят антисоветскую клевету (на СССР и условия в нем) и используются иностранными разведками во враждебных СССР целях. В связи с этим, следует отделить их от советских граждан и создать для этого специальные лагеря. В течение 1953 г. всех их перевести в эти

[358] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 142.

> лагеря, за исключением 1013 немцев и 106 австрийцев осужденных за антисоветскую агитацию и уголовные преступления, которых можно передать в тюрьмы ГДР и Австрии. Остальных направить в организуемые спецлагеря, на работах их использовать только внутри зоны (не выводить из лагеря), причем за год до освобождения передавать заключенных в тюрьмы ГДР[359].

Записка Игнатьева была рассмотрена 5 февраля 1953 г. Решение Бюро Президиума ЦК КПСС (БП8/59–оп) «Постановление по записке МГБ № 347/И» гласило: поручить т.т. Суслову (созыв) Игнатьеву и Круглову по существу рассмотреть вопросы поставленные МГБ СССР и представить предложения[360]. Согласно поручению Бюро Президиума ЦК М.А.Суслов, С.Д.Игнатьев и И.А.Серов 17 февраля подготовили записку № 634/И «Об организации спецлагерей для содержания немцев, австрийцев и др. иностранцев, осужденных военными трибуналами групп советских оккупационных войск в Германии и Австрии». В этой записке приводились те же цифры осужденных, и содержалась та же аргументация, что и в записке Игнатьева. Хотя были и некоторые уточнения. Из всего количества осужденных иностранцев 5337 чел. – немцев было 4528, австрийцев – 649, других национальностей – 160. Были и более конкретные предложения об устройстве будущих лагерей. Планировалось создать: 2 лагеря в Коми АССР, 1 – в Казахстане, 1 – в Иркутской обл. Также в этом письме было и четко сформулированное предложение: «Впредь ввозить в СССР только иностранцев осужденных за шпионаж, террор, диверсии и другие особо тяжкие преступления против СССР»[361]. К записке был приложен и проект постановления СМ СССР об организации специальных лагерей для иностранцев на территории СССР[362].

Но до смерти Сталина решение по этому вопросу не успели принять.

Серьезное изменение структуры и организации деятельности аппарата Уполномоченного МВД СССР в Германии произошло после смерти Сталина. Новый министр внутренних дел Берия 19 мая 1953 г. направил в Президиум ЦК КПСС записку № 66/Б о неудовлетворительной работе аппарата Уполномоченного МГБ в Германии. В записке говорилось, что агентурно-оперативная работа находится на низком уровне, аресты «реакционных

[359] Дается в изложении. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 168. Л. 78–80.
[360] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 168. Л. 77.
[361] Там же. Л.81–85.

элементов» проводятся «бессистемно». Аппарат Уполномоченного, – говорилось далее, – состоит из 2.222 работника и располагает 14-ю оперативными секторами в округах ГДР. По существу он подменяет собой органы госбезопасности ГДР и мешает им работать, – такой вывод делался в письме Берия. Далее предлагалась реорганизация аппарата Уполномоченного на следующих принципах. В его задачи должно, прежде всего, входить: оказание помощи, путем советов и рекомендаций, органам госбезопасности ГДР; ведение контрразведывательной работы внутри ГДР только по делам затрагивающим интересы Советского Союза и предотвращение проникновения агентуры иностранных разведок в советскую колонию; ведение разведывательной работы в Западной Германии по заданиям МВД СССР. Берия предлагал установить штат для аппарата Уполномоченного всего 328 человек, а оперативные секторы в округах ликвидировать и вместо них ввести советников (3–4 человека) при каждом окружном управлении госбезопасности ГДР[363].

Предложения Берия были реализованы. По своей сути они свели всю работу советской госбезопасности в Германии к советническим функциям. Права Уполномоченного МВД в Германии теперь были не многим выше, чем права Старших советников МВД в аналогичных аппаратах советской госбезопасности при спецслужбах стран «народной демократии».

После ареста Берия новое руководство МВД запросило Президиум ЦК КПСС об увеличении сокращенного ранее штата с 328 до 540 работников. Об этом говорилось в письме МВД № 196/К от 13 июля 1953 г.[364] И хотя разрешение на увеличение штата было дано, принципы организации и права аппарата Уполномоченного уже не менялись, то есть, региональных подразделений госбезопасности (оперативных секторов) больше не создавали, ограничившись направлением советников в немецкие Управления ГБ по соответствующим округам. Правда, теперь их количество варьировалось от 5 до 9 работников на округ. В этом письме отмечалось, что предыдущим, продиктованным Берия решением, задачи и структура аппарата Уполномоченного МВД в Германии «были определены из неправильной оценки политической и оперативной обстановки в Германии», аппарат был освобожден

[362] Там же. Л. 83–85. См. также РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 22. Л. 1–3.
[363] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11 Д. 3. Л. 412–416.
[364] Там же. Д. 7. Л. 295–298.

от контрольных функций по отношению к немецкой госбезопасности, «снятие которых явно преждевременно, если учесть слабость органов МГБ ГДР»[365]. Теперь авторы письма предлагали не ограничиваться дачей советов и рекомендаций, но и наделить аппарат Уполномоченного МВД в Германии правом направлять работу МГБ ГДР и наблюдать за ней. В структуре самого аппарата Уполномоченного МВД были предусмотрены 7 функциональных оперативных отделов, следственный отдел и внутренняя тюрьма.

Можно понять этот откат назад. Известные события в июне 1953 г., когда рабочие демонстрации в восточной части Берлина переросли в широкое народное выступление против коммунистического господства, заставили изрядно поволноваться Советское руководство и еще больше руководителей ГДР. Все же, 1953 г., безусловно, привел к значительному сокращению аппарата советской госбезопасности в ГДР и сужению ее функций по сравнению со временами Сталина.

В последние годы существования СССР тема спецлагерей в Германии и карательная политика МВД и МГБ в ГДР вновь привлекла к себе внимание советского руководства. В записке председателя КГБ В.А.Крючкова от 9 июня 1990 г. в ЦК КПСС подводился общий итог работы спецлагерей МВД в Германии в 1945–1949 гг.[366] В этом документе сообщалось, что в ЦГАОР установлены материалы Отдела спецлагерей в Германии. В составе указанного отдела с мая 1945 функционировали 9 лагерей и две тюрьмы для содержания осужденных и интернированных до 1948 года. В последующем действовали, а в январе 1950 были ликвидированы, с передачей спецконтингента МВД ГДР, оставшиеся 3 лагеря и тюрьма. Далее говорилось:

> «Предварительное ознакомление с общесправочной картотекой и другими архивными документами свидетельствует, что в лагерях содержалась также определенная часть гражданских лиц, в том числе женщин и несовершеннолетних, которые не относились к указанным категориям и не могли быть обвинены в активном пособничестве нацистам, не совершали конкретных преступлений. За весь период функционирования поступило в спецлагеря немецких граждан – 122.671, умерло – 42.889 (34,9 процента), приговорено к расстрелу – 756 (0,6 процента), освобождено – 45.262, передано в МВД ГДР – 14.202. Остальной контингент был направлен: в СССР – 6.037 чел., передано в лагери военнопленных – 6.680 чел., а также переданы военным

[365] Там же.
[366] См.: ЦА ФСБ, записка В.А.Крючкова в ЦК КПСС № 1172–К от 9 июня 1990 г. На записке имеется помета «Согласие ЦК КПСС имеется, 18.06.90 сектор Общего Отдела».

трибуналам и оперативным секторам МГБ СССР в Германии – 6.072 чел.

Документы свидетельствуют о высокой заболеваемости и смертности среди заключенных и интернированных, в 1945–47 гг. умерло более 35 тыс. человек. Принятые в начале 1948 года меры повышения калорийности питания для ослабленных и больных резко снизили смертность, в 1948 г. умерло 5.525 и в 1949 г. 1.475 человек»[367].

Далее Крючков писал, что «было бы желательно создать правительственную комиссию включив в ее состав ответственных работников МИД, МВД, КГБ и Прокуратуры для более полной и объективной оценки имеющихся архивных данных о спецлагерях». Однако, история уже не оставила времени советскому руководству разбираться с этим вопросом. В последнее десятилетие многие документы о советских репрессиях против немецких граждан были преданы гласности. Идет процесс реабилитации немцев пострадавших от сталинских репрессий. И, вместе с тем, полная правда о карательных акциях советского режима на территории Германии в послевоенные годы до сих пор не обнародована. Как это ни печально, подавляющее большинство документов об этом скрыто в недоступных ведомственных архивах.

Формирование немецких органов госбезопасности.

По мере укрепления позиций правящей СЕПГ и роста немецких органов криминальной полиции, ее руководство стало задумываться также о создании собственной немецкой тайной политической полиции. Основной задачей будущей немецкой госбезопасности руководство СЕПГ видело, образно говоря, борьбу «на два фронта». С одной стороны следовало подавлять и не допускать в управленческие структуры бывших членов НСДАП и прочие «фашистские элементы» в русле проводимой денацификации, с другой стороны не следовало ослаблять внимание и к так называемым буржуазным партиям, которые имели не меньшие чем у коммунистов заслуги в борьбе с нацизмом. Но если основная тяжесть работы по денацификации ложилась на плечи органов СВАГ и, в особенности, Управления внутренних дел СВАГ, в чьем ведении находились

спецлагеря на территории Германии, то борьба против партий конкурентов вполне могла стать приоритетной линией в работе будущей немецкой тайной полиции.

Так оно и случилось. Под руководством В.Пика и В.Ульбрихта в апреле–мае 1947 г. при Управлениях криминальной полиции земель и провинций восточной зоны оккупации были созданы «Децернаты К–5». Главной задачей «Децернатов» стало проведение негласной работы против Социал-демократической партии Германии (СДПГ), Христианско-демократического Союза (ХДС), Либерально-демократической партии (ЛДП) и других партий и движений находившихся в оппозиции к правящей СЕПГ[368]. Деятельность «Децернатов» в полной мере можно характеризовать как работу тайной полиции. Это и был прообраз зарождающейся госбезопасности немецкого социалистического государства. «Децернаты» и их работа полностью контролировались со стороны СЕПГ, хотя при этом их нельзя считать чисто партийной спецслужбой, ибо в аппарате Центрального правления СЕПГ также существовал информационный отдел проводивший в числе прочего разведку в западных зонах и реферат контрразведки с функциями защиты самой СЕПГ от проникновения в нее «шпионов»[369]. Скорее, схема возникновения и функционирования «Децернатов» как государственной службы, формально в рамках структуры криминальной полиции, но под строгим контролем СЕПГ, явилась копированием советских принципов деятельности и партийного контроля органов госбезопасности. И действительно, в СССР тайная полиция всегда имела двойственный, политико-государственный характер, именуясь в разные годы как «вооруженный отряд партии» или «политические органы

---

[367] *Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т.II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сборник документов и статей.* – М. 2001. С. 363.

[368] Некоторые авторы увязывают возникновение «Децернатов К–5» с процессом денацификации и, в частности, с приказом СВАГ № 201 от 16 августа 1947 о порядке проведения денацификации. См.: Christopher Andrew, Oleg Gordievsky. *KGB: the inside story of its foreign operations from Lenin to Gorbachev,* London – Sydney – Auckland – Toronto, 1990, p. 289; Захаров В.В., Филипповых Д.Н., Хайнеманн М. *Материалы по истории Советской военной администрации в Германии 1945–1949 гг.* Выпуск 2. М. 1999. С. 106. В действительности «Децернаты» возникли раньше этого приказа и основной их работой была борьба против противников СЕПГ. Что же касается проводимой органами криминальной полиции денацификации, то после августа 1947 г. «Децернаты» могли в полной мере использовать и этот рычаг в пользу СЕПГ для устранения конкурентов и расчистки политического пространства для коммунистов.

[369] См. подробнее: Peter Erler. *Zur Sicherheitspolitik der KPD/SED in der SBZ.* // *Horch und Guck,* 1998, Nr1, S. 30–37.

осуществляющие мероприятия Центрального Комитета партии и Правительства»[370].

Вместе с тем, возникает закономерный вопрос, как руководство МГБ СССР в лице министра Виктора Абакумова относилось к подобной новации «немецких товарищей» и в какой степени поддерживало организацию собственных немецких органов госбезопасности? Ведь в данном случае нарушалась монополия Абакумова на ведение всей оперативной работы в советской зоне. Оказывается, Абакумов ревниво наблюдал за усилиями Пика и Ульбрихта по повышению статуса «Децернатов К–5» и расширению их функций. С этими просьбами немецкие руководители обращались дважды в течение 1948 г. к Сталину, но им было рекомендовано «пока воздержаться»[371].

Осторожность Кремля в вопросе организационного оформления немецкой госбезопасности в самостоятельную службу более или менее понятна. Возможно причин тут несколько. В условиях нарастания напряженности во взаимоотношениях Востока с Западом, советское руководство не желало давать ясных поводов для бывших союзников к созданию аналогичных немецких разведывательных и контрразведывательных служб в западных зонах. Тем более, что в демократических и свободных условиях комплектование западногерманской спецслужбы опытными кадрами могло привести к ее значительному превосходству над восточной спецслужбой, находившей для себя неприемлемым широкое привлечение «старых специалистов» из аппаратов разведки и контрразведки Третьего Рейха. В условиях явного недостатка проверенных и лояльных СЕПГ кадров разведчиков и контрразведчиков немецкая госбезопасность в восточной зоне оказалась бы явно слабее своего западного аналога, если бы он возник. Да и вообще, даже в 1948 г. еще рано было говорить о том, что СЕПГ, достаточно сильна и способна руководить такой деликатной сферой, особенно если учесть всегдашние опасения Сталина, что враг хитер и коварен и уж точно не упустит возможности проникнуть в святая святых – аппарат госбезопасности. Кроме того, не ясен был бы статус этой спецслужбы. Ведь самостоятельного немецкого государства в восточной зоне Германии еще не создано, тогда как государственная безопасность должна

[370] Кокурин А., Петров Н. *КГБ: Структура, функции кадры.* // *Свободная мысль.* 1998. № 2. С. 114–115.
[371] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 6. Д. 21. Л. 391–393.

прежде всего иметь официальный государственный статус, а лишь в негласном порядке подчиняться партии – СЕПГ.

Разумеется, США, Англия и Франция однозначно бы восприняли известие о создании единого для всех немецких восточных земель и провинций аппарата госбезопасности, как сепаратное стремление Кремля к созданию еще одной страны – сателлита, противостоящей Западу. В марте 1948 г. Сталин, по видимому еще не был готов к такому шагу. Вероятно, такая демонстрация, по мысли Сталина, была бы преждевременной[372].

Не случайно 26 марта 1948 г. на личной встрече Вильгельма Пика, Отто Гротеволя и Фреда Эльснера со Сталиным в Кремле[373] советский вождь в разговоре сделал упор на развитие и укрепление немецкой полиции, но при этом ничего не сказал о возможности создания немецкой госбезопасности. Сталин интересовался численностью и вооружением полиции, спрашивал: «надежные ли это люди?». Гротеволь ответил, что на 90% в полиции «находятся партийные товарищи. Министры внутренних дел[374], – подчеркнул он, – все наши люди»[375]. Сталин посоветовал полицию «укрепить и хорошо держать», набрав для нее кадры из числа немецких военнопленных находящихся в СССР[376].

Вскоре Сталин продиктовал решение об укреплении немецкой криминальной полиции. Как и предполагалось, кандидатуры для пополнения кадров спешно были подысканы среди военнопленных из числа антифашистского актива и благонадежных сидельцев советских лагерей для военнопленных. Решение «об укреплении немецкой полиции в Советской Зоне оккупации Германии» было принято Советом Министров СССР 6 июля 1948 г. за № 2443–1019сс[377].

---

[372] В этой связи становится понятным и факт неучастия СЕПГ в работе Информационного бюро коммунистических партий (Коминформ) и его совещаний в 1947, 1948 и даже в ноябре 1949 г. уже после образования ГДР. См.: *Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы.* М. 1998. С. 53–52, 399, 545.

[373] Они были приняты Сталиным в его кабинете в 7 часов вечера и их беседа продолжалась два с половиной часа. При этом присутствовали и члены высшего советского руководства В.М.Молотов, А.А.Жданов, Г.М.Маленков, а также политический советник при Главноначальствующем СВАГ В.С.Семенов и референт отдела международной информации ЦК ВКП(б) Г.Я.Короткевич в качестве переводчика. См.: *Исторический архив.* 1996. № 5–6. С. 30; *Исторический архив.* 1998. № 4. С. 96.

[374] Имеются ввиду министры внутренних дел земельных правительств.

[375] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 303. Л. 43.

[376] Там же. Л. 44.

[377] См. 1 главу.

Однако к декабрю 1948 г. ситуация в Германии претерпела значительные изменения. Противостояние держав в условиях «Берлинского кризиса» достигло своей высшей точки и их отношения балансировали на грани войны. В Кремле пришли к выводу о необходимости создания восточно-немецкой госбезопасности, разумеется, под советским контролем. Однако ничего этого не знал и, почему-то не чувствовал, министр госбезопасности Абакумов. В своей записке Сталину 11 декабря 1948 г. он по-прежнему излагал собственные опасения и аргументы против создания немецкой госбезопасности. Абакумов отмечал, что «Децернаты К–5» приобрели агентуру (доверенных лиц) в рядах оппозиционных партий и этот факт стал известен в западных зонах. В результате, писал Абакумов, американцы и англичане «клевещут о «немецком гестапо»». По сведениям Абакумова, СЕПГ в целях расширения функций и повышения статуса «Децернатов» планирует организовать «Главное управление по охране хозяйства и демократического порядка». Завершалось письмо выводом о том, что МГБ СССР считает пока это нецелесообразным, иначе в западной зоне также создадут немецкую разведку, а на это в условиях нехватки «проверенных немецких кадров» нечем будет ответить. Борьбу с враждебной деятельностью «антисоветчиков» и «шпионов» в Советской зоне, – писал Абакумов, – ведут органы МГБ СССР и нет необходимости создавать немецкий аппарат для этих целей[378].

Трудно даже представить, насколько министр опоздал со своими выводами. По определению некоторых историков, именно в 1948 году завершился переходный период в развитии стран Восточной Европы и они вступили в фазу «сталинизации»[379]. Многими исследователями под «сталинизацией» справедливо понимается прежде всего усиление репрессий, форсирование экономических преобразований и слепое копирование советской практики. Также стоит отметить, что укрепление власти тех лидеров, кому Сталин вполне доверял, делало ненужной пустяковую опеку со стороны советских представителей. Это в значительной степени развязывало Москве руки и позволяло направлять внешнюю и внутреннюю политику этих стран более гибко, только уже с помощью советников. В этом же ряду стоит и

[378] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 6. Д. 21. Л. 391–393.
[379] Носкова А.Ф. *Московские советники в странах Восточной Европы (1945–1953 гг.).* // *Вопросы Истории.* 1998. № 1. С. 105.

решение Сталина принятое в августе 1949 г. о прекращении разведывательной деятельности СССР в странах «народной демократии»[380].

Очевидно, цель письма Абакумова заключалась в том, чтобы упредить новые просьбы руководителей СЕПГ, о разрешении создания своей госбезопасности. Тем более, о предстоящем визите в Москву и их планируемой встрече со Сталиным Абакумов наверняка знал. Гротеволь, Пик, Ульбрихт и Эльснер были приняты в Кремле 18 декабря 1948 г. С советской стороны, кроме Сталина, в беседе принял участие В.М.Молотов и политический советник при Главноначальствующем СВАГ В.С.Семенов. Встреча продолжалась 3 часа 40 минут[381]. По вопросу о создании своей госбезопасности немцам не пришлось долго упрашивать советских товарищей, теперь Сталин сам пришел к выводу о своевременности и необходимости этого шага. При этом советский вождь заговорил и о необходимости создать на базе вооруженных формирований полиции армию – «развернуть полицию в армию», о чем свидетельствует фрагмент протокола переговоров:

> «Пик ставит вопрос о создании при уголовной полиции немецких органов госбезопасности.
> Тов. Сталин спрашивает, надежные ли подобраны люди в немецкой полиции и как полиция вооружена.
> Ульбрихт заявляет, что соответствующее решение проведено в жизнь и что люди подобраны надежные.
> Тов. Сталин спрашивает, на какие подразделения разбита полиция.
> Ульбрихт отвечает что на сотни.
> Тов. Сталин спрашивает, есть ли полки и командиры полков в полиции.
> Ульбрихт отвечает отрицательно и говорит, что проведено в жизнь то решение, которое было принято о полиции.
> Тов. Сталин говорит, что решения принимаются людьми, они могут быть изменены и улучшены. Он спрашивает, можно ли развернуть полицию Зоны в армию?
> Ульбрихт отвечает, что в армию можно развернуть 20 тыс. казарменной и пограничной полиции, которые имеют свой штаб, свою систему снабжения, связи и пр.
> Тов. Сталин говорит, что нужно устроить так, чтобы все 84 тыс. полицейских восточной зоны были младшими и средними офицерами и тогда полицию можно будет развернуть в армию»[382].

---

[380] См. 5 главу.
[381] Переводчиком на встрече выступал все тот же Г.Я.Короткевич. См. *Исторический архив.* 1996. № 5–6. С. 44.
[382] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 303. Л. 74–75.

Ответ Сталина на прозвучавшую просьбу Пика и Ульбрихта о создании немецких органов госбезопасности был вполне определенный:

> «Семенов замечает, что имеются возражения со стороны Абакумова. Тов. Сталин говорит, что не дело Абакумова решать такой вопрос. Тов. Сталин считает возможным создание органов госбезопасности в рамках немецкой уголовной полиции»[383].

Вскоре после встречи в Кремле 28 декабря 1948 г. Сталин продиктовал решение Политбюро ЦК в котором, кроме прочего, говорилось и о создании немецкой госбезопасности: «Поручить МГБ СССР (т.Абакумову) и СВАГ (т.Соколовскому) представить в ЦК ВКП(б) к 10 января 1949 г. предложения о создании в рамках немецкой уголовной полиции органов государственной безопасности.» В преамбуле этого решения недвусмысленно отмечалось, что оно принято «в связи с обращением Центрального Правления СЕПГ об оказании помощи в решении ряда вопросов касающихся Германии»[384].

В столь короткий срок, Абакумов не смог уложиться, и лишь 7 марта 1949 г. представил Сталину проект разработанных мероприятий по созданию немецких органов безопасности в советской зоне оккупации в Германии. К проекту прилагались описание структуры этих органов и схема[385]. Вероятнее всего Сталин эти документы одобрил устно, ибо нами не выявлено в архивах ни каких-либо решений Политбюро ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР по этому вопросу, ни повторных обращений Абакумова с новыми или исправленными предложениями. Более того, в первой половине 1949 г. как показывают записи в журнале посещений, Абакумов и Соколовский в кремлевском кабинете Сталина не пересекались. 3 января 1949 г. они оба были у Сталина но в разное время, а следующий визит Соколовский нанес Сталину уже с В.С.Семеновым 6 мая 1949 г., но Абакумова при этом не было[386]. Это позволяет сделать вывод, что у Сталина вопросов по существу разработанного ими проекта не возникло.

---

[383] Там же. Л. 75.

[384] РГАСПИ Ф. 17. Оп. 162. Д. 39 Л. 152. Помимо решения о создании немецких органов госбезопасности, этим же постановлением Политбюро для СЕПГ в 1949 г. выделялось 200 тысяч долларов для оказания материальной помощи Коммунистической партии Германии, было одобрено предложение об организации, под контролем СССР, машино–тракторных станций и, наконец, было решено усилить политическую подготовку находящихся в СССР немецких военнопленных. Последнее означало усиление идеологической обработки военнопленных перед их отправкой на родину.

[385] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 4. Л. 365.

Примечательно то, что первоначальное неприятие Абакумовым идеи об организации самостоятельной немецкой госбезопасности носили исключительно ведомственный характер, он явно не обладал политическим чутьем. Министру госбезопасности за этим виделось в перспективе лишь ослабление влияния своего ведомства в советской зоне Германии. Между тем, Сталин понимал сущность не только политической ситуации, но и видел те явные недостатки в работе советских чекистов в Германии, которые не хотел замечать Абакумов[387]. Организация самостоятельной немецкой госбезопасности была одним из мероприятий в числе шагов на пути к образованию под руководством СЕПГ нового государства на востоке Германии. И в этих условиях демонстративно следовало смягчить все еще жестокую политику репрессий в советской зоне, вызывавшую отвращение у немцев.

Отчасти эта жестокость была наследием органов советской военной контрразведки СМЕРШ и объяснялась своеобразным кадровым составом аппарата Уполномоченного МГБ в Германии. В самом начале войны, в июле 1941 г., в условиях острого недостатка кадров в органы армейской контрразведки были направлены многие чекисты, уволенные в 1939 г. из НКВД из-за проявленной ими особой личной жестокости (за применение пыток и фальсификацию результатов следствия) в ходе массовых репрессий 1937–38 гг. В ходе войны эти люди пополнили ряды органов СМЕРШ и вошли вместе с Красной Армией в 1945 г. на территорию Германии. Разумеется, практически не существовало реальных сдерживающих рычагов по обузданию их кровожадности[388]. В первые годы оккупации Германии расстрелы без суда, пытки и политические убийства лиц, заподозренных советскими чекистами в профашистской или антисоветской деятельности, да и простых немцев – стали правилом. К 1949 г. в рядах сотрудников аппарата Уполномоченного МГБ в Германии прослойка бывших работников СМЕРШ оставалась значительной.

---

[386] *Исторический архив.* 1996. № 5–6. С. 45, 53.

[387] Об этом свидетельствует и многолетний шеф немецкой разведки Маркус Вольф, указывая что в Москве пришли к выводу, что самим немцам будет значительно проще работать против Запада и добывать информацию. Правда эта констатация относится к истории возникновения немецкой внешнеполитической разведки в 1951 г., но, разумеется, Сталин понимал это и в 1948 г. См.: Вольф М. *Игра на чужом поле.* М. 1998. С.45.

[388] Как отмечает Ирина Щербакова в своей статье «Профанация санации» в ходе «очистки тылов» Красной Армии в 1945 г. «на территории между Одером и Нейсе практически не осталось немецкого населения». См.: *Итоги.* 1998. № 17. 5 мая.

Но если в 1945–46 гг. такая свирепость не только поощрялась, но и диктовалась Сталиным, а также руководителями НКВД и СМЕРШ Берией и Абакумовым, то теперь, для смягчения политики и «выправления линии» следовало провести некоторую ротацию кадров. Чекисты – ветераны больших чисток 1937–38 гг. с их специфическими методами более не требовались. Пришло время, когда репрессии против немцев должны были проводить сами немцы. И в этом смысле решение о создании немецких органов госбезопасности высвобождало руки советским чекистам и создавало условия для переориентации аппарата Уполномоченного МГБ на внешнюю работу, то есть на разведывательные задачи. Бросался в глаза и другой явный изъян в работе советских чекистов в Германии. Подавляющее большинство оперативных работников очень слабо или почти не владели немецким языком. Почти одна треть общего штата оперативных кадров аппарата Уполномоченного МГБ была занята переводчиками. В этих условиях, и Сталин это прекрасно понимал, не могло идти и речи об эффективной агентурно-оперативной работе[389].

Как следствие принятых решений, в марте 1949 г. была разработана новая структура аппарата Уполномоченного МГБ в Германии. В самом аппарате Уполномоченного и в оперативных секторах МГБ земель и провинций был организован новый отдел, в задачи которого входили руководство и контроль над немецкими органами госбезопасности. Кроме того, был сделан заметный акцент на усиление разведывательной работы в западной зоне. Рапортуя 2 апреля 1949 г. об этом Сталину, Абакумов указал, что все это сделано для усиления работы органов МГБ в Германии. В действительности же, в сталинском понимании, речь шла об улучшении работы. Одновременно Абакумов сообщал, что в Германию направленно 115 «квалифицированных чекистов». Это означало начало смены чекистских кадров в Германии[390].

Возникновение органов немецкой госбезопасности сначала в рамках структуры криминальной полиции, а с образованием ГДР в системе МВД ГДР (с февраля 1950 это самостоятельное МГБ ГДР), заметно снизило карательные

[389] Правда, сами чекисты не всегда это понимали. По воспоминаниям ветерана советской разведки В.А.Кирпиченко, в середине 50-х председатель КГБ И.А.Серов с оттенком бахвальства говорил, что будучи в Германии Уполномоченным НКВД, он отправлялся на тайные встречи с агентами вместе с переводчиком и находил это вполне приемлемым (беседа с авт. 11.12.97).
[390] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 5. Л. 603–605.

функции аппарата Уполномоченного МГБ СССР в Германии[391]. Это видно из статистики арестованных советской госбезопасностью немецких граждан на территории Германии. Если в 1947 г. аппаратами оперативных секторов МГБ в Германии было арестовано 4450 немцев и в 1948 г. – 4463 человек (включая советских граждан), то в дальнейшем этот показатель неуклонно снижался. В 1949 г. было арестовано 2907, в 1950 г. – 2091, в 1951 г. – 1587 и, наконец, в 1952 г. аппаратом МГБ СССР в Германии было арестовано лишь 608 немцев[392].

Ежегодное снижение числа арестованных советской госбезопасностью, прежде всего, свидетельствует о развертывании репрессивной деятельности МГБ ГДР в указанный период. За так называемые «антидемократические преступления» немецкими органами полиции и госбезопасности было арестовано в 1952 г. в первом полугодии 1428 человек, а во втором – уже 3295 человек, а за первые три месяца 1953 г. – 2219 человек[393].

Отдельного разговора заслуживает процесс возникновения и укрепления советнических функций аппарата Уполномоченного МГБ СССР в Германии. Не только заметное снижение карательной активности свидетельствовало о переориентации аппарата советской госбезопасности в Германии на советническую работу. Ведь усилия могли быть в основном направлены и на разведывательную деятельность. Конечно, о разведке Сталин не забывал, и число отделов в аппарате Уполномоченного МГБ в Германии занятых внешнеполитической разведкой росло, но также вполне определенная тенденция читается в изменении наименования отдела, который занимался присмотром за немецкой госбезопасностью. Если вначале существования четко определялось, что он руководит и осуществляет контроль за деятельностью немецкой госбезопасности, то с июня 1952 г. этот отдел имел название «инструкторский», то есть, его функции теперь были сведены к советническим. Знаменательно и то, что по штатному наполнению это был крупнейший отдел, как в самом аппарате Уполномоченного МГБ СССР, так и в аппаратах оперативных секторов в округах.

---

[391] Вольф М. *Игра на чужом поле.* М. 1998. С. 45. Занятно, но дальнейшие реорганизации немецкой госбезопасности следовали примеру СССР – в 1953 г. существовавшие раздельно в ГДР министерства госбезопасности и внутренних дел были объединены в МВД.

[392] Мозохин О.Б. *Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953).* М. 2006. С. 383, 387, 403, 417, 431, 446.

[393] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 803. Л. 143.

Советские чекисты в Германии оставляли за собой право наказывать тех немцев, которые совершали какие-либо деяния против Советских оккупационных властей или подозревались в шпионаже. Что же касается разного рода противников режима Пика – Ульбрихта, то с ними должна была разбираться сама немецкая госбезопасность. И действительно, такие репрессии со стороны МГБ ГДР проводились в отношении самых различных слоев немецкого общества, не исключая и представителей религиозных объединений. Так, например, в октябре 1950 г. Верховным судом ГДР по обвинению в «антигосударственной агитации и шпионаже» были осуждены 9 человек из секты «Свидетели Иеговы»[394].

Что же касается аппарата Уполномоченного МГБ СССР в Германии, то и он продолжал репрессии. И их тяжесть усугублялась вновь введенной в январе 1950 г. смертной казнью. Только теперь в руки советских чекистов попадали «наиболее опасные лица», из числа немецкого населения, угрожавшие советским интересам (например, в окрестностях предприятий советского уранового комбината «Висмут»), либо западные шпионы и, наконец, работники различных ведомств ГДР, в том числе и полицейские, следствие по делам которых советские чекисты, не надеясь на достаточную строгость немецкой госбезопасности, предпочитали вести сами.

В этой связи можно привести один из таких ярких примеров, когда двадцатилетний Пранге Горст, служащий немецкой полиции, был вывезен из ГДР и 3 марта 1953 г. казнен в Архангельске лишь за то, что «распространял контрреволюционные измышления в отношении СССР и ГДР», а также на «почве враждебных настроений» вместе с другими участниками созданной им группы разрушили «уголок мира» и «произвели хулиганские действия в отношении изображения «Голубя мира», но самое ужасное заключалось в том, что Пранге Горст и его товарищи «бросали ножи в портрет одного из руководителей ГДР»[395]. Точно так же по обвинению в шпионаже в Иркутске 29 октября 1953 г. были расстреляны двое граждан ГДР Эрнст Вернер и Отто Стрцелеки – работники водного транспорта в земле Мекленбург, арестованные в 1951 г.[396] Обратим внимание на то, что всех троих судил Военный Трибунал в

[394] *Сторожевая Башня*. 1996. 1 июля.
[395] ЦА ФСБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 277. Л. 202–205.
[396] Там же. Л. 438–447.

СССР, в первом случае Беломорского военного округа, во втором – Восточно-Сибирского военного округа. Конечно, в этом была определенная система, когда арестованные немцы вывозились в разные города Советского Союза для тайного суда и расстрела, так обеспечивалась полная секретность. Хотя чаще всего такие расстрелы проходили и в Москве[397]. Но уж если советские чекисты вывозят граждан дружественного государства для расстрела в СССР, то совсем неудивительно, когда расстрелы арестованных немцев, чье следствие вели в оперативных секторах МГБ СССР немецких округов, происходят тут же. Известны примеры таких расстрелов в 1953 г. в Веймаре и Магдебурге.

Разумеется, исключительной прерогативой аппарата Уполномоченного МГБ СССР в Германии оставались аресты и следствие по делам советских граждан, главным образом сотрудников многочисленных структур СКК и различных специалистов, а делами советских военнослужащих в Группе советских оккупационных войск (ГСОВГ) по прежнему занималось Управление контрразведки МГБ по ГСОВГ. Хотя и здесь наблюдается абсолютное снижение числа арестов. Так, если в 1949 органами аппарата Уполномоченного МГБ СССР на территории Германии было арестовано 138 советских граждан, то в 1950 г. – 78, в 1951 г. – 34, а в 1952 г. всего 7 человек[398].

Образование 7 октября 1949 г. ГДР позволило официально закрепить партийно-государственный статус немецкой госбезопасности. Действуя первоначально в структуре МВД ГДР, а затем с февраля 1950 г. выделившись в самостоятельное МГБ ГДР, она находилась под строгим контролем правящей СЕПГ. Можно сказать, что это в полной мере соответствовало советскому стандарту, который был задан как структурой немецкой госбезопасности (утвержденной Сталиным), так и принципами партийной подчиненности и комплектования руководящими кадрами (только членами СЕПГ). Хотя, в смысле копирования советского опыта, МВД и МГБ ГДР не были чем-то исключительным. И в других странах – сателлитах с 1949 г., когда использование ими советских советников приобрело системный характер, также

---

[397] *"Erschossen in Moskau…" Die deutschen Opfer des Stalinismus auf dem Moskauer Friedhof Donskoje 1950–1953.* Metropol Verlag, Berlin, 2005.

[398] Мозохин О.Б. *Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953).* М. 2006. С. 403, 417, 431, 446.

происходила перестройка органов госбезопасности и в них насаждались механизмы действий и методы работы советского МГБ[399].

В советской пропаганде утвердился тезис о том, что «с первых же дней своего возникновения Германская Демократическая Республика вошла в братскую семью социалистических государств»[400]. Тем не менее, совершенно очевидно, что равенства условий тут не было. Особенно если учесть продолжавшиеся репарации. И в период 1949 – 1953 г. Советское руководство через СКК по прежнему контролировало все правительственные органы ГДР. Кроме того, действовавший с августа 1949 г. запрет на ведение советской агентурно-разведывательной работы в странах «народной демократии» официально на ГДР распространен не был. Можно лишь предположить, что советские чекисты переориентировали своих агентов – граждан ГДР направив их усилия вовне (то есть на Запад) и свернули активность внутри ГДР. Вероятнее всего этот процесс проходил постепенно, с ростом влияния МГБ ГДР. Тем не менее, вплоть до самой смерти Сталина спецслужбы ГДР находились под полным контролем советской стороны[401]. И в этом было принципиальное отличие их статуса от статуса аналогичных ведомств стран «народной демократии».

Точно так же, как и с организацией самостоятельной немецкой госбезопасности, был решен вопрос и о внешнеполитической разведке ГДР. Возможность передачи партийной разведки ЦК СЕПГ в Министерство госбезопасности ГДР рассматривалась 10 декабря 1950 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). В результате было принято решение сообщить Ульбрихту, что «со стороны Советской Контрольной Комиссии (СКК) нет возражений о передаче партийной разведки ЦК СЕПГ Министерству госбезопасности ГДР для ведения политической разведки против Западной Германии»[402].

Разумеется тогда же была признана желательность посылки из Москвы в Берлин представителя Комитета Информации (КИ) при МИД СССР (выполнявшего функции советской внешнеполитической разведки) для

---

[399] Носкова А.Ф. *Московские советники в странах Восточной Европы (1945–1953 гг.).* // *Вопросы Истории.* 1998. № 1. С. 107.
[400] Абрасимов П.А. *300 метров от Бранденбургских ворот.* М. 1983. С. 189.
[401] Вольф М. *Игра на чужом поле.* М. 1998. С. 45.
[402] РГАСПИ Ф. 17. Оп. 162. Д. 45. Л. 77.

осуществления контакта в работе с немецкими коллегами и «обеспечения правильного направления деятельности внешнеполитической разведки ГДР»[403].

Несколько позднее, Политбюро ЦК ВКП(б) вновь вернулось к этому вопросу. Предложения об организации «внешнеполитической разведки ГДР» и проект постановления Политбюро были подготовлены совместно МГБ СССР и Комитетом информации при МИД СССР и 13 июля 1951 г. (за № 3636/З) направлены на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП(б) На заседании 14 июля 1951 г. было признано «целесообразным» организовать внешнеполитическую разведку ГДР. При этом снова подчеркивалось, что ее целью должно быть ведение разведывательной работы против Западной Германии «с использованием проверенных в политическом отношении оперативных работников и надежной агентуры бывшей партийной разведки СЕПГ». Но в отличие от предыдущего решения, теперь рекомендовалось создать немецкую разведку при Совете Министров ГДР и подчинить ее 1-му заместителю Совета Министров ГДР[404]. О положительном решении вопроса шифротелеграммой из Москвы было проинформировано руководство СКК в Берлине. Тогда же представителем КИ при МИД СССР при внешнеполитической разведке ГДР был назначен полковник А.Г.Граур.

Весьма характерно, что надзор за немецкой разведкой был поручен аппарату СКК в Германии, причем об этом говорилось в следующих выражениях: «Указанный орган внешнеполитической разведки, как и все органы ГДР, разумеется, должен находиться под контролем СКК, в составе которой будет находиться представитель советской внешнеполитической разведки»[405]. Таким образом видно, что в Германии, в отличие от стран «народной демократии» о которых речь шла выше, фактически сохранялся контроль за всеми правительственными институциями со стороны Советской контрольной комиссии. То есть существовала только видимость самостоятельности ГДР. В деле организации немецкой внешнеполитической разведки также полностью копировался советский опыт, причем до такой степени, что даже открытое название этой организации – «Институт

[403] Там же.
[404] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 46. Л. 23.
[405] Там же.

экономических исследований» перекликалось с наименованием аналогичной советской службы[406].

Попытки некоторой периодизации в изменении характера взаимоотношений аппарата советской госбезопасности и органов МГБ–МВД ГДР приводят к выводу, что с 1949 до первой половины 1952 г. со стороны аппарата Уполномоченного МГБ СССР в Германии осуществлялись руководство и надзор за немецкой госбезопасностью. Во второй половине 1952 и до мая 1953 эти функции ограничиваются жестким инструктажем (хотя, вероятнее всего по существу они мало отличаются от предыдущего периода) и начиная со второй половины 1953 г. аппарат советской госбезопасности (вероятнее всего постепенно) переходит к советническим принципам практически идентичным работе московских советников в других странах-сателлитах[407].

Одновременно, заметно взрастает активность госбезопасности ГДР – Штази. Согласно подготовленной министром госбезопасности Игнатьевым справки о работе органов МГБ ГДР и разосланной 3 февраля 1953 г. Маленкову, Берии, Булганину и Хрущеву, за 11 месяцев 1952 года Штази было арестовано 2625 «шпионов, диверсантов, террористов и саботажников». При этом в органах МГБ ГДР числилось 9200 сотрудников (из них 5560 оперативных работников), а количество агентов составляло 21034 человек[408].

Значительную роль в перестройке взаимоотношений советских и немецких спецслужб сыграл тезис Лаврентия Берия о том, что многочисленный аппарат Уполномоченного МГБ–МВД в Германии «подменяет собой органы госбезопасности ГДР и мешает им работать»[409]. И хотя после ареста Берия почти все его инициативы были преданы анафеме, возврата к сталинским временам не произошло. В 1953 г. результаты репрессивной деятельности аппарата Уполномоченного МВД СССР в Германии оказались гораздо

[406] Вольф М. *Игра на чужом поле.* М. 1998. С. 42. При реорганизации в 1947 г. всех советских разведывательных служб в единый Комитет Информации при Совете Министров СССР, он получил условное название «Комитет экономических исследований».
[407] Здесь значительную роль сыграл факт упразднения в мае 1953 г. СКК.
[408] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 23. Л. 191–204.
[409] См. подробнее: Petrov N. *Die Apparate des NKVD/MVD und des MGB in Deutschland (1945–1953)* // *Sowjetische Straflager in Deutschland 1945 bis 1950.* Berlin: Akademie Verl. 1998. Bd. 1. S. 155.

скромнее, нежели в предыдущие годы. Был арестован 261 гражданин ГДР и всего 7 советских граждан[410].

Уже в марте 1955 г. представители ГДР на равных правах участвовали в созванном по инициативе Москвы совещании руководителей органов госбезопасности стран «народной демократии». Самостоятельность была обретена, и теперь уже советские советники пытались сдерживать репрессивные устремления догматиков из руководства СЕПГ. Так в феврале 1955 г. Председатель КГБ Иван Серов с тревогой сообщал в ЦК КПСС о том, что Ульбрихт дал поручение руководству статс-секретариата госбезопасности МВД ГДР резко усилить репрессии в отношении лиц, подозреваемых во вредительской деятельности. Причем Ульбрихт заявил о наличии в министерстве сельского хозяйства не менее 10–12 процентов врагов. Узнав об этом, советские советники из КГБ рекомендовали немецким коллегам соблюдать «осмотрительность» и «не задевать невинных людей» дабы не давать повода к их бегству на Запад[411]. Похоже, немецкие коммунисты оказались хорошими учениками, превзойдя в чем-то своих учителей.

[410] Мозохин О.Б. *Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953).* М. 2006. С. 458.
[411] ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 2. Д. 5. Л. 14–15.

Глава 3. Роль МГБ СССР в советизации Польши. Проведение референдума и выборов в Сейм в 1946–1947 гг.

Без преувеличения можно сказать, что Польша занимала особое место в планах Сталина по советизации стран Восточной Европы. В первую очередь, ее территория являлась удобным плацдармом для продвижения советских войск на Запад. Не забылось и то, что в довоенное время Польша рассматривалась как самое враждебное государство, расположенное по соседству. И, конечно, послевоенная Польша виделась советскому руководству страной, которая никогда уже не будет угрожать СССР. Разрыв советско-польских отношений произошел в апреле 1943 г. по инициативе Сталина. Формальным поводом тому послужило присоединение эмигрантского правительства Польши к шумной кампании разоблачения сталинской расправы над пленными поляками в 1940 г. в районе Катыни. Лояльность или дружественность по отношению к СССР были в глазах Сталина важнейшим критерием. Польское правительство в Лондоне этим требованиям не отвечало. И хотя союзники прикладывали усилия, побуждая СССР восстановить прерванные отношения, Сталин определенно высказался за воссоздание Польши как «дружеского» по отношению к Советскому Союзу государства, не преминув при этом заметить, что «агенты польского правительства, находящиеся в Польше, связаны с немцами» и «убивают партизан»[412]. Разумеется, Сталин не хотел связывать себе руки обязательством сотрудничать с недружественным Советскому Союзу правительством Польши. С продвижением Красной Армии на Запад открывалась возможность привести к власти в этой стране не только лояльное по отношению к СССР правительство, но и поставить во главе новой польской власти коммунистов. Именно в этом Сталин видел окончательное решение польского вопроса. Тем более, что и со стороны союзников подразумевалось, что Польша войдет в советскую зону интересов.

[412] *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.:* Сборник документов. М. 1984. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 дек. 1943 г.). С. 146–147.

С вступлением Красной Армии на территорию Польши, национально-освободительные силы ориентированные на лондонское правительство оказались в подполье. Их жестоко преследовали подразделения НКВД. На территориях занятых наступавшими советскими войсками власть была передана в руки «Крайовой Рады Народовой» (КРН) под контролем Москвы[413]. Возглавлял КРН Болеслав Берут – один из руководителей Польской рабочей партии (ППР). 21 июля 1944 г. на территории Польши был образован «Польский комитет национального освобождения» (ПКНО), который 31 декабря 1944 г. был преобразован во Временное правительство. Премьер министром стал Эдвард Осубка-Моравский – руководитель Польской социалистической партии (ППС). Вместе с тем лондонское правительство отнеслось к ставленникам Москвы крайне враждебно. В октябре 1944 г. в Москву на переговоры прибыли Черчилль и Иден, вместе с ними приехали и представители лондонского правительства Миколайчик, Грабский и Ромер. Сталин устроил им встречу с представителями ПКНО во главе с Берутом и Осубка-Моравским. В результате Миколайчик, пошедший на переговоры с Берутом, был изгнан из лондонского правительства[414].

Впервые о необходимости проведения свободных выборов в Польше было сказано в решениях Ялтинской конференции трех союзных держав. Также было признано необходимым реорганизовать польское правительство «на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы»[415]. Однако с выполнением этого решения Сталин не торопился. Ему необходимо было сначала путем проведения широких полицейских акций надежно укрепить позиции Берута и Гомулки. Перед оперативными группами НКВД, действовавшими в Польше, ставилась главная задача – не допускать деятельности польского эмигрантского правительства в Польше, а его представителей арестовывать[416]. В марте 1945 г. были арестованы политические лидеры польского подполья во главе с

[413] См. *СССР–Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949.* Сборник документов. М. 1995 С. 13–80.; *НКВД и польское подполье. 1944–1945.* М. 1994. С. 9–12.
[414] *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.:* Сборник документов. М. 1984. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.) С. 94, 282, 284.
[415] Там же. С. 251.
[416] *НКВД и польское подполье. 1944–1945.* М. 1994. С. 12.

командующим Армии Крайовой Окулицким. Эти действия вызвали возмущение союзников.

В конце мая 1945 г. Черчилль публично заявил о недопустимости насаждения Советским Союзом тоталитарных и полицейских режимов в Восточной Европе. Прежде всего имелась ввиду Польша. Британский премьер обвинил СССР в односторонних действиях и нарушении ялтинских договоренностей. Западная пресса расценила это как кризис во взаимоотношениях союзников. Ранее, 28 апреля в личном послании он писал Сталину об опасности возможной конфронтации между союзниками из-за арестов в Польше, но удовлетворительных объяснений не получил. Об аресте Окулицкого Сталин высказался весьма определенно: «Так приходится Красной Армии защищать свои части и свой тыл от диверсантов и нарушителей порядка»[417]. Публичное обсуждение этой темы встревожило Сталина. Он понимал, что действовать надо более осторожно и, быть может, в чем-то пойти на уступки или попросту сманеврировать. В конце концов, в июне было организовано коалиционное правительство, в состав которого вошел и Миколайчик. Теперь борьба в Польше в значительной мере приобретала легальные формы[418].

На первый план вышла проблема проведения парламентских выборов. Легальная оппозиция во главе с Миколайчиком не могла не беспокоить руководителей ППР – Гомулку и Берута. И хотя в их руках была вся польская госбезопасность, цензура и они широко опирались на укоренившиеся в Польше оперативные группы и внутренние войска НКВД, за Миколайчиком шло большинство крестьянской массы[419]. Стоит привести оценку Черчилля Временному правительству Польши, данную им на Ялтинской конференции: «Британское правительство не считает, что люблинское правительство представляет хотя бы 1/3 польского народа»[420].

---

[417] *Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер–министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны.* М. 1958. Т. 1. С. 348–349, 353.
[418] *НКВД и польское подполье. 1944–1945.* М. 1994. С. 23.
[419] *СССР–Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949.* Сборник документов. М. 1995. С. 92–103.
[420] *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.*: Сборник документов. М., 1984. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.) С. 95.

На конференции в Потсдаме развернулись серьезные дебаты вокруг предстоявших выборов. Советская сторона внесла 18 июля на обсуждение проект заявления глав трех правительств по польскому вопросу, в котором вообще ни слова не говорилось о проведении выборов. Проект встретил возражения союзников. Сталин и Молотов сделали все, чтобы в итоговой резолюции не появилось фраз относительно свободы печати и гарантий прав неприкосновенности личности в ходе подготовки и проведения выборов в Польше. И добились своего. В резолюции появился абзац о выборах с упоминанием о полной свободе лишь для представителей союзной печати в освещении их хода[421].

История проведения в 1946–1947 гг. референдума и выборов в Польше неизменно привлекала внимание исследователей. Главная проблема, волновавшая авторов многочисленных публикаций, состояла в ответе на вопрос, насколько эти мероприятия – и референдум и выборы – были свободными и выражали действительные настроения масс. Большая часть этих публикаций появилась в последние годы, когда стало возможным изучение ранее недоступных архивных источников[422]. Однако выводы о фальсификации и референдума и выборов в Польше делались и раньше[423]. Ведь нет нужды доказывать, что партии, не входившие в т.н. демократический блок, в Польше не пользовались той степенью свободы, которую имела ППР во главе с Гомулкой и Берутом. А они, в свою очередь опирались на поддержку Кремля.

Период активного проведения карательных акций на территории Польши, приведших к аресту руководителей подпольного правительства, связан с именем заместителя Наркома внутренних дел СССР И.А.Серова. В августе 1944 г. он объявился в Люблине и, задействовав войска по охране тыла 1 Белорусского фронта и оперативные группы военной контрразведки СМЕРШ, развернул работу по подавлению независимого польского национального движения[424]. Официальное признание подобной практики «очистки тыла» Красной Армии было оформлено Приказом НКВД СССР № 0016 от 11 января 1945 г., когда был учрежден институт Уполномоченных НКВД СССР по

[421] Там же. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 авг. 1945 г.) С. 68, 107–106, 297–298, 320–321, 440.
[422] Литературу см. в публикации А.Пачковского в журн. *Karta.* 1996. № 18. S. 130–134.
[423] См., например: Barnaszewski B., *Jak falszowano wybory w roku 1947* // *Odra,* № 9, 1991, S. 15–22.

фронтам действующей армии. В их задачи входило «проводить необходимые чекистские мероприятия, обеспечивающие выявление и арест шпионско-диверсионной агентуры германских разведывательных органов, террористов, участников различных вражеских организаций, бандитско-повстанческих групп, независимо от национальной принадлежности и гражданства...». В распоряжение каждого Уполномоченного было командировано по 150 человек «опытных чекистов», и для проведения прочесываний и облав придавались дополнительные соединения пограничных и внутренних войск. Этим приказом Серов был назначен Уполномоченным НКВД по 1 Белорусскому фронту[425].

Именно основываясь на опыте работы Серова на территории Польши Сталин пришел к мысли о необходимости иметь в этой стране постоянного представителя от советских «органов» для быстрого и точного информирования Москвы о происходящих на месте событиях, руководства деятельностью местных властей в угодном для СССР направлении и, наконец, для широкой помощи репрессивными мерами в борьбе с их противниками. В результате, 7 марта 1945 г. Серов был назначен Советником НКВД СССР при министерстве общественной безопасности (МОБ) Польши. Двумя днями раньше другой высокопоставленный чекист – заместитель начальника Главного управления контрразведки (ГУКР) СМЕРШ П.Я.Мешик был назначен Советником НКВД СССР при министерстве общественной администрации Польши. С этого времени в Варшаве постоянно находились представители госбезопасности СССР. Серов проработал в Польше недолго: он отправился с войсками 1 Белорусского фронта в Берлин, а его место советника при МОБ Польши занял с 27 апреля 1945 г. генерал-лейтенант Н.Н.Селивановский – заместитель Абакумова по ГУКР СМЕРШ.

Фактически и Селивановский, и Мешик, хоть и являлись работниками СМЕРШ, подчинялись и отчитывались в своей работе НКВД СССР, т.е. Наркому внутренних дел Берия. Однако, после оставления Берией в декабре 1945 г. работы в НКВД, новому Наркому внутренних дел С.Н.Круглову явно не хватало авторитета для руководства людьми Абакумова, чьим подчиненным Селивановский по-прежнему числился. Показательно то, что именно

---

[424] См. подробнее: *НКВД и польское подполье. 1944–1945.* М. 1994.
[425] *Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т.II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сборник документов и статей.* – М. 2001. С. 11–14.

руководитель ГУКР СМЕРШ Абакумов обратился 25 марта 1946 г. к Сталину с письмом, в котором просил освободить Селивановского от обязанностей советника в Варшаве с тем, чтобы он вернулся на работу в СМЕРШ, а новым советником рекомендовал назначить полковника С.П.Давыдова, работавшего ранее заместителем советника НКВД–МВД при МОБ Польши. Некоторое время поразмышляв, Сталин дал согласие. Об этом свидетельствуют помета Абакумова на самом документе: «Мною было доложено лично тов. Сталину. Утверждено. Абакумов 13.IV.46».

Понимая, что власть меняется, сообразительный Давыдов, не дожидаясь формальных решений, стал наиболее важные доклады о положении в Польше адресовать не только Круглову, но и Абакумову. В мае 1946 г. структура МГБ СССР была существенно перестроена и расширена. Теперь органы военной контрразведки СМЕРШ, ранее подчинявшиеся Наркому обороны Сталину, вошли в состав МГБ как 3 Главное управление. Министром госбезопасности вместо Меркулова 4 мая 1946 г. был назначен Абакумов. Вскоре вся работа советских спецслужб на территории Германии и Польши была передана в ведение МГБ. Об этом говорилось в решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 августа 1946 г. Аппарат советника МВД СССР при МОБ Польши со всем личным составом и делами был передан в МГБ СССР[426]. С этих пор Давыдов направлял свои рапорты только Абакумову.

Интенсивность работы уполномоченного НКВД–МВД в Польше прослеживается по документам, отложившимся в архивах. За период с апреля 1945 г. по апрель 1946 г., по крайней мере, 66 сообщений Н.Н.Селивановского переданных из Польши Наркому внутренних дел СССР были переадресованы Сталину[427].

Подобным же образом за период с декабря 1945 по август 1946 г., по крайней мере, 32 сообщения Давыдова, переданных по линии МВД, легли на стол Сталина[428]. Спектр вопросов, затрагиваемых Давыдовым, отличался широтой. В важнейших сообщениях рассказывалось о намерениях Миколайчика и других руководителей партии «польске стронництво людове» (ПСЛ)

---

[426] *Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т.II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сборник документов и статей.* – М. 2001. С. 355.
[427] См.: *Архив новейшей истории России.* Том. 1 «Особая папка» И.В.Сталина. Каталог документов. М. 1994. С. 106–164.
[428] Там же. С. 153–188.

выступить на предстоящих выборах (направлено 25 декабря 1945 г.)[429], о «подрывной деятельности» партии Миколайчика и репрессивных мероприятиях органов общественной безопасности Польши (направлено 28 апреля 1946 г.)[430], о расколе партии ПСЛ (направлено 8 июня 1946 г.)[431]. Кроме того Давыдов собирал информацию не только о деятельности оппозиции, но и о положении в польской руководящей верхушке, лояльной Кремлю[432], «о поражении на пленуме Главного совета ППС группы «Вольность – Равенство – Независимость», входящей в ППС»[433] и о мероприятиях по подавлению польского национального сопротивления[434].

Разумеется, не избежал внимания Сталина и проходивший в конце июня 1946 г. референдум в Польше. Ситуация контролировалась в период и до и после референдума. Так, 14 июня Сталину была направлена докладная записка Давыдова о подготовке к референдуму[435], а 19 июля о настроениях в Польше после опубликования результатов референдума[436].

С конца 1945 года польская оппозиция требовала проведения выборов в сейм, как это было обещано решениями Ялтинской и Потсдамской конференций. Официальные польские власти чувствовали себя не достаточно уверенно, хотя и понимали, что некий мандат от народа на управление страной им следует получить. Пытаясь отсрочить выборы, руководство ППР, приняло решение устроить в Польше референдум и предложить населению ответить на вопросы, не слишком удобные для оппозиции, а под предлогом этого несколько отложить выборы. Любопытно, что на совещании шести партий 5 апреля 1946 г. предложение о проведении референдума прозвучало как инициатива, исходящая от ППС. Этим Берут хотел скрыть подлинный интерес своей партии, заключавшийся в оттяжке выборов. Миколайчик, участвовавший в совещании, заявил, что его партия ПСЛ – «за референдум и не возражает против

[429] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 102. Л. 396–403.
[430] Там же. Д. 135. Л. 359–378.
[431] Там же. Д. 137. Л. 130–134.
[432] См. например сообщения направленные Сталину 29 марта 1946 г. о воеводском съезде ППС в Кракове: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 135. Л. 177–180.
[433] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 135. Л. 242–248.
[434] См.: сообщение от 10 мая 1946 г. «о деятельности польского националистического подполья и результатах борьбы с ним в январе–апреле 1946 г.» (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 137. Л. 375–382), от 31 мая 1946 г. – о ликвидации штаба главной комендатуры «Народовы з'едноченые войскове», того же дня – о ликвидации разведывательной сети «Лицеум» 2 отдела штаба армии Андерса» (там же. Л. 147–198.)
[435] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 137. Л. 164–172.

нецелесообразных вопросов.» (докладная записка Давыдова об этом была направлена Кругловым 9 апреля 1946 г. Сталину, Молотову, Маленкову и Берия[437]. По сути, группа Берута, управлявшая Польшей, рассматривала предстоящий 30 июня 1946 года референдум как некую пробу сил, как возможность доказать оппозиции свое превосходство и тем самым деморализовать ее перед предстоявшими выборами. Вопросы на референдум были подготовлены следующие:

> 1-й: Согласны ли Вы с ликвидацией сената[438]?
>
> 2-й: Желаете ли Вы закрепления будущей Конституцией хозяйственного строя, введенного земельной реформой и национализацией основных отраслей народного хозяйства, с сохранением уставных прав частной инициативы?
>
> 3-й: Согласны ли Вы с закреплением западных границ Польского государства на Балтике, Одере и Нейсе Лужицкой?[439]

Как видим, польское руководство сформулировало довольно-таки безобидные вопросы, намереваясь поставить оппозицию в положение подстраивающихся к народному мнению и вынужденных играть на «чужом поле». Могли бы, например, спросить о восточных границах Польши, но это означало идти против Москвы. При этом коммунистическое руководство призывало поляков сказать трижды «да». Это решение было поддержано партиями т.н. «демократического блока»: ППС, Стронництво Людове (СЛ) и Стронництво Демократичне (СД). Первоначально партии правого направления – Миколайчика (ПСЛ) и партия Стронництво Праци (СП) – настаивали на призывах к населению голосовать трижды «нет». Однако на заседании Главного совета ПСЛ 26–27 мая 1946 г. было решено избрать в качестве индикатора поддержки населением их партии 1-й вопрос, полагая, что по 2-му и 3-му вопросам народ проголосует все же «да», и, таким образом, ПСЛ призвала голосовать по схеме – «нет», «да», «да». Партия СП осталась при своем решении – голосовать трижды «нет»[440].

Таким образом, многое было поставлено на карту, и от ответа населения Польши на первый вопрос зависело будущее режима Берута. Сейчас можно с

---

[436] Там же. Д. 138. Л. 169–172.
[437] Там же. Д. 135. Л. 252–254.
[438] Имелась ввиду ликвидация довоенного конституционного устройства высших органов власти в Польше – Сената и Сейма и переход к однопалатному парламенту – Сейму.
[439] *Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы* / Отв. редактор Т.В.Волокитина. М. 1999. Т. 1. С. 280.

уверенностью сказать, что чаша весов склонялась в пользу оппозиции: именно ее поддерживал народ. Берут и его окружение знали об этом, но допустить превосходство оппозиции на референдуме значило для них в перспективе потерять власть. Конечно, польской госбезопасностью с помощью советских чекистов многое делалось для победы линии Берута на референдуме. Органы МОБ организовали «агентурно-оперативное обслуживание» комиссий по проведению референдума, внедряя в число их членов свою агентуру, занимались проверкой лиц, выдвинутых в состав комиссий, и отвели 90 человек, являвшихся «участниками антиправительственного подполья». Четко контролировался и партийный состав комиссий. В Центральной комиссии из 22 человек, членов ППР было 9, ППС – 4 и беспартийных – 9. В окружных комиссиях из 145 человек, членов ППР – 39, ППС – 33, СЛ – 23, СД – 20, ПСЛ – 7, СП – 11 и беспартийных 12[441].

Но этим не ограничилась работа МОБ Польши и аппарата Советника МВД СССР накануне референдума. Была сделана ставка и на раскол и разложение изнутри партии Миколайчика. Помимо проводимых органами безопасности арестов активных членов ПСЛ, такие меры могли в значительной степени расстроить правые ряды. В ходе тайных переговоров представителя МОБ с заместителем Генерального секретаря ПСЛ Тадеушем Реком, выражавшим недовольство линией лидера партии Миколайчака, польские чекисты добились согласия Река выступить с критикой руководства и призвать голосовать трижды «да». Это и было им сделано на заседании Главного Совета ПСЛ 26–27 мая 1946 г. На следующей тайной встрече с Реком уже присутствовал помимо руководящего работника МОБ и секретарь ЦК ППР Якуб Берман. Было решено издавать ежедневный печатный орган оппозиционной группы внутри ПСЛ под названием «Нове вызволене» (Новое освобождение) тиражом 50 тыс. экземпляров. Первый номер газеты от 7 июня был отправлен с помощью властей во все воеводства самолетами. На «благое дело» развала враждебной партии Берут и его люди денег не жалели. Давыдов, информируя Москву, писал 8 июня 1946 г.: «о ходе дальнейших мероприятий

[440] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 137. Л. 164–172.
[441] Там же. Л. 164–172.

оппозиционной группы внутри ПСЛ буду докладывать по мере получения новых материалов»[442].

Тем не менее, никакой уверенности у Берута в благополучном исходе референдума не было. Необходимо было что-то срочно предпринять. Была запрошена помощь из Москвы, не менее Берута боявшейся потери своих позиций в Польше. Выход из положения был найден оригинальный и эффективный: в случае, а это было неминуемым, неблагоприятных для польского руководства ответов населения на референдуме просто изъять или уничтожить протоколы подсчета голосов и изготовить вместо них другие – «правильные». Но как быть с подписями членов участковых комиссий? Ведь они то должны быть настоящими. Технической сложности в этом не было. В МГБ СССР существовало подразделение, занимавшееся экспертизой документов, а также их изготовлением, и подделкой подписей на разного рода бумагах: финансовых документах, паспортах и т.д. С мая 1946 года это был самостоятельный в структуре МГБ Отдел «Д», Возглавлял его полковник А.М.Палкин. Ему-то и предстояло возглавить всю техническую работу по подмене протоколов и подделке на них подписей.

О том, как была проведена эта операция, рассказывается в донесении МГБ № 1443/А от 30 августа 1946 года на имя Сталина[443].

Начальник Отдела «Д» МГБ А.М.Палкин был направлен в Варшаву. 20 июня 1946 года его и советника МГБ в Польше Давыдова принял сам Берут для обсуждения плана операции по подделке протоколов референдума. Окончательный вариант этой операции обсуждался и был принят 22 июня 1946 года на встрече Палкина и Давыдова с Берутом и Гомулкой[444].

Сразу же после этого основная группа чекистов из 15 человек выехала 25 июня 1946 года в Варшаву и развернула свою работу. Группой было заново изготовлено 5994 протокола по подсчетам результатов референдума и подделано около 40000 подписей членов участковых комиссий. Пакеты с протоколами получал советник МГБ Давыдов из МОБ Польши от Станислава Радкевича и передавал в группу Палкина. Соответственно, изготовленные в группе новые «протоколы» возвращались через Давыдова – Радкевичу. В

[442] Там же. Л. 130–134.
[443] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 4. Д. 32. Л. 302–325.
[444] Там же.

результате работы специалистов из Москвы процент поляков голосовавших утвердительно по первому вопросу референдума был увеличен до 50–80% (в зависимости от воеводств). На самом же деле этот процент, как сказано в письме МГБ, составлял в оригиналах протоколов всего лишь от 1 до 15%. Одновременно во вновь изготовленных протоколах было увеличено количество положительных ответов по 2-му и 3-му вопросам[445].

Вся работа была закончена 27 августа 1946 года и группа сотрудников Отдела «Д» МГБ в полном составе 28 августа вернулась в Москву.

Надо полагать, что ловкость и оперативность, которую проявили чекисты из группы Палкина, сумевшие превратить провал коммунистов на референдуме в успех, заслужила похвалы Сталина. Он с готовностью дал немедленное согласие, что случалось не часто, на награждение участников операции. Уже 6 сентября 1946 года министр госбезопасности обратился к Сталину с письмом (№ 1456/А), в котором просил наградить группу работников МГБ «выполнивших специальное задание» и представил проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении:

Орденом Красного Знамени:
полковника Давыдова Семена Прохоровича
полковника Палкина Арона Моисеевича
Орденом Отечественной войны 1 степени:
ст. лейтенанта Васильева Сергея Алексеевича
капитана Козырева Николая Николаевича
подполковника Никифорова Леонида Николаевича
подполковника Папкова Сергея Прокофьевича
инж. полковника Плотникова Алексея Симоновича
капитана Степанова Николая Дмитриевича
майора Федорова Павла Федоровича
Орденом Отечественной войны 2 степени:
майора Вольского Константина Павловича
ст. лейтенанта Калинина Ивана Михайловича
лейтенанта Любимова Василия Ивановича
ст. лейтенанта Рогаткина Александра Петровича
Орденом Красной Звезды:
капитана Рогаткина Сергея Петровича
ст. сержанта Трехалина Бориса Васильевича
майора Фирсова Александра Игнатьевича[446].

Именно они, своим «незаметным» и «кропотливым» трудом обеспечили победу коммунистов на референдуме в Польше. В тот же день 6 сентября был

[445] Там же.
[446] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 4. Д. 15. Л. 321–323.

подписан и выпущен (с грифом «не для печати») Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении поименованных выше чекистов. Такая оперативность явление не частое в деле награждений в СССР. Значит, было за что!

Официальная пропаганда всячески раздувала достигнутый «успех» и откровенно смеялась над оппозицией. Уже 3 июля 1946 года «Правда» торопилась сообщить в статье «Всенародное голосование в Польше» о том, что в Варшавском воеводстве (не считая Варшавы) утвердительный ответ на первый вопрос дали 73,9% голосовавших[447].

4 июля «Правда» приводит данные референдума по отдельным участкам и сообщает, что в Варшаве на 1-й вопрос ответили «да» – 67% проголосовавших. В этом же номере газеты помещена злорадная заметка – «Жульничество члена ПСЛ при проведении референдума»:

> «Варшава. 3 июля (ТАСС). Как сообщает газета «Польска збройна», в Штеттине при проведения референдума заместитель председателя участковой комиссии № 4, член ПСЛ инженер Перицкий давал голосующим бюллетени с готовыми ответами на все вопросы, причем два первых ответа были отрицательными, а третий – положительным.
>
> Газета сообщает, что Перицкий в соответствии с положением о референдуме арестован»[448].

6 июля «Правда» приводит комментарии предварительных данных об итогах референдума политического обозревателя Польского социалистического агентства печати, который заявляет, что «на основании имеющихся уже данных можно без всяких колебаний и сомнений заявить, что число ответивших положительно на все три вопроса референдума составляет значительное большинство. Это означает победу демократического лагеря, политика которого самым выразительным образом одобрена польским народом». Вместе с тем, оценивая результаты голосования, обозреватель предупреждает польские демократические массы, что не следует самоуспокаиваться. «Тот факт, что в Кракове отрицательный ответ на два вопроса референдума дало большинство голосовавших, свидетельствует о наличии и упорном сопротивлении реакции»[449].

---

[447] *Правда*. 1946. 3 июля.
[448] *Правда.* 1946. 4 июля.
[449] *Правда.* 1946. 6 июля.

7 июля «Правда» сообщает предварительные итоги референдума в Кракове: признано действительными 981 423 бюллетеня, ответили «да» на первый вопрос 468 362, «нет» – 513 061[450].

10 июля «Правда» помещает изложение выступления Премьер-министра Польши Осубка-Моравского:

«Проведенный в Польше референдум – заявил премьер-министр, – в силу всем известного отношения к нему со стороны оппозиции является плебисцитом, в результате которого широкие массы польского населения выразили свое доверие правительству, полностью одобрив проведенные им реформы. Хотя окончательные итоги референдума будут опубликованы только 12 июля, уже сегодня на основе предварительных данных можно с уверенностью сказать, что референдум принес победу блоку демократических партий. Во всяком случае, не менее 60 процентов по видимому, ответило «да» на все три вопроса референдума». Далее он сказал, что Миколайчик получит около 15% и 25% получит «польское реакционно-фашистское подполье» и, что «большую часть польского духовенства, к сожалению, надо отнести к разряду польской реакции»[451].

13 июля, наконец, «Правда» сообщила официальные итоги референдума:

Участвовало в голосовании 11 857 986
признано действительными бюллетеней 11 530 551
на 1-й вопрос ответили «да» – 7 844 522 «нет» – 3 686 029
на 2-й вопрос ответили «да» – 8 896 105 «нет» – 2 634 446
на 3-й вопрос ответили «да» –10 534 697 «нет» – 995 854[452].

---

[450] Объяснение может быть простым. Уже 3 июля 1946 года в «Правде» было сообщение: «Краковский корреспондент газеты «Экспресс вечорны» сообщает, что, по предварительным данным, на ряде участков Кракова по первому вопросу референдума большинство ответило отрицательно», и после этого сообщения, подсказывает логика, перевирать эту информацию было уже не возможно. Однако, вероятнее всего, это было частью продуманного хитроумного плана – сознательно выделить какую–либо область, где влияние Миколайчика особенно сильно и демонстративно представить результаты референдума там не в пользу коммунистов, как бы для «объективности», хотя и с не очень большим отрывом. Такая тактика позволила бы говорить лишь о небольшом перевесе оппозиции. Вспомним, Палкин приводил процент положительных ответов на первый вопрос от 1 до 15.

[451] *Правда.* 1946. 10 июля.

[452] Комментировать эти цифры смешно, да и, вероятнее всего, не стоит. Достаточно вспомнить, что работа группы Палкина продолжалась до 27 августа 1946 года, то есть еще переписывались и оформлялись заново протоколы референдума, и теперь подгонялись под стандарт, заданный этим «официальным сообщением». Известно, что секретариат ПСЛ 9 июля 1946 года направил протест в адрес Генерального комиссара по проведению референдума по поводу его результатов. В своем сообщении Генеральный комиссар по проведению референдума в Польше заявил, что этот протест, «как показало предварительное расследование, не находит подтверждения» и сообщил нечто любопытное, позволяющее четче понять методику фальсификации протоколов: «В связи с угрозой нападения диверсантских элементов было отдано распоряжение, чтобы там, где недостаточно обеспечена безопасность помещений для

Миколайчик сделал попытку объясниться на заседании Правительства. На закрытом заседании 4 июля Гомулка обвинил Миколайчика в попытках опорочить референдум, результаты которого не объявлены. Миколайчик в ответ указал на «разгул террора» органов МОБ, который не мог не влиять на результаты, и сообщил, что, например, по 3 уездам Познанского воеводства 80% отвечали «нет» на вопросы референдума[453]. Участники заседания дружно осудили выступление Миколайчика. Тот взял слово вторично и пообещал пригласить на будущие выборы в сейм представителей Великобритании и США. Гомулка разозлившись бросил реплику: «Можешь жаловаться Черчиллю»[454].

А пропагандистская кампания против Миколайчика в прессе шла своим чередом. 14 июля 1946 года «Правда» в колонке международного обозрения подвела политические итоги референдума в Польше. Связав имя Миколайчика с еврейским погромом в Кельцах и назвав его покровителем погромщиков, газета писала: «Г-н Миколайчик и его партия ПСЛ потерпели жестокое поражение. Не он ли претендовал на 75 процентов мест в будущем сейме?» (По данным Палкина он и получил как минимум 75% голосов поддержки на референдуме. – Н.П.). Миколайчик, писала газета, «...готовит новый трюк. Он намерен обратиться к союзным державам с просьбой прислать наблюдателей на выборы». Но, по мнению «Правды», это не даст результатов. «...Польша – свободная, демократическая страна. Польскому народу не диктуют своей воли послы иностранных государств, как это имеет место в Греции. Польский народ идет своей дорогой. И ни Миколайчику, ни его покровителям не заставить польский народ свернуть с избранного им исторического пути»[455].

голосования, участковая комиссия тотчас же после голосования отправилась с урнами в места, где безопасность подсчета голосов была полностью обеспечена» (*Правда.* 1946. 15 июля.) Совершенно ясно, куда попадали эти урны и где составлялись протоколы, а на местах, между тем, уже ничего нельзя было проверить.

[453] ГАРФ Ф. 9401. Оп. 2. Д. 138. Л. 145–148.

[454] Там же.

[455] *Правда.* 1946. 14 июля. Трудно говорить о Греции, а о работе Посла СССР в Польше Виктора Лебедева в период 1945–1951 годов рассказал на июльском (1955) пленуме ЦК КПСС Никита Хрущев: «Был еще и такой случай с нашим бывшим послом в Польше – т. Лебедевым, который теперь является послом СССР в Финляндии. Когда польские руководители решили его проинформировать об одном из своих заседаний, он заявил им: а я все знаю, что у Вас обсуждается, мне уже доложено! Очень «умный» дипломат!» (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 187-об) Последнее замечание Хрущева весьма характерно, знать–то ты можешь, но виду не показывай. А речь шла о случае, когда Берут решил проинформировать Лебедева об одном совершенно секретном постановлении своего Политбюро, последний рассмеялся, заявив, что он

Между тем, несмотря на победные реляции в прессе, среди населения широко шли разговоры о фальсификации результатов референдума: «У нас в селе все жители голосовали «нет», а в газетах написано, что преимущество берет «да»[456].

Но даже и подтасованные результаты референдума вселили тревогу в оказавшегося нестойким попутчика ППР Осубка-Моравского. Касаясь Кракова, где было много членов ППС, а результаты, тем не менее, оказались наихудшими, он заявил: «Если мы такие слабые, то нам с ПСЛ нужно договориться». Секретарь Варшавской организации ППС пошел в своих умозаключениях еще дальше: «Из-за ППР мы имеем неудовлетворительные результаты референдума. В блоке с ППР мы можем проиграть также выборы… Без ППР мы выиграем больше»[457]. Можно предположить, что если бы руководители ППС были в курсе истинного положения дел с голосами, поданными на референдуме, то блок с ППР (Берутом и Гомулкой) неизбежно распался бы.

Тяга лидеров ППС к сотрудничеству с ПСЛ, проявившаяся особенно отчетливо на низовом уровне, всерьез обеспокоила лидеров ППР. Они решили иным образом «форсировать» события и в конце июля 1946 г. затеяли переговоры с одним из лидеров ПСЛ Керником. Берут и Гомулка добивались отстранения Миколайчика от руководства ПСЛ. Переговоры потерпели неудачу. На второй встрече с Гомулкой, Керник как условие сотрудничества поставил вывод советских войск из Польши и удаление советников НКВД из польских органов МОБ. Донесение Давыдова об этом Абакумов 23 июля 1946 г. направил Сталину, Молотову и Берия. Неофициальная встреча представителей ППР и Главного Совета ПСЛ преследовала основную цель – расколоть ПСЛ и изолировать в руководстве Миколайчика. Несколькими днями позже, 26 июля, аналогичное сообщение Давыдова было направлено Кругловым руководству, только помимо Сталина, Молотова и Берия оно адресовалось еще и Жданову[458]. Можно предположить, что это было одно и то же сообщение. Просто Давыдов

знает об этом и, что у него в Политбюро свои информаторы. Между тем со 2 августа 1949 года по решению Сталина была запрещена разведка СССР в странах «народной демократии», и формально это решение было выполнено, а фактически сведения продолжали собирать через аппараты посольств и советников МГБ–КГБ (см. 5 главу).

[456] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 138. Л. 169.

[457] Там же. Л. 242–244.

[458] Там же. Л. 300–303.

предусмотрительно отчитывался перед двумя ведомствами МВД и МГБ, все же отдавая приоритет МГБ. Заметим, что Абакумов опередил Круглова с сообщением об этом важном событии вождю[459].

Аналогичные попытки делались и в отношении другой правой партии – Стронництве праци (СП)[460]. Председатель СП Кароль Попель стремился к объединению с Миколайчиком, между тем вице-председатель партии Зигмунт Фельчак находился под влиянием коммунистов. Давыдов писал о нем как о «демократически настроенном» человеке и что он «свою работу по руководству партией контактировал (так в тексте – Н.П.) с ЦК ППР»[461]. В итоге Фельчак организовал раскол во фракции СП в Краевой Раде (КРН). Однако, 3 июля 1946 г. он неожиданно умер. Тем не менее, его сторонники, члены группы «взрыв» довели дело раскола партии до конца[462].

Но в рядах ППС – главного союзника коммунистов, продолжались брожения. Это особенно тревожило Берута и Гомулку. В Варшаве 30 июля 1946 г. состоялось заседание блока шести партий – «шестерки». Выступивший Генеральный секретарь ЦК ППС Юзеф Циранкевич высказался против политической изоляции Миколайчика. Разумеется, лидеры ППС переносили ситуацию и на свою партию, полагая, что и с ними могут так поступить. Осубка-Моравский стал гневно обличать органы безопасности Польши, заявив, что они, в связи с их «методами работы и творимыми безобразиями, являются позором для демократии. Польский народ не любит такие органы безопасности, не любит ППР, потому что она руководит этими органами»[463]. Гомулка, поняв свою беспомощность, призвал обратиться к Сталину с просьбой принять делегацию ППС для объяснения ситуации и решения назревших вопросов[464].

Встреча со Сталиным вскоре состоялась. В первый день – 19 августа 1946 г. в Кремле были приняты для разговора только представители ППС. И только на следующий день к ним присоединились Гомулка, Берман и

---

[459] Раскол состоялся. Уже 20 ноября 1946 г. Абакумов направил Сталину и Берия сообщение Давыдова о положении во вновь созданной партии ПСЛ – «Нове–вызволение». См. также сб.: *Восточная Европа в документах Российских архивов 1944–1953 гг.* Москва–Новосибирск. 1997. Т. 1. С. 547–548.
[460] Стронництве праци – Партия труда.
[461] См.: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 138. Л. 163–168.
[462] Там же.
[463] Там же. Л. 345.
[464] Там же.

Замбровский[465]. Коалиция ППР–ППС была спасена. Но в дальнейшем потребовались новые встречи со Сталиным, ведь главное испытание – выборы в сейм, были впереди. «Успех» референдума следовало закрепить на предстоящих выборах в Сейм. Гарантий же, что и на этот раз удастся также легко организовать результаты голосования не было никаких. Оппозиция, хотя и изрядно деморализованная поражением, была еще достаточно сильна и пользовалась по-прежнему поддержкой в народе. Коммунистическое руководство Польши явно нервничало.

Во второй половине ноября 1946 г. состоялась тайная встреча Гомулки со Сталиным, находящимся на отдыхе в Сочи. На встрече обсуждались в том числе и вопросы предстоящих в Польше выборов. 28 ноября 1946 г. Абакумов доложил Сталину и Берия о состоявшемся 24 ноября разговоре Гомулки с другими участниками встречи в Сочи – Берманом и Швальбе, где они делились впечатлениями от поездки, выражая вместе с тем и опасения, как бы в Польше не пронюхали об их поездке на Кавказ. По словам Гомулки, Сталин хорошо отозвался о прошедших в Болгарии и Югославии выборах, а полякам тем не менее заявил: «Не нужно слишком многого хотеть, не нужно завидовать»[466]. Это замечание вождя свидетельствует о более тонком и осторожном подходе в организации выборов. Более того, правомерен и вывод о том, что в 1946 г. сталинская тактика советизации стран Восточной Европы изменилась.

Если в 1944–1945 гг. советские карательные органы непосредственно участвовали в борьбе с противниками советизации, проводя открытые акции подавления, то в 1946 г. вместо прямого вмешательства упор делается на тонкие методы работы госбезопасности – разложение соперничавших с коммунистами партий изнутри, тайные операции и кампании по дискредитации противников. Что касается Польши то здесь была сделана ставка на укрепление собственных польских органов госбезопасности (МОБ) и подчинение их только одной партии

---

[465] См.: *Посетители кремлевского кабинета И.В.Сталина* // *Исторический архив.* 1996. № 4. С. 129. В ходе беседы в первый день встречи Э.Осубка–Моравский с возмущением отметил, что результаты референдума опубликованные прессой являются «грубой фальсификацией» и это подрывает авторитет правительства. Сталин в ответ лицемерно заявил, что о фальсификации он узнал «уже после свершившегося факта» и это является «недопустимой вещью». Вообще, Сталину стоило больших трудов уговорить лидеров ППС сохранить союз с ППР. Запись этой беседы 19 августа 1946 г. лидеров ППС со Сталиным опубликована: *Восточная Европа в документах Российских архивов 1944–1953 гг.* Москва–Новосибирск. 1997. Т. 1. С. 505–513. К сожалению, в сборнике не опубликована запись беседы следующего дня переговоров, когда присутствовали и лидеры ППР.

[466] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 4. Д. 17. Л. 26–28.

– коммунистической. Функции советника МГБ СССР при МОБ Польши в это время заключались уже только в помощи в работе польским органам безопасности и широкой информационной работе, т.е. в том, что позднее будет называться «советнические функции».

Была и более глобальная проблема для Сталина. После выступления Черчилля в Фултоне ясно выявились противоречия между бывшими союзниками в войне. И, в отличие от предыдущего гневного обличения Черчилля по поводу советской политики в Польше, оставшегося незамеченным, этот вызов Сталин уже был готов принять. Тогда, в начале июня 1945 г., советские газеты ни словом не обмолвились о выступлении Черчилля и характере претензий Запада к СССР. Но теперь Сталин, подготовившись к конфронтации, откликнулся моментально. 14 марта 1946 г. «Правда» поместила на первой полосе объемное интервью Сталина. В резкой отповеди Черчиллю, заявившему, что «польское правительство находится под господством русских», Сталин объяснил рост влияния коммунистов в странах Восточной Европы как «закономерное явление» и как «закон исторического развития». Однако, Сталин в то же время понимал, что в условиях конфронтации с Западом следует действовать осторожно, ибо Запад силен и в военном отношении и экономически. И тем более не стоит давать поводов к обвинениям СССР в навязывании силой коммунистических режимов в соседних странах.

Результатом этого понимания и стала более осторожная тактика Сталина в советизации Восточной Европы. На первом этапе предполагалось организовывать широкие коалиции «демократических» партий и блоков, в составе которых некоммунистические элементы будут постепенно растворяться. И уж за тем следовал этап объединения близких партий в единые партии на коммунистической платформе. Именно такие мысли привели Сталина к решению попридержать советизацию. Если на первых порах в 1945 г. он всячески форсировал события, то уже весной 1946 г. тормозил[467].

Разумеется, по мысли Сталина, результат выборов в польский сейм необходимо было организовать в пользу блока ППР–ППС. Это позволило бы

[467] См., например изменение позиции Сталина в вопросе создания Балканской федерации: Гибианский Л.Я. *Проблемы международно–политического структурирования Восточной Европы в период формирования Советского блока в 1940–е годы.* // *Холодная Война.* М. 1995. С. 105. Об осторожной позиции Сталина в более ранний период пишет в своих воспоминаниях и

говорить о волеизъявлении широких масс и подтверждении тезиса о «закономерности роста влияния коммунистов». Между тем, Абакумов направил Сталину 12 декабря 1946 года докладную записку Давыдова о том, что его (Давыдова) пригласил к себе 4 декабря 1946 года Берут и в разговоре с глазу на глаз просил обеспечить «мероприятия по выборам в Сейм» и сообщить об этой просьбе Советскому руководству[468]. Сталин с готовностью откликнулся на просьбу Берута, и в Варшаву вновь выехала хорошо зарекомендовавшая себя группа специалистов-чекистов во главе с Палкиным.

К этому времени польское руководство повело решительное наступление на оппозицию дабы лишить ее каких-либо шансов победить на выборах или даже набрать сколько-нибудь значительное количество голосов. Вопрос для своего режима Берут сформулировал вполне в сталинском духе: либо победа, либо поражение – иного не дано. Такая политика дала свои плоды. Польские коммунисты с помощью советников МГБ учились расправляться с оппозицией специфическими методами полицейского государства, и таким образом с легкостью побеждать на выборах.

Сталинская наука была так быстро освоена Берутом и его людьми, что тайные методы группы Палкина на этот раз не потребовались. О том, как все происходило, изложил в своей записке сам Палкин по возвращении из Варшавы. Его информацию Абакумов тут же отослал Сталину в донесении № 1894/А от 30 января 1947 года. Вот, что в нем говорилось. Группа специалистов Отдела «Д» МГБ выехала в Варшаву 10 января 1947 года. Берут, будучи не уверен в исходе выборов выразил удовлетворение по поводу ее приезда и «...с целью полного сохранения конспирации, одновременно наметил с руководством ППР проведение дополнительных мер, а именно: подмену избирательных урн в некоторых участках, подбрасывание в урны бюллетеней и изготовление в ряде комиссий, в которых не было доверенных лиц от партии Миколайчика, двух экземпляров протоколов, причем один из протоколов не имел цифр. Протокол без цифр подлежал дальнейшему оформлению тройкой ППР с целью получения необходимых цифр»[469].

Кардель. См.: Кардель Эдвард. *Тито и социалистическая революция Югославии.* Белград. 1980. С. 165–166.

[468] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 4. Д. 32. Л. 295–301.

[469] Там же. Л. 302–325.

Эти мероприятия, писал Палкин, дали свой результат и работа его группы не понадобилась. Они лишь давали технические советы полякам через советника МГБ Давыдова. Никто, кроме Берута и министра общественной безопасности Польши, о нахождении группы Палкина в Варшаве не знал. По информации Палкина, направленной Сталину, действительный процент поданных за демократический блок голосов был около 50%, а в сельских районах он составил около 70%[470].

Оставим эти цифры на совести Палкина. Отметим лишь, что, пустившись на всяческие махинации с протоколами, Берут и руководство ППР сделали невозможным точное определение реального соотношения политических симпатий польского общества. Наряду с этим проводились широкие репрессии и моральный террор. И здесь помогли направляющие указания Москвы. По итогам работы чекистов по «обеспечению выборов в польский законодательный сейм» советником МГБ Давыдовым была составлена докладная записка, которую Абакумов 14 февраля 1947 г. направил Сталину донесением № 2001/А. Основная работа, говорилось в записке, проводилась для того, чтобы парализовать деятельность партии Миколайчика – ПСЛ. Для этих целей через агентуру проводилось разложение партии, был организован массовый выход членов из ПСЛ. Для дезориентации членов партии Миколайчика «агентурные мероприятия» проводились через отколовшуюся от ПСЛ партию ПСЛ–«Нове вызволение»[471]. Широко проводились аресты и обыски членов ПСЛ, и об этом сообщалось в печати. С 1 октября 1946 года по 19 января 1947 года было закрыто 25 уездных комитетов ПСЛ, а всего перед выборами было закрыто 43 уездных комитета. За период с октября 1946 года по 19 января 1947 года было арестовано 1756 членов ПСЛ, «не считая массовых профилактических арестов за последние 2 недели перед выборами», добавляет автор записки. Не было забыто и «вооруженное подполье». С октября 1946 года и по день выборов было проведено 1207 операций, в итоге убито 600 человек, арестовано до 6000 человек[472].

Все это был общий фон, на котором организовывались «свободные выборы». А каков же был их механизм и скрытые пружины, обеспечившие

---

[470] Там же.
[471] Нове вызволение – в переводе на русский: новое освобождение.
[472] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 5. Д. 5. Л. 572–576.

коммунистам дальнейшую победу над оппозицией. Этому вопросу был посвящен целый раздел вышеупомянутого доклада Давыдова. Мы приведем этот фрагмент здесь целиком, ибо, на наш взгляд, этот комплекс мер и является концентрированным выражением способов контроля над обществом в полицейском государстве:

«Организационные и специальные мероприятия органов безопасности

Органы безопасности перед выборами и в момент голосования провели ряд организационных и специальных мероприятий.

Наиболее существенные из них были:

1.Обеспечение надлежащего партийного состава избирательных комиссий.

В участковых и окружных избирательных комиссиях был обеспечен значительный процент членов ППР (в участковых 63,3%, в окружных 39%)

Остальной состав обеспечивался за счет агентуры органов безопасности, надежных членов партий стронництво людове и стронництво демократичне, а также беспартийных.

Создано 3515 участковых комиссий, состоящих исключительно из членов ППР, что составляет 52,3% к общему числу комиссий.

Органами безопасности завербовано агентуры по участковым комиссиям 21777 чел. или 47,2%, по окружным 153 чел. или 43,3%.

2.Лишение избирательных прав реакционного и вражеского элемента.

На основании материалов органов безопасности всего по стране было лишено избирательных прав 409326 чел. или 3,03%.

3.Массовая вербовка агентуры и подкуп наиболее влиятельных среди населения лиц.

Органы общественной безопасности с целью обеспечения победы блока на выборах провели массовую вербовку агентуры среди населения, практикуя также подкуп наиболее влиятельных лиц.

По неполным данным таких лиц в период подготовки и проведения выборов завербовано 8698 чел. в том числе:

вуйтов (волостных старост)	1113
волостных писарей	1148
салтысов (сельских старост)	6090
ксендзов и других лиц католического духовенства	347

Эти мероприятия оказали серьезную помощь ППР, развернувшей агитационно-массовую работу по организации демонстративного открытого голосования за блок.

Завербованные руководители местных самоуправлений и влиятельные лица из числа католического духовенства организованно приводили на избирательные участки жителей своего села, волости, предприятия, парафии (прихода) и открыто голосовали за список № 3 (блок). В особенности широко эта работа проведена в деревне, где завербованные вуйты и солдаты были организаторами демонстративного открытого голосования.

Кроме 347 завербованных ксендзов были специально обработаны органами безопасности:

а) 74 ксендза, которые выступали в костелах и в своих проповедях призывали верующих голосовать за блок

б) 79 ксендзов являлись членами общественных комитетов и подписались под обращениями избирателей с призывом открыто голосовать за список № 3

в) 25 ксендзов выступали на общих предвыборных собраниях с призывом к избирателям отдать свои голоса за блок.

Открытое демонстративное голосование значительно повысило процент поданных голосов за блок и обеспечило успех демократическим партиям.

4.Организация наблюдения за иностранными корреспондентами.

Во время выборов в стране иностранных корреспондентов находилось 71 человек. Органы безопасности организовали за ними наблюдение, подставляли свою агентуру переводчиками, сопровождающими и в качестве собеседников из толпы избирателей. В результате иностранным корреспондентам не удалось собрать какой-либо серьезной, компрометирующей блок, информации. Поэтому они черпали ее из единственного источника – интервью Миколайчика.

5.Вербовка кандидатов в депутаты сейма.

Всего завербовано из числа зарегистрированных кандидатов в депутаты 81 человек. Из них оказались избранными в сейм 49 человек, в том числе:

членов ППС	5
членов стронництво людове	23
членов стронництво працы	7
членов стронництво демократичне	8
членов ПСЛ–»Нове вызволение»	6

от всех этих депутатов отобраны и хранятся в Министерстве их собственноручные недатированные заявления об отказе от депутатских полномочий.

Полковник (Давыдов)
14 февраля 1947 года
№ 2997»[473].

Этот документ, по праву может рассматриваться как «учебное пособие» по проведению «свободных выборов» в полицейской стране. Единственное, что в нем отсутствует, так это рецепты манипулирования прессой. Но они необходимы в условиях наличия свободной печати. В Польше ее к этому времени давно задавили. Пресса, находящаяся под контролем коммунистов занималась тем, что обеспечивала в пропагандистском духе все означенные в приведенном выше документе мероприятия. Информацией из Польши делилась с читателями и «Правда»:

[473] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 5. Д. 5. Л. 577–579.

– 9 и 10 января она сообщала о массовом выходе из ПСЛ[474].

– 17 января – о пресс-конференции перед иностранными журналистами премьера Осубка-Моравского, где тот назвал беспочвенными обвинения Миколайчика о зажиме его партии властями[475].

– 18 января – о пресс-конференции перед иностранными журналистами вице-премьера Гомулки, где тот заявил: «отдельные члены ПСЛ были арестованы не за принадлежность их к этой партии, а за связь с подпольем, либо за другие антигосударственные преступления.» и что, «соотношение сил, существующее сейчас, позволяет рассчитывать, что Миколайчику не удастся победить на выборах»[476].

– 19 января «Правда» писала о пресс-конференции перед иностранными журналистами генерального комиссара по выборам в сейм Бзовского, где тот заявил: «были лишены права голоса около 300 тыс. человек. Однако в результате апелляции 100 тыс. человек были вновь восстановлены в избирательных правах. Таким образом, количество избирателей, лишенных права голоса, составляет лишь 1,6 процента»[477].

– 20 января «Правда» с умилением расписывала, как в лучших советских традициях народ устраивал праздничное гуляние и танцы у избирательных участков и о том, что «попытки реакции дезорганизовать и скомпрометировать выборы не удаются», а в волости Бжезины 200 крестьян во главе с солтысом (старостой) снарядили 20 подвод и двинулись голосовать в соседнюю деревню[478].

– 21 января «Правда» писала, что, якобы по сообщению агентства Рейтер, «большинство иностранных корреспондентов заявило, что во время выборов сохранялась тайна голосования и не было проявлено видимого давления»[479].

– 22 января «Правда» поместила репортаж своего специального корреспондента Бориса Полевого из Варшавы под названием «Блестящая победа польской демократии». В статье говорилось об опубликовании предварительных данных по выборам в сейм Польши. Всего должно было быть

[474] *Правда.* 1947. 9, 10 января.
[475] *Правда.* 1947. 17 января.
[476] *Правда.* 1947. 18 января.
[477] *Правда.* 1947. 19 января.
[478] *Правда.* 1947. 20 января.

избранными 372 депутата. По предварительным данным, 327 мандатов получили партии демократического блока, а партия Миколайчика ПСЛ получила 24 мандата[480].

Далее в своем репортаже Борис Полевой писал: «Оскандалившийся на выборах Миколайчик сейчас стремится всячески оправдаться перед своими хозяевами – иностранными реакционерами. Он созывает ежедневно по три – четыре пресс-конференции и на них жалуется журналистам на «зажим», на то, что партии демократического блока якобы мешали ему проводить предвыборную кампанию, на то, что результаты выборов будто бы неточны». И, наконец, Полевой описал такую сцену:

> «Пан Миколайчик явился на выборы с целой свитой английских и американских корреспондентов. В очереди перед урной стояло несколько студентов в своих маленьких корпорантских фуражечках. В Польше, где высшее образование всегда было привилегией богатых, студенчество славится своими консервативными взглядами. Поэтому, желая щегольнуть перед своими англо-американскими спутниками, Миколайчик обратился к студентам с вопросом:
>
> – Ну как, друзья, за кого будем голосовать?
>
> Студенты молча показали ему бюллетени № 3
>
> – Это что за спектакль? – спросил смущенный Миколайчик.
>
> И тогда один из студентов, вспомнив серию разоблачавших Миколайчика статей «Примадонна одного сезона», опубликованных в польской печати известным польским журналистом Борейша, усмехаясь, сказал:
>
> – Этот спектакль, повидимому, последняя гастроль незадачливой примадонны.
>
> Студенты, стоявшие в очереди, и многочисленные избиратели захохотали, и Миколайчик бежал, сопровождаемый ироническими возгласами»[481].

Заканчивал свой репортаж Борис Полевой весьма патетически:

> «И что бы сейчас ни кричал обанкротившийся лидер реакции, к кому бы за границей он ни апеллировал, – того, что свершилось в исторический день 19 января, не скроешь от мировой общественности. Польский народ единодушно проголосовал за демократию»[482].

---

[479] *Правда.* 1947. 21 января.

[480] *Правда.* 1947. 22 января. Любопытный результат, если учесть, что по данным Палкина, приведенным выше, за демократический блок голосовали от 50 до 70 процентов. Интересно и другое, по данным Давыдова в сейм было избранно 49 агентов, то есть около 10% депутатов. Вспомним об отобранных подписках о сложении полномочий и поймем теперь насколько данный сейм, даже с видимым присутствием оппозиции был управляемым.

[481] *Правда.* 1947. 22 января.

[482] *Правда.* 1947. 22 января.

На самом деле, организованное лидерами ППР поражение Миколайчика на выборах в Сейм похоронило какие либо надежды на демократию в Польше. В стране продолжались репрессии проводимые органами МОБ. Партия ПСЛ была расколота, и в середине 1947 г. Миколайчик вынужден был эмигрировать из Польши.

Глава 4. Деятельность советников МГБ СССР в Венгрии по организации репрессий и показательного процесса Л.Райка. 1949 – 1953 гг.

История возникновения «дела Райка» и подготовки показательного процесса над ним, а также влияние этого дела на политический климат в Восточной Европе получили достаточное освещение в научной литературе[483]. И сам процесс, и многочисленные аресты лиц связанных с Ласло Райком не только в Венгрии, но и в соседних государствах, находившихся под контролем Москвы, стали серьезным поводом для репрессий и чисток в рядах правящих партий в странах Восточной Европы. Очевидно, тут играли большую роль советские советники МГБ, направленные для помощи в организации показательных процессов. До сих пор, наиболее полно об участии советских советников МГБ в этом деле писали в своих работах российские историки Г.П.Мурашко и А.Ф.Носкова, хотя в своем исследовании они совершенно не использовали архивные документы МГБ СССР[484]. Здесь мы постараемся восполнить этот пробел.

Прежде всего возникает вопрос, почему именно Райк стал жертвой? И кто стоял за его арестом? Еще в августе 1948 г. до Москвы дошла информация о «бонапартистских» замашках Райка и его «недружелюбным отношением к Советскому Союзу»[485]. И если на «бонапартистские» замашки Москва еще могла смотреть спокойно, то второе обвинение было более чем серьезно, при том, что в этот момент Райк возглавил министерство иностранных дел Венгрии. И хотя считается, что выбор Райка на роль потенциальной жертвы был сделан в Будапеште и явился «неожиданностью»[486] для Москвы, но все же в 1948 г. речь могла идти лишь о политической чистке, а уж перспектива будущего ареста и судебного процесса пока никак не просматривалась. Венгерское руководство к

---

[483] См., например: Punkosti A. *Rakosi a csucson. 1948–1953.* Budapest, 1996; Желицки Б.Й. *Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г.* // *Новая и новейшая история.* 2001. № 2. С. 125–138, № 3. С. 166–186.

[484] Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. *Советское руководство и политические процессы Т.Костова и Л.Райка.* // *Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы.* М. 1999. С. 23–35.

[485] Именно такую мотивировку привел 2 августа 1948 г. Э.Гере в беседе с послом СССР в Венгрии, объяснив таким образом перемещение Райка из министров внутренних дел на должность министра иностранных дел. См.: Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., *указ. соч.* С. 27–28.

[486] Там же. С. 28.

таким крайностям политической борьбы не только не было готово, но и даже не помышляло о таком.

Лишь углублявшийся конфликт Сталина с Тито заметно накалил и драматизировал обстановку. Поэтому, вероятнее всего, не недовольство Ракоши и Гере сыграло свою роль в решении судьбы Райка. А именно обстоятельства его политической биографии стали определяющими. Райк принадлежал к редкой плеяде коммунистических деятелей, никогда не бывавших в длительной эмиграции в Москве. Член коммунистической партии Венгрии с 1931 г., он воевал в Испании в интернациональных бригадах, а от преследований венгерских властей предпочитал скрываться не в СССР, а во Франции или Чехословакии[487]. В подготовленной в секретариате Информбюро коммунистических партий справке о Ласло Райке и датированной апрелем 1949 г. утверждалось, что он будучи с марта 1946 по август 1948 г. министром внутренних дел Венгрии «пытался отстранить от руководящих должностей в политической полиции тех коммунистов, которые находились ранее в СССР, принимали участие в советских партизанских отрядах и т.п.». Помимо этого говорилось: «Райк в свое время решительно отказался от советских советников при министре внутренних дел. При ликвидации Союзной контрольной комиссии и наших особых органов в Венгрии Райк требовал передачи советской агентуры, находящейся в Венгрии, министерству внутренних дел. После отказа Райк неоднократно просил списки агентов», кроме того, здесь же припоминалась и ставилась в вину Райку его попытка «роспуска в ноябре 1947 г. партийных организаций внутри полиции»[488]. Судя по всему, среди высшего венгерского руководства не было более удобной фигуры для публичного разоблачения в качестве противника СССР (а отсюда, следовательно, сторонника Тито).

Некоторый свет на причины развернувшейся в Венгрии кампании разоблачения сторонников линии Тито – «титовских агентов» также может пролить справка, составленная кадровым советским разведчиком – советником

[487] Подробная биографическая справка на Л.Райка была составлена в апреле 1949 г. советским функционером в секретариате Информбюро. В ней не только делался явный акцент на темные моменты его биографии и подозрительные родственные связи, но и содержались политические обвинения (см.: *Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953.* Москва–Новосибирск. 1998. Т. 2. С. 64–67).

Посольства СССР в Венгрии А.В.Тишковым[489] 18 июня 1949 г. В ней, в частности говорилось насколько далеко зашло венгерское руководство в своих симпатиях к Тито, когда отношения двух стран скорее были похожи на «трогательную дружбу». Здесь же Тишков напоминал, что «когда Тито приезжал в конце 1947 года в Венгрию, его приезд был организован с такой помпой, что народ до сих пор вспоминает его с изумлением», а также о том, что именно Райк, действуя в интересах югославов, «ухитрился утвердить» устав «демократического союза южных славян Венгрии», который строился исключительно как объединение по национальному признаку и «членство в нем ставится выше партийной принадлежности»[490]. И тут же Тишков отмечал, что в настоящий момент отношения между Венгрией и Югославией до крайности обострены. Это обострение произошло сразу же после июньской (1948 г.) резолюции Информбюро коммунистических партий[491].

Ракоши, забыв о былой «трогательной дружбе», уже на совещании Информбюро в июне 1948 г. был одним из наиболее яростных критиков Тито и его политики[492]. И неудивительно, что в демонстрации своего размежевания с бывшим союзником ему необходимо было доказать свою преданность прежде всего Сталину.

Теперь, весной 1949 г. Ракоши хотел подтвердить незыблемость своей антиюгославской линии такими шагами, которые были бы понятны Сталину. И не было ничего лучше, чем провести аресты и устроить процесс по делу «агентов Тито» пробравшихся в высшее венгерское руководство. Такая демонстрации и была нужна Сталину. Уже в начале июня 1949 г. Ракоши упомянул в своей статье «Югославские троцкисты – штурмовой отряд

---

[488] Там же. Любопытно, что эта справка была направлена в ЦК ВКП(б) в Москву 19 мая 1949 г. незадолго до ареста Райка. Вполне вероятно, что в Москве уже знали, кто будет следующей жертвой чистки в Венгрии.

[489] В сборнике *Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953.* Москва–Новосибирск. 1998. Т. 2. С. 145–151, где опубликован этот документ, автором справки указан А.Н.Тишков – советник Посольства СССР в Венгрии. На самом деле речь идет об Арсении Васильевиче Тишкове (1909–1979), кадровом советском разведчике, работавшим с октября 1946 г. до 1949 г. резидентом МГБ СССР, а затем Комитета Информации в Венгрии. Дипломатическим прикрытием его работы сначала была должность советника посольства, а затем должность Посла СССР в Венгрии. Подробнее см. о нем: *Ветераны внешней разведки СССР*. М. 1995. С. 140–141.

[490] *Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953.* Москва–Новосибирск. 1998. Т. 2. С. 150.

[491] *Правда.* 1948. 29 июня.

[492] *Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы.* М. 1998. С. 486.

империализма» имена «агентов Тито» посланных в Венгрию для подрывной и шпионской работы, хотя пока речь еще не шла о венграх[493].

Ракоши дважды 12 и 13 мая 1949 г. собирал у себя на квартире ближайших соратников и делился впечатлениями о своих былых беседах со Сталиным. Оба раза на беседах присутствовал и Ласло Райк[494]. Казалось бы, ничего не предвещало его грядущего ареста. Тем более, если учесть, что поводом встреч и бесед у Ракоши была необходимость обсуждения деликатных вопросов деятельности оказавшихся в Венгрии югославских деятелей ставших в оппозицию Тито.

Однако, тучи над его головой Райка уже сгустились. В апреле 1949 г., как об этом пишет в своих воспоминаниях Ракоши[495] ему доложили из военной разведки о том, что Тибор Сеньи – заведующий кадровым отделом Центрального Руководства Венгерской коммунистической партии в годы войны – работал вместе с Алленом Даллесом в Швейцарии[496]. Само это сообщение, якобы, было получено от венгерского агента в Швейцарии. Ракоши, по его признанию, сразу же пришла на ум зловещая аналогия с советским 1937 годом.

По словам Ракоши он пригласил к себе советского советника по линии госбезопасности и рассказал ему о деле Сеньи, и тот вовсе не удивился этому сообщению, добавив лишь, что и в СССР сейчас расследуется важное дело[497], в котором замешаны «ответственные люди»[498]. Надо полагать, что неназванный Ракоши советский представитель, скорее всего, таким образом, прозрачно намекнул на необходимость развития этого дела.

Но моментального, как это можно было бы ожидать, ареста Сеньи не произошло. Этому предшествовали еще некоторые аресты, некоторым образом проясняющие механизм возникновения подобных дел. И речь шла вовсе не о проверке сигнала разведки о подозрительных связях Сеньи, а скорее о сборе дополнительного материала. По просьбе венгерского руководства в Праге чехословацкими органами госбезопасности был негласно арестован и передан

---

[493] *Правда.* 1949. 5 июня.
[494] *Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953.* Москва–Новосибирск. 1998. Т. 2. С. 98–99.
[495] Воспоминания Ракоши см.: *Людям свойственно ошибаться.* Публикаторы А.В.Коротков, В.Т.Середа, А.Д.Чернев, А.А.Чернобаев. // *Исторический архив.* 1997. № 3. С110.
[496] На самом деле никакой прямой связи между ними не было. Сеньи, как об этом будет сказано дальше, был связан с Ноэлем Филдом, который, в свою очередь, имел контакты с Даллесом.
[497] Вероятно, это был намек на «Ленинградское дело».
[498] *Исторический архив.* 1997. № 3. С. 110–111.

венграм «бывший сотрудник Госдепартамента США Ноэль Филд»[499]. На самом деле, бывший до 1940 г. агентом НКВД, Филд был арестован при «участии советских спецслужб» и понадобился он лишь затем, что в годы войны работая в Швейцарии (где был и Сеньи) также имел тесные контакты с А.Даллесом, хотя известно, что одновременно он помогал и коммунистам[500]. Именно с ним, а не напрямую с Даллесом, и был связан в Швейцарии Сеньи[501]. Хотя, в начале 1945 г. перед самым возвращением венгерских коммунистов из Швейцарии на родину, чему способствовала американская армия, одна встреча Сеньи непосредственно с Даллесом все же имела место. Но об этом контакте Сеньи поставил в известность руководство компартии[502]. Без нужных показаний Филда арест Сеньи вряд ли был возможен. Нет сомнений, бывший советский агент быстро понял что от него хотят и дал показания на Сеньи.

Сеньи был арестован 16 мая 1949 г. и вскоре на допросе у Петера Габора (начальника УГБ[503] МВД Венгрии) дал показания о том, что вел в Венгрии шпионаж в пользу США и его «старшим связным» был Ласло Райк. Теперь у этого дела были более или менее ясные перспективы. К сожалению, в воспоминаниях Ракоши отсутствуют изъятые им самим несколько важных страниц как раз посвященных возникновению дела на самого Райка. Скорее всего, о возможности ареста Райка Ракоши советовался со Сталиным. Вскоре после сделанного под пытками признания Сеньи, 30 мая 1949 г. был арестован Райк[504].

Первоначально за ход следствия по делу Райка и других арестованных отвечал Петер Габор, а направление всему расследованию задавал сам Ракоши[505]. Позднее, среди отвечавших за ведение дела назывались имена министра обороны Михая Фаркаша и министра внутренних дел Яноша

---

[499] ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 3. Д. 36. Л. 107–120. Так по крайней мере описано это событие в документах КГБ. В действительности Филд был членом компартии США и в годы войны руководил благотворительной организацией Unitarian Service Committee. См. также: *Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953.* Москва–Новосибирск. 1998. Т. 2. С. 229. прим. 10.
[500] *Исторический Архив.* 1997. № 3. С. 146–147.
[501] Воспоминания Ракоши. // *Исторический Архив.* 1997. № 3. С. 111.
[502] *Исторический Архив 1997.* № 3. С. 147.
[503] Управление государственной безопасности Министерства внутренних дел.
[504] *Исторический архив.* 1997. № 3. С. 146–147. См. также: *Советский Союз и венгерский кризис 1956 года.* М. 1998. С. 808.
[505] Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. *Советское руководство и политические процессы Т.Костова и Л.Райка.* // *Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы.* М. 1999. С. 29.

Кадара[506]. Непосредственно вели дело начальник следственного отдела УГБ МВД Венгрии Дюла Дечи, начальник отдела контрразведки УГБ МВД Венгрии Иштван Декан и сотрудник УГБ Владимир Фаркаш (сын Михая Фаркаша)[507].

Похоже, что Райк на первых порах после ареста вообще не давал никаких показаний[508]. А сама ситуация с арестом советских агентов, пусть и бывших, не могла не тревожить Москву. Об этом 20 июня 1949 г. Абакумов получил пространную телеграмму от, часто наведывавшегося в Будапешт для связи с агентами, генерал-лейтенанта М.И.Белкина – начальника управления контрразведки МГБ СССР по Центральной группе войск. В ней говорилось, что в производстве венгерских органов госбезопасности находится дело Ноэля Филда и его агентуры в Венгрии. Всего по делу арестовано до 40 человек и, в том числе крупные работники: Райк, а также члены Центрального Руководства Юстус и Сеньи. Белкин писал, что показания Филда и Сеньи «сомнительны». Ссылаясь на сообщение советских агентов в системе УГБ Венгрии Петера Габора и Сюч[509], Белкин далее писал:

> «…следствие по делу Фильд и других фактически ведется под непосредственным и постоянным руководством и контролем двух членов Политбюро ЦК ВПТ Фаркаша – военый министр и Кадара – министр внутренних дел. Оба эти товарища и им подчиненные следователи из МВД совершенно сознательно при допросах применяют к арестованным крайние меры физического воздействия (без учета определенных границ и последствий). Не объективно и провокационно записываются показания арестованных. Стоит арестованному назвать какую-нибудь фамилию в качестве своего знакомого, как следователь приписывает этой фамилии «шпион», «троцкист» и т.п. из одного дела делают организацию.
>
> На объективные замечания нашей агентуры в системе МВД Венгрии о недопустимости таких «методов», внимание не обращается.
>
> К настоящему времени основные арестованные то подтверждают свои предыдущие показания, то от них отказываются.
>
> 2. В связи с такими методами следствия совершенно невозможно определить, что правда и что вымысел в показаниях арестованных. Пока определенно можно сказать, что показания Фильд и других арестованных относительно стремлений Европейского центра разведслужбы США по каналам эмиграции внедрить свою агентуру в

[506] ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 3. Д. 36. Л. 107–122.
[507] Там же. Оп.1. Д. 28. Л. 369–371.
[508] Косвенно это подтверждается высказыванием заместителя Генерального секретаря ЦК ВПТ М.Фаркаша в беседе с С.Г.Заволжским, о чем 11 июля 1949 г. было сообщено в Коминформ Л.С.Баранову, и в частности: «…На днях Райк начал впервые давать отдельные показания» (*Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953.* Москва–Новосибирск. 1998. Т. 2. С. 179).
[509] Заместитель начальника УГБ МВД Венгрии.

партийные и государственные аппараты стран народной демократии и советской зоны Германии – правильны, остальные же требуют очень тщательной и глубокой проверки со стороны объективного следователя без вмешательства упомянутых выше Фаркаша и Кадара.

3. Тов. Ракоши очевидно понимает, что в этом деле что-то неладно и чувствует явную запутанность. В связи с этим Ракоши неоднократно обращался ко мне с просьбой помочь ему и венгерским органам государственной безопасности разобраться в этом деле и поставить его на правильные рельсы следствия.

Насколько я понимаю, Ракоши хочет на базе дела Фильд, Сеньи, Райк, Юстус и других погромить троцкистское подполье в Венгрии.

Об этой своей просьбе помочь, Ракоши 20 июня 1949 года написал в Москву в ЦК товарищу Сталину.

4. Полагаю, что МГБ СССР имеет смысл практически помочь венгерским товарищам объективно разобраться и далее поставить на правильный ход следствие по этому запутанному делу.

Прошу Ваших указаний. Белкин.
20.06.1949. 18–00.»[510].

В тот же день Абакумов был принят Сталиным в кремлевском кабинете[511] и по результатам беседы сделал на документе помету: «Доложено лично тов. Сталину И.В. Предложено послать на место т.т. Белкина и Макарова, тщательно и объективно рассмотреть дело и результаты доложить. В.Абакумов 20.06.49»[512].

Итак, Сталин 20 июня 1949 г. принял решение направить в Будапешт опытных чекистов генерал-лейтенанта М.И.Белкина (начальника Управления контрразведки МГБ СССР по Центральной группе войск) и полковника Н.И.Макарова (начальника отдела 2 главного управления МГБ СССР) для помощи в проведении следствия по делу Райка. Внешне их командировка в Венгрию выглядела как выполнение соответствующей просьбы Ракоши[513].

По приезде в Будапешт (Белкин из Вены, а Макаров из Москвы) советские чекисты первым делом подвергли проверке и ревизии все ранее полученные венграми показания арестованных. Они немедленно сообщили в Москву, что показания арестованных по делу были получены с помощью

[510] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 27. Л. 412–414.
[511] Абакумов был принят Сталиным 20 июня 1949 г. в 22–05. К этому времени в кабинете уже находились Молотов, Берия и Маленков. Из МГБ вместе с Абакумовым прибыли С.И.Огольцов, И.Г.Шевелев и А.И.Копытцев, а из Комитета Информации П.В.Федотов. См. *Исторический архив.* 1996. № 5–6. С. 56.
[512] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 27. Л. 412–414.
[513] Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. *Советское руководство и политические процессы Т.Костова и Л.Райка.* // *Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы.* М. 1999. С. 29.

«физических методов воздействия» и «угроз», что привело «к явно фантастическим показаниям»[514].

Белкин и Макаров 8 июля 1949 г. в своем сообщении на имя Абакумова (которое тот на следующий день направил Сталину) сообщили подробности о ходе дела Райка и его показаниях, которые они обещали выслать уже «сегодня ночью» после перевода на русский язык[515]. Сразу же после приезда в Будапешт Белкин и Макаров имели беседу с Ракоши. После ознакомления с делом Райка, 2 и 4 июля их вновь принял Ракоши и изложил свои соображения. Венгерский лидер заявил, что суд над Райком должен быть направлен на «разоблачение клики Тито, а дело Райка не должно быть использовано для чистки венгерского руководства от троцкистских и националистических элементов, «ибо время для этого еще не пришло»[516]. Эта фраза вряд ли случайна, тем более что она противоречит предыдущей информации Белкина о намерении Ракоши «погромить троцкистское подполье». Пожалуй, она ясно указывает на возникшие тайные опасения венгерского руководителя, что миссия Белкина и Макарова в Будапеште помимо расследования дела Райка может иметь и иную цель. Например, намерение Москвы провести тотальную чистку среди венгерских руководителей. Поэтому Ракоши довольно прозрачно намекнул советским советникам, что в этом деле важен политический результат: «тов. Ракоши рассчитывает и хочет, – писали Белкин и Макаров, – чтобы венгерские органы государственной безопасности в деле Райка и других арестованных позволили себе определенную натяжку»[517]. Свои мысли о политическом направлении в расследовании дела Ракоши изложил на встрече с Белкиным и Макаровым 4 июля. Он попросту заявил, что Райк должен дать показания по следующим пунктам: Райк и его люди хотели убить Ракоши, а также имели своих приверженцев в армии – генерала Палфи и генерала Шойом. Тут же Ракоши пояснил, что у него нет конкретных обвинений против этих генералов «но он чувствует, что это националисты, приверженцы Райка, враги Венгрии и Советского Союза, ориентирующиеся на англо-американцев и их надо убрать»[518]. Кроме того, по мысли Ракоши, Райк должен был дать показания о

[514] Там же.
[515] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 10. Л. 227–247.
[516] Там же.
[517] Там же.
[518] Там же.

том, что Тито «по заданию американцев» после решения Информбюро собирался созвать тайную конференцию своих сторонников, что сам Райк имел шифровальную связь с англо-американцами и с Тито и Ранковичем и, наконец, что Тито и Ранкович хотели использовать в Болгарии Трайчо Костова, так же как использовали Райка в Венгрии[519].

Сообщение Белкина и Макарова внимательно изучил Сталин и через министра госбезопасности В.С.Абакумова передал свои инструкции, как дальше вести дело. Это видно из короткой резолюции Абакумова на документе: «Указания тов. Сталина И.В. переданы т.Белкину. Абакумов. 12.07.49»[520].

Впоследствии Габор Петер признал надуманность материалов следствия, и что никакого сговора Райка с Ранковичем не было, и прояснил истинную роль Белкина в фабрикации всего дела: «Я не фиксировал фальсифицированные показания. Они всегда рождались тогда, когда Райк и Белкин (бывший работник МГБ СССР…) были наедине в комнате и меня даже не пускали туда. Об этом знают Фаркаш Владимир (начальник отдела УГБ Венгрии), Декан (ныне заместитель министра внутренних дел Венгрии) и другие, которые руководили следствием по делу Райка». И далее Петер пояснил, что дело Райка было создано ЦК ВПТ[521], «а следствием руководил Белкин, который часто ездил в ЦК ВПТ для консультации по этому делу»[522].

Уже на следующий день после беседы Ракоши с Белкиным и Макаровым 5 июля 1949 г. был арестован заместитель министра обороны Венгрии Дердь Палфи. Он тоже стал обвиняемым по делу Райка[523].

История приобщения югославского гражданина, серба Лазара Бранкова к делу Райка более запутанна. Тем не менее, она тоже проливает достаточный свет на тайный механизм ведения дела Райка, и проясняет роль советской стороны в фальсификации антиюгославских обвинений, прозвучавших позднее на самом процессе. Бранков был дипломатом – поверенным в делах Югославии в Будапеште и одновременно резидентом югославской госбезопасности

[519] Там же.
[520] Там же. Л. 227.
[521] Центральный Комитет Венгерской Партии Трудящихся.
[522] Эти показания Петер дал находясь в заключении в октябре 1954 г. когда стали пересматриваться следственные материалы на Райка. При этом Петер, опасаясь за свою жизнь, требовал, чтобы его обязательно выслушали советские представители. См.: ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 1. Д. 28. Л. 369–371.
[523] *Исторический Архив.* 1997. № 3. С. 149.

(УДБ)[524]. После антиюгославской резолюции Информбюро в июне 1948 г. он встал на сторону Кремля и в конце 1948 г. ушел из Югославского посольства и попросил убежища в Венгрии, а позднее переехал в Москву, где и был 19 июня 1949 г. арестован. Перемещение его в Москву вполне объясняло то обстоятельство, что помимо прочего Бранков был и советским агентом. Об этом Абакумов писал Сталину в июле 1949 г., когда венгры стали добиваться его передачи для использования в деле Райка[525].

В Москве арестованного Бранкова обвинили в том, что он скрыл от Комитета информации при СМ СССР[526] «свои связи с Тито и Ранковичем» и то, что они «вошли в сговор с Л.Райком», а сам Бранков, якобы с марта 1948 г. по заданию Тито и Ранковича «проводил вредительскую линию» в Посольстве Югославии в Венгрии[527]. Протокол допроса с нужными «признаниями» Бранкова министр госбезопасности Абакумов направил Сталину 8 июля 1949 г.[528] В этот же день состоялся телефонный разговор Ракоши со Сталиным, в котором венгерский лидер просил о передаче из СССР в Венгрию Бранкова. Правда, Ракоши не понял, что разговаривал с самим Сталиным. Человек беседовавший с ним по телефону был представлен как «товарищ Филиппов»[529]. Прояснилось это в ходе другого телефонного разговора Ракоши с Абакумовым, который состоялся в воскресенье 10 июля 1949 г. Об этом разговоре Абакумов доложил Сталину на следующий день 11 июля. В записке (№ 5652/А) он писал что в воскресенье утром ему позвонил Ракоши и просил скорее передать Бранкова венграм. Далее Абакумов пишет: «Когда я сказал тов. Ракоши, что он об этом говорил с товарищем Филипповым, он, как это видно было по разговору, не знал, с кем он разговаривал в пятницу под фамилией товарища Филиппова, но затем спохватившись сказал: «Ага, теперь я понимаю кто такой

[524] Там же. С. 152.
[525] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 10. Л. 248–250.
[526] Комитет Информации при Совете Министров СССР был создан 30 мая 1947 г. Он объединил всю советскую внешнеполитическую разведку. В частности, в его состав, наряду с военной разведкой было передана и разведка из министерства государственной безопасности – 1 главное управление МГБ СССР.
[527] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 10. Л. 248–250.
[528] Там же.
[529] В целях конспирации советские лидеры пользовались в шифровальной переписке псевдонимами. Так, в конце 40-х Сталин подписывал телеграммы как «тов. Филиппов», Маленков – «Максимов», Жданов – «Журавлев», Суслов – «Сорокин». См.: *Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы*. М. 1998. С. 486–488.

товарищ Филиппов»[530]. Абакумов также сообщил Сталину о том, что Ракоши не понимает, почему на его просьбы о Бранкове, посол СССР в Венгрии Тишков и Вышинский «отводили его от этого дела». Далее Абакумов сообщил некоторые подробности о работе Бранкова на советскую разведку. Он работал в Венгрии по заданиям Комитета Информации (что от Ракоши, естественно было скрыто) и имел 40 агентов. Завершил свое сообщение Абакумов традиционной фразой «Прошу Ваших указаний»[531].

После телефонной беседы с Ракоши Сталин дал указание Абакумову направить в Будапешт протокол допроса Бранкова, причем строго конспиративно и лично в руки Ракоши. В архиве отложилась записка, свидетельствующая об этом:

> «Товарищ Ракоши.
>
> По указанию товарища Филиппова, с подателем сего, направляю Вам протокол допроса Бранкова.
>
> В получении протокола прошу Вас расписаться на данной записке и вернуть ее мне.
>
> 9 июля 1949 г. Борисов[532]»[533].

На этой записке имеется и расписка сделанная самим Ракоши по-русски: «Получил 9-го июля, 16 часов. Будапешт М.И.Ракоши»[534]. Точно таким же способом следующий протокол допроса Бранкова был направлен Ракоши 19 июля 1949 г.[535]

Разговор Ракоши с «тов. Филипповым» 8 июля 1949 г. вызвал и другие последствия. Ракоши убедился в необходимости советской помощи в расследовании дела Райка и, кроме того, стал высказываться более осторожно. Об этом свидетельствует, отправленное по горячим следам, сообщение Белкина в Москву на имя министра Абакумова от 9 июля:

> «…После разговора с тов. Филипповым, Ракоши значительно меньше «хочет крови» в деле Райка. Он уже говорит об объективности, о тщательном продумывании перед всяким арестом и т.п.
>
> Он также теперь уже явно показывает, что ему необходима в деле подготовки судебного процесса, а также предварительного следствия, помощь органов безопасности СССР.

---

[530] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 10. Л. 155–157.
[531] Там же. Л. 155–157.
[532] Это конспиративный псевдоним Абакумова, которым он пользовался подписывая документы МГБ исходящие за границу.
[533] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 27. Л. 405.
[534] Там же.
[535] Там же. Л. 406.

Наше мнение, что без этой помощи венгерские органы безопасности, как в предварительном следствии, так в подготовке процесса и проведении самого процесса могут наделать больших глупостей, допустить ряд элементов, которые могут скомпрометировать все следствие и процесс.

Прошу Ваших дальнейших указаний»[536].

Между тем, в Будапеште был нужен Бранков. Без его показаний следствие буксовало. Полагая, что на Москву стоит жать со всех сторон, Ракоши в начале июля 1949 г. заговорил о Бранкове и с сотрудником аппарата Информбюро С.Г.Заволжским[537] во время его пребывания в Будапеште, утверждая, что тот является «югославским шпионом» и «служил связным между Райком и Ранковичем». При этом Ракоши с уверенностью заявил: «Нам в данное время было бы легко разоблачить Бранкова»[538]. В этой же беседе Ракоши высказал свои предположения, будто «имеется единая цепь шпионажа в странах народной демократии», сославшись при этом в первую очередь на Чехословакию[539]. Эта мысль могла вызвать у Сталина только одобрение.

В конце концов, Сталин решился на передачу Бранкова. Эта миссия была поручена высокопоставленному сотруднику МГБ полковнику В.П.Сюганову. О выполнении задания Абакумову было доложено рапортом от 21 июля 1949 г.: «Докладываю, Ваше задание от 15 июля с.г. выполнил. Известное Вам лицо передал лично начальнику УГБ МВД Венгрии генерал-лейтенанту Петер Габор»[540]. И далее следовала расписка Петера, в том, что 19 июля 1949 г. от начальника конвоя полковника Сюганова им принят арестованный Бранков Лазар[541].

Ракоши торжествовал. Теперь у него был хорошо подготовленный (причем не где-нибудь, а в Москве!) будущий участник процесса. И вовсе не случайно, что именно Бранков сделал на судебном процессе Райка самые сенсационные разоблачения «клики Тито». Он утверждал, что чуть ли не все поголовно в титовском руководстве являются американскими агентами, а сам

[536] Там же. Д. 27. Л. 173–176.
[537] Не без основания полагая, что содержание и этой беседы дойдет до Сталина.
[538] *Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953.* Москва–Новосибирск. 1998. Т. 2. С. 182.
[539] Там же.
[540] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 27. Л. 410.
[541] Там же. Л. 411.

Тито имеет «планы» по организации заговоров в Польше, Румынии, Чехословакии и т.д.[542]

Но если сведения о сотрудничестве Бранкова с советской разведкой от Ракоши удалось скрыть, то в случае с заместителем министра обороны Палфи произошла неприглядная история, которая имела вполне серьезные последствия. Основываясь на сообщении Белкина и Макарова из Будапешта, Абакумов 21 июля 1949 г. проинформировал Сталина (№ 5689/А) об обстоятельствах ареста венгерской безопасностью Палфи[543]. При аресте была обнаружена шпионская амуниция, а именно средства тайной связи – радиопередатчик и шифры[544]. Довольно быстро венгры установили, что Палфи был связан с советской военной разведкой через советского военного атташе в Будапеште полковника М.А.Малевского[545]. Обо всем этом с «обидой» Ракоши рассказал Белкину и Макарову, которые, в свою очередь, о конфузе немедленно доложили Абакумову, а тот, естественно, Сталину[546].

В своих мемуарах Ракоши пишет, как он сначала не мог поверить в то, что Палфи советский агент: «Я даже рассердился за наивность на наши ораны, которые полагали, что в то время, когда советские советники находились повсюду в нашей армии, Советский Союз мог использовать такие методы». Но уточнив информацию Ракоши «не без досады узнал, что речь действительно идет о советской радиоаппаратуре»[547].

Именно с этим инцидентом было связано важнейшее решение Сталина, послужившее поворотным пунктом во взаимоотношениях СССР и стран советского блока. Речь шла о запрещении разведывательной работы в странах «народной демократии». Первый вариант проекта решения об этом был представлен Г.М.Маленкову (вне всякого сомнения, это было сделано по поручению Сталина) уже 25 июля 1949 г.[548] В последующие несколько дней Абакумов направлял Маленкову переработанные варианты этого решения, в

[542] *Исторический Архив.* 1997. № 3. С. 152.
[543] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 11. Л. 276–277.
[544] Белкин и Макаров писали в своем сообщении о шифрах (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 11. Л. 276–277.), тогда как Ракоши в своих мемуарах указывает на изъятый при аресте Палфи радиопередатчик советского производства (*Исторический Архив.* 1997. № 3. С. 116).
[545] Палфи был с 1945 г. агентом ГРУ Генерального штаба Красной Армии. См.: *Исторический Архив.* 1997. № 3. С. 149.
[546] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 11. Л. 276–277.
[547] *Исторический Архив.* 1997. № 3. С. 116.
[548] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 11. Л. 215–217.

одном из которых, в частности, предлагалось отозвать из Венгрии Тишкова и Малевского «за ошибки в разведывательной работе»[549]. Но в окончательный вариант это не попало, и они оба были просто отозваны из Венгрии[550]. Решение было принято Сталиным 2 августа 1949 г. и оформлено как Постановление Совета Министров СССР[551].

Позднее, на встрече со Сталиным, состоявшейся 20 августа 1949 г. Ракоши затронул этот вопрос. Вот как он об этом пишет:

> «При встрече со Сталиным я упомянул об этом вопросе, в нескольких словах посетовав: мол, как можно строить армию и партию, когда тайно вербуют первого заместителя министра обороны и члена Центрального Руководства партии. Что это за разведка, которая прибегает к подобным методам? Я предлагаю, сказал я Сталину, поинтересоваться, что там происходит. В первый и в последний раз в своей жизни я видел Сталина в состоянии, которое можно назвать замешательством. Он сказал, что знает об этом случае, уже распорядился, и что разрабатывается предложение, которое урегулирует этот вопрос. Вскоре я получил предложения по вопросам обмена военной информацией. На этом проблема была закрыта»[552].

Конечно, не ожидавший такой прямоты от Ракоши, Сталин не смог скрыть свое замешательство, хотя и, по обыкновению, слукавил. Вопрос уже был к этому времени решен.

В начале июля 1949 г. Сталин внимательно следит за ходом расследования дела Райка и регулярно получает материалы присылаемые из Будапешта. Так, 10 июля 1949 г. (за № 5651/А) Абакумов направил Сталину протоколы допросов Райка за 1 и 2 июля (допросы были проведены полковником полиции Сюч) и 11 июля (за № 5653/А) в дополнение к ним протоколы остальных показаний Райка[553].

---

[549] Там же. Л. 147–159, 176–182.

[550] Короткое время, с апреля по август 1949 г. Тишков, наряду с выполнением своих разведывательных заданий одновременно занимал пост Чрезвычайного и полномочного посла СССР в Венгрии. От должности посла он был освобожден постановлением СМ СССР № 3309–1385сс от 2 августа 1949 г. «Вопросы разведки» запретившем ведение разведывательной деятельности против т.н. «стран народной демократии». Тем не менее, Тишков оставался в Венгрии вплоть до октября 1949 г. улаживая и закрывая дела своей резидентуры. Позднее в служебной характеристике А.В.Тишкова говорилось о том, что он 5 лет был резидентом советской разведки в Югославии и Венгрии, выполнял задачи «добросовестно» и проявил себя «опытным и способным руководителем», однако «в 1949 году допустил ошибку в разведывательной работе, за что решением ЦК ВКП(б) отозван из Венгрии» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 741. Л. 109).

[551] АП РФ. Ф. 93. Постановление СМ СССР «Вопросы разведки» № 3309–1385сс от 2 августа 1949 г.

[552] *Исторический Архив.* 1997. № 3. С. 116.

[553] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 10. Л. 143–154, 157–195.

И в дальнейшем внимание Сталина к ходу и материалам допросов Райка не ослабевало. Это видно из докладной записки Абакумова от 5 августа 1949 г. (№ 5758/А)[554], к которой также было приложено более 250 листов очередных протоколов следствия[555]. Здесь же Абакумов направил Сталину сообщение Белкина и Макарова. В нем говорилось о только что полученных показаниях Райка о деталях его конспиративного совещания» с Ранковичем в октябре 1948 г. и о «планах» Тито. Подготовка процесса над Райком вступала в завершающую стадию. И из общения с венгерским лидером советские советники сделали следующий вывод: «тов. Ракоши считает, что это все, что следовало получить от Райка Ласло и в такой стадии он может быть допущен к процессу» и добавляли от себя: «Райк держится твердо и готовится выступать на процессе с разоблачением клики Тито и его агентуры в Венгрии в рамках своих показаний»[556]. Белкин и Макаров напомнили Абакумову, что «присутствовали на допросах» и других обвиняемых по этому делу, подчеркнув тем самым свою уверенность в незыблемости конструкции обвинения. По их словам, Ракоши решил закончить расследование дела не позднее 13 августа с тем, чтобы к 15 августа подготовить обвинительное заключение и представить его «тов. Филиппову», а сам судебный процесс начать 15 сентября 1949 г. и закончить в течение 5 – 6 дней[557]. В конце сообщения они заверяли Абакумова: «В соответствии с Вашим указанием мы принимаем все меры к тому, чтобы дело было в полном порядке, участвуем в допросах арестованных, помогаем следователям и через них проводим необходимую документацию показаний обвиняемых и свидетелей»[558].

И все же открытый процесс требовал твердых гарантий успеха. И напряженная «работа» с будущими его участниками продолжалась. О ее серьезности можно судить по приведенной ниже целиком (настолько она важна и показательна) информации из Будапешта. Это была докладная записка Белкина и Макарова, текст которой Абакумов 19 августа 1949 г. (№ 5813/А)[559] направил Сталину:

[554] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 12. Л. 34–46.
[555] Там же. Л. 47–320.
[556] Там же. Л. 34–46.
[557] Там же.
[558] Там же.
[559] Текст сопроводительной записки Абакумова см.: ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 14. Л. 254.

«Министру государственной безопасности Союза ССР тов. Абакумову.

Докладываем Вам о дальнейшей работе, которую ведем по делу Райка, Бранкова, Палфи и других.

а. Ежедневно работаем персонально с каждым обвиняемым: Райком, Бранковым, Палфи, Сеньи, Салаи, Коронди, Юстусом, Огненовичем. Цель – уточнение отдельных мест в показаниях обвиняемых, устранение противоречий и поддержание в обвиняемых решимости говорить на процессе так, как говорили они на предварительном следствии.

б. Периодически работаем с 25 свидетелями обвинения. Цель – та же, что и в работе с обвиняемыми.

в. Ежедневно проводим явки с 8 источниками, которые содержатся в камерах с обвиняемыми, для того чтобы знать настроения и намерения каждого обвиняемого в смысле поведения и тактики на предстоящем судебном процессе.

г. До 10 сентября будем проводить 75 очных ставок обвиняемых друг с другом и, соответственно, свидетелей с обвиняемыми. Цель – проверить как будут себя держать обвиняемые, уличая друг друга и как поведут себя свидетели, уличая обвиняемых. Главное же показать каждому обвиняемому, что он по любому пункту, выдвинутого против него обвинения серьезно уличается свидетелями обвинения и его возможное запирательство или желание спровоцировать процесс не будут иметь успеха.

д. Разбираем, переводим и изучаем вещественные доказательства, обнаруженные при обысках, для того чтобы определить, что можно использовать в качестве уликового материала на судебном процессе и чем можно документировать показания обвиняемых и свидетелей. К этим материалам относятся: переписка, дневники, антиправительственная литература и другие документы.

е. Подготавливаем и отрабатываем вопросы для председателя суда и государственного обвинителя. Цель – предусмотреть могущие возникнуть на судебном процессе заминки и неожиданности, и придать всему процессу ожидаемое направление.

ж. Подготавливаем материал для использования в речи государственного и общественного обвинителей.

з. Подготавливаем материал для печати и радио.

и. Участвуем в подборе и подготовке места, где намечается проводить судебный процесс.

Все это мы делаем совместно с венгерскими товарищами.

Товарищ Ракоши, как мы докладывали Вам 16 августа сего года, почти ежедневно требует от венгерских органов безопасности каких либо новых переделок в подготовке и оформления дела. В частности, сокращения всех показаний на 50–60 процентов, чтобы все материалы, полученные от каждого обвиняемого или свидетеля, были объединены только в один протокол, который не должен занимать более 20 листов. Естественно, что показания таких обвиняемых как Райка, Бранкова, Палфи, Сеньи немыслимо свести в 20 листов без того, чтобы их не выхолостить и не превратить в конспект, не имеющий юридической силы.

Мы неоднократно говорили товарищу Ракоши, что это делать нецелесообразно, но он продолжает требовать этой переделки мотивируя тем, что не следует посвящать состав суда, обвинение и защиту во все подробности дела, особенно, когда в материалах упоминаются видные социал-демократы или лица которые пока остаются на свободе.

Относительно содержания и изложения обвинительного акта подготовленного товарищем Ракоши, мы предлагали ему иной вариант, но товарищ Ракоши все же сделал по-своему, сославшись на то, что «так принято у венгров» и что особой ясности в этом акте не следует допускать по тем же причинам, что и в протоколах допросов.

Товарищ Ракоши говорит, что обвинительный акт должен быть предельно сжатым, ибо венгерское радио и печать маломощны и не могут передавать объемистого материала, а, главное, что он рассчитывает на коренную переделку акта в Москве.

Плохо дело обстоит с таким важным элементом дела как использование через печать и радио материалов дела до процесса, во время и после процесса. У венгерских товарищей и лично у товарища Ракоши, по нашему мнению, нет должного опыта и поэтому, очевидно, нельзя будет обойтись без соответствующих советов и помощи товарищу Ракоши непосредственно из Москвы.

О дальнейшем будем докладывать.

Генерал-лейтенант – Белкин

Полковник – Макаров

17 августа 1949 г.»[560].

Приведенный выше документ, совершенно ясно и отчетливо демонстрирует отработанную годами методику подготовки публичных судебных шоу, в чем так преуспел НКВД еще в 1936–1938 гг., когда прошла волна трех «Московских процессов». Да и в начале 30-х ОГПУ успешно подготовило и провело аналогичные показательные процессы над аграрниками (1930) и меньшевиками (1931). Весь, накопленный тогда, советский опыт был применен теперь в Венгрии. Незадолго до визита Ракоши в Москву, Сталин получил черновой вариант обвинительного заключения по делу Райка.

Теперь настало время непосредственного участия Сталина в разработке сценария будущего процесса. Ракоши был вызван в Москву, и у Сталина была возможность лично высказать Ракоши свои соображения по ходу дела. Встреча состоялась 20 августа 1949 г. в Кремле в присутствии Маленкова. Их беседа продолжалась 2 часа 20 минут (началась в 19–00 и закончилась в 21–20). В ходе разговора к ним присоединился Булганин (в 20–45), и незадолго до окончания, 5 минут беседа велась в присутствии Абакумова и Круглова (вошли в кабинет в

[560] Там же. Л. 255–257.

21–10 и покинули его в 21–15)[561]. Видимо в присутствии Ракоши Сталин отдал им какие-то распоряжения о подготовке к процессу[562]. При этом нет никаких указаний на то, что Сталин сам принимал в Кремле в течение всего периода следствия по делу Райка и подготовки открытого процесса кого либо из сотрудников МГБ (Белкина или Макарова) направленных в Будапешт. Видимо, они все указания получали от Абакумова, которого Сталин регулярно принимал в кремлевском кабинете в это время.

Когда Ракоши, по его воспоминаниям, появился в Кремле, он получил от хозяина кремлевского кабинета проект обвинительного акта «кое-где с перечеркнутыми местами или с личными пометками Сталина»[563]. Ясно, что Сталин заранее собственноручно внес правку в русский экземпляр проекта, а Ракоши имел с собой тот же вариант, но на венгерском языке. Окончательная доработка обвинительного акта произошла уже в присутствии Ракоши. Сталин, как вспоминал Ракоши, «сказал, что у него имеется целый ряд замечаний по обвинительному акту. Страницу за страницей мы просмотрели текст, и я внес в венгерский экземпляр предложенные изменения. Те вопросы, с которыми я не был согласен, мы обсудили. Это была весьма большая работа»[564]. Затем на встрече речь зашла и о будущем приговоре: «…Сталин спросил, имеется ли какое-либо мнение относительно приговора. Я сказал, что разговаривал с судьями, товарищами и сложилось такое мнение, что нет необходимости в смертном приговоре. Сталин согласился, но тотчас же добавил, что все зависит от того, что выяснится на суде, каково будет влияние на трудящихся, и предложил в период между окончанием суда и вынесением приговора еще раз вернуться к этому вопросу»[565]. На следующий день, 21 августа 1949 г. Ракоши покинул Москву.

Помимо достигнутого согласия и утверждения Сталиным текста обвинительного акта по делу Райка, еще одним итогом визита Ракоши было распоряжение Сталина о направлении в Венгрию постоянных советников МГБ СССР. Находящиеся в Будапеште Белкин и Макаров имели лишь статус командированных на время расследования и подготовки показательного

[561] *Исторический Архив.* 1996. № 5–6. С. 59.
[562] К сожалению, в воспоминаниях Ракоши отсутствует один лист с описанием этого августовского визита к Сталину. См.: *Исторический архив.* 1997. № 3. С. 131.
[563] Там же. 1997. № 3. С. 131.
[564] Там же.

процесса Райка. Уже 22 августа 1949 г. Абакумов рапортовал Сталину, Берия и Маленкову (№ 5821/А), что в соответствии с полученным указанием была подобрана группа чекистов из 12 человек и в тот же день 22 августа направлена на место «для работы советниками при МВД Венгрии». Возглавил группу полковник С.Н.Карташов – начальник отдела МГБ СССР. Абакумов при этом сообщал: «Тов. Карташов, как старший советник, мною тщательно проинструктирован о роли и задачах советников в деле помощи органам государственной безопасности Венгрии»[566].

Судебный процесс по делу Райка открылся в Будапеште 16 сентября и закончился приговором 24 сентября 1949 г. Перед судом предстали 8 обвиняемых: Ласло Райк, Дьердь Палфи, Лазар Бранков, Тибор Сеньи, Андраш Салаи, Милан Огненович, Бала Коронди и Пал Юстус[567].

Белкин и Макаров по-прежнему находясь в Венгрии, были закулисными дирижерами в ходе процесса. Правда, довольно часто им мешал Ракоши, возомнивший себя главным в этом деле. О его несуразностях и о скрытом от публики механизме проведения показательного процесса можно судить по информации, направленной советскими советниками в Москву. Их сообщения Абакумов незамедлительно пересылал в Кремль.

Так, Абакумов 20 сентября 1949 г. (№ 5911/А)[568] направил Сталину полученную им из Будапешта шифротелеграмму от Белкина и Макарова о ходе судебного процесса:

> «Докладываю, что 19 сентября сего года на судебном процессе по делу Райка Ласло и других закончен допрос всех восьми обвиняемых.
>
> Все обвиняемые признали свою вину и на судебных допросах полностью подтвердили свои показания, которые они дали на предварительном следствии.
>
> Таким образом, теперь уже можно сказать, что большая работа, проведенная на предварительном следствии по разоблачению арестованных и документации дела полностью обеспечили предусмотренное политическое направление всего процесса.
>
> В ходе судебного процесса нами осуществляются следующие мероприятия:
>
> 1. Перед каждым судебным заседанием для председателя суда и прокурора отрабатываем на основе показаний арестованных вопросник, по которым они ведут допросы обвиняемых. Этот вопросник затем

---

[565] Там же.
[566] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 14. Л. 219.
[567] Русский перевод обвинительного акта был опубликован в центральной печати, а также отдельной брошюрой, приложением к журналу *Новое время.* 1949. № 38 от 14 сентября.
[568] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 16. Л. 356.

венгерские товарищи от своего имени вручают председателю суда и прокурору;

2. Перед допросом на судебном заседании каждого обвиняемого мы предварительно работаем с ним, окончательно отшлифовывая ответы обвиняемого на предстоящие ему вопросы суда;

3. В перерывах между судебными заседаниями продолжаем работать с каждым обвиняемым по выяснению его дальнейшего поведения и поддержанию необходимого настроения;

4. В процессе судебного заседания по специально организованной замаскированной системе связи с председателем суда, по возможности, через венгерских товарищей, подправляем его по отдельным шероховатостям, либо просто нелепостям, которые часто допускает председатель суда Янко Петер, так как он не изучил и не знает материалов следствия, а поэтому довольно часто работает невпопад;

5. Перед судебными заседаниями подготавливаем очные ставки между обвиняемыми и свидетелями по допросу другому обвиняемому или свидетелю, подбираем выдержки из допросов обвиняемых на предварительном следствии для оглашения их на заседании суда и другие документы, которые необходимы в ходе судебного разбирательства.

Довольно часто заранее предусмотренный ход судебного разбирательства нарушают тов. Ракоши или министр внутренних дел тов. Кадар.

Дело в том, что т.т. Ракоши и Кадар слушая судебный процесс по радио, беспрерывно по телефону дают все новые и новые предложения в виде вопросов и готовых «ответов» обвиняемых и требуют, чтобы эти вопросы председателем суда были поставлены обвиняемым и получены от последних предусмотренные ими ответы.

Обычно такие вопросы и ответы вносимые т.т. Ракоши и Кадар не отражают предварительного следствия, не знакомы ни обвиняемым, ни составу суда, что естественно может внести путаницу в ход судебного процесса.

Хуже еще и то, что некоторые вопросы и варианты тов. Ракоши могли бы дать нежелательную пищу для присутствующих на суде многочисленных реакционных англо-американских и югославских корреспондентов.

Например, в процессе допроса на суде обвиняемого Бранкова, тов. Ракоши потребовал чтобы судья зачитал выступление Тито в котором он обвиняет Бранкова как агента Гестапо и «советского шпиона с 1943 года». Больше того, тов. Ракоши потребовал, чтобы Бранков во всем этом признался и таким образом, как он заявил, усилил свое собственное обвинение.

В другом случае тов. Ракоши потребовал чтобы обвиняемые Бранков и Сеньи дали новые показания по Чехословакии и Польше, несмотря на то, что последние больше того, что они сказали на предварительном следствии по Чехословакии и Польше показать не могут. Тов. Ракоши во время одного из заседаний суда потребовал чтобы обвиняемый Сеньи заявил, что он «не загипнотизирован и не находится под действием наркоза» и т.п.

Все это нам приходилось тактично отводить, доказывая тов. Ракоши нецелесообразность таких вопросов и возможные плохие последствия для всего судебного процесса.

Из намечаемых к допросу на суде 21 свидетеля по делу Райка и других, 20 сентября сего года были допрошены 19 человек. Два свидетеля, полковник полиции Маршалл и полковник полиции Ланци нами, по договоренности с тов. Ракоши, были отведены в связи с тем, что обнаружились их колебания.

В частности, Маршалл не признал своей вины в сотрудничестве с французской контрразведкой и намеревался заявить об этом на суде.

Другой свидетель Ланци, по донесению камерной агентуры, выражал большое сочувствие обвиняемому Палффи и хотел на судебном заседании выступить в его защиту.

Следует указать, что со свидетелями пришлось также очень много работать, так как они не лучше обвиняемых, ибо это те же шпионы, сотрудники иностранных разведок, провокаторы и троцкисты, которые на судебном процессе не только должны были уличать обвиняемых, но и признавать свою собственную вину и сообщничество в заговорщических планах Райка и других.

В настоящее время мы работаем над отработкой последних слов подсудимых, с которыми они выступят на судебном заседании 22 сентября сего года.

По соображениям тов. Ракоши больших последних слов обвиняемые делать не будут. С этими соображениями тов. Ракоши мы согласны.

Помимо изложенного, как уже указано нами выше, мы ежедневно работаем с обвиняемыми по поддержанию у них необходимых настроений.

Белкин, Макаров. № 111. 20 сентября 1949 г.»[569].

Также о слабости судьи и шероховатостях в проведении процесса 29 сентября 1949 г. подробно сообщал в своем донесении функционер Коминформа С.Г.Заволжский. Он отмечал, что местами процесс производил впечатление «инсценировки», а на первых двух заседаниях зал был заполнен «работниками политической полиции», и только после замечаний сделанных Заволжским и Борисом Полевым (советским корреспондентом на процессе) при личной встрече с Ракоши, в зал допустили «трудящихся»[570]. Также не обошлось и без серьезных накладок. Как сообщал Заволжский «…Райк, может быть с провокаторской целью, назвал ряд югославских государственных деятелей как лиц, якобы бывших с ним в Испании и в лагерях во Франции, когда на самом деле они никогда там не находились. Венгерские товарищи, не уточнив этого

[569] Там же. Л. 357–360.

[570] *Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953.* Москва–Новосибирск. 1998. Т. 2. С. 231–234.

факта, опубликовали сказанное Райком в печати. Это дало в руки клике Тито единственный козырь заявлять, что судебный процесс в Будапеште – инсценировка, направленная на клевету югославского правительства»[571]. По мнению Заволжского к недостаткам процесса относилось и то, что Райку дали слишком много «политически разглагольствовать», и он смог разыграть «из себя» идейного «политического деятеля», выступая на процессе «как свидетель, как лектор, дающий марксистский анализ прошедших событий»[572]. Неудивительно, что Райк так вошел в свою роль. Примерно так же вел себя и Бухарин на процессе «Право-троцкистского блока» в марте 1938 г. По мнению ряда исследователей Райк оговорил себя не только под воздействием пыток, он позднее и сам дал согласие на участие в инсценировке процесса, убедив себя в «необходимости послужить делу партии»[573]. Не исключено, что это-же ему тщательно внушали и советские советники, обещая сохранить жизнь. При организации показательных процессов методика и искусство работы советских чекистов в том и состояли, чтобы не только найти подходящую центральную фигуру, вокруг которой выстаивалось все действие, но и чередованием угроз и посулов, суметь убедить участников процесса в «важности их роли» и необходимости неукоснительного следования сценарию.

Процесс закончился вынесением приговора 24 сентября 1949 г. Однако, приговор был предрешен заранее. Еще до открытия процесса, 14 сентября Ракоши сообщал Сталину, что председатель суда считает необходимым приговорить семерых подсудимых к смерти. Сам Ракоши полагал, что «7 смертных приговоров – много», а приговорить к смерти достаточно только Райка, Сеньи и Салаи[574]. За два дня до вынесения приговора, 22 сентября 1949 г. Сталин ответил Ракоши:

> «Т. Ракоши, Ваше письмо получил. 1. не возражаю против вашего предложения о характере судебного приговора в отношении обвиняемых. Я отказываюсь от своего мнения в отношении Райка, которое я высказал Вам во время беседы в Москве. Считаю что Л.Райка надо казнить, так как любой другой приговор в отношении Райка не будет понят народом…»[575].

---

[571] Там же. С. 232.
[572] Там же. С. 231.
[573] *Исторический архив.* 1997. № 3. С. 155.
[574] Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. *Советское руководство и политические процессы Т.Костова и Л.Райка.* // *Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы.* М. 1999. С. 31.
[575] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 62. Л. 15. Сталин в это время находился в отпуске и место его нахождения отмечено в шифротелеграмме: «Холодная речка». Во втором пункте телеграммы

Демагогическая ссылка на «народ» весьма типична для Сталина. Как мы помним со слов Ракоши, он и месяцем раньше, 20 августа, в ходе их московской встречи говорил что-то такое о «влиянии на трудящихся», которое должен произвести процесс и уже, исходя из этого предлагал решать судьбу Райка. Однако, вероятнее всего Сталин и в августе считал необходимым казнить Райка, но просто хотел, чтоб инициатива исходила, как бы, от венгров[576].

24 сентября 1949 г. в точном соответствии с соображениями Ракоши суд приговорил к смерти Райка, Сеньи и Салаи. Дело другого обвиняемого Палфи было по окончании процесса передано в Военный Трибунал для вынесения приговора. Палфи также был приговорен к смерти 10 октября (и казнен 21 октября 1949 г.).

В пропагандистских целях материалы суда над Райком были широко опубликованы, в том числе и на русском языке[577]. Резонанс от состоявшегося процесса и прозвучавших на нем «разоблачений» был велик. Прежде всего, была брошена тень подозрения в связях с Тито на многих руководящих работников Чехословакии, Польши и других стран Восточной Европы. Показаниями обвиняемых были затронуты многие сотни человек.

В некоторых исследованиях Ракоши приписывается инициатива в интернационализации дела Райка и ведущая роль в поиске врагов в соседних странах[578]. Конечно, его роль не стоит умалять[579], достаточно вспомнить, что именно Ракоши солировал на правах хозяина на третьем совещании

содержалось согласие Сталина на предложения Ракоши об отношениях с Югославией и о том, сколько сотрудников следует иметь венграм в посольстве в Белграде. Третий пункт сталинской телеграммы гласил: «3. Арестованные в Венгрии английские шпионы Хорват и другие, конечно, представляют известную ценность с точки зрения их показаний насчет Тито. Думаю, что эти показания английских шпионов перекрыты показаниями Бранкова, который признал на суде факт завербования Тито и других заправил Югославии американским разведчиком Даллесом» (там же).

[576] О том, что в венгерском руководстве есть лица, настаивающие на казни Райка Сталин вероятно знал. Например, М.Фаркаш беседуя с советским представителем в начале июля 1949 г. заявил: «После окончания следствия Райка будем судить и приговорим к повешению». См.: *Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953.* Москва–Новосибирск. 1998. Т. 2. С. 179.

[577] *Ласло Райк и его сообщники перед Народным судом.* Будапешт. 1949. В этой книге приводится обвинительный акт, протоколы судебных допросов обвиняемых, приговор и даже список присутствовавших на процессе иностранных корреспондентов.

[578] Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. *Советское руководство и политические процессы Т.Костова и Л.Райка.* // *Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы.* М. 1999. С. 32.

[579] Как и роль других венгерских руководителей. В первых числах июля 1949 г., когда следствие по делу Райка только разворачивалось, М.Фаркаш с уверенностью заявлял, что «во многих

Коминформа прошедшем 16–19 ноября 1949 г. в Будапеште, где по докладу румынского лидера Георгиу-Деж была принята широко распубликованная резолюция «Югославская компартия во власти убийц и шпионов»[580]. Но все же именно Сталин обратил особенное внимание Ракоши на то, что «если в ходе следствия (по делу Райка – Н.П.) появятся материалы, затрагивающие другие партии, необходимо их проинформировать»[581]. А то, что такие материалы появятся, Сталин, хорошо зная о том, в каком направлении проинструктированы советские советники, вероятно, и не сомневался. По воспоминаниям Ракоши это и было сделано, и соответствующая информация была направлена. Из Чехословакии, знакомиться с материалами дела и говорить с арестованными, прибыл руководитель госбезопасности Карел Шваб[582], а когда в сентябре 1949 г. уже на самом процессе подсудимый Бранков вдруг неожиданно назвал имя Гомулки и связал его с «планами Тито в отношении Польши», приехал и встревоженный представитель польского руководителя Берута – полковник госбезопасности Рубинштейн[583].

На основании показаний арестованных по делу Райка, Ракоши передал лидерам компартий списки на 526 человек (среди них 353 гражданина Чехословакии, 71 – Австрии, 40 немцев, 33 румына, и также граждане СССР, Болгарии, Польши и других стран)[584]. Еще до начала процесса, в первых числах сентября 1949 г. Ракоши послал своего специального представителя З.Биро в Прагу информировать Готвальда о многочисленных «врагах» в Чехословакии. Биро, встретившись с Готвальдом 5 сентября вручил ему конфиденциальное письмо Ракоши. В письме, в дополнение к ранее переданным спискам 65 англо-американских шпионов (среди которых были названы и 2 члена Политбюро ЦК КПЧ)[585] Ракоши предупреждал, что на предстоящем процессе прозвучат также

партиях в ЦК сидят провокаторы». См.: *Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953.* Москва–Новосибирск. 1998. Т. 2. С. 179.

[580] *Совещание Информационного бюро коммунистических партий.* М. 1949. С. 23–30, 81–101.

[581] *Исторический Архив.* 1997. № 3. С. 130.

[582] В последствии Шваб был приговорен в 1952 г. к смерти на процессе Сланского.

[583] Полковник Рубинштейн занимал должность начальника департамента охраны в Министерстве общественной безопасности Польши (*Исторический Архив.* 1997. № 3. С. 130–131.).

[584] Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. *Советское руководство и политические процессы Т.Костова и Л.Райка.* // *Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы.* М. 1999. С. 31.

[585] Этот список Ракоши передал Готвальду еще 21–24 июня 1949 г. в ходе своего визита в Прагу. В списке фигурировали члены политбюро ЦК КПЧ В.Носек – министр внутренних дел и В.Клементис – министр иностранных дел. См. подробнее: *Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953.* Москва–Новосибирск. 1998. Т. 2. С. 171. Примечание 2.

публичные обвинения, которые могут «застигнуть врасплох чехословацкую общественность»[586]. В первый день беседы Готвальд едва скрывал свое раздражение, затем, ознакомившись с письмом, в последующие дни стал выяснять «нельзя ли организовать процесс над группой Райка таким образом, чтобы на нем не упоминалось чехословацких имен и чтобы вообще процесс был ограничен только венгерскими и югославскими делами»[587].

Осенью 1949 г. Ракоши часто сетовал, что другие партии «медленно или совсем не разоблачают провокаторов и шпионов, пробравшихся на руководящие посты…»[588]. Чаще всего его собеседниками были советские советники из МГБ. Их Ракоши не стеснялся. Между тем, о своих впечатлениях о Ракоши Белкин написал письмо Абакумову, которое 16 ноября 1949 г. (№ 6177/А) было переслано Сталину. Белкин сообщал что, 4 месяца наблюдая Ракоши, пришел к выводу, что он зазнался и пытается подчинить своему влиянию Готвальда, Георгиу-Деж и Берута, заявляя при этом: «я их научу как дело вести». Ракоши, – по словам Белкина, – уверен, что он лучший руководитель среди стран народной демократии, а Венгрия в авангарде и, поэтому, СССР может поручить венграм «заботу» о таких странах как Греция и Албания[589].

Меньше чем через месяц после окончания суда над Райком, Ракоши запросил Москву о дополнительном направлении 15 советников МГБ СССР «для оказания помощи в работе» местным органам госбезопасности и пограничным войскам. Абакумов сообщил об этом 20 октября 1949 г. запиской (6065/А) Сталину, Молотову, Берия и Маленкову, добавив от себя, что МГБ СССР «считает возможным удовлетворить просьбу». К записке был приложен и проект решения Политбюро по этому вопросу[590]. Сталин согласился, и советники были направлены.

Между тем, прибывший в Будапешт старший советник МГБ СССР при УГБ Венгрии Карташов развивал свою активность, в борьбе с врагами. Его сообщение «о деятельности американской разведки на территории Венгрии под

[586] Текст письма Ракоши Готвальду от 3 сентября 1949 г. см.: *Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953.* Москва–Новосибирск. 1998. Т. 2. С. 221–224.
[587] Там же. С. 221.
[588] Там же.
[589] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 19. Л. 109–113.
[590] Там же. Д. 18. Л. 386–387.

прикрытием еврейской организации Джойнт» Абакумов счел столь важным[591], что немедленно по получении 24 декабря 1949 г. разослал (№ 6295/А) Сталину, Молотову, Берии и Маленкову[592].

Наиболее полно свои наблюдения и взгляды на ситуацию в Венгрии Карташов изложил в большой записке на имя Абакумова от 10 февраля 1950 г.[593] Эту записку, ввиду ее чрезвычайной важности, Абакумов переслал Сталину. Карташов писал о внутреннем положении в Венгрии, и как характерную черту выделял значительное количество «нетронутых в своей массе озлобленных врагов народной демократии» еще имеющихся в стране, отмечая, что «в то же время карательные органы не обеспечивают еще в должной степени безопасность страны»[594]. Усугублялось это положение, – по мнению Карташова, – тем, что в окружении Ракоши пребывают на руководящих постах лица, «на которых имеются «серьезные компрометирующие материалы» и в силу своего служебного положения эти лица «имеют возможность влиять на проведение политики в стране, в частности, в деле борьбы с врагами народной демократии»[595].

Говоря о своих беседах с Ракоши Карташов подчеркнул его желание распространить венгерский опыт борьбы с «врагами» на другие страны. «Заслушивая меня по вопросам работы органов безопасности, – писал Карташов, – Ракоши в беседах нередко отклонялся в сторону, говорил на темы, не связанные с внутренними делами Венгрии и, в частности, высказывал заботу о делах компартий других стран»[596]. Ракоши утверждал, что в Чехословакии «нерешительны» в борьбе с врагами, что у поляков много врагов, а Радкевич[597] слаб, а Венгрия «высококультурна» и может им служить примером[598].

Не высокого мнения оказался Ракоши и о своих соратниках. Фаркаш – «допустил промахи в работе», Секретарь ЦК и министр внутренних дел Кадар – «вялый и нерешительный человек», к которому после дела Райка Ракоши не вполне доверяет, Гере – «хороший работник, но тяжело болен». При этом

[591] Что в свете последовавших в 1952–53 гг. событий вполне понятно.
[592] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 21. Л .137.
[593] РГАСПИ. Ф. 558. Оп.11. Д. 183. Л. 71–92.
[594] Там же.
[595] Там же.
[596] Там же.
[597] Министр общественной безопасности Польши.
[598] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 183. Л. 71–92.

Ракоши заметил: «А я ведь уже старик, что же произойдет если я умру»[599]. И далее следовали характеристики на остальных руководителей. Причем наибольшее недоверие вызвал Кадар, который «заявляет, что в Венгрии нет троцкистской опасности» и, по отзыву Петера, «недоброжелательно относится к Советскому Союзу». Ранее Кадар был близок к Райку и до сих пор влияет на работу УГБ. И хотя в начале 1950 г. было принято решение о выделении УГБ из МВД в самостоятельное ведомство, Кадар был назначен главным инспектором государственной безопасности[600].

Особое внимание в своем сообщении Карташов обратил на национальную принадлежность руководящих венгерских кадров. «В Венгрии бросается в глаза то обстоятельство, что *на руководящих постах в ЦК партии и государственном аппарате много евреев*[601]. Этот вопрос мною затронут не случайно», как бы оправдывается Карташов. Много венгерских евреев, по мнению Карташова, «живут на нетрудовые доходы», связаны с Америкой и Палестиной и другими капиталистическими странами. Опасности, проистекающие из этого Карташов видел следующие: «Еврейская буржуазная среда Венгрии» оказывает известное влияние на многих неустойчивых работников еврейской национальности, занимающих нередко ответственные должности в партийных и государственных органах, в том числе и в УГБ и это обстоятельство использует американская разведка, которая под прикрытием еврейских обществ ведет работу не только против Венгрии, но и против СССР. Здесь Карташов затронул чувствительные струны сталинской души, упомянув вновь об организации «Джойнт», материальную помощь которой получали даже сотрудники УГБ, – «тем самым УГБ в известной степени находилось на иждивении «Джойнт»»[602]. По заявлению Карташова, – Ракоши сначала говорил, что «Джойнт» дает доходы Венгрии, хотя потом в декабре 1949 г. дал указание УГБ задержать руководителя филиала «Джойнт» в Венгрии Джекобсона – «американского разведчика», который на допросе «сознался», но его выслали из страны, а проходивших по его показаниям лиц не арестовали (таково было

[599] Там же.
[600] Там же.
[601] В машинописном тексте документа эти слова были вписаны от руки на заготовленное заранее при печатании место. Такой порядок был предусмотрен для особо секретных сведений сообщаемых наверх, чтобы машинистки печатающие текст не знали содержания этих фрагментов.
[602] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 183. Л. 71–92.

распоряжение Кадара). Таким образом, – делал вывод Карташов, – «дело по разоблачению американских шпионов было сорвано»[603].

В своей записке Карташов вплотную подошел к вопросу о необходимости проведения широкой социальной чистке в венгерском обществе и привел ориентировочные цифры «сил реакции». Эта часть его сообщения вызвала большой интерес у Сталина. По тексту видны его пометы, и он даже расставил цифры пронумеровав позиции в приведенном ниже списке, который вполне мог рассматриваться как перечень «контингентов» для проведения массовых репрессий, как это было в СССР в 1937–1938 гг.

Карташов писал о наличии в Венгрии:

> 1)[604]. свыше 1500 банкиров, крупных помещиков и капиталистов.
> 2). около 20 тысяч уволенных из армии по политическим мотивам офицеров и унтер офицеров бывшей армии Хорти.
> 3). более 17 тысяч бывших чиновников государственного аппарата и карательных органов.
> 4). значительное количество бывших членов фашистской партий и организаций.
> 5). не менее 30 тысяч правых социал-демократов исключенных из партии.
> 6). реакционные элементы партий входящих в правящую коалицию, отражающие интересы кулачества (в стране свыше 80 тысяч кулацких хозяйств).
> 7). почти нетронутой оказалась католическая церковь[605], сила немалая, действует 4 тысячи церквей и 800 монастырей.
> 8). в Венгрии находятся различные иностранные промышленные предприятия, фирмы и представительства преимущественно с англо-американским капиталом, в стране 18 тысяч подданных капиталистических государств[606].

Вражеские силы в стране, – писал далее Карташов, – связаны с венгерскими эмигрантскими центрами на Западе и их используют западные разведки, а «клика Тито» засылает в Венгрию большое количество шпионов, террористов, диверсантов, «решительной борьбы с этим не велось и только после наших настойчивых советов венгерские органы безопасности начинают развертывать эту работу»[607].

Также подробно Карташов остановился на работе УГБ Венгрии, отметив неблагополучие с кадрами в этой организации, а также в полиции и военной

---

[603] Там же.
[604] Цифры в пунктах с 1 по 8 проставлены в тексте Сталиным.
[605] Подчеркнуто Сталиным.
[606] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 183. Л. 71–92.

контрразведке (много евреев и лиц имеющих родственников в капиталистических странах), что требует принятия мер, таких как проверка личного состава, укрепление их рядов рабочими-коммунистами. Структура государственной безопасности, – по мнению Карташова, – запутана, на 20 губерний имеется всего 8 окружных управлений ГБ, территориальные органы, таким образом, существуют в отрыве от губернских и районных организаций, а центральный аппарат плохо руководит периферийными органами. Работники местных органов не имеют «политического чутья» и вражеские вылазки кулачества рассматривают как случаи хулиганства[608].

В конце своего сообщения Карташов особо остановился на фигуре руководителя УГБ Габора Петера, подчеркнув что он еврей, и уже руководит спецслужбой 5 лет. Ракоши вполне ему доверяет и характеризует Петера как «честного и преданного» работника, хотя и предлагает ему «пойти на покой» из-за болезненного состояния. Причину, по которой Ракоши хотел бы отправить Петера в отставку Карташов видит в том, что Петер в свое время открыто критиковал руководство на Политбюро ЦК ВПТ, а когда в 1948 г. Петер передал советским работникам материалы о венгерских троцкистах Ракоши и Фаркаш его сильно ругали. Сам Карташов дал Петеру хорошую характеристику, отметив что он «чутко прислушивается к советам и быстро реагирует на них»[609].

Так же недостатки характерны и для военной контрразведки подчинявшейся до 1950 г. военному министерству[610] – писал далее Карташов, – из которой по рекомендации советских советников в 1949 г. был уволен генерал Ревес – ее начальник. В ходе реформы «слишком запутанной» структуры УГБ, на основе решения принятого в январе 1950 г., в нее были включены пограничные войска, ранее состоявшие в министерстве обороны, а также будет создан отдел по «агентурно-оперативному обслуживанию»[611] полиции. Это тоже было копированием советского опыта. Карташов отметил, что все реорганизации были сделаны по советским советам: «Наши советы тов. Ракоши

---

[607] Там же.
[608] Там же.
[609] Там же. Л. 89.
[610] Это место Сталин отчеркнул на полях. Сталин добивался от лидеров стран Восточной Европы, чтобы военная контрразведка, по примеру Советского Союза, подчинялась не военным министрам, а органам государственной безопасности, считая это важным и принципиальным вопросом. Здесь ему виделась гарантия предотвращения возможных военных заговоров.
[611] Имеется в виду тайный надзор и контроль за внутренним состоянием аппарата криминальной полиции, путем наличия в ее среде сети агентов органов госбезопасности.

были одобрены и учтены при реорганизации этих органов, которая сейчас завершается»[612]. И вообще, отмечал автор записки, что разоблачение Райка убедило Ракоши более плотно связаться с органами госбезопасности и «он в большей степени стал лично руководить их работой. Придя к выводу о необходимости реорганизовать органы безопасности, тов. Ракоши просил нас оказать руководителям УГБ помощь в этом деле»[613].

Сталинская сила внушения оказалась столь велика, что к середине 1950 года Ракоши проникся буквально параноидальным страхом, постоянно опасаясь вылазок «внешних» и «внутренних» врагов. О его чрезвычайной нервозности и запуганности Абакумов 23 августа 1950 г. (№ 7063/А) сообщил Сталину, Молотову, Берии и Маленкову. В основе этого сообщения была информация полученная из Венгрии от заместителя старшего советника МГБ Евдокименко, который, в свою очередь воспользовался сведениями поступившими от Габора Петера, чья жена служила секретарем у Ракоши. Согласно этому сообщению, в последнее время у Ракоши стала проявляться забывчивость, он не помнил дат заседания Политбюро, забывал запирать сейф с секретными бумагами. Помимо этого проявились, по словам Петера, «элементы боязни», Ракоши приказал оборудовать свой кабинет бронированной дверью и изготовить к ней только два ключа, дал указание привести в порядок бомбоубежище. Петер объяснял это «общим переутомлением» Ракоши и влиянием на него заместителя генерального секретаря Реваи, «который, будучи паникером, остро рисует международную обстановку». В сообщении отмечалось, что «элементы боязни у Ракоши проявляются тогда, когда тов. Фаркаш выезжает на продолжительное время из страны»[614].

Вероятно, именно в этом и состояла главная цель «шпионских» процессов в странах Восточного блока – посеять непреходящий страх перед «капиталистическим окружением». Однако, «процесс Райка» стал пожирать своих создателей. Один из тех, кто стоял у истоков дела и активно помогал его фальсифицировать – заместитель начальника УГБ Эрне Сюч сам не избежал ареста, а его дальнейшая участь и вовсе печальна. Согласно сообщению Абакумова от 23 ноября 1950 г. (№ 7296/А) направленному на имя Сталина,

[612] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 183. Л. 92.
[613] Там же.
[614] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 8. Д. 8. Л. 384–386.

Молотова, Берии, Маленкова и Булганина, арестованные в Венгрии 10 октября 1950 г. по указанию Ракоши Эрне Сюч и его брат Миклош Сюч умерли 21 ноября от жестоких побоев в тюрьме. Заместитель советника МГБ в Венгрии Евдокименко смог выяснить некоторые важные детали этого происшествия через Габора Петера. Днем 21 ноября Ракоши выслушав сообщение Петера о ходе следствия по делу Сюч высказал свое неудовлетворение и «в раздраженном тоне дал указание бить в течении двух суток арестованных» и только после этого приступить к их дальнейшему допросу. Смерть арестованных наступила «в результате тяжких увечий». Получив сообщение об их смерти, Ракоши встревожился. По сообщению Петера, он «высказал свое недовольство тем, что обстоятельства смерти изложены письменно в документе, который может стать достоянием гласности, тут же тов. Ракоши поинтересовался, уничтожена ли копировальная бумага»[615].

В марте – апреле 1951 г. последовала новая серия арестов. В числе прочих, в заключении оказались министр иностранных дел Дьюла Каллаи и Янош Кадар, которому впоследствии будет суждено возглавить Венгрию. Сообщение о ходе следствия по его делу министр госбезопасности Игнатьев направил 6 ноября 1951 г. (№ 935/И) Маленкову. В сообщении говорилось, что Кадар признался, будто в 1943 г. «по заданию хортистской полиции добился роспуска венгерской компартии», а в 1945 был завербован Райком для враждебной работы. Однако, тут же заместитель советника МГБ СССР отмечал, что «показания арестованных мало проверены и ничем не подтверждаются». Далее приводились данные начальника УГБ Петера. По его мнению Ракоши не думает об открытом процессе и даже не думает, что надо выносить смертные приговоры: «По мнению Петера, в Москве сказали товарищу Ракоши, что «нехорошо постоянно нервировать партию такими громкими делами». Осудить Кадара собирались после проведения Пленума ЦК ВПТ в ноябре. Сам Петер считал арест Кадара правильным, хотя, по его мнению, «дело вели необъективно и с натяжками»[616].

Казалось бы, начальника УГБ Габора Петера советские советники ценили и к его мнению прислушивались. Однако опасность поджидала его там, где это трудно было представить. В октябре 1951 г. в Москве был арестован

[615] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 8. Д. 11. Л. 203–208.
[616] Там же. Оп. 9. Д. 25. Л. 275.

генерал-лейтенант М.И.Белкин, так много потрудившийся в деле «очистки» Венгрии от врагов (подробнее о его аресте см. в главе 6-й). Теперь сам Белкин был обвинен в шпионаже и в участии в «сионистском заговоре». Зная не понаслышке о принятых в МГБ методах допроса, Белкин охотно давал требуемые от него показания. Конечно, не обошел стороной и Петера.

На основе показаний Белкина заместитель министра госбезопасности СССР С.А.Гоглидзе 25 декабря 1952 г. подготовил предложение об аресте Петера[617]. Сталин его поддержал, а 2 января 1953 г. предложение нашло одобрение и у Ракоши. В итоге, 3 января 1953 г. Габор Петер был арестован, об этом событии 14 января 1953 г. Гоглидзе и Огольцов письменно сообщили Сталину[618].

[617] Там же. Оп. 11. Д. 30. Л. 161–164.
[618] Там же. Л. 158–160.

Глава 5. Общие закономерности и различия в организации деятельности советских советников госбезопасности в странах Восточной Европы. 1945–1953 гг.

В деятельности советской госбезопасности в странах центральной и восточной Европы можно выделить два основных периода. В начальный период, связанный с вступлением на территорию этих стран Красной Армии, советские карательные институции: органы СМЕРШ, опергруппы НКВД и войска НКВД действовали вполне открыто. В их задачи входило подавление всех тех сил, которые мешали установлению приемлемых для советского руководства порядков, и помощь в приведении к власти коммунистов и блоков партий, ориентированных на Кремль.

Новые пришедшие к власти в этих странах правительства, даже если они не были полностью коммунистическими, как в Чехословакии, сразу же брались под плотное наблюдение со стороны НКВД. Делалось это под видом их «охраны». Так, 11 апреля 1945 года заместитель наркома внутренних дел СССР А.Н. Аполлонов сообщил Берии о том, что 235 отдельный стрелковый батальон внутренних войск НКВД сформированный специально для «охраны правительства Чехословакии» 10 апреля прибыл к месту назначения в гор. Кошице[619].

Войска НКВД покинули Румынию и Болгарию в конце 1945 г. после расформирования Южной группы войск. В конце 1946 г. внутренние войска МВД были выведены из Польши, Венгрии и Австрии. Официально, советские полицейские силы сохранились лишь в советской зоне оккупации Германии.

В дальнейшем, особенно после ухода советских войск из некоторых стран, открытая репрессивная политика советского НКВД–МГБ сменяется на скрытую тайную деятельность направленных в эти страны сотрудников разведки и советников МГБ, как правило, числившихся в аппаратах советских посольств и многочисленных торговых и др. представительств. Вплоть до 1949 г. представители советских спецслужб (в основном разведки) вполне

[619] РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 191. Л. 40.

традиционно строили свою работу, вербуя агентов в правительственных учреждениях стран центральной и восточной Европы.

Признаком необратимости состоявшегося включения стран Восточной Европы в единый блок с СССР, стал отказ от советской разведывательной деятельности на территории этих стран. Сталин теперь рассматривал их как надежных союзников. Решение об этом подготавливалось постепенно в течение лета 1949 года. Этому предшествовали некоторые важнейшие изменения в смысле более четкого определения и закрепления промосковской ориентации стран Восточной Европы. Решение Политбюро ЦК (П66/240) от 23 декабря 1948 года «Об экономических отношениях между СССР и странами народной демократии» предусматривало созвать в Москве 5 января 1949 г. закрытое совещание, на которое предполагалось пригласить представителей Румынии, Венгрии, Болгарии, Польши и Чехословакии[620].

Очевидно, что на этот момент только этими государствами и ограничивался перечень стран, где, по мнению Сталина, имела место «народная демократия». Само решение о запрещении советской разведывательной деятельности в странах народной демократии, принятое 2 августа 1949 года охватывало Польшу, Чехословакию, Венгрию, Болгарию, Румынию, Албанию, Северную Корею и «освобожденные районы Китая». В нем содержалось требование «прекратить агентурно-разведывательную деятельность в странах народной демократии», распустить в этих странах сеть действующей агентуры и впредь не допускать вербовок, а на очередных встречах объявить каждому агенту, что он освобождается от обязательств вести работу в пользу СССР, так как «отношения дружбы и доверия между СССР и его страной делают это ненужным». В постановлении также содержалось требование сообщить руководителям этих стран о принятом решении, установить контакты и направить официальных представителей советских разведывательных органов в соответствующие разведывательные службы «в целях помощи в разведывательной и контрразведывательной работе»[621]. О некоторых причинах, ускоривших принятие этого решения, было сказано в 4 главе.

[620] РГАСПИ. Ф.17. Оп.162. Д.39.
[621] АП РФ. Ф. 93. Постановление СМ СССР «Вопросы разведки» № 3309–1385сс от 2 августа 1949 г.

С осени 1949 г. работа советских советников МГБ приобретает в странах Восточной Европы упорядоченный и постоянный характер. К этому времени Сталин пришел к твердому убеждению, что советнические аппараты МГБ СССР при учреждениях органов госбезопасности стран-сателлитов необходимы как непременный элемент контроля их деятельности. Постепенно и неуклонно Сталиным проводится линия на увеличение числа советских представителей госбезопасности и внешнеполитической разведки в странах Восточной Европы, а также в Северной Корее и в Китае[622]. При этом делается все, чтобы формально просьбы о направлении советских представителей из МГБ исходили от лидеров стран блока.

Решения о направлении советских советников МГБ в страны Восточной Европы принимались исключительно Сталиным на Политбюро ЦК ВКП(б). При этом каждый раз имелась (в качестве обоснования) просьба от руководителей соответствующих стран. Так, Абакумов 9 ноября 1949 г. (№ 6157/А) информировал Маленкова о просьбе Георгиу-Дежа прислать в Румынию двух работников МГБ СССР «для оказания помощи в разоблачении агентов иностранных разведок»[623]. То есть, формально все выглядело так, будто Сталин лишь уступал просьбам руководителей стран-сателлитов. В действительности же сами по себе эти просьбы были подсказаны московскими представителями, и механизм их организации был до крайности прост. Главное было – убедить лидеров стран советского блока в том, что их страны наводнены иностранными шпионами, а во властных структурах сидят сплошь «заговорщики».

Вместе с решением Политбюро ЦК о направлении советников от МГБ СССР всегда утверждался и текст ответной телеграммы от «тов. Филиппова» (псевдоним Сталина использовавшийся в шифровальной переписке с лидерами стран Восточного блока), с более или менее типовым содержанием.

Так, Политбюро ЦК 14 октября 1949 г. (П71/393) «в связи с просьбой Мао-Дзе-Дуна» обязало МГБ СССР направить в Китай «для оказания помощи в работе органов госбезопасности и их войск» советников МГБ СССР

---

[622] В Монгольской народной республики советники НКВД–МГБ действовали на постоянной основе уже с середины 30-х годов и сыграли зловещую роль в проведении массовых экзекуций в 1937–1938 гг.

[623] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 19. Л. 291–293. Тут же прилагался и проект решения Политбюро ЦК ВКП(б) о направлении в Румынию А.М.Сахаровского и С.В.Патракеева.

А.А.Иванова и П.С.Великанова[624]. А 31 октября 1949 г. Политбюро ЦК своим решением (П71/537) «удовлетворило просьбу Ракоши» и направило в Венгрию дополнительно 15 советников «для оказания помощи в работе местным органам госбезопасности и пограничным войскам»[625]. Следующее решение Политбюро ЦК (71/626) от 13 ноября 1949 г. озаглавленное «вопрос ЦК Румынской рабочей партии» обязывало МГБ СССР направить в Румынию для оказания помощи в работе органов госбезопасности А.М.Сахаровского и С.В.Патракеева[626]. На следующий год, 27 февраля 1950 г. (П73/98) приняло решение: «обязать МГБ СССР направить в Болгарскую Народную Республику для оказания помощи в работе органов госбезопасности и пограничной службы» в качестве старшего советника МГБ СССР генерал-майора С.И.Филатова и с ним еще 10 советников[627]. Решением Политбюро ЦК от 24 марта 1950 г. (П73/284) в Румынскую Народную Республику был направлен старшим советником МГБ СССР А.М.Сахаровский и с ним 7 советников[628]. Решением 14 июля 1950 г. (П76/66) в Чехословакию направлен старшим советником МГБ СССР В.А.Боярский и с ним 7 советников[629]. Решением от 20 сентября 1950 г. (77/444) в Северную Корею было дополнительно направлено 4 советника МГБ СССР[630]. Решением от 6 ноября 1950 г. (П78/440) в Китай дополнительно были направлены 4 советника для «оказания помощи» по радио-контрразведке, пограничной службе и по работе милиции[631]. Также решением Политбюро ЦК от 21 декабря 1950 г. (П79/377) в Чехословакию «в связи с просьбой Сланского» дополнительно отправились 4 советника МГБ СССР, специалисты по вопросам контрразведки в армии, контрразведки в экономике, по милиции и по организации оперативного учета[632]. Решением от 9 января 1951 г. (79/513) Г.С.Евдокименко был утвержден советником МГБ СССР при УГБ ВНР[633].

И в дальнейшем решения о направлении новых и замене уже работавших на местах советников МГБ СССР принимались Политбюро ЦК в самом

[624] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 40.
[625] Там же.
[626] Там же.
[627] Там же. Д. 43.
[628] Там же.
[629] Там же. Д. 44.
[630] Там же.
[631] Там же.
[632] Там же. Д. 45.
[633] Там же.

секретном порядке и откладывались в так называемой «особой папке» (означавшей высший гриф секретности). Политбюро ЦК 3 августа 1951 г. (П83/44) утвердило П.Е.Андреева советником МГБ СССР при МВД Монгольской Народной Республики, освободив его от обязанностей начальника УМГБ по Андижанской обл[634]. А 16 августа 1951 г. (П83/151) Политбюро ЦК выполняя «просьбу Георгиу-Деж» обязало МГБ СССР «командировать дополнительно в Румынию советников МГБ»[635].

В 1950 г. был учрежден институт представителей Комитета Информации при МИД СССР (советская внешнеполитическая разведка) в странах Восточной Европы. Об этом говорилось в решении Политбюро ЦК от 17 апреля 1950 г. (73/472) «О порядке осуществления контакта Комитета Информации с органами внешнеполитической разведки стран народной демократии». Этим решением был утвержден текст директивы послам (посланникам) СССР в соответствующих странах об установлении контакта. А на Комитет Информации была возложена задача подобрать для утверждения на Секретариате ЦК ВКП(б) кандидатуры представителей Комитета Информации для каждой из стран Восточной Европы, Китая и Кореи (также считавшихся странами «народной демократии»). В принятой директиве, содержание которой советские дипломатические представители должны были сообщить лидерам стран советского блока, от имени «Правительства СССР» говорилось, прежде всего о том, что «исходя из единства политических целей и задач, а также взаимного доверия между СССР и странами народной демократии, Правительство СССР запретило органам советской разведки ведение всякой разведывательной работы в странах народной демократии»[636]. И далее о том, что по тем же соображениям «взаимного доверия» и «единства политических целей и задач» целесообразно установить контакт советской внешнеполитической разведки с «соответствующими органами стран народной демократии в целях взаимной помощи в разведывательной работе против капиталистических государств и клики Тито в Югославии»[637]. В этих целях предлагалось создать аппараты представителей советской разведки в этих странах и использовать их для обмена разведывательными сведениями,

[634] Там же. Д. 46.
[635] Там же.
[636] Там же. Д. 43. Л. 140.

оказания взаимной помощи в разведывательной работе и проведения в «необходимых случаях» совместных разведывательных операций». Для реализации этого решения лидерам стран «народной демократии» предлагалось «командировать в Москву ответственных представителей политической разведки для разработки совместно с руководством соответствующих органов советской разведки согласованных предложений по этим вопросам»[638]. И несмотря на то что, по сути, Сталин уже ждал в Москве представителей разведок стран-сателлитов, в конце директивы содержалась вполне традиционная мягкая форма, как будто означавшая, что Кремль никому не навязывает своих решений: «Правительство СССР просит Вас сообщить свое мнение, пожелания и предложения по существу вышеупомянутого»[639].

Вскоре, 6 июня 1950 г. решением Политбюро ЦК (П75/73) были персонально утверждены представители Комитета Информации при МИД СССР в странах «народной демократии»: Т.Т.Шкляренко (в Польше), А.И.Филиппов (в Чехословакии), В.Д.Филатов (в Венгрии), С.С.Спандарьян (в Румынии), Л.П.Александров (в Болгарии), М.Ф.Глазков (в Албании), А.И.Лангфанг (в Китае) и И.А.Вашкин (в Северной Корее)[640]. То, что представителей утвердило Политбюро ЦК, а не Секретариат, как планировалось изначально, означало повышение их значимости и положения в советской иерархии. Будучи работниками номенклатуры Политбюро ЦК, чье назначение и смещение решается на самом высоком уровне, они имели такой же статус как и руководители советнических аппаратов МГБ СССР в соответствующих странах.

Этим же решением Политбюро были определены обязанности представителей Комитета Информации (советской разведки) в которые входили обмен разведывательными сведениями, согласование предложений о взаимной помощи и проведение совместных разведывательных мероприятий, оказание необходимой помощи в повседневной работе органов разведки стран «народной демократии», а также задача «выявлять и изучать при этом их разведывательные возможности и с санкции центра, представлять соответствующие предложения об их использовании руководителям этих органов». Также этим решением было установлено, что представители

---

[637] Там же.
[638] Там же.
[639] Там же.

Комитета Информации должны поддерживать необходимый контакт с советниками МГБ СССР и представителями советской военной разведки в этих странах с целью «содействия в деле выполнения поставленных перед ними задач»[641].

Отдельной темой является организация профессиональной подготовки кадров госбезопасности для стран-сателлитов. Обучение будущих сотрудников разведки и контрразведки могло проводиться на местах, для чего в эти страны направлялись специалисты. Подобная практика характерна скорее для конца 1940-х годов[642]. С начала 1950-х годов получает распространения практика обучения офицеров органов внутренних дел и государственной безопасности в специальных учебных заведениях в СССР. Уже 12 января 1951 г. Политбюро ЦК своим постановлением (П80/5) разрешает министру госбезопасности СССР Абакумову принять 22 офицера МВД Албании для обучения на курсах МГБ СССР «на условиях предусмотренных Советско-Албанским соглашением от 30 июня 1949 г.»[643].

В июне 1950 г. «Холодная война» входит в свою первую горячую фазу. После начала войны в Корее Сталин все большее внимание уделяет своим военным приготовлениям в Европе[644]. Вопросы укрепления армий стран «народной демократии» для него в этот период становятся первостепенными. Начавшаяся на Дальнем востоке война всерьез обеспокоила сателлитов Москвы. Им казалось, что если так дело пойдет и дальше, то недалек день начала военного конфликта и в Европе. Тем более, им были совершенно непонятны кульбиты сталинской дипломатии, когда представитель СССР то покинул Совет Безопасности ООН и в его отсутствие Северная Корея была признана агрессором, то вновь вернулся. Встревоженный руководитель Чехословакии Готвальд обратился напрямую к Сталину за разъяснениями. Сталин, находящийся в отпуске продиктовал ответ, в котором раскрыл свое видение

---

[640] Там же.
[641] Там же.
[642] Так, в ответ на просьбу китайцев, 1 ноября 1949 г. Абакумов и председатель Комитета информации Зорин подготовили проект постановления Политбюро о командировании в Китай сроком на 1 год специалистов для обучения разведывательной службе слушателей школы организуемой правительством КНР. От МГБ, в частности, требовалось направить двух специалистов по обучению тайнописи. (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп.7 . Д. 19. Л. 474–477).
[643] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 45.
[644] Ruggenthaler Peter, *Warum Österreich nicht sowjetisiert werden sollte* // Karner, Stefan, Stelzl-Marx, Barbara, (Hg.), *Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung 1945–1945. Beitraege.* Graz–Wien–Muenchen, 2005. S. 85.

ситуации и «успокоил» Готвальда, сообщив ему, что «третья мировая война будет отложена на неопределенный срок, что обеспечит необходимое время для укрепления социализма в Европе»[645]. Сталинский текст раскрывает подлинные цели советской политики на рубеже 1950-х годов и настолько важен и интересен, что его стоит привести целиком:

> «Из Сочи. 23 августа 1950
>
> Прага. Совпосол.
>
> Передайте тов. Готвальду на словах следующее. Если он попросит – можете ответить ему в письменном виде.
>
> На вопрос ухода Советского Союза из Совета Безопасности 27 июня и о событиях, разыгравшихся после этого ухода, я смотрю несколько иначе, чем тов. Готвальд.
>
> Мы ушли временно из Совета Безопасности с четверной целью, во-первых, с целью продемонстрировать солидарность Советского Союза с Новым Китаем, во-вторых, с целью подчеркнуть глупость и идиотство политики США, признающей гоминьдановское чучело в Совете Безопасности представителем Китая, но не желающей допускать подлинного представителя Китая в Совет Безопасности; в третьих, с целью сделать незаконными решения Совета Безопасности в силу отсутствия представителей двух великих держав, в-четвертых, с целью развязать руки американскому правительству и дать ему возможность, используя большинство в Совете Безопасности, – совершить новые глупости с тем, чтобы общественное мнение могло разглядеть подлинное лицо американского правительства.
>
> Я думаю, что нам удалось добиться осуществления всех этих целей.
>
> После нашего ухода из Совета Безопасности Америка впуталась в военную интервенцию в Корее и там растрачивает теперь свой военный престиж и свой моральный авторитет. Едва ли теперь может кто-либо из честных людей сомневаться в том, что Америка выступает в Корее в роли насильника и агрессора и что в военном отношении она не так уж сильна, как рекламирует себя.
>
> Кроме того, ясно, что Соединенные штаты Америки отвлечены теперь от Европы на Дальний восток. Дает ли это нам плюс с точки зрения баланса мировых сил? Безусловно дает.
>
> Допустим, что американское правительство будет и дальше увязать на Дальнем востоке и втянет Китай в борьбу за свободу Кореи и за свою собственную независимость и что из этого может получиться? Во-первых, Америка, как и любое другое государство, не может справиться с Китаем, имеющим наготове большие вооруженные силы. Стало быть, Америка должна надорваться в этой борьбе. Во-вторых, надорвавшись на этом деле, Америка будет неспособна в ближайшее время на третью мировую войну. Стало быть, третья мировая война будет отложена на неопределенный срок, что обеспечит необходимое время для укрепления Социализма в Европе. Я уже не говорю о том, что борьба Америки с Китаем должна будет революционизировать всю

[645] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 62. Л. 71–72.

Дальневосточную Азию. Дает ли все это нам плюс с точки зрения баланса мировых сил? Безусловно дает.

Как видите, дело об участии или не участии Советского Союза в Совете Безопасности не такой уж простой вопрос, как это может показаться на первый взгляд.

В силу всего этого мы не можем сказать, что «лагерю демократии нет необходимости уходить из Совета Безопасности». Уход или не уход зависит от обстоятельств. Мы можем еще раз уйти из Совета Безопасности и еще раз вернуться в зависимости от международной обстановки. Вечных и неизменных правил поведения в таких вопросах не существует.

Могут спросить – для чего же мы вернулись теперь в Совет Безопасности. Для того, чтобы продолжать разоблачение агрессивной политики американского правительства и помешать ему прикрывать свою агрессию флагом Совета Безопасности. Теперь, когда Америка уже втянулась в агрессию в Корее, легче всего будет добиться этой цели, находясь в Совете Безопасности. Я думаю, что это понятно и не нуждается в дальнейших разъяснениях.

27 августа 1950 г. Филиппов»[646].

Не менее важна была регламентация деятельности аппаратов советников МГБ в странах Восточного блока. Но министерству госбезопасности потребовалось около двух лет, чтобы, в конце концов, четко определить, что могут, а что не могут и что должны, а что не должны делать советники. Наконец, 19 октября 1951 года пришедший на смену арестованному Абакумову министр госбезопасности С.Д.Игнатьев с письмом № 725/И направил в ЦК ВКП(б) на утверждение разработанный в 1 управлении МГБ СССР вариант «Наставления» советникам МГБ СССР при органах безопасности в странах «народной демократии»[647]. Примечательно, что исполнителем документа значился сам начальник управления – Г.В.Утехин, которого через пару недель ждал арест. Предложенный Игнатьевым текст Наставления из 12 пунктов был принят и утвержден Политбюро ЦК без изменений 22 октября 1951 года решением П84/122–оп[648]. В принятом «Наставлении» вполне внятно говорилось об основном смысле деятельности советников МГБ – давать советы и оказывать содействие органам безопасности стран Восточного блока. При этом советническим аппаратам МГБ СССР строго запрещалось подменять собой органы безопасности этих стран, то есть выполнять их работу и «навязывать им свое мнение». На практике, в условиях проведения репрессий и подготовки

[646] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 62. Л. 71–72.
[647] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 9. Д. 22. Л. 266.
[648] Текст «Наставления» см. в приложении.

показательных процессов против «заговорщиков» и «шпионов», это как раз, и происходило.

Спектр вопросов, по которым советники МГБ могли давать советы ограничивался следующим:

> «– о возможных улучшениях организационной структуры органов безопасности, милиции пограничных и внутренних войск;
>
> – о мерах по улучшению агентурно-оперативной и следственной работы органов безопасности и милиции;
>
> – об организации работы по специальной проверке и служебной подготовке кадров оперативных работников органов безопасности и милиции, офицеров пограничных и внутренних войск;
>
> – об организации боевой подготовки и службы в пограничных и внутренних войсках.
>
> При оказании помощи по перечисленным вопросам советники обязаны исходить из местных условий, не допуская механического копирования форм и методов работы органов государственной безопасности СССР.
>
> Все советы и консультации должны даваться только в устной форме»[649].

Как видим, и здесь не обошлось без нарушений, тем более, как об этом говорится ниже, сам Сталин вынуждал страны-сателлиты проводить реорганизацию органов национальной безопасности по образу и подобию СССР. Но особенно нелепым, в условиях сталинских репрессий выглядел пункт 8-й «Наставления»:

> «Советники и инструкторы не должны лично принимать агентуру органов безопасности и допрашивать арестованных»[650].

Достаточно вспомнить о приемах, используемых Белкиным и Макаровым в Венгрии, в ходе подготовки процесса Райка (они и допрашивали и принимали внутрикамерную агентуру), чтобы понять, что подготовленный и утвержденный в МГБ вариант «Наставления» был абсолютно нереален и неработоспособен в сталинское время. Он скорее являлся, своего рода, ширмой призванной прикрыть действительную роль и приемы сталинских посланцев при органах безопасности стран-сателлитов и поберечь при этом самолюбие местных вождей, желавших сохранить иллюзии о собственной самостоятельности в принятии решений по вопросам репрессивной политики, а также разведки и контрразведки.

---

[649] См. приложение.
[650] См. приложение.

Так уж совпало, что в это же время, когда «Наставление» было утверждено Сталин обратил пристальное внимание на работу советников МГБ. Его недовольство работой некоторых советников МГБ привело к решению о замене старших советников сразу в трех странах. Решением Политбюро ЦК 2 ноября 1951 г. (П84/220) были освобождены от своих обязанностей старшие советники МГБ СССР С.И.Филатов (Болгария), Г.С.Евдокименко (Венгрия) и В.А.Боярский (Чехословакия) и вместо них соответственно назначены В.Н.Суходольский, М.С.Иванов и А.Д.Бесчастнов[651].

Советские советники в Болгарии и подготовка процесса над Трайчо Костовым

Советники НКГБ СССР в Болгарию были направлены уже в 1945 г. Нарком ГБ В.Н.Меркулов сообщал 6 сентября 1945 г. Берии о выполнении его поручения: «Согласно Вашего задания для работы в качестве инструкторов Министерства внутренних дел Болгарии выдвигаю следующих работников», и далее сообщал их фамилии: полковник Л.А.Студников – нач. 8 отдела 4 управления НКГБ, подполковник И.И.Зеленский – нач. 2 отделения 4 отдела 4 управления НКГБ и полковник П.В.Голубенков – нач. 1 отделения 1 отдела 4 управления НКГБ[652]. Служебный уровень вышеупомянутых работников довольно высок. И хотя речь не шла об устройстве какого-либо постоянного штата советских советников от госбезопасности, тем не менее, некоторые из них довольно долго находились в Болгарии, помогая организовать национальную службу госбезопасности. Например, Зеленский проработал в Болгарии вплоть до 1950 г.

Точно также, как и в Венгрии здесь был устроен показательный «шпионский» процесс. И будущую жертву наметил сам Сталин. Принимая в декабре 1948 года в Кремле болгарскую делегацию, он поставил вопрос о «недоверии» Трайчо Костову – члену Политбюро и секретарю ЦК компартии Болгарии и Антону Югову – министру внутренних дел, обвинив их в нежелании

[651] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 47.
[652] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2222. Л. 308.

делиться информацией с советскими советниками. Сталин прямо заявил, что «именно с этого начался наш конфликт с Тито»[653].

Под давлением Москвы в марте 1949 г. Костов лишился своих партийных постов. Он был обвинен в «политических» ошибках и «антипартийных» действиях[654]. Доклад о деле Костова был сделан В.Коларовым 26 марта на пленуме ЦК БКП. На пленуме А.Югов предпочел полностью отмежеваться от Костова и также выступил с его критикой, тем самым вывел себя из-под удара. Принимая в Москве 13 апреля 1949 г. болгарских руководителей Сталин, ознакомившись с материалами этого доклада, охарактеризовал Костова как «опасного человека»[655], тем самым, еще раз указал на него как на будущую жертву чистки и, возможно, даже центральную фигуру «титовского» заговора в Болгарии.

В первых числах июня 1949 г. Сталиным было принято решение о направлении в Болгарию сотрудников МГБ М.Т.Лихачева и Л.Л.Шварцмана[656] для помощи в расследовании дела Трайчо Костова[657]. Прибыв в Софию, они 8 июня 1949 г. направили свое первое сообщение в Москву. Из него следовало, что по делу «троцкистской группы, проводившей по заданию английской разведки подрывную работу в народном хозяйстве страны» арестовано уже 12 человек, и согласно показаниям, один из участников группы был связан с Костовым. Далее в сообщении говорилось о том, что заместитель министра внутренних дел Болгарии Христозов убежден в виновности Костова и считает, что его надо арестовать, «а члены Политбюро ЦК, точку зрения которых представляет Югов хотя и сомневаются в доброкачественности материалов следствия, все же сделают так, как посоветуют из Москвы»[658].

---

[653] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. *Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории.* М. 2002. С. 515.

[654] Позднее, советники МГБ Л.Шварцман и М.Лихачев писали, что Костов был снят за «грубые антипартийные ошибки и националистический уклон». После этого Костов вплоть до ареста работал директором Болгарской народной библиотеки (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 8. Л. 123–136).

[655] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. *Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории.* М. 2002. С. 517.

[656] Оба являлись заместителями начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР.

[657] *Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953.* Москва–Новосибирск. 1998. Т. 2. С. 185.

[658] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 8. Л. 123–136.

12 июня 1949 г. Шварцман и Лихачев сообщили в Москву о состоявшемся 11 июня пленуме ЦК БКП на котором Костов был выведен из ЦК и исключен из партии, добавив, что, по их мнению, его следует арестовать, «учитывая возможность его побега за границу»[659]. Однако болгарские руководители не были готовы к таким решительным шагам. Потребовалось давление из Москвы.

18 июня 1949 г. Абакумов направил Сталину очередное сообщение Шварцмана и Лихачева из Софии, в котором говорилось, что «Болгарские товарищи еще не решили вопрос об аресте Костова»[660]. Они писали о том, что 16 июня 1949 г. состоялась их беседа с министром внутренних дел Югoвым, который сказал о своем согласии с доводами следователей об аресте Костова и обещал поговорить об этом с руководством ЦК. Вечером этого же дня, как пишут советники, Югов был заметно смущен. Оказалось он докладывал на секретариате ЦК БКП Коларову, Червенкову и Чанкову этот вопрос, но санкцию на арест от них не получил. Они заявили, что сомневаются в правдивости следственных материалов, решили их проверить, а к вопросу об аресте вернуться во вторник 21 июня на заседании Политбюро. Югов сообщил советникам, что в ЦК «существуют опасения – как бы под ударом не оказались честные коммунисты» и как бы не «повторился Ваш опыт арестов за 37 г., когда незаслуженно пострадали некоторые болгары и даже стоял вопрос об аресте Коларова и Червенкова, но их отстоял Димитров». Через два дня – 18 июня Шварцман и Лихачев вновь говорили с Югoвым и, намекая на Сталина, сказали ему, что неплохо бы ЦК БКП связаться «с кем следует и решить вопрос о Костове». На это Югов ответил: «Я понимаю Вас, но неудобно обращаться туда по этому вопросу потому, что вопрос о Костове мы должны решить сами»[661].

Не исключено, что болгарские руководители, отбросив стеснение, все же связались «с кем следует». Уже 20 июня 1949 г. Абакумов доложил Сталину, что как ему, в свою очередь, сообщили Лихачев и Шварцман, вечером 19 июня состоялось решение ЦК БКП об аресте Костова, и в 8 утра 20 июня он был арестован при выходе из квартиры[662]. Дальнейшие сообщения Лихачева и Шварцмана о ходе расследования дела Костова Абакумов регулярно направлял

[659] Там же. Л. 109–110.
[660] Там же. Д. 9. Л. 341–344.
[661] Там же.

Сталину. В сообщении Абакумова от 20 июля 1949 г. говорилось, что среди болгарских руководителей Коларов больше других сомневается в деле Костова и «берет под сомнение работу органов госбезопасности Болгарии»[663]. Наконец, 31 июля 1949 г. Абакумов направил Сталину победное сообщение Лихачева и Шварцмана (от 28 июля) о наступившем в допросах Костова переломе: «он более откровенно показывает о своей вражеской работе». В сообщении говорилось об оказанной болгарским следователям помощи, о проведенных двух совещаниях следователей «с разбором недостатков». На этом этапе Лихачев и Шварцман посчитали свою задачу выполненной и писали, что дальнейшее их пребывание в Болгарии «нецелесообразно», мотивируя это опасением возникновения «слухов о вмешательстве СССР в дело арестов в Болгарии», того же мнения был и посол СССР в Болгарии[664]. И действительно, главную задачу они решили. Ведь советникам МГБ СССР важно было не только придать расследованию этого дела нужное направление, но еще и убедить руководителей Болгарии в том, что они на самом деле окружены «врагами» и «заговорщиками». Лихачев и Шварцман вернулись в Москву, но как оказалось не надолго.

Сталин хотел быть уверенным, что дело Костова находится под надежным контролем. Об этом он имел специальный разговор с министром Абакумовым, о чем свидетельствует письмо министра госбезопасности Сталину от 3 сентября 1949 г. (№ 5868/А). Абакумов писал: «После разговора с Вами я вызвал вернувшихся с Вашего разрешения из Софии Лихачева и Шварцмана находившихся там в течении 3 месяцев». Они сообщили Абакумову, что в первое время лично участвовали в допросах Костова, а потом это делали только болгарские следователи. Лихачев и Шварцман говорили о «малом опыте» следователей – болгар и сетовали на то, что ЦК БКП «по непонятным причинам» не разрешает арестовать лиц связанных с Костовым – бывшего министра финансов Стефанова и бывшего управляющего торговым банком Цончева. Для выправления ситуации в Софии Абакумов предложил:

> «Имея в виду, что в настоящее время, в связи с возвращением т.т.Лихачева и Шварцмана, в Болгарии никого из работников МГБ СССР нет, чтобы не допустить ошибки с выполнением Вашего указания

---

[662] Там же. Л. 231.
[663] Там же. Д.11. Л. 334–343.
[664] Там же. Л. 1–11.

– не развивать вновь полученных от Костова показаний о его связи с полицией, а взять решительное направление в следствии на вскрытие его преступных связей с группой Тито, – не целесообразно ли было бы передать указания об этом тов. Червенкову и министру внутренних дел Болгарии тов. Христозову»[665].

Абакумов просил указания Сталина, как поступить: передать это предложение по дипломатическим каналам, либо вновь направить в Болгарию Шварцмана. Сталин решил, что иметь в Софии своего представителя МГБ – надежнее, и заместитель начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР Шварцман вновь отправился в Болгарию.

Если раньше о деле Костова и деликатной миссии Лихачева и Шварцмана Абакумов сообщал исключительно Сталину, то теперь круг адресатов существенно расширился за счет «ближайших соратников»[666]. Сообщение от Шварцмана из Софии Абакумов направил 27 сентября (№ 5952/А) на имя Сталина, Молотова, Берии и Маленкова. Шварцман доложил, что 19 сентября 1949 г. по приезде в Софию имел встречу с Червенковым в присутствии Христозова и передал им указания Филиппова (Сталина) по делу Костова – как вести следствие, главная задача которого «вскрытие преступных связей с кликой Тито», а связи Костова (1942 г.) с полицией «оставить в стороне». Помимо этого, Шварцман передал болгарам предложение, несомненно разработанное в Москве, пересмотреть все материалы на болгар, «особенно из числа македонцев», подозреваемых в тайных связях с Югославской миссией в Софии, а также выявить всех тех, кто подозревается, будто заброшен в Болгарию югославской разведкой[667].

Не было ничего удивительного в том, что дальнейшее расследование дела арестованного в Болгарии Трайчо Костова привело болгарских руководителей Коларова и Червенкова к выводу о ненадежности всей армейской верхушки. Им даже стало казаться, что против них действительно готовится военный переворот. Своими страхами они поделились со Сталиным. В октябре 1949 г. в Болгарию был направлен заместитель министра

[665] Там же. Д. 15. Л. 206–208.
[666] Вероятнее всего это связано с тем, что с начала сентября и до начала декабря 1949 г. Сталин находился в отпуске на юге, и текущие дела в Москве было поручено решать узкой группе членов Политбюро. По крайней мере, по именам адресатов абакумовской переписки мы можем судить, кто входил в этот «узкий состав».
[667] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 16. Л. 93–98.

госбезопасности СССР С.И.Огольцов[668]. В его задачи входило обеспечение внутренней безопасности страны на период подготовки судебного процесса над Т.Костовым и оказание болгарам помощи в проведении чистки армии[669]. Одновременно в Болгарию была тайно переброшена дивизия внутренних войск МГБ СССР. Перевозку личного состава дивизии осуществили в три приема 21, 23 и 25 октября морем, переодев всех военнослужащих в штатские костюмы[670].

Переписка Сталина с Червенковым и Коларовым в этот период особенно интенсивна. 12 октября 1949 г. Сталин пишет им:

> «Мы получили сообщение нашего посла о Вашей беседе с ним по вопросу о начальнике Генштаба Кинове[671] и о показании арестованных, которые говорят о том, что к заговорческой[672] деятельности причастны Кинов и некоторые другие военные. В связи с этим мы считаем необходимым сообщить Вам следующее наше мнение. В отношении лиц, изобличенных в заговорческой деятельности как гражданских, так и особенно военных, советуем действовать быстро и решительно, не ограничиваться снятием их с постов, а арестовывать их»[673].

Несмотря на столь ясный совет Сталина, болгарские руководители, почему-то, медлили. Информированный Огольцовым[674], советский вождь вновь

---

[668] Справка Абакумова о мероприятиях по обеспечению спецзадания в Болгарии приложена к записке МГБ № 6082/А от 25 октября 1949 г. с отчетом о состоявшейся переброске дивизии. В ней говорится о направлении в Болгарию Огольцова с поручением «обеспечить надлежащий порядок в республике», ознакомиться со следственным материалом по делу Костова и совместно с Л.Л.Шварцманом и группой следственных работников оказать помощь в ведении следствия (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 27. Л. 408–409).

[669] 19 октября 1949 г. Огольцов сообщил из Софии о своей беседе 17 октября с Червенковым. В ходе беседы обсуждался вопрос о размещении в Болгарии советской дивизии внутренних войск, которой будут поставлены задачи по охране объектов и патрулировании в районах ЦК БКП и правительственных учреждений. В ходе беседы Червенков заявил: «Москва не доверяет нашим военным». Огольцов после беседы сделал вывод, что ЦК БКП не знает, что делается в армии и сообщил, что несмотря на решение ЦК БКП о передаче особых отделов в МВД, они еще остаются в армии. Это сообщение Огольцова министр госбезопасности Абакумов направил Сталину, Молотову, Берии, и Маленкову (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 18. Л. 399–402).

[670] Отчет о переброске дивизии внутренних войск МГБ в Болгарию Абакумов направил Сталину 25 октября 1949 г. Общая численность дивизии во главе с генерал-майором Бровкиным составила 4030 человек. Состав дивизии отправился из Одессы в гражданской одежде на теплоходе. Вооружение дивизии состояло из 342 ручных пулеметов, 3468 автоматов, 12 минометов, 518 пистолетов и 7292 гранат. (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 18. Л. 266). Вероятно на содержание дивизии Политбюро ЦК ВКП(б) решением П71/718 от 23 ноября 1949 г. выделило МГБ «для спецмероприятий» – 130 миллионов болгарских левов (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 19. Л. 42–43).

[671] И.Кинов – бывший полковник советской армии, прослуживший в ней 20 лет (Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. *Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории.* М. 2002.С. 500).

[672] Особенности орфографии сохранены.

[673] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 62. Л. 28.

[674] В сообщении Огольцова от 25 октября 1949 г. на имя Абакумова говорилось «о некоторых фактах, связанных с положением в болгарской армии». В частности Огольцов утверждал, что по

напомнил им о необходимости действовать быстро и решительно. В телеграмме на имя Коларова и Червенкова от 27 октября 1949 г. говорилось:

> «От тов. Огольцова нам стало известно, что Вы озабочены положением дел в Армии и не вполне уверены в ее высшем командном составе.
>
> В своем сообщении т. Огольцов высказывает следующее мнение:
>
> 1). Теперь же отстранить Кинова и Болгаринова от занимаемых ими постов, как скомпрометированных следствием, а Политбюро ЦК болгарской компартии назначить комиссию для тщательной проверки их работы в Армии с тем, чтобы в зависимости от результатов этой проверки и дальнейшего хода следствия решить вопрос о судьбе Кинова и Болгаринова.[675]
>
> 2). В связи с тем, что в болгарской армии на низших и средних командных должностях находятся до 100 югославских офицеров и так как не исключено, что среди них имеются разведчики, специально заброшенные в Болгарию аппаратом Ранковича, под видом политэмигрантов – теперь же отчислить из болгарской армии всех югославских офицеров, с предоставлением им работы в гражданских учреждениях.
>
> Мы считаем, что т. Огольцов прав и хотели бы знать, как Вы думаете по этим вопросам»[676].

В это же время болгарские руководители рассматривали вопрос о передаче пограничных и внутренних войск в состав армии. В Советском Союзе пограничные и внутренние войска традиционно входили в состав ведомств внутренних дел или государственной безопасности. Поэтому, Сталин не мог согласиться с таким решением. 23 октября 1949 г. он направил в Софию в посольство СССР телеграмму для ее передачи Коларову и Червенкову. Сталин писал, что ему стало известно «о сомнениях» болгар, «не передать ли внутренние войска в министерство обороны» и сообщал свое мнение о том, что

мнению Червенкова министр обороны Дямянов «не обеспечивает руководства», а, кроме того, ЦК БКП «не доверяет начальнику Генштаба Кинову». Огольцов писал, что Кинов и начальник политуправления армии Болгаринов «проходят по показаниям» арестованного секретаря политбюро БКП Николы Павлова, и делал вывод, что их надо освободить от должностей и создать комиссию по обследованию их работы, а затем «решить вопрос об их аресте». В этом же сообщении Огольцова содержалось предложение уволить из болгарской армии 100 офицеров-югославов, бежавших от Тито, так как «не исключено, что среди них есть и разведчики». Это сообщение Абакумов 26 октября 1949 г. (№ 6091/А) направил Сталину, Молотову, Берии и Маленкову (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 18. Л. 215–217).

[675] 28 октября 1949 г. Червенкову за подписью Филиппова (Сталина) была направлена телеграмма: «В соответствии с Вашей просьбой в ближайшие дни в Болгарию будет направлен в командировку сроком не менее двух месяцев квалифицированный военный юрист для оказания помощи в работе военно-судебной части министерства народной обороны» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 62. Л. 50).

[676] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 62. Л. 44.

их «целесообразно оставить в МВД». Свою позицию он аргументировал следующим образом:

> «Если пограничные войска будут подчинены министерству обороны, то каждый пограничный конфликт будет превращаться в военный конфликт, что не в интересах государства. Что же касается внутренних войск, то их задача состоит в том, чтобы обеспечивать внутреннюю безопасность, а это является прямой обязанностью МВД.
>
> Исходя именно из этих мотивов в Советском Союзе пограничные и внутренние войска подчинены министерству госбезопасности, а не министерству вооруженных сил»[677].

При этом Сталин настаивал[678] на необходимости передать особый отдел (военную контрразведку) и его органы в МВД, изъяв их из министерства обороны, ссылаясь на опыт СССР:

> «Органы Особого отдела должны обеспечивать чекистскую работу в войсках и не могут успешно работать в отрыве от органов МВД.
>
> В Советском Союзе особые отделы подчинены МГБ, а не министерству вооруженных сил. Наш опыт подтверждает правильность такой организации особых отделов»[679].

В конце концов, в ходе тотальной чистки в армии болгарские руководители пришли к выводу, что лучше всего попросить Москву прислать им опытного советского генерала на пост начальника Генерального штаба. Сталин, 2 ноября 1949 г. ответил, что считает это нецелесообразным, так как руководитель Генерального штаба должен хорошо знать болгарские условия и болгарский язык, то есть – быть связанным с болгарской армией. Такую кандидатуру, по мнению Сталина, можно подобрать только в Болгарии[680].

---

[677] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 62. Л. 38–39.

[678] «Считаем нужным дать Вам совет», – писал он.

[679] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 62. Л. 39–38. К тексту телеграммы сделана приписка: «ознакомьте с этой телеграммой тов. Огольцова, исполнение телеграфируйте. А.Громыко». Есть пометы об утверждении текста этой телеграммы на Политбюро: «принято 22.10.49. Голосовали «за» т. Маленков, Молотов, Каганович, Булганин» (там же).

[680] Тем не менее, это не помешало Сталину, в это же время, назначить министром национальной обороны Польши советского маршала Рокосовского. Хотя этому неординарному назначению предшествовала серьезная интрига. Министра обороны Польши Роля-Жимерского заподозрили в подготовке к побегу на Запад. Об этом свидетельствуют несколько донесений Абакумова Сталину (26 и 29 октября 1949 г.), составленных на основе сообщений советника МГБ в Польше Давыдова. В первом речь шла о «подозрительных фактах в поведении» Роля-Жимерского, хотя речь шла всего-то о его встрече с пилотом служебного самолета в частной обстановке. Во втором говорилось о демонстративном отказе Роля-Жимерского от личной охраны со стороны польской безопасности (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 18. Л. 123–125, 212–214). Когда решение было принято и 2 ноября 1949 г. Берут объявил ему о замене Рокосовским, Роля-Жимерский по сообщению Абакумова «был ошеломлен» и справедливо заключил, что «здесь чьи-то интриги» (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 19. Л. 430–432).

Вместе с тем, Сталин обещал дать в помощь будущему начальнику Генерального штаба советского советника, «которого мы в ближайшее время направим в Болгарию»[681].

5 ноября 1949 г. Абакумов информировал Сталина, Молотова, Берия и Маленкова[682] о телеграмме Огольцова из Болгарии. В ней сообщалось о размещении дивизии внутренних войск: в Софии – 3500 человек и в Варне – 500. «Ее размещение, – писал Огольцов, – максимально засекречено», дивизия охраняет здания ЦК БКП, Совета Министров, квартиры и дачи болгарских руководителей, аэропорт и радио. Также Огольцов сообщал, что начальник Генерального штаба Кинов и начальник Политического управления Болгаринов решением Политбюро ЦК БКП 29 октября освобождены от занимаемых должностей, взяты под наружное наблюдение и на их квартирах установлена техника секретного прослушивания[683]. На поддержание деятельности советского МГБ в Болгарии решением Политбюро ЦК ВКП(б) (П71/718) от 23 ноября 1950 г. было выделено 130 миллионов левов[684].

Расследование дела Т.Костова закончилось громким судебным процессом в декабре 1949 г. и расстрелом. Решение о проведении открытого показательного процесса было принято Политбюро ЦК БКП, оно же утвердило и персональный состав суда и порядок проведения процесса. Об этом сообщил в Москву Шварцман, он также сообщил, что 5 ноября 1949 г. на совещании с участием Коларова, Червенкова и министра внутренних дел Христозова были подведены предварительные итоги следствия по этому делу. Информацию Шварцмана Абакумов 6 ноября 1949 г. (№ 6151/А) направил Сталину и в ответ из Кремля получил приказ представить предварительно обвинительный акт по делу Костова на рассмотрение в Москву. Абакумов тут же распорядился об этом и сделал на сообщении Шварцмана помету: «Необходимые указания даны. Абакумов. 09.11.49»[685]. Обвинительный акт по делу Костова 24 ноября 1949 г. был направлен Абакумовым Сталину (письмом № 6212/А) с предложением провести судебный процесс в Софии до 18 декабря – то есть до предстоящих

[681] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 62. Л. 52.
[682] Запиской № 6141/А. См.: ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 19. Л. 393–395.
[683] Там же.
[684] Просьба о выделении средств в болгарской валюте содержалась в письме Абакумова № 6192 от 19 ноября 1949 г. (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 19. Л. 42–43).
[685] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 19. Л. 316–320.

выборов в Народное собрание[686]. Обвинительный акт был в Москве рассмотрен. Об этом свидетельствуют карандашные пометы на сохранившемся в архиве экземпляре[687].

Согласно сообщению Шварцмана из Софии (Абакумов переслал его Сталину 29 ноября за № 6231/А), обвинительный акт был вручен всем 11 обвиняемым 28 ноября 1949 г., а слушание дела назначено на 7 декабря. В печати публикация обвинительного акта была намечена на 30 ноября, в связи с тем, что 29 ноября публиковалась резолюция Информбюро с красноречивым названием «Югославская компартия во власти убийц и шпионов»[688]. Такая пропагандистская подготовка была вполне уместна. Ведь в резолюции информбюро речь, как раз, и шла о попытках Тито «создать в странах народной демократии политические банды из реакционных, националистических, клерикальных и фашистских элементов, чтобы, опираясь на них, осуществить в этих странах контрреволюционный переворот, оторвать их от Советского Союза…»[689]. И состоявшийся процесс над Райком в Венгрии и предстоящий процесс над Костовым в Болгарии, по мнению сталинских идеологов, были тому лучшей иллюстрацией и доказательством.

Освещение суда в Софии было вполне традиционным для советской прессы. По канонам показательных «Московских процессов» 1930-х годов из подсудимых сделали настоящих злодеев, их награждали самыми обидными кличками, дискредитировали всю их предыдущую революционную деятельность. Для сталинской пропаганды было важно не только очернить жертву, но и не допускать мысли о каких-либо прошлых заслугах подсудимых. То есть враг – всегда был врагом, просто раньше его не могли или не сумели разоблачить.

В этом смысле показательно, что именно в день вынесения приговора Костову в «Правде», задним числом, была опубликована записка Димитрова, написанная им за месяц до смерти. При этом, конечно, нет никакой гарантии, что этот документ не был сфальсифицирован в пропагандистских целях. Оно и понятно, Костов был ближайшим соратником Димитрова, и это все знали и

---

[686] Там же. Д. 20. Л. 135–212.
[687] Там же.
[688] Там же. Л.23–24.
[689] *Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 года.* М. 1949. С. 24.

видели. 10 мая 1949 г. пленум ЦК Болгарской компартии исключил Костова из состава ЦК. Димитров, находящийся в это время на лечении в Москве, был ознакомлен со стенограммой этого пленума. После этого, по версии газеты «Правда» Димитров написал в Политбюро ЦК Болгарской компартии:

> «После моего ознакомления с протоколом пленума и особенно с длинной речью т. Костова я окончательно убедился, что мы имеем дело не только с интеллигенствующим индивидуалистом и прожженым карьеристом, но и с лукавым, изощренным и законченным подлецом, которому не может быть места в подлинно большевистской партии…»[690].

Процесс над Костовым, как и намечалось, начался в Софии 7 декабря 1949 г. и длился неделю. Из зала суда некий советский журналист П.Голубев регулярно поставлял свои репортажи. В одном из первых, под названием «Гадина извивается», он сообщил о «возмутительном» факте. Ни с того ни с сего, Костов вдруг стал отказываться от своих показаний данных на предварительном следствии: «…Костов нагло отпирается, обходит собственноручно написанные на следствии показания, уклоняется от ответов на прямо поставленные вопросы». В общем, с самого начала процесса случился серьезный сбой. По опыту «Московских процессов» в таких случаях судебный допрос прекращали и просто зачитывали показания данные отказчиком на предварительном следствии. Так и поступили. Около 3 часов подряд суд оглашал ранее полученные советскими советниками МГБ показания Костова. Не скупились газеты и в описании внешности и манер главного подсудимого, выставляя его самым отталкивающим образом: «Приземистый, небольшого роста, с гладко выбритым лицом и хитрыми, воровскими глазками, скрытыми за роговыми очками, Костов подходит к трибуне и тихим вкрадчивым голосом начинает свои показания»[691].

Разумеется, представители МГБ в Софии Огольцов и Шварцман регулярно информировали Москву о ходе процесса. Их сообщения Абакумов аккуратно пересылал Сталину, Молотову, Берии и Маленкову. Так, 7 декабря (№ 6248/А) Абакумов сообщил, что Костов «начал вилять» и признал себя виновным лишь частично; 9 декабря (№ 6256/А) о том, что Костов «пробовал воздействовать на суде на других подсудимых», но они «держались твердо», то

[690] *Правда.* 1949. 14 декабря.
[691] *Правда.* 1949. 14 декабря.

есть не отступали от показаний данных на предварительном следствии; 14 декабря (№ 6273/А) о вынесенном по делу приговоре[692].

Накануне вынесения приговора, подводя итог процессу, главная советская газета писала:

> «Костов, изобличенный на суде показаниями других подсудимых и свидетельскими показаниями в связях с болгарской царской полицией, в антигосударственном заговоре, преступных связях с английской и американской разведками и фашистской кликой Тито, пытается лицемерно и трусливо избежать кары. В своем последнем слове он вновь пытается продолжать ту хитрую и трусливую линию, которую он стремился проводить с первого дня процесса»[693].

Костов был приговорен к смертной казни, лишению всех прав, к штрафу в 1 миллион левов с конфискацией имущества, пятеро подсудимых к пожизненному заключению, трое к 15 годам, один к 12 и один к 8 годам заключения. Что бы хоть как-то сгладить впечатление от «неувязки» в ходе процесса газеты опубликовали текст прошения Костова о помиловании в котором он, якобы, признавал, что неправильно вел себя на суде и это, как говорилось в опубликованном прошении, «может нанести вред НРБ и бросить тень на ее народно-демократический строй»[694]. Президиум Народного собрания Болгарии 16 декабря 1949 г. рассмотрел просьбу Костова о помиловании и отклонил ее. В пятницу 16 декабря 1949 года Трайчо Костов был казнен. До отмеченного с большой помпой сталинского 70-летнего юбилея оставалось всего пять дней.

В начале 1960-х, после разоблачения сталинских преступлений на XX и XXII съездах КПСС, Костов был реабилитирован. Теперь, болгарская пропаганда использовала его имя для борьбы со сталинистами еще сохранявшими свои посты. Вернувшись из Москвы после XXII съезда КПСС лидер болгарских коммунистов Тодор Живков собрал в ноябре 1961 года пленум ЦК БКП на котором обрушился с критикой на «сектантско-догматическую линию» В.Червенкова и призвал «преодолеть» насаждаемый

---

[692] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 21. Л. 226–227, 345–347, 368–370.
[693] *Правда.* 1949. 15 декабря.
[694] *Правда.* 1949. 17 декабря. Для пущей убедительности в Болгарии была опубликована, датированная 14 декабря, фотокопия оригинала прошения Костова – «Молбы» о помиловании. См.: *Работническо дело.* 1949. 17 декабря.

ранее культ его личности[695]. В результате была сформирована специальная комиссия по расследованию деятельности В.Червенкова и его соратников.

В отчетном докладе 8 съезду болгарской компартии 5 ноября 1962 года Живков посвятил целый раздел «борьбе партии за преодоление последствий культа личности и восстановление ленинских норм партийной жизни и принципов руководства», в котором он гневно клеймил В.Червенкова, А.Югова и других бывших руководителей за то, что они «грубо нарушали во время господства культа личности законность у нас и этим причинили большой вред партии и стране»[696]. Живков сообщил делегатам, что незадолго до съезда пленум ЦК БКП вывел упомянутых им деятелей из ЦК, а Червенкова даже исключил из партии[697]. А вот их жертва – Костов, напротив, был поднят на щит и ему посмертно (небывалый случай!) было присвоено звание Героя социалистического труда с формулировкой за «заслуги в борьбе против фашизма и капитализма и строительство социализма»[698]. Здесь болгары перещеголяли русских, в СССР посмертно реабилитированных не награждали.

Особенности советизации Чехословакии.

После окончания Второй мировой войны Чехословакия оказалась в советской сфере влияния. В то же время в ходе военного наступления союзников весной 1945 г. часть территории Чехословакии была занята американскими и английскими войсками. Это обстоятельство и действующий договор, заключенный 12 декабря 1943 г. правительством СССР с лондонским Чехословацким правительством не позволили СССР сразу же после окончания войны форсировать установление коммунистического режима в Чехословакии. Сталину приходилось действовать с оглядкой на Запад и, по возможности не нарушать грубо или демонстративно имеющиеся соглашения. Это и определило

[695] Живков Тодор. *Избранные статьи и речи.* Т. 2. М. 1965. С. 59, 83.
[696] Там же. С. 300, 307.
[697] Там же. С. 308.
[698] Сообщение об этом в январе 1963 г. было опубликовано в болгарских газетах. Также было принято решение «на подходящем месте» поставить в Софии бюст Костова. Кроме него еще трое осужденных вместе с ним на процессе были награждены орденом «Георгий Димитров» (*Работническо дело.* 1963. 11, 12, 13 января).

вывод советских войск с территории Чехословакии последовавший в 1946 г.[699] Вместе с тем, наивно было бы думать, что Сталин отказался от своих замыслов полностью включить Чехословакию в орбиту советской системы. Он не спешил, и действовать предпочитал тайно, но наверняка.

Силой, способной по замыслам Кремля постепенно захватить всю полноту власти и вытеснить буржуазные партии и органы управления довоенной Чехословакии, являлась коммунистическая партия Чехословакии во главе с Клементом Готвальдом. Ее кадры, сохраненные и приумноженные в годы войны на территории СССР, включая и национальные военные чехословацкие формирования (1-й Чехословацкий национальный Корпус во главе с Людвиком Свободой) усердно насаждались во всех сферах политики и управленческом аппарате Чехии и Словакии. О силе советских ставленников достаточно откровенно говорилось в записях сделанных советским послом В.А.Зориным в ходе беседы со К.Готвальдом и Р.Сланским в апреле 1945 г. в городе Кошице. Готвальд похвалялся, что коммунисты возглавляют аппарат МВД в Чехословацком правительстве и Словацком Национальном Совете, а министр внутренних дел Носек «занят разработкой проекта реорганизации всей внутренней охраны, используя опыт Советского Союза»[700]. В составе чехословацкого МВД был создан контролируемый коммунистами аппарат тайной политической полиции (Statni Tajna Bezpecnosti) – в его функции входило проведение арестов и расследование дел о «преступлениях против государства»[701]. Совершенно очевидно, что аппарат политической полиции, на работу в который подбирались исключительно просоветские элементы, активно использовался коммунистами для борьбы со своими противниками.

5 апреля 1945 года была провозглашена так называемая «Кошицкая программа» – программа правительства Национального фронта чехов и словаков. Ее проект был выработан коммунистами и главным требованием

---

[699] В советских официальных источниках указывается, что войска из Чехословакии и Югославии были выведены осенью 1945 г., а из Болгарии, Румынии и Венгрии в декабре 1947 г. При этом в Румынии и Венгрии была оставлена часть войск «для поддержания коммуникационных линий Советской Армии с советской зоной оккупации Австрии» (*Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы. Страницы истории* / П.Н. Бобылев, В.П. Бокарев, С.В. Липицкий, М.Е. Монин. М. 1987).

[700] *Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953.* Москва–Новосибирск. 1997. Т.1. С.203.

[701] Rice, Condoleezza, *Czechoslovakian Secret Police.* // Adelman, Jonathan, ed., *Terror and Communist Politics: The Role of the Secret Police in Communist States*, Boulder and London, 1984, pp. 158.

программы было проведение «национально-демократической революции». Смысл текущих политических целей Готвальд не скрывал и публично заявлял, например в выступлении на партийном активе в Праге 9 июля 1945 года, о том, что в Чехословакии создается не «формальная парламентская демократия», а «режим народной демократии»[702]. Следующим шагом, по мнению Готвальда, должен стать социализм, хотя открыто об этом он еще избегал говорить. Однако, в январе 1947 года он уже этого не скрывал[703].

Между тем, открытые и демонстративные отношения СССР и Чехословацкого правительства призваны были продемонстрировать приверженность Сталина принципу невмешательства во внутренние дела других государств. Сталин даже не послал своих представителей на 8-й съезд КПЧ в марте 1946 г. В то же самое время тайно и подспудно в Кремле регулярно принимали и инструктировали представителей КПЧ.

К середине 1947 г. темпы советизации Чехословакии уже заметно отставали от аналогичных процессов в других странах, где уже победили компартии и утверждался «социалистический курс». Так, в записке заведующего сектором Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) П.В.Гуляева уже явно сквозила тревога. В июне 1947 г. он побывал в инспекционной поездке в Чехословакии и встречался с Готвальдом. Его оценка позиций КПЧ была довольно критической. Отметив «факт слабого проникновения компартии в органы госаппарата» и недостаточное количество коммунистов в МВД, Гуляев с тревогой писал и о том, что позиции КПЧ в армии не укрепились за последнее время, а сама КПЧ «еще не проявила себя как партия, построенная на марксистко-ленинских основах»[704]. Докладная записка Гуляева была адресована Секретарю ЦК ВКП(б) Суслову, который немедленно ее направил Сталину и его ближайшему окружению. Вывод, который мог сделать Сталин, был один. КПЧ теряет время и с ним свои позиции. Следовало начать действовать. И действовать решительно. Раскол Европы на военно-политические блоки к этому времени почти завершился и теперь или никогда следовало окончательно утвердить коммунистические порядки во всех странах восточного блока,

[702] Готвальд, Клемент. *Избранное. Воспоминания о К.Готвальде.* М. 1986. С. 135.
[703] Там же. С. 175.
[704] *Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953.* Москва–Новосибирск. 1997. Т. 1. С. 652–652.

обрубить их свободные связи с Западом и превратить аморфные границы стран-сателлитов в неприступную крепость.

Со второй половины 1947 г. развернулись активные действия коммунистов по обострению ситуации в Чехословакии, то есть форсирование «революционных преобразований». Неизбежным итогом этой активности стали экономические и хозяйственные трудности и желанное обострение «классовой борьбы». Помогла лидерам КПЧ и природа – сильная засуха и ее результат неурожай. Противостояние усиливалось. Коммунисты придумали чрезвычайный налог на богатых. Москва заставила Чехословакию отказаться от плана западной экономической помощи (Маршалла).

В феврале 1948 года разразился правительственный кризис. В результате 25 февраля к власти было приведено коммунистическое правительство. Вскоре, 9 мая 1948 года была принята новая конституция провозгласившая Чехословакию «народно-демократической республикой», целью развития которой является социализм. А 30 мая прошли выборы в Национальное собрание, которые принесли победу коммунистическим силам.

Отставка президента республики Бенеша стала делом предрешенным. Его устранение прошло при тайном советском участии. Подоплека и механизм нажима на Бенеша раскрыты П.А.Судоплатовым – начальником бюро «ДР» МГБ СССР. Именно ему Молотов поручил выехать в Прагу, тайно встретиться с Бенешем и напомнить о его негласных связях с НКВД. Факты о которых Кремль напомнил Бенешу таковы: в 1938 г. Бенеш получил от СССР 10 тыс. долларов на переезд в Лондон, в 1935 году Бенеш одобрил тайный протокол о сотрудничестве советской и чехословацкой разведок, позднее – секретный протокол о передаче СССР Закарпатья. Также Бенеш участвовал в подготовке политического переворота в 1938 г. и покушении на премьер-министра Югославии[705].

В случае непокорности Бенеша, Москва грозила предать эти факты гласности. С этим заданием в январе 1948 года Судоплатов в сопровождении бывшего довоенного резидента ИНО НКВД в Праге Зубова и бригады чекистов, под видом торговой миссии прибыли в Чехословакию. Еще раньше туда отправились и 400 переодетых в штатские костюмы чекистов для поддержки

[705] Судоплатов П.А. *Спецоперации.* М. 1997. С. 383–385.

Готвальда. Зубову удалось встретиться с Бенешем и передать советский ультиматум. Бенеш был сломлен[706]. В июне 1948 года президентом республики стал Готвальд.

Теперь был открыт путь для укрепления всевластия коммунистов и устранения конкурентов. В полном соответствии с доктринами Сталина о необходимости подчинения всех более или менее левых сил коммунистам и формирования блоков, в июне 1948 года социал-демократическая партия была поглощена КПЧ и фактически растворилась в ней. Теперь дело оставалось за малым. Уже в мае 1949 года на 9 съезде КПЧ была утверждена «генеральная линия партии – программа строительства социализма».

После принятия в августе 1949 г. решения СМ СССР[707] «прекратить агентурно-разведывательную деятельность в странах народной демократии» и «распустить в этих странах сеть действующей агентуры и впредь не допускать вербовок», резидентуры советской политической и военной разведок в Праге были ликвидированы. Из Праги был отозван советник Посольства СССР Хазанов (он же исполняющий обязанности резидента Комитета информации) и военный атташе Сизов (резидент Главного разведывательного управления Вооруженных Сил СССР). Было предложено новым представителям советской политической и военной разведок установить контакты с соответствующими разведслужбами стран в целях «помощи в разведывательной и контрразведывательной работе».

Однако в Праге испытывали необходимость постоянно иметь кого-то из Москвы, кто мог бы оказывать помощь в проведения следствия по делам арестованных. Готвальд запросил об этом Кремль. 19 сентября 1949 г. Абакумов подготовил свои соображения в связи с телеграммой Готвальда о необходимости присылки работников для оказания помощи в следствии по делам арестованных. МГБ СССР, – писал Абакумов, – считает целесообразным командировать в Чехословакию Сахаровского и Новобратского, и тут же добавил: «Лучше было бы, если это возможно, командировать в Чехословакию, после окончания судебного процесса по делу Райка и других, работников МГБ

[706] Там же.
[707] АП РФ. Ф. 93. Постановление СМ СССР «Вопросы разведки» № 3309–1385сс от 2 августа 1949 г.

СССР т.т. Белкина и Макарова, которые оказывали помощь в подготовке этого процесса в Венгрии и в настоящее время находятся в Будапеште»[708].

Судя по всему, сотрудники МГБ были направлены в Чехословакию. Так, 1 декабря 1949 г. Абакумов направил Сталину, Молотову, Берия и Маленкову телеграмму (№ 10 от 30 ноября 1949 года) из Праги от Лихачева и Макарова, командированных туда для оказания помощи в следствии по делам арестованных шпионов. Они писали о серьезных недостатках в работе органов госбезопасности Чехословакии, которые существуют с февраля 1948 г. и укомплектованы рабочей молодежью, а часть кадров состоит из бывших полицейских и жандармов. В производстве органов госбезопасности Чехословакии нет серьезных разработок, плохо поставлена охрана Готвальда. Начальник УГБ Веселый и его помощник Заводский проявляют беспомощность. Обращаясь по этому поводу к Сталину Абакумов писал:

> «Может быть Вы сочтете целесообразным поставить перед тов. Готвальдом вопрос о том, чтобы иметь в Чехословакии при органах безопасности, для помощи в работе, советников МГБ СССР. Чехословацкие товарищи сами об этом вопроса пока не поднимают. Прошу Ваших указаний»[709].

13 апреля 1950 г. Абакумов направил Сталину сообщение Лихачева и Макарова из Праги о попытке начальника УГБ МВД Чехословакии Веселого покончить с собой. До этого он был тяжело ранен (случайно) на стрельбе, а затем переживал депрессию[710].

25 апреля 1950 г. Абакумов сообщил Сталину, что в связи с просьбой Готвальда о направлении в Чехословакию советников по работе органов госбезопасности МГБ предлагает направить старшим советником В.Ф.Марчик (заместителя министра госбезопасности Белоруссии) и с ним 7 советников. При этом прилагался проект постановления ПБ ЦК и проект телеграммы от т.Филиппова к Готвальду[711]. Кандидатура Марчика, по каким то соображениям, не понравилась Кремлю. Вопрос повис в воздухе.

Между тем, из МГБ Сталину продолжали поступать сообщения, которые не могли не убедить вождя в необходимости срочно решить вопрос о направлении советников. Так, 5 июля 1950 г. Абакумов на имя Сталина,

---

[708] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 15. Л. 1.
[709] Там же. Д. 21. Л. 415–418.
[710] Там же. Оп. 8. Д. 4. Л. 243–244.

Молотова, Берия и Маленкова переслал сообщение Лихачева и Макарова из Праги о получении чехословацкими органами ГБ материалов в отношении бывшего министра иностранных дел Клементиса[712].

Наконец, 14 июля 1950 года состоялось решение Политбюро ЦК ВКП(б) о направлении в Чехословакию для постоянной работы группы советников МГБ СССР[713]. Ее возглавил В.А.Боярский, ранее занимавший должность заместителя начальника УМГБ по Московской области.

Прибывший в Прагу Боярский сразу же взялся за изучение работы органов безопасности Чехословакии, и обнаружил массу вещей, на его взгляд, неправильных. По информации МГБ СССР № 7167/О направленной 17 сентября 1950 г. на имя Сталина, Молотова, Берии и Маленкова состоялось специальное решение Политбюро (П78/85) от 29 сентября 1950 года, согласно которому заместителю министра госбезопасности Огольцову поручалось вызвать Боярского в Москву для инструктирования[714]. Речь шла об информации Боярского о его беседе с Готвальдом в присутствии Сланского и Копржива по поводу структуры создаваемого министерства национальной безопасности (МНБ) Чехословакии.

По словам Боярского, Готвальд еще не принял окончательного решения и говорил, что может быть не надо создавать такое мощное министерство для маленькой страны. Беседа длилась 4 часа, и Готвальд несколько раз высказывал желание не расширять аппарат министерства национальной безопасности, ссылаясь на то, что обстановка не такая как в 1948 г. Между тем, Боярский вспомнил как ранее, 15 июня 1950 г. Готвальд в беседе с Лихачевым и Макаровым заявлял, что образование МНБ Чехословакии объясняется стремлением усилить безопасность Чехословацкого государства, вытекающее из условий классовой борьбы. В результате, как писал Боярский, у него сложилось мнение, что в ближайшее время мало перспектив создать достаточно сильные и организованные органы безопасности в Чехословакии, так как Готвальд возражает против увеличения аппарата этих органов. А в то же время внутреннее положение в стране этого требует. Прежде всего, Боярский писал об

---

[711] Там же. Л. 504–508.
[712] Там же. Д.7. Л.65–73.
[713] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. *Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории.* М. 2002. С. 535.

активной работе англичан, американцев, Ватикана, «клики Тито» и других разведок, отсутствие должной борьбы с националистическим подпольем и, особенно в Словакии, а также засоренность государственного аппарата «чуждыми людьми»[715].

В конце 1950 года произошло событие, положившее начало чистке чехословацкой партийной верхушки. 22 ноября 1950 г. Боярский сообщил в Москву об аресте Отто Шлинг – секретаря Брновского крайкома.

Одновременно наращивалось и присутствие представителей МГБ СССР в Чехословакии. 4 декабря 1950 г. Абакумов сообщал Сталину, Молотову, Берия и Маленкову о состоявшемся в Праге совещании специалистов по радио из органов госбезопасности Польши, Чехословакии и Венгрии посвященному «забивке вражеских радиопередач»[716]. А 19 декабря 1950 г. Абакумов сообщил в ЦК ВКП(б) о том, что в связи с просьбой Сланского о направлении в Прагу дополнительно еще 4 советников МГБ СССР, МГБ считает возможным удовлетворить эту просьбу и подготовил проект соответствующего решения Политбюро[717].

Дело Шлинга постепенно разворачивалось. Абакумов 7 декабря 1950 г. сообщил Сталину, Молотову, Берии и Маленкову о показаниях арестованного О.Шлинга о его связях с секретарем ЦК КПЧ Швермовой. В период 1945–1950 гг. Шлинг и Швермова были в интимных отношениях. По этому поводу Швермовой было в ЦК КПЧ поручено написать объяснительную записку и она ее пишет уже две недели. Сланский считает, что в отношении Швермовой надо делать организационные выводы, а также проверить ее брата Шваба, который работает заместителем министра национальной безопасности. Кроме того, следует проверить начальника УГБ МНБ Заводского, который имел подозрительные связи в Испании. В заключении Сланский сказал, что все материалы о Заводском будут переданы Копрживе для проверки и для того, чтобы он убрал из МНБ сомнительных лиц[718].

26 декабря 1950 г. Абакумов направил письмо Сталину, Молотову, Берия и Маленкову с сообщением советника Боярского о высказываниях Сланского в

---

[714] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 8. Д. 9. Л. 226–230.
[715] Там же.
[716] Там же. Д. 12. Л. 24–26.
[717] Там же. Л. 187–188.
[718] Там же. Л. 78–80.

связи с делом Шлинга. На закрытом заседании Президиума ЦК КПЧ 4 декабря, на котором секретарь ЦК Швермова уже не присутствовала, было решено отстранить ее от работы, а окончательно решить вопрос на Пленуме в январе 1951 г. Было видно, что член Президиума Эрбан перепуган. «Судя по настроениям товарищей Готтвальда и Сланского предстоит активная работа над Эрбаном, чтобы в ближайшее время решить вопрос о его аресте». На заседании Сланский вдруг заявил: «Шлинг это Райк»[719].

С некоторым запозданием, но и в Чехословакии развернулась подготовка к крупному процессу над «изменниками» из числа высшего политического руководства. Как показано выше, в Венгрии и Болгарии шумные показательные процессы состоялись в конце 1949 года. Правда, их разоблачительный пафос был направлен, главным образом, на «клику Тито», хотя уже и тогда прозвучал тезис о его неразрывной связи с западной разведкой. Теперь же, в начале 1950-х годов на первый план вышли обвинения в связях с «сионистскими организациями и, через них, с американской разведкой[720].

Накануне предстоящего пленума ЦК КПЧ 16 и 17 февраля были арестованы К.Шваб – заместитель министра внутренних дел (брат Швермовой) и В.Прохазка – заместитель заведующего отделом ЦК КПЧ. Сама Швермова была арестован в день открытия пленума – 21 февраля 1951 года[721]. Выступая на пленуме Готвальд сообщил о раскрытии заговора:

> «…речь шла о широком заговоре внутри партии с целью овладеть партией, изменить ее политику, овладеть руководством государства, изменить курс его политики и пойти вспять по пути капитализма, по пути объединения с лагерем империализма»[722].

Первые слухи об аресте Сланского, хотя и не соответствовавшие действительности были распущены уже в марте 1951 г. Они были результатом распространенных в народе панических ожиданий новых арестов и чисток. Репрессии уже набрали необходимый размах. К этому времени были арестованы Клементис, Шлинг, Швермова и многие другие высокие функционеры компартии. Но ожидания ареста Сланского не были лишены

---

[719] Там же. Л.256–265.
[720] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. *Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории.* М. 2002. С. 561.
[721] Там же.
[722] Там же.

оснований. На него копился негативный материал и, между прочим, незамедлительно докладывался Сталину. И хотя, 14 июля 1951 г. в личном письме Готвальду советский вождь писал о необходимости осторожного отношения к показаниям, которые дают арестованные «враги» на Сланского, и важности их проверки, вместе с тем он отмечал, что Сланский наделал «немало ошибок». В этом же письме Сталин писал о слабости Боярского как советника и о необходимости его отзыва, намекая Готвальду, что если он попросит то Сталин подберет «более сильного работника»[723]. Боярский был отозван, а уже 26 июля Готвальд попросил присылки нового советника «как можно скорее».

В сентябре 1951 г. Сланский был снят с должности Генерального секретаря ЦК КПЧ, а сама эта должность была упразднена в результате проведенной «реорганизации партийного аппарата». Все было заранее согласованно с Москвой. По сути Сланского давно заподозрили, что он хотел «стать выше Готвальда». В ноябре 1951 г. за «антипартийную и антигосударственную деятельность» Сланский был арестован. Теперь он был в руках следователей госбезопасности, и его с легкостью обвинили в связях с «американскими шпионами» Шлингом и Швермовой, а также в связях с сионистскими организациями, а через них и с «американской разведкой». Последнее обстоятельство было наиболее чувствительным местом у Сталина. Далее логично последовали обвинения в связях с Тито и попытках провернуть в Чехословакии югославский вариант отхода от СССР. Решение об аресте Сланского принял сам Сталин и направил в Чехословакию Анастаса Микояна, проследить за его выполнением. Микоян прибыл в Прагу 22 ноября 1951 г. На следующий день, 23 ноября Сланский был арестован[724].

После снятия с работы и ареста министра госбезопасности Абакумова, чистке подверглись и его выдвиженцы. Не обошли стороной и советников госбезопасности в странах «народной демократии». Так, 24 октября 1951 г. Игнатьев написал в Политбюро о том, что за ошибки в работе отозван из Чехословакии советник В.А.Боярский (старший советник МГБ с июля 1950 г.), вместо него опять хотели назначить В.Ф.Марчика, к тому времени выросшему в должности и переброшенному на работу в Москву. Теперь он числился 1-м

[723] *Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953.* Москва–Новосибирск. 1998. Т. 2. С. 536.
[724] Там же. С. 654.

заместителем начальника Главного управления милиции МГБ СССР, и по линии милиции ему было присвоено звание комиссара милиции 2 ранга[725].

Марчику вновь не повезло и его назначение в Чехословакию не состоялось. Старшим советником в ноябре 1951 г. был назначен полковник Бесчастнов Алексей Дмитриевич[726].

В декабре 1951 г. в дополнение к уже имеющимся в Чехословакии советникам МГБ были направлены для «оказания помощи в следствии по делу Сланского» полковники Г.Ф.Морозов и Г.А.Сорокин (оба сотрудники Следственной части по особо важным делам МГБ СССР). В 1953 г. их наградили чехословацкими орденами[727]. Решение командировать в Чехословакию двух «опытных следственных работников», как и все аналогичные решения, было принято на Политбюро ЦК (П84/602) 1 декабря 1951 года[728].

Дело Сланского получило серьезный резонанс. Последовали новые аресты, и в результате был подготовлен показательный процесс над ним в ноябре 1952 г.

Шпиономания в Чехословакии достигла таких размеров, что даже Людвиг Свобода, безмерно преданный Сталину, на короткое время был арестован, но уже в декабре 1952 года был выпущен на свободу.

1953: перестройка аппарата советников органов госбезопасности в странах «народной демократии»

После смерти Сталина началась серьезная перестройка деятельности советской госбезопасности. Пришедший к руководству тайной полиции Берия всерьез взялся за перестановку кадров советских представителей МВД[729] за границей, в том числе и в социалистических странах. Для начала он всех их вызвал в Москву. Смысл новаций заключался в том, чтобы упорядочить

[725] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 9. Д. 23. Л. 102–104.
[726] Бесчастнов проработал в Чехословакии, с коротким перерывом, до сентября 1954 г. В период бериевского правления старшим советником МВД СССР с июня по июль 1953 г. работал генерал-майор Каверзнев Михаил Кириллович.
[727] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 9. Л. 14–16.
[728] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 47.

расстановку кадров МВД за границей. Перестройка работы советников затеянная Берия была направлена, прежде всего, на придание им вполне определенного статуса, утверждение строго установленной численности их аппаратов и четкое соблюдение в деятельности именно «советнической линии», без подмены собой органов госбезопасности стран-сателлитов. Направленность преобразований выражена в записке Берия посвященной работе аппарата госбезопасности в Германии[730].

Примерно в том же духе выдержана и серия приказов изданных МВД СССР в мае–июне 1953 года и подписанных Берией об утверждении новых штатов аппаратов. Одним из первых стал приказ № 00296 «О работе аппарата советника МВД СССР в Венгерской Народной Республике» от 23 мая 1953 года[731]. В нем Берия писал о «ряде существенных недостатков» в работе: «Вместо оказания повседневной помощи венгерским органам безопасности советами и рекомендациями, – говорилось в приказе, – аппарат советника МВД СССР в Венгрии в ряде случаев вмешивается в практическую работу этих органов, инструктирует и мелочно опекает их, чем по существу подменяет руководство Управления государственной безопасности и внешнеполитической разведки ВНР». С точки зрения Берии, нахождение в Венгрии ряда советников по малозначимым линиям работы (по охране правительства, оперативным учетам, противопожарной охраны и др.) не вызваны деловой необходимостью. Берия указывал как на недопустимый факт, что советник в Венгрии организовал за пределами помещений венгерских органов безопасности «специальную канцелярию», чем вызвал недоверие венгров и подозрение, что «аппарат советника МВД СССР, втайне от венгерских органов государственной безопасности, занимается какой-то иной, конспиративной работой». И, наконец, советники МВД в Венгрии, – с возмущением писал Берия, – даже проработав в стране не менее 5 лет не предприняли никаких усилий для изучения венгерского языка[732].

Берия распорядился объединить до сих пор раздельно существовавшие в Венгрии (как и в других странах блока) аппарат советника МВД и

---

[729] Существовавшие при Сталине МВД и МГБ были объединены 5 марта 1953 года в одно министерство.
[730] См. 2-ю главу.
[731] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 1305. Л. 1–4.
[732] Там же.

Представительство советской разведки, возложив на объединенный аппарат советника МВД СССР выполнение советнических функций и по контрразведывательной, и по разведывательной работе. А должности старших инструкторов аппарата советника были переименованы в должности помощников старшего советника. То есть, слово инструктор исключалось из лексикона.

Кроме того Берия упразднил советников при региональных подразделениях госбезопасности в Польше (при 17 воеводских управлениях МОБ Польши), в Чехословакии (при краевых управлениях МНБ Чехословакии), в Болгарии (при 7 окружных управлениях МВД Болгарии).

Берия самостоятельно определял линию советникам (что в итоге очень не понравилось его соратникам по «коллективному» руководству), вникал во все тонкости их работы и даже, порой, цинично поучал как действовать. Например, он советовал представителям советской госбезопасности в Монголии участвовать в выпивках вместе с монгольскими лидерами, поясняя: «иначе от них ничего не добьешься»[733].

Однако, возглавлять МВД Берии довелось недолго. Один из последних документов, который он подписал накануне своего ареста, – записка по ВЧ связи[734] 25 июня 1953 г. в Бухарест Старшему советнику МВД в Румынии Чернявскому. Берия писал:

> «Согласен с Вашим предложением об оставлении в Румынии, для оказания МВД РНР помощи в упорядочении работы Архивного управления, советника Прокопенко и в налаживании работы тюрем и лагерей, советника Узлова – сроком на три месяца»[735].

После ареста Берии все его инициативы были подвергнуты сомнению. К вопросу о задачах и штатах аппаратов советников МВД в странах «народной демократии» вернулись вновь. В записке руководства МВД в Президиум ЦК КПСС от 14 июля 1953 года на имя Маленкова и Хрущева прямо говорилось, что работа советнических аппаратов Берией «дезорганизована». Берия был обвинен в том, что он заменял советников без ведома ЦК КПСС, давал им совершенно неверные указания по работе и произвольно, «без учета обстановки» сокращал их общий штат. Так, старшему советнику МВД в

[733] *Известия.* 2004. 29 апреля.
[734] ВЧ-связь – правительственная высокочастотная телефонная связь.
[735] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 416. Л.142.

Венгрии М.С.Иванову Берия поручил обратиться к правительству с предложением назначить его по совместительству и заместителем министра внутренних дел Венгрии[736]. Можно сделать вывод, что Берия руководствовался типичной логикой чиновника-чекиста – меньшим числом советников добиться большего результата. То есть, с одной стороны – сокращал штаты советников, с другой – понуждал вмешиваться в дела стран-сателлитов. Подобная линия была гневно отвергнута его преемниками в МВД:

> «В своих указаниях советническому аппарату Берия грубо извращал политику партии и толкал советников на вмешательство во внутренние дела стран народной демократии»[737].

В итоге все приказы, изданные Берией о штатах советников были отменены и вместо них изданы новые. Причем, в некоторых случаях штат аппаратов советников вновь был увеличен. Также, вновь были введены советники при региональных подразделениях госбезопасности в Польше, Чехословакии, Болгарии.

Динамика перемен видна из приводимой ниже таблицы[738]:

Страна	Штат советников МВД утвержденный Берией		Новый штат	
	дата утверждения	штат (чел.)	дата утверждения	штат (чел.)
Албания	2 июня 1953	17	28 июля 1953	17
Румыния	8 июня 1953	35	6 августа 1953	44
Польша	10 июня 1953	47	30 июля 1953	51
Чехословакия	10 июня 1953	38	24 августа 1953	112
Болгария	18 июня 1953	35	28 июля 1953	35

И вместе с тем, даже после отмены бериевских реорганизаций, содержательная сторона деятельности советников МВД, а с 1954 года – КГБ претерпела изменение в сторону значительного смягчения линии. Это вполне объяснимо, ведь советники, по сути, были всего лишь проводниками политики Кремля. И если политика существенно менялась, то соответственно и советники становились менее кровожадными. Таким образом, отказ советских лидеров от политического террора, неизбежно привел работу советников к титульному

[736] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 7. Л. 328–331.
[737] Там же. Д. 16. Л. 102–139.
[738] Таблица составлена автором на основании приказов МВД СССР объявлявших штаты аппаратов Старших советников МВД при органах госбезопасности стран «народной демократии» (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 1305–1319).

характеру деятельности – именно давать советы и оказывать помощь по организации работы госбезопасности.

Можно выделить и другую причину, заключавшуюся в достаточной зрелости национальных органов госбезопасности стран Восточного блока. Теперь уже не было никакой нужды в подмене их деятельности, и понуждении к проведению широких репрессий. Вполне достаточно было за ними присматривать и давать советы, как действовать в той или иной ситуации. Хотя, когда обстановка обострялась, советские советники вновь, как и в прежние годы вступали в фазу активных действий, заменяя собой растерявшихся чекистов «братских» стран. Так произошло в Венгрии в 1956 году, когда потребовалось прямое вмешательство КГБ, так и в Чехословакии в 1968 году, где были созданы оперативные секторы КГБ, которые действовали до начала 1970-х годов.

Глава 6. Репрессии в аппарате МГБ в последние годы жизни Сталина. 1951–1953.

«Я не проситель у МГБ. Я могу и потребовать,
и в морду дать, если вами не будут выполняться
мои требования»

«Мы вас разгоним как баранов»

И.Сталин. октябрь 1951 – январь 1952.

В начале 50-х годов произошли многочисленные аресты среди руководящих работников министерства государственной безопасности (МГБ) СССР. Как и в 1937 г. руководителям этого карательного ведомства вновь было отказано в сталинском доверии, и после ареста в июле 1951 г. министра В.С.Абакумова, никто из верхушки МГБ уже не мог быть уверен, что он не станет следующей жертвой. В чем была причина очередной чистки аппарата госбезопасности и какие обвинения были предъявлены арестованным чекистам? Каковы были конечные цели Сталина в отношении МГБ и, наконец, означало ли все это подготовку нового витка массового террора против населения, по примеру предвоенных лет? В последнее время опубликовано несколько научных и публицистических работ, в которых делаются попытки ответить на эти вопросы[739]. Большинство авторов сходятся во мнении, что периодически устраиваемые Сталиным чистки аппарата госбезопасности и реорганизации его структуры, сопровождаемые вливанием свежих партийных кадров и арестами засидевшихся на своих местах руководящих чекистов, были, прежде всего, методом контроля над карательным аппаратом. Также не вызывает сомнений национальный аспект затеянной Сталиным кадровой перетряски (из МГБ поголовно изгонялись евреи). В отношении же конечных целей последних сталинских репрессивных кампаний у историков нет единого мнения. В некоторых работах под сомнение ставится тезис, будто начатая Сталиным

[739] Приведем лишь несколько, наиболее заметных: Parrish, Michael. *The lesser terror: Soviet state security, 1939–1953,* Westport, Connecticut – London, 1996, pp.229–253; Столяров К.А. *Палачи и жертвы.* М. 1998; Пихоя Р.Г. *Советский Союз: история власти. 1945–1991.* Новосибирск. 2000. С.61–79; Костырченко Г.В. *Тайная политика Сталина.* М. 2001. С.455–474; Хлевнюк О. *Сталин и органы государственной безопасности в послевоенный период.* // Cahiers du Monde russe, 42/2–3–4, Avril–décembre 2001, pp. 535–547.

чистка МГБ свидетельствует о том, «что страна стояла накануне новой волны массового террора»[740]. Другие авторы утверждают, что в политике Сталина продолжались политические традиции 20–30-х гг.[741]

Вместе с тем, до сих пор историками не было сделано попыток детально разобраться – сколько всего чекистов было арестовано в ходе чистки МГБ в 1951 – 1953 гг. и выявить основные группы арестованных и различия в мотивах их арестов. И хотя большинство было арестовано по обвинению в принадлежности к группе Абакумова, существовали различные потоки арестованных и ответвления следствия. Не все арестованные в это время чекисты прошли по делу «сионистского заговора в МГБ». Разобраться в этом невозможно без привлечения архивных источников, включая материалы следствия. Этот пласт документов в силу своей недоступности, ибо до сих пор находится на ведомственном хранении в архиве ФСБ, практически не использовался историками[742]. В связи с этим необходимо попытаться взглянуть на происходившие события как бы изнутри, используя материалы следствия (протоколы допросов, заявления арестованных в «инстанции») по делам руководителей органов госбезопасности. Материалы протоколов допросов позволяют, прежде всего, четко проследить хронологию арестов, первоначальные обвинения и их развитие и трансформацию в дальнейшем и, наконец, отражая неформальное положение того или иного функционера в иерархии МГБ, его дружеские связи в чекистской среде, эти материалы позволяют понять мотивацию того или иного ареста. В ходе расследования так называемого «заговора в МГБ» протоколы допросов его участников регулярно направлялись новым министром госбезопасности С.Д.Игнатьевым Сталину. Следствие вызывало самый живой интерес вождя. Он лично знакомился с этими бумагами и высказывал свои замечания по проектам обвинительного заключения по делу МГБ в январе и феврале 1953 г. Нет нужды говорить, что

---

[740] Хлевнюк О. *Сталин и органы государственной безопасности в послевоенный период.* // Cahiers du Monde russe, 42/2–3–4, Avril–décembre 2001, p. 547.

[741] Пихоя Р.Г. *Советский Союз: история власти. 1945–1991.* Новосибирск. 2000. С. 78.

[742] Исключение составляют публицистические работы журналиста К.Столярова, который получил доступ к материалам следствия по делу Абакумова и некоторых других высокопоставленных чекистов бериевского круга. В целом для работ Столярова характерно полное отсутствие архивных отсылок и некритическое отношение к материалам следствия (протоколам допросов, заявлениям арестованных) – весьма специфическому материалу. Видимо, последнее обстоятельство объясняется явными симпатиями и сочувствием к Абакумову, чью судьбу он оплакивает. (Столяров К.А. *Голгофа.* М. 1991).

привлечение в качестве источника материалов такого уровня позволяет составить более или менее полную картину событий.

«Дело Абакумова»

Аппарат госбезопасности занимал особое и привилегированное положение в сталинской системе власти. Руководителей МГБ Сталин назначал сам, не нуждаясь ни в чьих советах. Так, 4 мая 1946 г. вместо В.Н.Меркулова, который по мнению Сталина был слишком робок и нерешителен, на должность министра госбезопасности (далее по тексту ГБ) был назначен В.С.Абакумов. Вместе с тем, в послевоенные годы повседневное руководство работой МГБ а также выдвижение и распределение кадров этой карательной структуры Сталин передоверил сначала своему заместителю по Совету министров – Л.П.Берии,[743] а затем с 17 сентября 1947 г. Секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Кузнецову.[744] При этом решение важнейших вопросов, таких как выработка репрессивной линии, реорганизация структуры МГБ, согласование важнейших арестов, оставалось по-прежнему за Сталиным. Он лично давал указания о проведении тех или иных репрессивных кампаний и первый знакомился с результатами деятельности МГБ. В ежедневном потоке бумаг, которыми знакомился стареющий диктатор, по-прежнему, как и в 30-е годы, огромную часть составляли протоколы допросов «государственных преступников», арестованных органами госбезопасности.

После возникновения «Ленинградского дела» и ареста в 1949 г. бывшего Секретаря ЦК ВКП(б) А.А.Кузнецова тень сталинского недоверия легла и на Абакумова. И это неслучайно, ведь Абакумов имел довольно тесные отношения со своим бывшим куратором. Причем настолько, что ряд текущих вопросов предпочитал решать на уровне Кузнецова, не доводя их до Сталина.[745] Трудно

---

[743] См.: Постановление СМ СССР № 674 от 28 марта 1946 г. (*Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 гг.* М. 2002. С. 30).

[744] Там же. С. 51. А.А.Кузнецов после Маленкова возглавлял Управление кадров ЦК ВКП(б) с 13.04.46 по 10.07.48.

[745] В начале 1948 г. на это обратил внимание Сталин, когда без согласования с ним Кузнецов разрешил Абакумову предать «суду чести» в МГБ двух проштрафившихся офицеров. По инициативе разгневанного Сталина Политбюро 15 марта 1948 г. вынесло взыскание Абакумову за его действия «без ведома и согласия Политбюро» и Кузнецову за «единоличное согласие на организацию суда». (Хлевнюк.О. *Сталин и органы государственной безопасности...* С. 538).

сказать, тогда ли у Сталина возникла мысль избавиться от министра ГБ, но, по крайней мере, иезуитский расчет вождя состоял в том, что именно Абакумов должен обеспечить проведение «Ленинградского дела», по которому в числе прочих проходил Кузнецов. А уж потом, когда нужда в Абакумове отпадет – избавиться от него. Есть явные признаки, свидетельствующие о потери Абакумовым доверия Сталина. Так, в феврале 1950 г. он поручил Г.М.Маленкову организовать «особую тюрьму» для «самых важных политических обвиняемых», которая находилась бы в подчинении Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б)[746]. При этом, не следователи МГБ, а сотрудники партийного аппарата сами вели следствие по делам этих арестованных. Весной 1950 г. Сталин неожиданно высказывал Абакумову свои соображения о необходимости ареста начальника отдела «ДР» (диверсионной и террористической работы) МГБ генерал-лейтенанта П.А.Судоплатова, его заместителя генерал-майора Н.И.Эйтингона и ряда других ответственных работников МГБ. Абакумов, к неудовольствию вождя, не только проявил нерешительность в этом вопросе, но, хуже того, поделился своими сомнениями с Берией. Позднее, Берия будучи уже арестованным, сам рассказал об этом эпизоде, проливающем дополнительный свет на предысторию арестов в МГБ:

> «…в 1950 году в середине или в начале года Абакумов, будучи у меня в Совете Министров по другим вопросам, рассказал, что он имеет указание И.В.Сталина арестовать Судоплатова, Эйтингона и ряд других сотрудников. Абакумов не сказал мне за что их надо арестовать. Для меня было ясно, что арест Судоплатова означал его уничтожение. Поэтому я сказал Абакумову, чтобы он еще раз поговорил со Сталиным, тем более, что причин ареста Судоплатова Абакумов не назвал. Я сказал Абакумову: «Я бы на твоем месте сохранил Судоплатова и не дал бы уничтожить»»[747].

Другой демарш Сталина против Абакумова и его всевластия в аппарате МГБ лежал в организационной плоскости. В январе 1950 г. Сталин решил создать в МГБ Коллегию и дал соответствующее указание Абакумову.[748] По

---

[746] Пихоя Р.Г. *Советский Союз: история власти...* С. 63. В.Е.Семичастный в своих мемуарах указывает, что и И.А.Серов играл важную роль в организации этой тюрьмы (Семичастный В.Е. *Беспокойное сердце.* М. 2002. С. 167).

[747] Этот эпизод вошел в подготовленное в 1954 г. обвинительное заключение по делу Абакумова (ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 1. Д. 13. Л. 214). См. также: АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 466. Л. 156.

[748] Первоначальные предложения были подготовлены В.С.Абакумовым и С.И.Огольцовым еще 31 января 1950 г. и направлены письмом Сталину. В письме содержалось предложение направить в МГБ «одного, двух крупных партийных работников, имея ввиду, чтобы они были также членами Коллегии МГБ СССР». За предыдущие 3 года, говорилось далее, в МГБ было

замыслу Сталина этот коллегиальный орган управления министерством усилил бы контроль за деятельностью Абакумова и помог бы растворить его амбиции. Решение о создании Коллегии МГБ было принято 31 декабря 1950 г. после возвращения Сталина из очередного длительного осеннего отпуска (с 11 августа по 21 декабря 1950 г.)[749]. Приехав в Москву, Сталин резко сократил контакты с Абакумовым, пригласив его в свой кремлевский кабинет только один раз – 6 апреля 1951 г.[750] Трудно сказать, понял ли Абакумов, сколь серьезен этот знак и что против него что-то затевается. После этого в журнале посетителей кремлевского кабинета Сталина фамилия Абакумова встретится только 5 июля 1951 г., когда уже было принято решение снять его с должности министра.

Начало кампании кадровой чистки системы МГБ, сопровождавшейся арестами высокопоставленных сотрудников, было положено специальным решением Сталина и Политбюро ЦК ВКП(б) после рассмотрения заявления М.Д.Рюмина – старшего следователя следственной части по особо важным делам (ОВД) МГБ СССР. Вернее будет сказать, что заявление Рюмина было скорее поводом, ибо мысль о проведении чистки и арестов в МГБ, как показано выше, зрела у Сталина давно. После того, как Сталин получил в руки заявление Рюмина, настала пора действовать[751]. Что же писал этот следователь? В письме Рюмина, датированном 2 июля 1951 г., содержался ряд обвинений против Абакумова. Во-первых, он «погасил», очень перспективное, с точки зрения автора письма, дело арестованного МГБ врача Я.Г.Этингера, который мог дать важные показания о «врачах-вредителях». Во-вторых, Абакумов скрыл от ЦК важную информацию о недостатках в контрразведывательной работе в Германии на предприятиях «Висмута», где добывалась урановая руда. И,

---

направлено 540 партийно-советских работников, но при этом «среди них нет работников крупного масштаба с широким кругозором, которых можно было бы иметь в числе членов Коллегии МГБ СССР» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 183. Л. 61–70).

[749] Второй вариант (и окончательный) письма Абакумова Сталину о создании Коллегии МГБ СССР, увеличении числа заместителей министра до 7 человек и кадровых перемещениях руководящего состава был подготовлен 2 августа 1950 г. К нему был приложен и проект решения Политбюро ЦК (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 8. Д. 8. Л. 40–48). Сталин просто не успел его рассмотреть до отъезда. Проволочка в принятии решения вряд ли связана с решением Сталина дождаться окончания «Ленинградского дела», как об этом иногда пишут (См. Хлевнюк О. *Сталин и органы государственной безопасности...* С. 540). Текст принятого решения политбюро об образовании Коллегии МГБ СССР см.: *Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 гг.* М. 2002. С. 342–343. Хотя в этой книге по ошибке оно датировано 3 декабря (в действительности – 31 декабря 1950 г.).

[750] *Исторический архив.* 1998. № 4. С. 16.

наконец, в третьих, грубо нарушал установленные решениями партии и правительства правила ведения следствия. В письме Рюмин назвал Абакумова «опасным человеком» на важном государственном посту[752].

По заявлению Рюмина 5 июля 1951 г.[753] Политбюро ЦК ВКП(б) приняло следующее решение (П82/404): «поручить комиссии в составе т.т. Маленкова (председатель), Берия, Шкирятова и Игнатьева проверить факты изложенные в заявлении Рюмина, и доложить о результатах Политбюро ЦК ВКП(б). Срок работы комиссии 3–4 дня»[754].

Абакумов еще не был арестован, но уже 8 июля 1951 г. побывал на допросе у исполняющего обязанности Генерального прокурора К.А.Мокичева. Накануне, 7 июля Абакумов написал объяснительную записку по выдвинутым против него обвинениям. В записке рассказывалось об обстоятельствах дела Этингера. В ноябре 1950 г. Абакумов направил Сталину в Сочи записку с просьбой дать санкцию на арест Этингера. Поскребышев переадресовал Абакумова к Булганину, который и дал санкцию. Этингер был арестован 18 ноября 1950 г. и, по уверениям Абакумова, никаких существенных показаний не давал, у него были частые сердечные припадки и, в конце концов, в результате допросов проводимых Рюминым, он умер. Все обвинения Рюмина в связи с делом Этингера Абакумов отметал, заверяя в этой объяснительной записке Сталина в своей личной преданности[755]. Тем не менее, 12 июля 1951 г. Абакумов был арестован и доставлен в «особую тюрьму»[756]. Следствие по его делу было поручено вести Прокуратуре СССР.

11 июля Политбюро ЦК ВКП(б) принимает специальное решение (П82/437) «о неблагополучном положении в МГБ», в котором повторены все

---

[751] Существует версия, что письмо Рюмина попало в руки Сталина не без помощи Г.М.Маленкова и его помощника Д.Н.Суханова (Костырченко Г.В. *Тайная политика Сталина*. М. 2001. С. 455–456).

[752] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10.

[753] В ночь с 5 на 6 июля 1951 г. Сталиным в Кремле были принят Рюмин. Из МГБ присутствовали Абакумов и его первый заместитель С.И.Огольцов. Также присутствовали Молотов, Булганин, Берия и Маленков. Сталин точно продумал сценарий встречи. Сначала, в присутствии других членов Политбюро в кабинет ровно в час ночи был приглашен Абакумов, и лишь после того, как Сталин имел возможность выяснить у него все интересующие вопросы, в 1 час 40 минут в кабинет позвали Рюмина (очень похоже на очную ставку). А Огольцова пригласили лишь за пять минут до конца аудиенции. Вероятнее всего, для того чтобы возложить на него временное исполнение обязанностей министра ГБ. (См.: *Исторический архив.* 1997. № 1. С. 24).

[754] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 216. Л. 1.

[755] Там же. Л.40–59.

[756] Пихоя Р.Г. *Советский Союз: история власти…* С. 64.

обвинения Рюмина в адрес Абакумова и добавлены новые, например: «обман партии», затягивание следственных дел. Текст постановления «закрытым письмом» был разослан для ознакомления руководителям партийных органов и органов МГБ[757]. Следом за Абакумовым 13 июля были арестованы начальник следственной части МГБ А.Г.Леонов и его заместители М.Т.Лихачев и Л.Л.Шварцман. Чуть позже, 25 июля 1951 г. был арестован управляющий делами МГБ М.К.Кочегаров, а 26 июля 1951 г. арестовали еще одного заместителя начальника следственной части МГБ В.И.Комарова. После этого аресты руководящих работников МГБ приобрели более или менее регулярный характер.

После смещения Абакумова исполнять обязанности министра стал С.И.Огольцов. Но 3 августа 1951 г. он направил Сталину сообщение, что болен и по заключению врачей ему прописан постельный режим. Огольцов предложил временно возложить исполнение обязанностей министра госбезопасности на Е.П.Питовранова и на него же «возложить участие в допросах по делу Абакумова»[758]. Так и случилось. Вплоть до назначения Игнатьева министром, все докладные записки из МГБ на имя Сталина подписывал Питовранов.

Незадолго до отпуска Сталин 24 июля 1951 г. провел одну важную встречу с руководителями МГБ в присутствии Л.П.Берии и Г.М.Маленкова, на которой дал указания о серьезной перестройке агентурно-оперативной работы, предложив сократить тайную сеть МГБ на 2/3 (оставив только часть агентов и сократив всех осведомителей). Накануне своего отъезда Сталин, 9 августа 1951 г., назначил министром ГБ партийного аппаратчика С.Д.Игнатьева, демонстративно оставив его по совместительству в должности заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б). В том же месяце был пересмотрен состав заместителей министра ГБ. Вместо партийного выдвиженца В.Е.Макарова, призванного 31 декабря 1950 г. проводить партийную линию и контролировать кадровую работу в МГБ, заместителем министра ГБ по кадрам был назначен А.А.Епишев, ранее работавший первым секретарем Одесского обкома партии, затем инспектором ЦК ВКП(б). Помимо этого еще два штатских работника были назначены

[757] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10. Л. 11–13об.

заместителями министра ГБ: И.Т.Савченко (инспектор ЦК) и С.В.Евстафеев (заместитель управляющего делами СМ СССР). При этом, ряд заместителей министра госбезопасности из числа профессионалов-чекистов лишились своих постов[759].

М.Д.Рюмин в награду за разоблачение Абакумова был назначен в июле исполняющим обязанности начальника следственной части по ОВД МГБ СССР и получил звание полковника. Но останавливаться на достигнутом он не желал и, направив Сталину на юг новое разоблачительное письмо, стал инициатором очередной волны арестов в аппарате МГБ.

Примерно в середине октября 1951 г.[760] министр ГБ С.Д.Игнатьев и его заместитель Н.П.Стаханов выехали для встречи со Сталиным на юг[761]. При встрече Сталин подробно расспрашивал Игнатьева о работе МГБ и, в частности, о том, хорошо ли работают Е.П.Питовранов, Ф.Г.Шубняков и другие высокопоставленные чекисты. Игнатьев ответил, что в настоящий момент «чекисты работают лучше», а те, о ком Сталин спрашивает – «честные люди». Выслушав его Сталин заявил: «Слепой вы человек, ничего не видите что вокруг вас делается», и дал Игнатьеву прочитать письмо Рюмина с обвинениями против Питовранова и других[762]. Тут же, по ходу дела, Сталин дал указание «убрать всех евреев» из МГБ. Игнатьев, недоумевая, спросил куда? И тут вождь изрек: «Я не говорю, чтоб вы их выгоняли на улицу. Посадите и пусть сидят», добавив фразу, которой суждено стать крылатой: «У чекиста есть только два пути – на выдвижение или в тюрьму»[763].

На этой же встрече Сталин в категоричной форме потребовал назначить Рюмина не только начальником следственной части, но и заместителем министра ГБ. Игнатьев пробовал возражать, сославшись на то, что начальником

---

[758] Огольцов писал о том, что он болен острым тромбофлебитом и сообщал о решении врачебного консилиума в составе академиков Бакулева и Виноградова и профессора Егорова. См.: ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 9. Д. 14. Л. 50.

[759] *Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР*. 1945–1953 гг. М. 2002. С. 347.

[760] Вероятнее всего этот визит состоялся в один из дней в период с 11 по 15 октября 1951 г.

[761] Об этом визите к Сталину написал в своей объяснительной записке в 1953 г. Игнатьев (ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 2. Д. 31. Л. 455–458).

[762] Отправив письмо Сталину, Рюмин также написал 10 октября 1951 г. Г.М.Маленкову записку, в которой проинформировал его о своем обращении к Сталину и приложил копию этого обращения. В нем говорилось о недостатках в работе 2 главного управления МГБ и о том, что руководящие работники МГБ: Е.П.Питовранов, Ф.Г.Шубняков, Л.Ф.Райхман, Н.Н.Селивановский, А.С.Блинов, В.П.Рогов, И.А.Чернов и другие, многие годы тесно работали с Абакумовым и находились под его «враждебным влиянием».

[763] ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 2. Д. 31. Л. 455–458.

следственной части МГБ уже утвержден А.Н.Кидин (работавший первым секретарем Владимирского обкома)[764], на что Сталин отреагировал довольно резко, заявив: «Я такого не знаю». Разумеется, Сталин прекрасно знал всех первых секретарей обкомов, но кандидатура Кидина его не устраивала. Решение Сталина о начальнике следственной части было неукоснительно выполнено. Постановлением Совета Министров СССР № 4010–1837сс от 19 октября 1951 г. М.Д.Рюмин был утвержден заместителем министра госбезопасности, членом Коллегии МГБ СССР и начальником следственной части по ОВД МГБ СССР[765].

Указание Сталина «убрать евреев» из МГБ, по видимому, не вызвало внутреннего сопротивления Игнатьева и было сразу же проведено в жизнь. 19 октября 1951 г. последовали аресты. Заодно с чекистами 19 октября был арестован как «еврейский националист» и Лев Шейнин, бывший начальник следственного отдела прокуратуры, а на момент ареста – литератор, мастер детективного жанра, член Союза писателей[766].

Уже 24 октября 1951 г. Игнатьев направил Сталину докладную записку о ходе следствия по делам Л.Ф.Райхмана, А.Я.Свердлова, А.М.Палкина[767], Н.И.Эйтингона, Л.Е.Иткина и С.Г.Павловского[768]. Через несколько дней был арестован бывший заместитель начальника 1 управления МГБ СССР М.И.Белкин. Оказалось, что помимо национальности, причин для его ареста было много. Позднее, в середине 50-х годов, когда буря кадровых перемещений бушевавшая в стенах МГБ улеглась, арест Белкина во внутренних бумагах объяснялся просто и понятно: «В 1950–51 гг. в бывшее Министерство

---

[764] См. решение Политбюро от 6 октября 1951 г. (*Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952:* Каталог. Т. 3. М. 2001. С. 828). Неизвестно, как бы сложилась судьба А.Н.Кидина после 1953 г., если ему пришлось бы работать на «лубянской кухне» в такой опасной должности. Но Кидину повезло, и он остался до 1955 г. работать первым секретарем Владимирского обкома.

[765] *Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник.* Под. ред. акад. А.Н.Яковлева; авторы-сост.: А.И.Кокурин, Н.В.Петров. М. 2003. С. 145.

[766] Основанием для ареста Шейнина стали показания на него Шварцмана. Ходатайство о прекращении дела на Шейнина было направлено руководством МВД 16 ноября 1953 г. на имя Хрущева и Маленкова. В нем говорилось, что все давшие на Шейнина уличающие показания от них отказались. Правда, в этом письме говорилось и о попытках бериевцев так или иначе использовать Шейнина. «В марте 1953 г. Шейнин вызывался на допрос Кобуловым который, по словам самого Шейнина, сказал ему, что «эта башка (то есть Шейнин) еще поработает» и в дальнейшем его неоднократно вызывал на допросы Райхман, которому Кобулов поручил перед освобождением Шейнина завербовать его в агентурную сеть (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 15. Л. 67–76).

[767] Заместитель начальника отдела «Д» полковник А.М.Палкин был арестован 19 октября 1951 г. Его успели осудить на Военной Коллегии Верховного Суда СССР 13 октября 1952 г. на 15 лет (за хищения). Освобожден из лагеря досрочно 29 мая 1956 г.

[768] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 9. Д. 37.

государственной безопасности СССР поступило два заявления о том, что Белкин является американским шпионом, в связи с чем в конце 1951 г. был арестован и обвинялся в измене Родине»[769]. Действительные причины ареста Белкина изложены в справке, направленной Игнатьевым 25 октября 1951 г. Сталину. Оказалось за Белкиным Михаилом Ильичем (а на самом деле его имя отчество – Моисей Эльнович, как, между прочим, сообщал Игнатьев) много чего числилось. Так, работая начальником контрразведки, он создал «черную кассу», занимался спекуляцией, вел себя «недостойно в быту» – встречался с женщинами, которые в свою очередь имели связи с иностранцами, а, кроме того, Белкин и его жена поддерживали знакомство с писателем-драматургом В.А.Соловьевым, который «разрабатывался МГБ», и характеризовался как «резко антисоветски настроенный человек». Но и это еще не все, дальше хуже. Оказывается, из Вены от некоего арестованного хорвата М.Вомачка поступило сообщение о «связях» Белкина с «масонской ложей и иностранными разведками». Далее мимоходом сообщалось о посещении Белкиным ресторанов и связях с иностранцами в далеких 1917–18 гг., а также о проводимых им «арестах невинных людей» (уж в этом можно было обвинить любого чекиста) в бытность его службы в особом отделе 1 Конной армии, а потом и на Лубянке. После этого следовал «убойный факт». Сам Ягода подарил Белкину свою фотокарточку с надписью: «Удачливому мушкетеру от восхищенного ценителя». Такая близость Белкина к объявленному «врагом народа» и расстрелянному наркому могла прямо привести его в тюрьму еще в 1937 г. И в довершении сообщалось, что Абакумов об этом знал, но «дал команду» проверку фактов против Белкина не проводить[770]. Направляя Сталину эту справку, Игнатьев писал: «Прошу Вашего согласия на арест Белкина»[771]. Сталин без промедления дал санкцию на арест, и 28 октября 1951 г. Белкин был арестован.

Для ареста других лиц, упомянутых в доносе Рюмина Игнатьеву потребовалось напоминание вождя. Вскоре с юга пришло указание арестовать заместителя министра ГБ Е.П.Питовранова и с ним ряд других руководителей МГБ. Питовранов был арестован 27 октября. Также в самых последних числах

[769] АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 183. Л. 134.
[770] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 9. Д. 23. Л. 227–229.
[771] Там же. Л. 226.

октября – начале ноября 1951 г. были арестованы: начальник 1 управления МГБ Г.В.Утехин (29 октября), бывшие заместители министра ГБ Н.Н.Селивановский (2 ноября)[772] и Н.А.Королев (4 ноября)[773], начальник 2 главного управления МГБ Ф.Г.Шубняков. Хотя, не все «абакумовцы» упомянутые в письме Рюмина были арестованы. Например, избежали ареста А.С.Блинов и В.П.Рогов.

Аресты «людей Абакумова» продолжились и потом. Заместитель начальника секретариата МГБ Я.М.Броверман был арестован 13 ноября 1951 г. и примерно тогда же его начальник – И.А.Чернов. Также продолжались и аресты чекистов – евреев, и 2 ноября был арестован бывший чекист Я.Н.Матусов[774], а 21 ноября 1951 г. еще один бывший чекист, а на момент ареста – литератор и сценарист И.Б.Маклярский[775].

Была и другая волна арестов в 1951 г., связанная, преимущественно со случаями коррупции. Так, 20 октября был арестован генерал-лейтенант П.В.Зеленин[776], за то, что находясь в Германии занимался личным обогащением. 3 декабря 1951 арестовали генерал-майора Н.М.Карпенко[777] – его также обвинили в том, что «…работая в 1945 г. начальником отдела контрразведки армии, скрыл от сдачи в Госбанк СССР большое количество ценностей и валюты, изъятых в отделении Рейхсбанка в Берлине, из которых часть присвоил, а некоторые ценности незаконно раздал своим подчиненным и другим лицам»[778]. А министр госбезопасности Украины, ранее работавший Уполномоченным МГБ в Германии, генерал-лейтенант Н.К.Ковальчук избежал ареста, хотя в 1952 году бывший начальник УКР СМЕРШ 1 Белорусского

---

[772] Н.Н.Селивановский очень тяжело переживал свой арест. При этом, следствию не удалось добиться каких либо важных показаний, он лишь признавал определенные служебные ошибки, да и то, объяснял их «преступными указаниями» Абакумова. В конце концов, Селивановский обнаружил «затяжное реактивное состояние в форме психического параноида» и 2 января 1952 г. был направлен на стационарное психиатрическое исследование (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 1. Л. 36).

[773] Генерал-лейтенант Н.А.Королев пробыл в заключении до декабря 1953 г.

[774] Полковник Я.Н.Матусов был уволен из МГБ еще в июле 1946 г., работал заведующим центральной юридической консультацией и сохранял дружеские связи с бывшими сослуживцами в МГБ. Реабилитирован и освобожден из заключения 5 июня 1953 г.

[775] Он был освобожден «по амнистии» 21 ноября 1953 г., но не реабилитирован. Остались в силе обвинения в измене родине, вредительстве, антисоветской агитации и т.п.

[776] Осужден Особым совещанием при МГБ 23 августа 1952 г. на принудительное лечение. Вышел на свободу 15 мая 1954 г.

[777] Осужден Особым совещанием при МГБ 2 июля 1952 г. «за злоупотребление служебным положением, хищение государственного имущества и ложный донос» на 10 лет. Вышел на свободу 14 ноября 1958 г. инвалидом 3 группы.

[778] АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 185. Л. 68.

фронта А.А.Вадис подал заявление руководству МГБ о том, что Ковальчук «привез с фронта два пульмановских вагона трофейных вещей и ценностей»[779].

Но это были, пожалуй, лишь отголоски арестов, проведенных еще в 1947–48 гг., когда были взяты некоторые близкие к И.А.Серову руководящие работники аппарата НКВД–МГБ в Германии[780]. И, хотя о следствии против Зеленина и Карпенко Сталину докладывали одновременно с остальными делами арестованной верхушки абакумовского МГБ, все же они не были подверстаны к «заговорщикам» и их осудили довольно быстро, уже в 1952 г., да и без лишней огласки – во внесудебном порядке на Особом совещании при МГБ.

Но не все арестованные в этот период сотрудники МГБ оставались в ранге политзаключенных. Часть из них еще до смерти Сталина осудили за хозяйственные и другие уголовные преступления. Помимо упомянутого выше А.М.Палкина, осужденного 13 октября 1952 г. за хищения (что не помешало оставить его обвиняемым по делу Абакумова), это: П.С.Ильяшенко (арест 13 декабря 1951 г.) осужденный ОСО при МГБ к 10 годам 11 февраля 1953 г. также «за хищение социалистической собственности»[781] и Г.М.Майрановский (арест 13 декабря 1951 г.) осужденный ОСО при МГБ 14 февраля 1953 г. на 10 лет «за незаконное хранение сильно действующих ядов и злоупотребления по службе»[782]. Также к февралю 1953 г. было закончено и передано на ОСО при МГБ дело бывшего старшего советника МГБ в Северной Корее Н.Н.Петрова (арестован в октябре 1951 г.).

Особняком стоит дело А.Т.Никифорова – начальника Тамбовского УМГБ, снятого с работы за злоупотребления по службе и написавшего анонимное клеветническое заявление. В октябре он был уволен из МГБ, в

---

[779] ЦА ФСБ. Ф.5-ос. Оп.1. Д.15. Л.15–24.

[780] Тогда были арестованы генералы Г.А.Бежанов – начальник оперативного сектора НКВД–МГБ земли Тюрингия (арест 10 февраля 1947 г.), С.А.Клепов – начальник оперативного сектора НКВД–МГБ земли Саксония (арест 30 января 1948 г.) и А.М.Сиднев – начальник оперативного сектора НКВД–МГБ Берлина (арест 31 января 1948 г.). Клепов и Бежанов были осуждены Военной коллегией Верховного Суда СССР 17 октября 1951 на 10 лет, а Сиднев по решению Особого Совещания при МГБ от 6 октября 1951 г. направлен на принудительное лечение. См. подробнее: Петров Н.В. *Первый председатель КГБ Иван Серов.* М. 2005. С. 82–87.

[781] Ильяшенко Павел Степанович, полковник, зам. нач. отдела МГБ. (См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 480. Л. 153).

[782] Полковник медицинской службы Майрановский самая зловещая фигура сталинской госбезопасности. Именно он под руководством П.А.Судоплатова и Н.И.Эйтингона провел серию тайных убийств с помощью ядов курарина и рицина. Эти убийства были преподнесены как несчастные случаи. (См. о нем: *Московские новости.* 1990. 10 июня и 30 сентября; 1992. 2 и 30 августа; *Известия.* 1992. 16 мая; Бобренев В., Рязанцев В. *Варсанофьевские призраки.* //

апреле 1952 г. исключен из партии, а 30 декабря 1952 г. Военная Коллегия Верховного Суда вынесла ему смехотворный приговор «за клевету» на полтора года лишения свободы[783].

«Мингрельское дело»

В ноябре 1951 г. разорвалась очередная бомба. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло 9 ноября постановление «о взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе т. Барамия». Несомненно, текст этого постановления был продиктован «знатоком» местной специфики Сталиным[784]. На смену законченному к тому времени «Ленинградскому делу» пришло «мингрельское дело». Для всесильного члена Политбюро ЦК, мингрела Л.П.Берии настала тревожная пора. В постановлении ЦК речь шла не только о мингрельском национализме, в нем содержались инвективы против грузинской эмиграции, якобы связанной с американской разведкой: «Грузинская эмиграция в Париже (Жордания–Гегечкори), как известно, обслуживает своей шпионской информацией о положении в Грузии американскую разведку, получая за это доллары»… «шпионско-разведывательная организация Гегечкори состоит исключительно из мингрельцев. Следовательно, существует целая группа мингрельцев в Грузии, обслуживающих разведку Гегечкори»[785]. Упоминание в таком контексте Е.П.Гегечкори (брата жены Берии) было прямым выпадом против ближайшего сталинского соратника. Теперь, при желании, Сталин мог с легкостью растоптать Берию, имея явный козырь в виде постановления ЦК. И хотя в этом постановлении ничего не говорилось об арестах, они неизбежно последовали. Первым делом был арестован 2-й секретарь ЦК КП(б) Грузии М.И.Барамия[786]. Среди прочих ответственных советско-партийных работников

Родина. 1995. № 11. С. 52–57; Бирштейн В.Я. *Эксперименты на людях в стенах НКВД.* // *Человек.* 1997. № 5. С. 114–132.

[783] ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 2. Д. 22. Л. 244–245.

[784] Ряд выражений в тексте постановлений недвусмысленно об этом свидетельствует, например пассаж о том, как Барамия, заступаясь за изгнанных из МГБ Грузии мингрельцев, «поскакал в Москву» и добился восстановления в аппарате госбезопасности «явно негодных работников». Кроме того, Сталин собственноручно внес окончательную правку в текст документа. См.: *Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 гг.* М. 2002. С. 350.

[785] Там же. С. 351.

[786] В то время в грузинском руководстве враждовали различные земляческие кланы. Инициатор «мингрельского дела» Н.М.Рухадзе не случайно нанес удар по группе во главе с Барамия, так

Грузии были арестованы и многолетние сподвижники Берии, ранее работавшие под его руководством в НКВД: министр юстиции А.Н.Рапава (арестован в ноябре 1951 г.), профессор Тбилисского университета П.А.Шария (арестован 15 февраля 1952 г.), министр внутренних дел Г.Т.Каранадзе (арестован в 8 апреля 1952 г.), заместитель министра внутренних дел К.П.Бзиава (арестован 18 мая 1952 г.).

У истоков «мингрельского дела» стоял пришедший в 1948 г. на смену А.Н.Рапаве на должность министра ГБ Грузии Н.М.Рухадзе. Он был у Сталина в Цхалтубо на приеме 27 сентября 1951 г. и Сталин подробно расспрашивал его о грузинской эмиграции[787]. Также на этой встрече речь шла и о взяточничестве в Грузии, что тоже найдет отражение в тексте будущего постановления. Об этом можно судить по наброскам Сталина в своем блокноте, помеченным как «беседа с Рухадзе», где в частности записано: «нужен специальный орган в МГБ по поимке воров и взяточников из ответственных (верховных и средних) работников»[788].

Рухадзе, вдохновленный Сталиным, решительно взялся за дело и готов был использовать любые методы. Но применение «физических методов воздействия» к арестованным требовало санкции вождя. Игнатьев 3 января 1952 г. вместе с Генеральным прокурором Г.Н.Сафоновым направил Сталину телеграмму военного прокурора Закавказского военного округа Лиховидова и министра ГБ Грузии Рухадзе, которые просили разрешить им «применять репрессии (меры физического воздействия)» к арестованным по «Мингрельскому делу». При этом Игнатьев и Сафонов полагали, что делать это рано, а стоит продолжить активные допросы, и только потом, если подследственные не дадут «признательных показаний, следует рассмотреть вопрос о целесообразности применения к арестованным мер, предлагаемых т.т. Лиховидовым и Рухадзе»[789]. Для оказания помощи в МГБ Грузии из Москвы

как примерно в это же время эта группа требовала снятия Рухадзе с поста министра ГБ, обвиняя его в совершении уголовных преступлений (*Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 гг.* М. 2002. С. 356).

[787] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 73. Л. 19–21. По другим источникам, эта встреча состоялась 26 сентября 1951 г. См.: Столяров К.А. *Палачи и жертвы. М.* 1997. С. 173. Хотя не исключено что Сталин принимал Рухадзе дважды.

[788] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 22. Л. 7.

[789] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 1. Л. 54.

был направлен заместитель следственной части по особо важным делам МГБ В.Г.Цепков и с ним два «опытных следователя»[790].

Вскоре Политбюро ЦК ВКП(б) вновь разбирало грузинский вопрос, на этот раз «о положении дел в компартии Грузии». Своим решением от 27 марта 1952 г. Политбюро сняло с должности первого секретаря ЦК КП(б) Грузии К.Н.Чарквиани, обвинив его в «политической слепоте» и «медлительности» в борьбе с «последствиями вражеской деятельности группы Барамия». Вместо Чарквиани первым секретарем было решено назначить А.И.Мгеладзе. Для проведения этого решения в жизнь в Грузию был направлен Л.П.Берия[791]. Ему предстояло выступить на пленуме ЦК КП(б) Грузии, рассказать о принятых в Москве решениях и обеспечить избрание нового грузинского руководства. Так решил сам Сталин[792]. В связи с этим неизбежно возникает вопрос, каковы были конечные цели Сталина в «мингрельском деле» и хотел ли он таким образом устранить Берию из руководства? Вероятнее всего, в задачи Сталина это не входило. «Мингрельское дело» возникло бы и без Берии. Его смысл заключался, прежде всего, в борьбе против клановости в грузинском руководстве. Конечно, в связи с этим делом Берия чувствовал себя крайне неуютно. Но цель Сталина была не уничтожить Берию (если захотел, то сделал бы это!), а держать в руках и время от времени напоминать кто в стране «хозяин». Что же касается сталинского решения послать в Тбилиси именно Берия, то и это вполне в его духе. Будучи у Сталина на крючке, Берия не посмеет проявить хоть какое-то сочувствие мингрельцам, наоборот, будет к ним демонстративно жесток. Кроме того Берия, лучше других в Кремле, знает обстановку в Грузии. Таким образом, никто лучше не сможет проводить там линию Сталина, чем Берия боящийся зарекомендовать себя нелояльным или пристрастным. Зато теперь у Берии, по

---

[790] Там же.

[791] *Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 гг.* М. 2002. С. 352–354.

[792] Мгеладзе А.И. *Сталин. Каким я его знал.* Без указания места издания. 2001. С. 192–195, 199. Согласно описанию Мгеладзе, в Кремль был вызван весь состав Бюро ЦК КП(б) Грузии для отчета о выполнении решения ЦК от 9 ноября 1951 г. На заседании председательствовал Маленков, также присутствовали Сталин, Берия, Молотов и Каганович. Берия выступил с резкими нападками на «мингрельцев», самокритично отметив при этом, что сам их рекомендовал на высокие должности. Было решено вместо К.Н.Чарквиани выбрать нового первого секретаря ЦК КП(б) Грузии. Сталин поддержал кандидатуру Мгеладзе для избрания на этот пост. Вечером того же дня Мгеладзе был приглашен к Сталину на ужин, где присутствовали также Маленков и Берия. После ужина Сталин сообщил Мгеладзе, что в Тбилиси для разъяснения принятых решений и проведения кадровых перестановок поедет Берия.

крайней мере, появился шанс взять развитие «мингрельского дела» под свой контроль.

Трудно сказать, удалось бы ему это, если бы ретивый Рухадзе сам не сделал роковой ошибки. Не умея вовремя остановиться, он стал добиваться у арестованных «мингрельцев» показаний на нового первого секретаря Мгеладзе и, добившись их, тут же направил материалы Сталину. Сталин 4 июня 1952 г. от имени ЦК ВКП(б) направил в Грузию телеграмму со строгим предупреждением Рухадзе «не допускать впредь подобных поступков» и предложением грузинам самим разобраться с Рухадзе. Сталина возмутило то, что Рухадзе в своей активности игнорировал ЦК и Правительство Грузии (в телеграмме напоминалось, что МГБ Грузии, «как союзно-республиканское Министерство, подчинено не только Центру, но и Правительству Грузии и ЦК КП(б) Грузии»), и то, что он «стал на неправильный и непартийный путь, привлекая арестованных в качестве свидетелей против партийных руководителей Грузии, особенно против тов. Мгеладзе»[793]. Теперь уж, вне всякого сомнения, Берия воспользовался ситуацией и Рухадзе был снят с должности. Сначала такое решение приняли в Тбилиси на Бюро ЦК КП(б) Грузии (возможно, тут у Берии сохранялись рычаги), а 9 июня 1952 г. снятие Рухадзе было утверждено Сталиным и Политбюро ЦК ВКП(б)[794]. При назначении нового министра госбезопасности Грузии явно видна рука Берии. Первоначально хотели назначить его ближайшего соратника С.А.Гоглидзе, потом остановились на кандидатуре А.И.Кочлавашвили, тоже человеке бериевского круга[795]. Теперь дни Рухадзе были сочтены. Гоглидзе все же пришлось выехать в Тбилиси, но только для того, чтобы возглавить комиссию по приему-передаче дел МГБ Грузии. Ему не терпелось арестовать Рухадзе, и Сталину пришлось остудить его пыл, 25 июня 1952 г. он написал в Тбилиси: «Вопрос об аресте Рухадзе считаем преждевременным», и предложил по окончании сдачи дел направить его в Москву «где и будет решен вопрос»[796].

[793] Мгеладзе А.И. *Сталин. Каким я его знал.* Без указания места издания. 2001. С. 356.
[794] Там же. С. 357.
[795] Там же.
[796] Там же. С. 357–358.

Рухадзе был арестован 11 июля 1952 г. Позднее был арестован его заместитель М.К.Тавдишвили[797].

Реорганизации в МГБ в 1952 г.

В начале 1952 г. Сталин принял решение передать следствие по делу Абакумова и его группы из Прокуратуры в МГБ. Решение Политбюро об этом состоялось 12 февраля 1952 г. (П85/450). Прием дел поручался Рюмину. Решение обязывало Игнатьева «представить соображения о коренном улучшении следствия» в МГБ и устанавливало с 1 апреля 1952 г. срок ведения следствия по «наиболее важным» делам – 3 месяца, а для остальных дел – 1 месяц[798]. Этим же решением Политбюро вместо Л.Ф.Цанавы (отправленного «в распоряжение ЦК ВКП(б)») заместителем министра госбезопасности и начальником 2 главного управления был назначен В.С.Рясной.

Тогда же были предприняты серьезные попытки реорганизации структуры МГБ СССР. Уже 24 января 1952 г. Игнатьев обращаясь к Поскребышеву просил выслать ему постановление Политбюро ЦК ВКП(б) П51/4 от 4 мая 1946 «О структуре МГБ» со схемой приложенной к нему[799]. Это было явным свидетельством того, что разрабатывается новый вариант построения центрального аппарата МГБ.

11 июня 1952 г. Игнатьев обратился в Бюро Президиума Совета Министров СССР и сообщил, что в МГБ рассмотрели вопрос о сокращении численности работников центрального аппарата и местных органов и «в целях улучшения работы» сочли возможным сократить штаты на 15%, то есть сократить 30 тысяч человек, что по словам Игнатьева, уменьшит расходы государства по МГБ на 450 миллионов рублей в год[800]. Видимо эти предложения Сталин счел недостаточно радикальными, и через несколько дней Игнатьев уже рапортовал о готовности сократить по системе МГБ 35165

[797] По некоторым сведениям бывший заместитель министра ГБ Грузии Тавдишвили был освобожден из заключения в октябре 1953 г. по амнистии.
[798] Такие требования оказались невыполнимыми в условиях расследования следственной частью МГБ многочисленных дел. Вскоре, во изменение предыдущего решения, Политбюро 18 марта 1952 г. (П86/89) установило ввести эту норму с 1 июня 1952 г. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10.
[799] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 5. Письмо Игнатьева № 2216/И.
[800] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 67. Л. 175.

человек (17% от общей численности) и в их числе 5187 человек «начальствующего состава»[801].

Помимо чистки в МГБ, для Игнатьева важнейшим заданием Сталина оставалось – «вскрыть среди врачей вражескую группу». Но здесь ощутимых результатов он добиться так и не смог. В октябре 1951 г. он докладывал Сталину по телефону о ходе «дела врачей». Информация Игнатьева не удовлетворила вождя, и он выругал чекистов как «бездельников»[802]. Расследование этого надуманного дела действительно продвигалось слабо, сотрудники МГБ никак не могли доказать, а точнее сказать, создать доказательства связи «врачей-вредителей» с западными разведками. Сталин злился все больше и больше. В течение осени 1951 г. и января 1952 г. Игнатьев выслушал от него немало бранных слов и угроз: «Если не вскроете террористов, – американских агентов среди врачей, то будете там же где и Абакумов»… «Я не проситель у МГБ. Я могу и потребовать, и в морду дать, если вами не будут выполняться мои требования». И, наконец, потеряв терпение, грозил Игнатьеву и его сотрудникам: «Мы вас разгоним как баранов…»[803]. В один из воскресных дней августа 1952 г. Сталин окончательно вышел из себя. В очередной раз выслушав доклад Игнатьева о «деле врачей», он обозвал чекистов «бегемотами», заявив, что они «ожирели», «разучились работать», и подытожил: «старым работникам МГБ я не очень доверяю». Как позднее писал об этом эпизоде Игнатьев, он услышал из уст Сталина «матерную брань»[804].

Многие арестованные высокопоставленные чекисты писали из заключения заявления на имя Сталина. Как правило, они признавали прежние «ошибки», а свою вину, чаще всего, сводили к тому, что, дескать попали под преступное влияние того или иного руководителя, или, скажем, «не разглядели» в своем руководстве врага и т. п. В общем, каждый старался свалить вину на другого и утопить кого-нибудь еще. А.Я.Свердлов, например, писал в августе 1952 г. Сталину, что он «проработав до 1940 г. под руководством Матусова, проводившего преступную практику, усвоил ряд пороков…»[805]. Ни разжалобить Сталина, ни убедить его в своей невиновности почти никому не удалось. Только

[801] Там же. Л. 182.
[802] ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 2. Д. 31. Л. 445–454.
[803] Там же.
[804] Там же.

Питовранов нашел верный тон и смог подобрать ключик к сердцу Сталина. Его письмо от 23 апреля 1952 г. (направленно Игнатьевым Сталину 19 мая) своеобразный пример проявления партийности и глубокой заботы о дальнейшем развитии и процветании советской разведки. Преамбула питоврановского письма оригинальна: «После ареста первая мысль была, что со мной поступили слишком сурово, несправедливо. Но сразу же я дал себе отчет, что сколь скоро вопрос о моем аресте решился в ЦК, то думать о какой-то несправедливости было бы чудовищно, значило бы претендовать на то, что я умнее ЦК»[806]. Далее подкупая вождя искренностью, Питовранов писал, что теперь «пересмотрел всего себя, вывернул наизнанку и стал давать чистосердечные показания». Назвав Абакумова в письме «гадиной», Питовранов с горечью сетовал: «Я был молод, попал в обстановку восхваления Абакумова». После такого «правильного» вступления Питовранов переходит к делу и пишет свои соображения о делах МГБ. По его мнению, при кураторстве Секретаря ЦК А.А.Кузнецова административный отдел ЦК ВКП(б) был превращен в придаток МГБ, а его заведующий А.С.Бакакин[807] «во всем слушал Абакумова». «Может быть Вы рассердитесь, – писал Питовранов, – и скажите, что я лезу, куда мне теперь не следует, но я все же считаю необходимым для себя внести на Ваше рассмотрение несколько соображений по чекистской работе». И вот тут в письме содержалось то, что Сталин не мог пропустить равнодушно. Питовранов предлагал полнее использовать как плацдарм разведки территорию Германии и Австрии, а сам аппарат разведки сделать «более гибким и оперативным». «В разведке много лет не было хороших руководителей, – говорилось далее. При т. Меркулове – бездарный Фитин, при Абакумове – проходимец Кубаткин, а затем хоть и умный, но очень не оперативный и не острый Федотов. Я убежден, что т.Савченко тоже не тот человек, который должен возглавить разведку, чтобы она обеспечила выполнение требований ЦК». Далее следовала самая важная часть – о «еврейских националистах»:

> «Все, что делалось по борьбе против еврейских националистов, которые представляют сейчас не меньшую, если не большую опасность, чем немецкая колония в СССР перед войной с Германией, сводилось к

[805] Игнатьев 30 августа 1952 г. направил это письмо А.Н.Поскребышеву (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 67. Л. 191).
[806] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 221. Л. 1–12.
[807] Точнее, А.С.Бакакин возглавлял отдел судебных и прокурорских органов в Управлении кадров ЦК ВКП(б) с 25 июня 1947 г. по 16 июля 1948 г.

спорадическим усилиям против одиночек и локальных групп. Для того, чтобы эту борьбу сделать успешной, следовало бы МГБ СССР смело применить тот метод, о котором ВЫ упомянули, принимая нас, работников МГБ, летом 1951 г.[808], а именно: создать в Москве, Ленинграде, на Украине (особенно в Одессе, Львове, Черновцах), в Белоруссии, Узбекистане (Самарканд, Ташкент), Молдавии, Хабаровском крае (учитывая Биробиджан), Литве и Латвии националистические группы из чекистской агентуры, легендируя в ряде случаев связь этих групп с зарубежными сионистскими кругами. Если не допускать шаблона и не спешить с арестами, то через эти группы можно основательно выявить еврейских националистов и в нужный момент нанести по ним удар. Начатая при тов. Игнатьеве такая работа по двум делам это подтверждает»[809].

Не забыл Питовранов написать и о Власике, предложив перестроить работу Главного управления охраны, отметив, что в его работе «много шумихи» и мало конспирации – «о каждом шаге охраняемых знал в МГБ Абакумов». И в самом конце письма высказал свои соображения об усилении партийного влияния на органы госбезопасности:

> «Товарищ Сталин! ЦК ВКП(б) неоднократно отмечал, что врагам удавалось отрывать чекистские аппараты от партийных органов. Я думаю, что условие для этого отрыва в некоторой мере создается своеобразной кастовостью, флюсоподобной односторонностью многих чекистов, связанной в известной степени с особенностями их работы. Если Вами будет признано необходимым, я мог бы свои соображения по этому вопросу и предложения, вытекающие из них доложить т. Игнатьеву»[810].

Конечно же, в конце письма содержалась и мольба: «Зная Вашу строгость, но и Ваше великодушие, я как родного отца прошу Вас, товарищ Сталин дать мне возможность исправиться»[811].

Сталин давно присматривался к ведомству Власика. И вряд ли является совпадением тот факт, что Игнатьев, задержав у себя письмо Питовранова почти на месяц, направил его Сталину 19 мая 1952 г. – в тот же день, когда было принято постановление Политбюро (П87/358) «О сокращении расходов по Управлению охраны». В постановлении говорилось об «антигосударственной

---

[808] Согласно журналу посещений Сталина в Кремле эта встреча состоялась 24 июля 1951 г. Присутствовали руководящие сотрудники МГБ: С.И.Огольцов, Н.К.Ковальчук, Н.Н.Селивановский, Е.П.Питовранов, С.А.Гоглидзе, также был на встрече С.Д.Игнатьев. Беседа Сталина с чекистами продолжалась всего 35 минут и проходила в присутствии Берии и Маленкова. См.: *Исторический архив.* 1997. № 1. С. 24.
[809] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 221. Л. 1–12.
[810] Там же. Л. 12.
[811] Там же. Л. 8.

практике в расходовании средств» и о «преступном расточительстве». ГУО МГБ потеряло статус главного управления и стало просто «Управлением охраны». Его руководитель Н.С.Власик был снят с должности начальника и отправлен в систему МВД заведовать лагерем на Урале, и еще 6 руководящих работников ГУО этим же постановлением были сняты со своих должностей и отправлены на работу в систему МВД (они получили должности заместителей начальников различных лагерей). Руководить охраной кремлевских вождей временно поручили самому министру госбезопасности Игнатьеву[812]. Этим дело не ограничилось. В мае 1952 г. арестовали работников охраны МГБ В.С.Лынько и Б.М.Кошелева.[813] Продолжились аресты и среди других категорий чекистов. В мае 1952 г. был арестован бывший работник разведки МГБ А.А.Гузовский[814].

Нашло отклик и еще одно обращение «снизу». Как только Сталин получил письмо двух работников разведки А.М.Голицына[815] и Е.Г.Кащеева в котором содержались критические замечания о работе разведки МГБ, он мог вспомнить и о предложениях Питовранова. Уже в ночь с 4 на 5 октября 1952 г. Сталин принял обоих офицеров в Кремле. При их беседе длившейся 1 час 40 минут присутствовал только Берия[816]. На свое счастье Питовранов вновь напомнил о себе и 17 октября 1952 г. его очередное письмо из секретариата Сталина Поскребышевым было направлено (надо полагать после того как его прочел Сталин) Маленкову. Кажется, дело Питовранова сдвинулось с мертвой точки. Уже в начале ноября 1952 г. он был освобожден из тюрьмы и, отдохнув несколько дней, 13 ноября 1952 г. был принят Сталиным в Кремле[817].

События двух последних месяцев 1952 г. Гоглидзе описывал так.[818] В первых числах ноября 1952 г. Игнатьев, Рясной, Гоглидзе и Рюмин были вызваны к Сталину в кабинет в связи с заявлением работников разведки

---

[812] Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 мая 1952 г. «особая папка». См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10.

[813] Заместитель Главного управления охраны (ГУО) МГБ СССР полковник В.С.Лынько был арестован 10 мая 1952 г., осужден ОСО при МГБ 4 октября 1952 г. на 10 лет за преступную халатность. Освобожден в апреле 1953 г. из Владимирской тюрьмы. Б.М.Кошелев – майор интендантской службы до ареста занимал должность начальника 2 отдела хозяйственного управления ГУО МГБ СССР.

[814] Гузовский находился в заключении до августа 1954 г.

[815] Занятно, что заботу о делах разведки проявлял будущий перебежчик. В 1961 г. из резидентуры КГБ в Хельсинки Голицын бежал на Запад.

[816] *Исторический архив.* 1997. № 1. С. 32.

[817] Там же. С. 33.

[818] Объяснительная записка Гоглидзе о «деле врачей» от 26 марта 1953 г. См.: ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 1. Л. 315–322.

Кащеева и Голицына и Сталин поручил подготовить предложения о реорганизации разведывательной и контрразведывательной служб МГБ[819]. Через неделю была сформирована Комиссия по реорганизации структуры МГБ[820] и 19 ноября был подготовлен и представлен Сталину проект структуры Главного разведывательного управления (ГРУ) МГБ, в котором объединялись 1 и 2 главные управления МГБ – соответственно, разведка и контрразведка[821].

Между тем, произошло еще одно знаменательное событие. Решением Сталина, оформленном как постановление Совета Министров СССР 13 ноября 1952 г. Рюмин был снят с должности заместителя министра госбезопасности и начальника следственной части по ОВД МГБ за то, что «не добрался до корней дела» и «не способен выполнить» указания Правительства по расследованию дел Абакумова – Шварцмана и «врачей», которые «все еще остаются нераскрытыми до конца»[822]. И в этот же день Сталин в своем кабинете имел серьезную беседу с Игнатьевым, Гоглидзе, Огольцовым, Рясным и Питоврановым, в ходе которой дал указания по дальнейшему ведению следствия по делам «врачей» и Абакумова и его сообщников[823]. Аудиенция длилась 40 минут и кроме приглашенных работников МГБ присутствовали члены «узкого руководства» Булганин, Берия, Маленков и Хрущев[824]. Именно они были выбраны стареющим вождем в качестве преемников. После 19 съезда КПСС между ними, разумеется по воле Сталина, и была разделена власть.

События ноября 1952 г. заставили Игнатьева немало поволноваться, и он серьезно заболел[825]. После 15 ноября 1952 г. мы не видим подписи Игнатьева на

---

[819] Это произошло 3 ноября 1952 г. Беседа длилась 1 час 45 минут. Помимо Сталина на беседе присутствовал и Маленков. *Исторический архив.* 1997. № 1. С. 33.

[820] Бюро Президиума ЦК КПСС 9 ноября создало Комиссию по реорганизации разведывательной и контрразведывательной служб в МГБ. Возглавил комиссию Маленков. См. *Источник.* 2001. № 5. С. 130.

[821] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 69.

[822] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10. Л. 159.

[823] Игнатьев, в своем письме Сталину от 15 ноября 1952 г. впрямую ссылался на выполнение им сталинских директив, полученных 5 и 13 ноября. «Во исполнение Ваших указаний», – писал Игнатьев, – Абакумов переведен из Лефортовской тюрьмы в Бутырскую и содержится в ручных кандалах, а к арестованным врачам Егорову, Виноградову и Василенко «применены меры физического воздействия», также «подобраны и уже использованы в деле два работника, могущие выполнять специальные задания (применять физические наказания) в отношении особо важных и особо опасных преступников», и, далее Игнатьев сообщал, что вызвал Власика в Москву для того, чтобы расспросить его о враче Егорове и «преступном отношении врачей к лечению руководящих работников» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10. Л. 160–161).

[824] *Исторический архив.* 1997. № 1. С. 33.

[825] Игнатьев писал позднее в объяснительной записке: «15 ноября я серьезно заболел» (ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 2. Д. 31. Л. 445–454.).

текущих документах идущих «наверх» – Сталину и в ЦК (это делают Гоглидзе и Огольцов).

20 ноября Сталин вызвал к себе в кабинет Огольцова, Питовранова и Гоглидзе для рассмотрения представленного ими проекта об организации Главного разведывательного управления (ГРУ) МГБ. «Обсуждение представленного проекта, – вспоминал Гоглидзе[826], – проходило в крайне острой, накаленной обстановке. На нас обрушился целый ряд обвинений, носящий политический характер». Основное недовольство Сталина было вызвано «отказом» МГБ от применения в борьбе с противником методов диверсий и террора, тем что «проморгали» врагов в стране. При этом Сталин сослался на дела врачей и Абакумова, а под конец приема пообещал устроить чекистам «всенародную чистку» от «вельмож», «бездельников» и «перерожденцев». В этот же день было решено назначить Огольцова и Гоглидзе первыми заместителями министра госбезопасности[827] и курирование следственной части по ОВД возложить на Гоглидзе[828].

29 ноября 1952 г. Гоглидзе подготовил для Сталина докладную записку «о положении дел в МГБ»[829]. За время прошедшее после принятия постановления партии от 11 июля 1951 г., говорилось в докладной, «требуемого улучшения работы органов государственной безопасности не произошло». Далее Гоглидзе расписался в полном бессилии МГБ разобраться со следственными делами, так волновавшими Сталина. Следствие по «делу врачей велось крайне медленно», – писал он, – «До сих пор ни агентурным, ни следственным путем не вскрыто, чья злодейская рука направляла террористическую деятельность Егорова, Виноградова и других»[830]. Также, писал Гоглидзе, «не лучше обстоит с делом о вредительской работе Абакумова – Шварцмана. Следствие по этому делу так же не добилось полной ясности», а «следователи работают без души»[831]. Что это означало, Гоглидзе пояснил так:

[826] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 1. Л. 315–322.
[827] Решением Бюро Президиума ЦК КПСС 20 ноября 1952 г. «О заместителях министра госбезопасности» (БП3/116). См.: *Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник.* Под. ред. акад. А.Н.Яковлева; авторы-сост.: А.И.Кокурин, Н.В.Петров. М. 2003. С. 146.
[828] После отстранения 13 ноября 1952 г. М.Д.Рюмина следственную часть по ОВД МГБ временно возглавил Соколов (был исполняющим обязанности).
[829] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 68. Л. 130–141.
[830] Там же. Л. 131.
[831] Там же. Л. 132.

«следователи не цепляются, как крючки, за каждую даже мелкую возможность, чтобы поймать, взять в свои руки врага – полностью его разоблачить»[832]. Касаясь общих проблем работы МГБ, Гоглидзе отметил, что имело место «грубое извращение» в организации разведывательной работы, выразившееся в отказе от «активных, наступательных средств борьбы с противником за границей – осуществлении диверсионных и террористических операций», и, тут же, отметил «недопустимую разобщенность» 1 (разведывательного) и 2 (контрразведывательного) главков МГБ (здесь само, собой напрашивался вывод о необходимости их объединения). Также Гоглидзе писал, что «коренная перестройка агентурно-оперативной работы», и требования Постановления СМ СССР от 7 января 1952 г. (и приказов МГБ № 0015 и 0022) «выполнены формально»[833].

Гоглидзе привел внушительные цифры освобожденных от «руководящей работы» чекистов за период с 1 июля 1951 г. по 1 июля 1952 г. За год было освобождено «как не справившихся с работой» 1583 человека (в их числе 287 работников входящих в номенклатуру ЦК КПСС), уволено из органов за «нарушение дисциплины», «советской законности», «злоупотребление служебным положением», «морально-бытовое разложение» – свыше 3 тысяч человек (из них 500 работников центрального аппарата). По указанию ЦК, – писал далее Гоглидзе, – в сентябре 1952 г. были сокращены штаты МГБ на 31641 человека, но «несмотря на это, в органах МГБ осталось еще немало лиц, недостойных работать в ЧК»[834]. Последняя фраза должна была продемонстрировать Сталину готовность руководства МГБ к проведению дальнейшей чистки. Тут же писалось и о намеченных мероприятиях для исправления положения: обновление состава следственной части по ОВД МГБ, улучшение работы по «приобретению» (то есть новым вербовкам) и «воспитанию» агентуры, проведение «в ближайшее время» совещания руководящего состава МГБ, направление на работу в МГБ новых кадров из партийных органов и т.п. По видимому, этот вариант доклада был обсужден верхушкой МГБ и, после незначительных исправлений, через день, 30 ноября

[832] Там же.
[833] Там же. Л. 136.
[834] Там же. Л. 139.

1952 г. за подписями Игнатьева, Гоглидзе и Огольцова он был отослан Сталину[835].

На следующий день, 1 декабря состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором рассматривались вопросы: «О вредительстве в лечебном деле» и «Информация о положении дел в МГБ СССР» и обсуждалось письмо МГБ от 30 ноября 1952 г. Для разработки проектов резолюций по этим вопросам была создана Комиссия под председательством Маленкова. Проекты резолюций следовало подготовить уже к 4 декабря[836]. Резолюция «О положении в МГБ» была одобрена решением Президиума ЦК КПСС 4 декабря 1952 г. В тексте резолюции содержался призыв усилить контроль партийных органов за работой МГБ, и, в частности говорилось, что «первые секретари обкомов, крайкомов партии и ЦК компартий союзных республик обязаны интересоваться агентурной работой органов МГБ и им должен быть известен список всех агентов»[837]. В резолюции, помимо общих призывов перейти от «пассивной» оборонной тактики к «активным наступательным действиям» в разведывательной работе, содержался и гневный пассаж, несомненно, продиктованный Сталиным:

> «Многие чекисты прикрываются при этом гнилыми и вредными рассуждениями о якобы несовместимости с марксизмом-ленинизмом диверсий и террора против классовых врагов. Эти горе-чекисты скатились с позиций революционного марксизма-ленинизма на позиции буржуазного либерализма и пацифизма, забыли, что с озверевшим классовым врагом нельзя бороться в белых перчатках, оставаться «чистенькими», не применяя активных наступательных средств борьбы в интересах социалистического государства, забыли указания Ленина о том, что классовая борьба – это жестокая борьба, а не пустая болтовня, не понимают той простой истины, что нельзя МГБ представлять без диверсий, проводимых им в лагере врага»[838].

Примерно ту же мысль Сталин повторил и на заседании комиссии по организации ГРУ МГБ. Возможно, это произошло 15 декабря 1952 г.[839] Здесь прозвучали некоторые тезисы из письма Питовранова: «Главный наш враг –

---

[835] Там же Л. 142.
[836] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 10. Л. 163.
[837] Там же. Л. 185.
[838] Там же.
[839] 15 декабря 1952 г. Сталин принял в Кремле руководителей МГБ Игнатьева, Огольцова, Гоглидзе, Рясного и Питовранова. При этом присутствовали только члены Комиссии по организации ГРУ МГБ: Г.М.Маленков, Л.П.Берия, Н.С.Хрущев, Н.А.Булганин, Н.А.Михайлов, Л.И.Брежнев и А.Б.Аристов. Беседа длилась 1 час 5 минут. См.: *Исторический архив.* 1997. № 1. С. 34.

Америка. Но основной упор надо делать не собственно на Америку». Первая база, где нужно иметь своих людей, – Западная Германия»[840]. И тут же Сталин вернулся к волновавшей его теме: «Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу ЧК, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодец»[841].

В первые месяцы 1953 г. в недрах МГБ готовились новые структура и штаты Главного управления разведки МГБ и схемы реорганизации службы наружного наблюдения. Сам приказ о слиянии 1 и 2 главных управлений МГБ был выпущен 5 января за № 006[842]. Но в его подкрепление требовалось утвердить структуру и штат и провести в ЦК утверждение кандидатур начальников отделов входящих в ГРУ. Для рассмотрения всех вопросов по организации ГРУ МГБ в ЦК КПСС была образована комиссия[843]. Регулярно из МГБ в эту комиссию поступали все новые и новые варианты штатов и структуры ГРУ и службы наружного наблюдения (бывшее 7 управление), но до самой смерти Сталина окончательного решения ЦК КПСС по этим вопросам не приняли.

Кадровая чистка в МГБ продолжалась и имела явный национальный оттенок. Так, 6 января 1953 г. Гоглидзе письмом доложил Сталину, что «рассмотрены материалы на лиц еврейской национальности» находящихся на руководящей работе в органах военной контрразведки. При этом были представлены краткие справки на 21 человека. Как сообщал Гоглидзе, принято

---

[840] Эти замечания Сталина опубликованы в журнале *Источник.* 2001. № 5. С. 132.

[841] Эта мысль оказалась созвучной настроениям последователей Сталина. Фраза настолько понравилась председателю КГБ Ю.В.Андропову, что когда в 1973 г. в архиве обнаружился листок с записью «замечаний Сталина», он немедленно отослал экземпляр Брежневу, напомнив ему о работе в комиссии Президиума ЦК, сопроводив сталинский текст своим замечанием: «Лично мне очень импонирует его высказывание…Мысль, по форме маленько азиатская, но по существу, верная даже в пору далекую от времен культа личности». Вообще замечания Сталина Андропов посчитал не только «вполне актуальными и сегодня», но и «пригодными во все времена». Брежнев тоже проникся важностью и значимостью сталинских мыслей о разведке и с пометой «важный документ» отложил его в папку для подготовки к апрельскому (1973) пленуму ЦК КПСС обсуждавшему вопросы международной деятельности ЦК КПСС. См.: *Источник.* 2001. № 5. С. 130–131, 149.

[842] Начальником ГРУ МГБ был назначен С.И.Огольцов, а его заместителями Е.П.Питовранов (он же начальник 1 управления ГРУ МГБ – по разведке) и В.С.Рясной (он же начальник 2 управления ГРУ МГБ – по контрразведке). Приказ был выпущен на основе решения Бюро Президиума ЦК КПСС БП7/12–оп от 30 декабря 1952 г. См.: *Лубянка. Справочник.* Сост. Кокурин А.И., Петров Н.В. Научн. редактор Пихоя Р.Г. М. 1997. С. 40; Кокурин А.И., Петров Н.В., *МГБ: структура, функции, кадры.* // *Свободная мысль.* 1997. № 11. С. 119.

[843] Решением Президиума ЦК КПСС П3/115 от 20 ноября 1952 г. в состав комиссии вошли: Г.М.Маленков (председатель), Л.П.Берия, Н.С.Хрущев, Н.А.Булганин, Н.Г.Игнатов, Н.А.Михайлов, Л.И.Брежнев, А.Б.Аристов, С.Д.Игнатьев, С.А.Гоглидзе, С.И.Огольцов, Е.П.Питовранов, В.С.Рясной. «На основании указаний ЦК» комиссии поручалось наметить

решение всех их уволить и принять меры к трудоустройству в другие учреждения. Далее отмечалось, что в периферийных органах контрразведки на оперативно-технической работе остается еще 123 человека. МГБ, писал Гоглидзе, затребовало на каждого из них материалы для решения вопроса о их дальнейшей работе в МГБ[844].

27 января 1953 г. «неожиданно» выздоровел Игнатьев и проинформировал Сталина, что он приступил к работе после болезни и просил разрешение созвать 14 февраля 1953 г. совещание ответственных работников МГБ. Выдержанное в возвышенном тоне письмо Игнатьева должно было убедить Сталина, что Постановление ЦК КПСС от 4 декабря 1952 г. «О положении в МГБ» понято им правильно и принято к неукоснительному исполнению:

> «Вместе с парторганизациями и членами коллегии мы сосредотачиваем все свое внимание и усилия на том, чтобы, на основе решений ЦК и Ваших указаний, в короткий срок навести порядок в работе органов МГБ, повысить их активность, покончить с благодушием, ротозейством, трусостью и укоренившимися среди многих работников привычками жить былой славой чекистских органов без затраты труда и времени на повседневную черновую работу по охране безопасности нашего государства в настоящее время.
>
> Выполняя Ваши, товарищ Сталин, указания, мы будем настойчиво продолжать работу по выявлению и ликвидации американо-английских и иных шпионов, террористов и диверсантов из числа врачей, еврейских националистов и других врагов нашей партии и Советского государства»[845].

Многие фразы этого письма поразительно напоминают произнесенное в разные годы Сталиным. Тут есть и прямые перепевы мотивов 1937 г. Только вместо «троцкистско-бухаринских и иных двурушников» теперь на первый план вышли «американо-английские и иные шпионы».

В конце 1952 г. и самом начале 1953 г. аресты руководящих сотрудников МГБ продолжились. Теперь жертвами стали чекисты, ранее охранявшие Сталина. Бывший начальник Главного управления охраны (ГУО) МГБ СССР Н.С.Власик был арестован 16 декабря 1952 г., об этом сообщил Сталину

структуру ГРУ и определить задачи. Срок работы был дан 7 дней. Позднее в комиссии появился Н.М.Пегов.

[844] К письму были приложены списки евреев – сотрудников военной контрразведки (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 30. Л. 1).

[845] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 30. Л. 225.

Гоглидзе[846]. Так же 17 января был арестован С.Ф.Кузьмичев[847] «как пособник шпионской деятельности Федосеева И.И.»[848]. А 2 февраля 1953 г. Игнатьев обратился к Маленкову, Берии и Булганину с просьбой дать санкцию на арест бывшего начальника оперативного отдела ГУО МГБ В.И.Масленикова за то, что он «преступно относился к сигналам о неправильном лечении руководителей Партии и Правительства»[849]. Через пару дней, 5 февраля 1953 г. Масленников был арестован[850].

Также проявились и некоторые последствия «Ленинградского дела», хотя тут просьбы на санкционирование арестов шли на имя Г.М.Маленкова. 26 ноября 1952 г. Гоглидзе направил ему справку на бывшего начальника УМВД по Ленинградской области генерал-майора в отставке Е.С.Лагуткина, исключенного из партии еще в 1950 г. за «антипартийные действия», а теперь, как писал Гоглидзе, установлено, что он имел «близкие связи» с А.А.Кузнецовым и другими ленинградцами[851].

16 февраля 1953 г. Игнатьев доложил Сталину о проведенных в этом месяце арестах еще 4-х евреев – бывших чекистов, к тому времени уже уволенных из МГБ. Это – И.И.Илюшин-Эдельман, И.Э.Фридман, Г.М.Чайковский и И.Е.Фастовский[852].

В начале 1953 г. был подготовлен проект обвинительного заключения по делу Абакумова, и 17 февраля Игнатьев направил его Сталину и Маленкову.

---

[846] «Приступили к его допросам», – писал Гоглидзе (ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 68. Л. 192). Основанием для ареста Власика послужили показания арестованных работников Главного управления охраны МГБ В.С.Лынько и Кошелева. См.: ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 12. Л. 31–33.

[847] С 1932 г. по 1947 г. С.Ф.Кузьмичев служил в личной охране Сталина, был к 1947 г. генерал-майором, начальником Управления охраны № 1. С 1947 г. на учебе в Высшей школе МГБ, затем работал уполномоченным СМ СССР по курортам Сочи–Мацеста, с ноября 1949 г. возглавил Управление охраны № 2 МГБ СССР, а с августа 1950 г. стал заместителем начальника УМГБ Брянской области. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 474. Л. 37–38.

[848] И.И.Федосеев провинился в том, что работая заместителем коменданта «ближней дачи» устраивал в отсутствии Сталина там пьянки, воруя продукты и вино из дачных запасов и привозил из Москвы на дачу проституток, которые заглядывали в «совершенно секретные» документы на столе вождя. В 1947 г. по распоряжению Сталина Федосеев был «тайно» арестован и расследование вел Серов. При этом Сталин просил Кузьмичева не говорить об этом аресте Абакумову, но Кузьмичев, все же рассказал Абакумову. В апреле 1950 г. Федосеев был расстрелян. А Сталин, видимо, узнал о «неверности» Кузьмичева много позже, и это стало главным мотивом ареста. О деле Федосеева см. подробнее: Петров Н.В. *Первый председатель КГБ Иван Серов.* М. 2005. С. 87–89, 127.

[849] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 30. Л. 293–294.

[850] Освобожден из-под стражи с полным прекращением дела и реабилитацией 18 апреля 1953 г. по постановлению следственной части по особо важным делам МВД СССР.

[851] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 10. Д. 54. Л. 384–391.

[852] Там же. Оп. 11. Д. 31. Л. 138–140.

Определился круг обвиняемых «по группе бывших работников МГБ». Речь шла о «вражеской группе Абакумова – Шварцмана». Кроме них по делу обвинялись: Л.Ф.Райхман, А.Г.Леонов, М.Т.Лихачев, В.И.Комаров, И.А.Чернов, Я.М.Броверман, А.Я.Свердлов и А.М.Палкин – всего 10 человек. Игнатьев предложил рассмотреть дело в Военной Коллегии Верховного Суда и приговорить всех к расстрелу[853]. В отношении остальных арестованных работников МГБ Игнатьев сообщил, что ведутся отдельные дела и по ним «дано указание следствие закончить» и продолжать его лишь в отношении М.И.Белкина в связи с произведенными по его показаниям арестами в Венгрии[854]. Ознакомившись с представленным Игнатьевым проектом Сталин написал на полях первого листа: «Не мало?», по видимому, имея ввиду круг обвиняемых. Помимо того, Сталину был представлен список «бывших работников МГБ арестованных в связи с решением ЦК КПСС «о неблагополучном положении в МГБ»», чьи дела будут заканчиваться отдельно от дела Абакумова-Шварцмана. В списке значились: Н.Н.Селивановский, Н.А.Королев, Г.В.Утехин, М.И.Белкин, Н.И.Эйтингон, В.М.Блиндерман (бывший начальник отдела «Р» МГБ), Е.С.Анцелиович (бывший заместитель начальника отдела «Р» МГБ), М.К.Кочегаров (бывший начальник управления делами МГБ), Л.Е.Иткин (бывший заместитель начальника следственного отдела УКР СМЕРШ Московского военного округа) и И.М.Кузнецов (бывший начальник личной охраны Абакумова)[855].

Вскоре, для обсуждения обвинительного заключения, Сталин вызвал к себе министра госбезопасности С.Д.Игнатьева, его заместителя С.А.Гоглидзе, заместителей начальника следственной части МГБ Н.М.Коняхина и В.Н.Зайчикова. Позднее об этом писал в своем заявлении в ЦК КПСС Зайчиков. По его воспоминаниям, Сталин «подверг представленный ему проект обвинительного заключения критике главным образом за то, что документ неубедительно показывал причины и процесс падения Абакумова»[856]. Сталин призвал чекистов написать в обвинительном заключении «всю правду об этом, какой бы она не была». Любопытно, что в этом разговоре Сталин якобы

[853] Там же. Л. 141–180.
[854] Там же.
[855] Там же. Л. 181.
[856] Заявление В.Н.Зайчикова в ЦК КПС от 16 июля 1953 г. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 481. Л. 42–43.

возложил всю вину на Берию за выдвижение Абакумова на столь высокий руководящий пост. По словам Зайчикова, он заявил буквально следующее: «У нас кандидатура Абакумова не вызывала доверия. Назначили мы его по настоянию Берия. Вскоре после назначения членам Политбюро стало ясно, что Абакумов не на месте. Вот из-за такого отношения к подбору кадров я недолюбливаю Берия и не доверяю ему»[857]. Конечно, Сталин либо хитрил, либо уже сам себя убедил, что выдвинул Абакумова в мае 1946 г. на пост министра не он, а кто-то другой. Все же вероятнее всего хитрил, пытаясь создать у работников МГБ впечатление собственной объективности и непричастности к делу.

Между тем тучи, сгустившиеся в конце 1951 г. над Берией, постепенно рассеивались – следователи МГБ теперь фиксировали показания обеляющие Берию, а сам он был выдвинут Сталиным на новый важный пост. Так, арестованный Рухадзе на допросе 2 февраля 1953 г. (протокол этого допроса был послан Сталину) заявил: «Я признаю, что отдельными своими действиями по существу компрометировал Л.П.Берия, в частности, я приказал установить технику (имеется ввиду техника прослушивания – Н.П.) на квартиру у матери Л.П.Берия проживающей в гор. Тбилиси…»[858]. И незадолго до этого произошло очередное возвышение Берии – 26 января 1953 г. на заседании Бюро Президиума ЦК КПСС он был назначен руководителем «тройки» по наблюдению за «специальными работами». Кроме Берии в «тройку» вошли Маленков и Булганин[859]. Теперь в руках Берии сосредоточилось все руководство советским военно-промышленным комплексом, тогда как ранее он координировал лишь атомный проект.

Сталин подверг серьезной правке проект обвинительного заключения по делу Абакумова-Шварцмана. Общая направленность сталинской редактуры свелась к подчеркиванию персональной вины Абакумова, заключавшейся в том, что он и его сообщники «игнорировали указания ЦК КПСС о расследовании связей с иностранной разведкой врага народа Кузнецова»[860]. То есть погасили шпионскую составляющую «Ленинградского дела».

---

[857] Там же.
[858] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 31. Л. 52.
[859] *Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР*. 1945–1953 гг. М. 2002. С. 101.
[860] Пихоя Р.Г. *Советский Союз: история власти…* С. 73.

Переработанный с учетом замечаний Сталина проект обвинительного заключения по делу Абакумова-Шварцмана вновь был направлен 26 февраля 1953 г. Сталину и Маленкову. Теперь к прежним 10 обвиняемым добавился М.К.Кочегаров – бывший начальник управления делами МГБ. Документ был составлен Н.М.Коняхиным. Его подписали следователи ведшие дело: помощники начальника следственной части по ОВД МГБ В.Н.Зайчиков и П.И.Гришаев. Визу: «Согласен» проставил отвечавший за следствие С.А.Гоглидзе и, наконец, утвердил заключение сам министр С.Д.Игнатьев[861].

Сталин не успел рассмотреть этот проект.

События, 1951–1953 гг., удивительным образом перекликаются с 1937 годом, когда после резолюции февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) начались регулярные аресты руководителей НКВД. Обвинения, выдвинутые против руководства МГБ практически идентичны тем, что выдвигались еще в 1937 г. Это и ведомственная замкнутость системы госбезопасности, «обман» партийных органов и ЦК, наличие не разоблаченных врагов и неэффективная работа, засоренность кадрового состава чуждыми и подозрительными людьми. Вновь зазвучала и оценка Сталина, высказанная им еще в мае 1937 г. на узкой встрече с чекистами – «нас разбили в разведке», из чего следовал вывод, что страна наводнена иностранными шпионами (эта же мысль присутствует и в письме Рюмина). Все это неизбежно вело к инициированию Сталиным нового этапа чистки не только МГБ, но и всего общества. Методы «лечения» системы МГБ Сталин избрал вполне традиционные. Это, прежде всего, кадровая перетряска в сочетании с арестами высокопоставленных сотрудников, усиление партийного влияния за счет рекрутирования руководящих сотрудников МГБ из недр партийного аппарата, установление строгого контроля за работой местных МГБ со стороны партийных руководителей. Ситуация, как ее рассматривал Сталин, была весьма серьезной. Видимо события 1952 г. следует считать прологом нового террора, хотя и в ином, модифицированном виде (с целенаправленными ударами по определенным слоям и национальным группам). Именно в этом году Сталин (как и в 1937) впервые после войны не поехал в отпуск, а остался в Москве. Мало кто обратил внимание на юбилейную статью в Правде посвященную 15-летию доклада Сталина на февральско-

[861] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 31. Л. 214–252.

мартовском пленуме ЦК ВКП(б)[862], а ведь этот доклад с 1937 г. ни разу не переиздавался[863]. Такая актуализация зловещего доклада кое-что значила. Но, несомненно и то, что никаких планов действительно массовых арестов (как в 1937–38 гг.) у Сталина не было. Скорее можно говорить о его новой линии «рационализации» террора. По крайней мере, на это были направлены все сталинские усилия по повышению эффективности работы МГБ: сокращение кадрового состава, перестройка его структуры, наконец, существенное сокращение аппарата тайных агентов и ликвидация института осведомителей. Об этом же свидетельствует и общее сокращение (почти в три раза) проведенных МГБ в 1952 г. арестов по сравнению с 1951 г.

Деятельность Берии: реабилитация и новые аресты.

После смерти Сталина, в условиях развернувшейся в Президиуме ЦК борьбе за власть, Берия выступил инициатором пересмотра наиболее громких дел возникших в конце 40-х начале 50-х годов. Прекращая дела Берия убивал сразу нескольких зайцев. Во-первых, он оказывал вполне дружеские услуги своим соратникам: Маленкову (интересы которого были задеты делом 1946 г. о вредительстве в авиационной промышленности), Молотову (чья жена была арестована Сталиным в связи с делом Еврейского антифашистского комитета), Кагановичу (чей брат Михаил был оклеветан и покончил с собой)[864]. Во-вторых, прекращая «мингрельское дело» Берия по сути устранял угрозу собственной персоне[865]. В третьих, освобождая из тюрьмы соратников-чекистов, получал в их лице надежных и преданных сотрудников. И, наконец, легко зарабатывал авторитет и политический капитал, выгодно выставив себя поборником справедливости. Последнее обстоятельство больше всего и разозлило остальных членов Президиума ЦК КПСС. К осознанию необходимости пересмотра сфальсифицированных в бывшем МГБ дел, советские лидеры были психологически подготовлены. Как позднее заявил на пленуме ЦК

[862] Михайлов Н. *Выдающийся документ большевизма.* // *Правда.* 1952. 5 марта.
[863] Как это ни странно, переиздание будет осуществлено Политиздатом в 1954 г., уже после смерти Сталина.
[864] *Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы.* Под ред. акад. А.Н.Яковлева; сост. В.Наумов, Ю.Сигачев. М. 1999. С. 19, 25–28, 42.
[865] Там же. С. 37–42.

Н.А.Булганин, они еще «при жизни товарища Сталина» между собой говорили о том, что эти дела «дутые»[866]. Но то, что Берия начатую реабилитацию запишет только себе в заслугу их не устраивало. Позднее его обвинили в том, что он преподнес результаты реабилитации врачей «сенсационно, бурно, искусственно»[867], хотя обнародовать правду о «деле врачей» советскому правительству пришлось вовсе не по прихоти Берии. Об аресте «врачей-вредителей» в январе 1953 г. было объявлено на всю страну[868] и в газетах развернулась шумная пропагандистская кампания по повышению бдительности. Но, не смотря на разоблачение «заговора» кремлевских врачей, «первый пациент» все же умер. Народная молва тут же напрямую связала смерть Сталина с происками «врачей-убийц»[869]. Продолжение «дела врачей» могло бросить тень «соучастия» на ближайших сталинских соратников. Это обстоятельство и потребовало от нового руководства не только прекратить дело, но и объясниться с народом.

Первым же желанием Берии после смерти вождя было освобождение своих людей – чекистов. Уже 11 марта 1953 г. он направил на имя Маленкова и Хрущева письмо, в котором рисовал удручающую картину сложившуюся в МГБ. Берия писал: «Значительная часть чекистских кадров имеющих опыт – разгромлены», причем разгром кадров был проведен в 2 этапа – 1-й при Абакумове, 2-й после его ареста. «Необходимо будет рассмотреть материал на арестованных чекистов и в зависимости от результатов принять решение об использовании их на работе в МГБ»[870]. С помощью этого письма Берия готовил почву не только для освобождения из тюрем своих людей, но и для пополнения нового объединенного МВД старыми проверенными кадрами. И не случайно речь в письме идет о первом этапе «разгрома кадров», под которым Берия имел ввиду увольнение в 1946–47 гг. его ставленников из МГБ: В.Н.Меркулова, Б.З.Кобулова, С.Р.Мильштейна, Л.Е.Влодзимирского и других. Многих из них он вернул в 1953 г. под свое крыло в МВД. Кстати, в этом же письме, касаясь структуры организуемого под его началом министерства, Берия предлагает

[866] Там же. С. 113.
[867] *Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы.* Сост. Артизов А.Н., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. Т. 1. М. 2000. С. 383.
[868] *Правда.* 1953. 13 января.
[869] *Неизвестная Россия. XX век.* Книга вторая. М. 1992. С. 254.
[870] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 1. Л. 394.

убрать ГУЛАГ из МВД, объясняя этот шаг необходимостью «освобождения от несвойственных функций»[871].

Берия не медлил и начал освобождать своих соратников еще до формального разрешения вопроса на Президиуме ЦК КПСС. Так были освобождены: Кузьмичев С.Ф. (10 марта 1953), П.А.Шария (март 1953)[872], Н.И.Эйтингон (19 марта 1953)[873], Г.В.Утехин (21 марта 1953), Ф.Г.Шубняков (март 1953). Затем настала очередь других: Г.Т.Каранадзе (10 апреля 1953), К.П.Бзиава (10 апреля 1953), А.Н.Рапава (10 апреля 1953 г.), В.И.Маслеников (18 апреля 1953 г.). Также в апреле 1953 г. были освобождены: Л.Ф.Райхман и В.С.Лынько, а в мае – Ш.С.Шлюгер[874]. Чуть позднее были освобождены: А.Я.Свердлов (18 мая 1953 г.)[875], М.И.Белкин (4 июня 1953 г.), Я.Н.Матусов (5 июня 1953 г.). Также вышел на свободу Н.Н.Селивановский.

Разумеется, милость нового всесильного министра внутренних дел не распространялась на тех, кто участвовал в гонениях на близких Берии людей или кого он считал человеком абакумовского круга. Так, остались под арестом: В.С.Абакумов, Н.М.Рухадзе, Н.С.Власик, Н.А.Королев, М.К.Кочегаров[876], А.Г.Леонов, М.Т.Лихачев, В.И.Комаров, И.А.Чернов, Я.М.Броверман, Л.Л.Шварцман. В марте – начале апреля 1953 г. к ним добавились и новые

---

[871] Там же.

[872] Берия освободил из тюрьмы П.А.Шария одним из первых. Обстоятельства этого освобождения описал в своем рапорте 24 августа 1953 г. бывший помощник начальника следственной части А.А.Болховитин: «Друг Берия – Шария был, например, освобожден по одному окрику Берия на бывшего начальника внутренней тюрьмы МВД СССР Миронова А.Н. за несколько дней до вынесения постановления об освобождении…» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 467. Л. 102).

[873] Заступив на пост министра Берия сразу же поинтересовался где находится Н.И.Эйтингон и узнав, что он болен язвой желудка и лежит в тюремной больнице, послал Гоглидзе навестить его (разумеется с хорошей новостью о предстоящем освобождении). По указанию Берии П.Я.Мешик и В.В.Иванов прекратили дело и реабилитировали Эйтингона 19 марта 1953 г., а также Берия распорядился выплатить ему 35 тысяч рублей (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 466. Л. 167–169).

[874] Как и многие другие чекисты в ходе сталинской чистки МГБ Шлюгер был арестован за «националистические высказывания».

[875] См. его письмо на имя Маленкова от 25 августа 1953 г. (*Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы.* Сост. Артизов А.Н., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. Т. 1. М. 2000. С. 66–69).

[876] Кочегаров был осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР 20 января 1954 г. на 10 лет «за расхищение государственных средств и материальных ценностей». Правда, к нему применили Указ об амнистии 1953 г., сократив срок до 5 лет, а 6 декабря 1954 г. и вовсе освободили (ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4575. Л. 135–136).

арестованные, кого Берия причислил к виновникам позднесталинского произвола: М.Д.Рюмин, В.Г.Цепков, Л.Ф.Цанава, С.И.Огольцов[877].

Можно предположить, что Абакумов до своего ареста вовсе не числился врагом Берии. По крайней мере, об этом есть ряд свидетельств. Несмотря на то, что Сталин лично курировал работу МГБ, Абакумов часто обращался и советовался с Берией. Кроме того, как утверждал начальник 5 управления МГБ А.П.Волков, Абакумов «перед Берия заискивал, тогда как с Сусловым и Пономаренко был груб»[878]. По заявлению того же Волкова Абакумов «оберегал Цанаву», который отличался «редким самодурством и отвратительным барством», а также «злобным преследованием «непокорных» работников»[879]. Бывший министр Абакумов оставался крупной фигурой и его судьбу мог решить только Президиум ЦК КПСС, единоличного решения Берии тут было недостаточно. Да и сам Берия, вероятно, не собирался хлопотать за него. Видно не мог ему простить уволенных из МГБ в 1946–47 гг. Меркулова, Кобулова, Мильштейна и Влодзимирского.

Почему Берия не освободил из-под стражи Власика, которого он без сомнения хорошо знал, тоже более или менее понятно. Осенью 1945 г. Сталин, будучи на отдыхе и обдумывая планы смены руководителей НКВД и НКГБ (Берию и Меркулова), расспрашивал Власика о других руководящих чекистах. По словам Власика:

> «Глава Правительства, находясь на Юге после войны, в моем присутствии выражал большое возмущение против Берия, говоря о том, что органы государственной безопасности не оправдали своей работой должного обеспечения. Указал на отдельные провалы в работе его руководства и сказал, что дал указание отстранить Берия от руководства в НКВД. Спрашивал меня, как работал Меркулов, Кобулов, и впоследствии о Гоглидзе и Цанаве. Я рассказал ему, что знал, с теми фактами, которые мне были известны по работе о недостатках руководства»[880].

---

[877] С.И.Огольцов и Л.Ф.Цанава оказались в заключении по решению Президиума ЦК КПСС от 3 апреля 1953 г. за организацию убийства С.Михоэлса в 1948 г. Огольцова в августе 1953 г. выпустили, тогда как Цанава не только остался сидеть, но и был переведен в разряд бериевцев (См.: *Реабилитация: как это было*… С. 383).

[878] АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 467. Л. 15.

[879] В этом же заявлении от 21 августа 1953 г. Волков писал, что Цанава «спекулирует на родстве с Берия». См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 467. Л. 15.

[880] Заявление Н.С.Власика на имя К.Е.Ворошилова от 8 апреля 1955 г. См.: *Свободная мысль.* 2001. № 11. С. 108–109.

По видимому, Берия догадался о роли Власика в событиях конца 1945 – начала 1946 гг., когда он и его люди были отстранены от руководства НКВД и НКГБ. И вот весной 1953 г. Берия и Кобулов вызвали Власика на допрос, после которого ему стало ясно, что Берия все знает о том давнем разговоре со Сталиным. Теперь, как вспоминал Власик, он понял, что «кроме смерти», ему «ждать больше нечего»[881]. Но после ареста Берии надежда у него появилась. Тем не менее, новое руководство страны не выпустило его из тюрьмы, предъявив обвинения в «злоупотреблении доверием», «разбазаривании средств», а также в том, что в 1945 г. Власик будучи в Потсдаме, вывез из Германии трофейное имущество для себя и несколько голов скота и две лошади для родственников[882]. Эти обвинения по сравнению с предыдущими выглядели сущим пустяком, и Власик отделался сравнительно мягким приговором.[883]

Прекратив «мингрельское дело» и выпустив арестованных (в их числе П.А.Шария, А.Н.Рапава, К.П.Бзиава и Г.Т.Каранадзе), Берия направил в ЦК КПСС записку[884] для партийной реабилитации пострадавших. Редактирование этой записки Берия поручил Шарии – одному из недавних арестантов[885]. Президиум ЦК КПСС рассмотрел записку Берия на заседании 10 апреля 1953 г. и вынес решение об отмене предыдущих, принятых при Сталине постановлений о «мингрельской националистической группе» и о выселении из Грузии «враждебных элементов»[886].

Большинство выдвиженцев из партийных органов, пришедших на работу в центральный аппарат МГБ в 1951–52 гг., при перетряске кадров в марте – апреле 1953 г. были уволены или вытеснены на периферию. О принципах своей кадровой политики Берия довольно откровенно заявил начальнику управления кадров МВД Б.П.Обручникову в апреле 1953 г., когда тот принес список пришедших в МГБ при Игнатьеве руководящих сотрудников и предложил их

---

[881] Там же. С. 109.
[882] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 11. Д. 12. Л. 31–33.
[883] Н.С.Власик 17 января 1955 г. был осужден к ссылке на 10 лет, а уже в мае 1956 г. помилован. Подробнее об обвинениях и суде над ним см.: Логинов В.М. *Тени Сталина.* М. 2000. С. 142–162.
[884] Записка № 24/Б от 8 апреля 1953 г. опубликована: *Лаврентий Берия. 1953*…С. 29–37.
[885] Позднее на следствии Берия подтвердил факт участия Шария в работе над запиской в ЦК. На вопрос следователя: «Где это видано, чтоб арестованный по своему же делу составляет справку в ЦК партии?», Берия заявил: «это моя ошибка, его не нужно было привлекать для этого» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 465. Л. 88).
[886] См.: *Лаврентий Берия. 1953*…С. 37–40.

оставить на работе в центральном аппарате МВД. Обручников описал реакцию министра так:

> «Берия меня буквально разнес и приказал выгнать всех на периферию, как игнатьевцев, и сказал, что в аппарат нужно подбирать старых работников, уволенных из органов, которых, как он заявил, «я знаю»[887].

Не менее бурной была и сцена, когда выполняя указание Берии подготовить назначения руководителей объединенных управлений МВД на местах, Обручников, прежде всего, составил бумаги для утверждения их кандидатур в ЦК КПСС:

> «Когда я явился к Берия с проектом представления в ЦК КПСС, он меня выругал площадной бранью и заявил, что ему не нужно никаких представлений, а нужен приказ. Когда я ему добавил, что вопрос о кандидатурах не согласован с секретарями обкомов, Берия буквально рассвирепел и выгнал меня из кабинета»[888].

Получивших свободу Л.Ф.Райхмана, Н.И.Эйтингона, С.Ф.Кузьмичева, Берия назначил на высокие посты в аппарате МВД. Но этот факт сыграл с ними злую шутку. После падения Берии они вновь были арестованы. Так, С.Ф.Кузьмичев, которого сразу после освобождения Берия назначил начальником Управления охраны МВД, был вторично арестован 3 июля 1953 г. В отличие от остальных бериевцев Кузьмичеву повезло и он был освобожден из-под стражи и реабилитирован решением Президиума ЦК КПСС 3 февраля 1954 г.[889] Эйтингон и Райхман остались в тюрьме и оба были осуждены в середине 50-х за «преступления против КПСС». Весной 1953 г. членов Президиума ЦК неприятно поразила расторопность Берии при освобождении своих знакомых чекистов. Об этом с возмущением говорил Хрущев:

> «Вот был арестован Кузьмичев. Я думаю, что его освободить нужно было, но нужно ли было этого Кузьмичева, освобождая из тюрьмы, сразу одеть в генеральский костюм и назначить начальником охраны членов Президиума ЦК?»[890].

---

[887] АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 464. Л. 75.

[888] По утверждению Обручникова при этом в кабинете Берии присутствовали также С.С.Мамулов, В.П.Доброхотов, Б.З.Кобулов, С.Н.Круглов и И.А.Серов (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 467. Л. 74).

[889] АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 474. Л. 36.

[890] *Лаврентий Берия. 1953*… С. 90–91.

Вызвав арестованного С.Ф.Кузьмичева Берия ему напрямик заявил «Твое дело – чепуха. Тебя приказал посадить Сталин»[891]. И другим намеченным к освобождению арестованным чекистам Берия заявлял примерно тоже. Это стало позднее одним из пунктов обвинения уже против самого Берии. Идти на пересмотр дел сталинского МГБ члены Президиума ЦК были готовы, но вслух признать персональную ответственность Сталина за беззакония и, более того, разделить эту ответственность, это было уж слишком! В приватных высказываниях Берии его соратники по Президиуму ЦК усмотрели «клевету на Сталина и советский строй», и этот пункт позднее был даже включен в обвинительное заключение по делу Берии. Тут уместно вспомнить вполне партийную позицию Питовранова, так подкупившую Сталина и имевшую результатом его освобождение. Питовранов прямо писал, что его посадили правильно, так как это было сделано по решению ЦК, а ЦК никогда не ошибается. Хрущев и Маленков еще не отделяли Сталина от партии, и высказывания Берии рассматривали как выпады против ЦК КПСС.

Комментируя надуманность ряда дел против чекистов затеянных по инициативе Сталина Берия заявлял в своем кругу: «Сталин и Гоглидзе хотел посадить»[892]. Отчасти это и объясняет, почему Берия сохранил и в 1953 г. рядом с собой Гоглидзе, убрав подальше других заместителей бывшего министра Игнатьева. При этом, ближайших людей своего заместителя Серова, осужденных ранее за злоупотребления в Германии Берия освобождать из тюрьмы и реабилитировать не торопился. Возможно, зря, а то бы накануне грозных для себя событий заручился поддержкой человека, тесно связанного с Хрущевым. После ареста Берии за них активно похлопотал Серов, и довольно быстро их освободили: Г.А.Бежанова 23 июля и А.М.Сиднева – 27 июля 1953 г. В том же 1953 г. вышел на свободу и С.А.Клепов. Мотивы у Серова были те же что и у Берии, когда он торопился прекратить опасное и неудобное для него «мингрельское дело». Ведь начальники оперативных секторов НКВД земель в Германии Клепов, Бежанов и Сиднев совершили свои преступления под руководством Серова, который сам уцелел чудом – Сталин проявил милость и не наказал.

[891] АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 470. Л. 96.
[892] Там же. Д. 472. Л. 103.

Берия был арестован «соратниками» 26 июня 1953 г. прямо на заседании Президиума ЦК КПСС. Вслед за этим последовали аресты людей его круга. О масштабах арестов по делу Берии можно судить по записке прокурора Руденко направленной в ЦК КПСС 12 октября 1953 г. (Маленкову и Хрущеву), где говорилось о близком окончании дела, в котором в числе обвиняемых кроме самого Берии значились Меркулов, Кобулов, Гоглидзе, Влодзимирский и Мешик: «Кроме того, – писал Руденко, – арестованы и привлечены к уголовной ответственности еще 44 соучастника Берии, дела которых выделены в отдельные производства»[893].

С этого момента главным обвиняемым стал Берия. Все внимание членов Президиума ЦК КПСС было сосредоточено на его деле. И именно расследование дела Берии придало новый и мощный импульс процессу реабилитации. Речь шла уже о пересмотре не только единичных дел, но и целых категорий, например, осужденных внесудебными органами. В этих условиях «дело Абакумова–Шварцмана» временно ушло на второй план. Да и сами обвинения ранее выдвинутые против Абакумова «морально устарели». Всерьез к его делу вернулись весной 1954 г., после реабилитации пострадавших по «Ленинградскому делу». Теперь вина Абакумова заключалась в проведении незаконных репрессий и его задним числом причислили к «банде Берия»[894].

[893] Там же. Д. 471. Л. 49–50.
[894] О судах над чекистами после смерти Сталина см.: *Звенья: Исторический альманах.* Вып. 1. М. 1991. С. 430–436.

Заключение (тезисы).

Представленный в настоящей работе материал дает основание сделать вывод о существовании двух основных периодов разведывательной активности и деятельности советских советников госбезопасности в странах Центральной и Восточной Европы. Первый период продлился со времени вступления Красной Армии (1944–1945 гг.) до августа 1949 г., когда Сталиным было принято решение о прекращении агентурно-разведывательной работы в странах-сателлитах. Второй период продлился с августа 1949 г. до середины 1953 г., когда новым кремлевским руководством было принято решение ограничить вмешательство советских представителей госбезопасности в дела стран Восточной Европы и ГДР и привести их деятельность исключительно к функциям советников. Причем, основы подобного поворота и пересмотра деятельности советников МГБ были подготовлены решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 22 октября 1951 г. Однако, в условиях развернутой Сталиным чистки и кампании политических репрессий указанное постановление не могло исполнятся без отступлений и нарушений.

Первоначальный перечень стран, включенных Кремлем в ряды прочных союзников был намечен уже в 1947 г. на основе сходства проводимой социально-экономической политики с «историческим опытом СССР». Смысл преобразований в странах Восточного блока, теоретическое обоснование этого процесса и его конечная цель были предельно ясно сформулированы в докладе А.А.Жданова 25 сентября 1947 г. на Информационном совещании представителей коммунистических партий в Польше. Отметив, что в Югославии, Болгарии, Румынии, Польше, Чехословакии, Венгрии и Албании была проведена аграрная реформа, приведшая к «ликвидации класса помещиков», национализирована крупная промышленность и банки, Жданов сообщил, что тем самым «была заложена основа государственной общенародной собственности, был создан новый тип государства – народная республика, где власть принадлежит народу, крупная промышленность, транспорт и банки принадлежат государству и ведущей силой является блок трудящихся классов населения во главе с рабочим классом. В итоге народы этих

стран не только избавились от тисков империализма, но закладывают основу перехода на путь социалистического развития»[895].

Потребовалось еще два года для принятия окончательного решения об оформлении «советского блока» и закреплении статуса стран-сателлитов. Правда, за это время от блока отпала Югославия. И дело тут не в «субъективизме Сталина» или амбициях Тито, о чем, порой, до сих пор пишут историки. Важнейшим фактором была блоковая дисциплина и подчинение московскому курсу даже в мелочах. Так что, основная причина была в том, что Югославия была единственной страной не признавшей безоговорочный диктат Сталина. За исключением Югославии, названные Ждановым в сентябре 1947 г. страны значились в постановлении Совета Министров СССР от 2 августа 1949 г. о запрещении советской разведывательной деятельности в странах «народной демократии», ставшим своего рода разделением на «своих» и «чужих». Из стран азиатского региона к ним добавились Северная Корея и контролируемые Мао-Цзэдуном районы Китая.

Можно с уверенностью утверждать, что уже к началу 1945 г. у Сталина существовал четкий и осмысленный план советизации Восточной Европы и формирования просоветского блока восточноевропейских стран. Об этом свидетельствуют не только сталинские откровения, прозвучавшие в узком кругу «своих людей». Не оставляет сомнений в этом и весь комплекс социально-экономических преобразований совершенных в этих странах под руководством местных коммунистов – ставленников Москвы. Только в этом была гарантия необратимости включения стран Восточной Европы в советский блок.

Территория советской зоны оккупации Германии – типичный и яркий пример прямой советизации с помощью советского НКВД путем репрессивных методов. Здесь, в отличие от других стран Восточной Европы, где Кремль убирал противников с помощью тайных приемов и руками местных органов политической полиции, широко применялись открытые методы террора и подавления противников режима. В качестве инструмента социальной чистки использовались открытые на месте нацистских концлагерей и тюрем спецлагеря НКВД. И если проводимый согласно решению Союзнической Контрольной Комиссии в Германии процесс денацификации затрагивал в западных зонах

[895] *Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы.* М. 1998. С. 153.

исключительно бывших активных нацистов, то в советской зоне под удар попали не только они, но и широкий круг немецкого чиновничества, крупные собственники, аристократия. Именно они составляли большинство населения спецлагерей НКВД в Германии и погибли там же. То есть, это был процесс уничтожения «бывших правящих классов», как это было и в послереволюционной России. Именно таких людей традиционно считали врагами не подлежащими исправлению. Простое очищение от бывших нацистов казалось Сталину недостаточно радикальным мероприятием, а точнее сказать – оно било мимо цели. По соображениям Сталина «малоактивные» и средние нацисты еще вполне могли стать новыми попутчиками коммунистов, тогда как традиционные демократические слои, например социал-демократия, таковой никогда не стала бы.

Советские советники МГБ в Центральной и Восточной Европе в 1949–1953 годах играли роль политических наместников Кремля. Они участвовали в формировании политики, в том числе и репрессивной, являясь прямыми проводниками воли Сталина. Они весьма чутко улавливали, кто и как из лидеров стран к ним настроен. В случае нежелания поддерживать контакты или делиться информацией создавали в Москве негативное мнение об этих лицах, искусственно создавая мнение о наличии различных враждебных группировок в руководствах стран «народной демократии». То есть, отношение к СССР было своего рода критерием и взято за принцип определения группировок и их характеристик[896]. Подоплекой этого деления чаще всего был простой факт – где тот или иной деятель был в эмиграции во время войны. Если в СССР – то хорошо, а если на Западе, то плохо. Регулярные сообщения, направляемые советниками МГБ в Москву о «вражеских группировках» и их опасных планах сыграли решающую роль в эскалации репрессий в странах Восточной Европы на рубеже 1940-х – 1950-х годов.

Развитие политических чисток и репрессий в странах Восточной Европы имело неравномерный характер. Например, в Чехословакии несколько позже, чем в других странах началась подготовка к крупному процессу над «изменниками» из числа высшего политического руководства. Однако, ход этой

[896] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. *Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории.* М. 2002. С. 515.

подготовки, непременное участие в ней советских чекистов и результат были идентичными аналогичным процессам в Венгрии и Болгарии.

Сами по себе такие судебные политические процессы над «противниками» социалистических преобразований и над различного рода «тайными ставленниками империализма» и «агентами Тито» были призваны, прежде всего, играть роль дисциплинирующего и воспитывающего фактора для руководителей и населения стран «народной демократии». Они являлись апофеозом проводимой в более широком масштабе чистке всего общества. Распространение методов 1937–1938 годов на вновь включенные в советскую орбиту страны не было просто ностальгическим увлечением Сталина примитивным террором. Для советского вождя это был главный и необходимый элемент в проведении политических преобразований и подготовки к построению социализма. Прежде всего, репрессии распространялись: на «классово чуждых», на «националистов» и на лиц связанных с заграницей (перепиской или родственниками), а уже вслед за этим обрушивались и на все этажи государственной и партийной власти. Так, во-первых, достигалась социальная однородность общества, столь важная и ценимая Сталиным для создания базиса устойчивого социалистического строительства, а во-вторых, ликвидировалась потенциальная возможность реставрации прежних порядков. Убийства людей определенного класса, образа мыслей и поведения не подлежащих по коммунистической теории «перевоспитанию» делали этот процесс необратимым.

Конкретная роль советских чекистов при подготовке показательных судебных процессов заключалась в следующем. Прежде всего, это инструктаж местных следователей, информирование Москвы (Сталина, Абакумова) о ходе следственных действий, направлении следствия и пересылка протоколов допросов важнейших обвиняемых Сталину на отзыв и корректировку, проведение совещаний с местными следователями с разбором «недостатков следствия». При этом соблюдалась строжайшая тайна о самом факте пребывания советских представителей, дабы не возникали слухи о «вмешательстве СССР в дело арестов». Обвинительное заключение рассматривал и утверждал сам Сталин. Это документально подтверждается в случае с делами Ласло Райка и Трайчо Костова.

Неизменной со времен «Московских процессов» 1936–1938 годов была и методика «подготовки» обвиняемых. Так, набившие руку еще во времена «Большого террора» чекисты Белкин и Макаров сообщали в августе 1949 г. из Венгрии о подготовке процесса Ласло Райка:

> «Ежедневно работаем персонально с каждым обвиняемым <…> цель – уточнение отдельных мест в показаниях обвиняемых, устранение противоречий и поддержание у обвиняемых решимости говорить на судебном процессе так, как говорили они на предварительном следствии»… «Ежедневно проводим явки с 8 источниками, которые содержатся в камерах с обвиняемыми для того, чтобы знать настроение и намерения каждого обвиняемого в смысле поведения и тактики на предстоящем судебном процессе»[897].

Затеянные Сталиным политические судебные процессы в странах Восточной Европы были важным элементом советизации этих стран и приведением их к сталинским стандартам политического общественного устройства. Кроме того, кампания шпиономании и разоблачения «врагов» в странах-сателлитах имела целью подготовить почву для очередной разоблачительной кампании внутри СССР. Не случайно, одновременно с подготовкой летом 1949 г. процессов в Венгрии и Болгарии, в СССР было развернуто так называемое «Ленинградское дело» по которому ряд недавних сталинских соратников и видных деятелей ВКП(б) был репрессирован. То же можно сказать и о направленности репрессий. В странах-сателлитах, также как и в СССР явно обозначился новый – национальный аспект сталинской репрессивной политики, когда гонения и репрессии обрушились на евреев. Без сомнения, в каком-то смысле шпионские процессы в восточноевропейских странах стали подготовкой почвы к намеченным Сталиным в СССР операциям МГБ 1951–1953 гг. против определенных категорий и групп населения.

И вовсе не случайно, что в ходе кампании арестов и чистки МГБ СССР в 1951–1953 гг. жертвами стали чекисты, ранее побывавшие на должности советников и в командировках в странах Восточной Европы. Они были чрезвычайно информированы о процессах происходящих в этих странах и знали многое об их лидерах. Генерал-лейтенант М.И.Белкин стоял у истоков дела Л.Райка, сотрудники следственной части МГБ М.Т.Лихачев и Л.Л.Шварцман подготовили в Болгарии дело Т.Костова, кроме того, Лихачев успел побывать в

[897] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7 Д. 14. Л. 254–257 (направлено Сталину 19 августа 1949 г.).

апреле 1950 г. в Праге, где вскоре грянули аресты. Полковник А.М.Палкин в ходе специальной тайной миссии в Варшаву сфальсифицировал в пользу коммунистов результаты референдума, и, наконец, генерал-майор Г.В.Утехин будучи начальником 1 управления МГБ СССР руководил деятельностью всех советских советников МГБ в странах «народной демократии». И вот во второй половине 1951 г. все они были арестованы в ходе чистки МГБ. И это понятно. Согласно сталинским привычкам, такие носители негативного знания должны были, время от времени, непременно устраняться.

После смерти Сталина, в 1953 г. меняется содержание и характер деятельности советских советников госбезопасности. Теперь на первый план выдвигаются именно советы и помощь по организации работы госбезопасности. Причина тому – иной курс Кремля, направленный, прежде всего на смягчение международной обстановки и отказ от методов политического террора. Вследствие этого деятельность советнических аппаратов возвращается к своему изначальному смыслу. Однако здесь есть и вторая причина – достаточная зрелость местных органов госбезопасности. Им теперь не требовалось подменять их деятельность, понуждать к проведению репрессий, а достаточно было присматривать за ними и давать советы, как действовать в той или иной ситуации. В то же время, когда обстановка обострялась, советские советники КГБ вновь, как и в 1949–1953 гг. вступали в фазу прямых и активных репрессивных действий, заменяя собой растерявшихся местных «братских» чекистов. По крайней мере, так было в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г. в момент народных выступлений против коммунистической диктатуры. Причем в Чехословакии по образу послевоенной Германии были созданы оперативные секторы КГБ, которые действовали вплоть до начала 1970-х.

Приложение

Наставление для советников министерства государственной безопасности СССР при органах государственной безопасности в странах народной демократии. 22 октября 1951 г.

22 октября 1951 г.

Совершенно секретно

1. Советники МГБ СССР являются лицами, оказывающими своими советами помощь органам безопасности и милиции оперативно и правильно проводить в жизнь указания и директивы руководства этих стран по вопросам организации безопасности страны, улучшению постановки агентурно-оперативной и следственной работы боевой и служебной подготовки пограничных и внутренних войск.

Советникам придается аппарат инструкторов из числа работников Министерства госбезопасности СССР, которые свою работу проводят под непосредственным их руководством. Число инструкторов аппарата советника определяется Правительством Союза ССР на основании просьб правительств тех стран, в которых работает аппарат советников. Советникам МГБ СССР придается также необходимое количество технических работников, определяемое Министерством государственной безопасности СССР.

2. Советникам и инструкторам запрещается подменять руководящих работников местных органов безопасности навязывать им свое мнение и решения по вопросам работы этих органов.

Советники и инструкторы не имеют права вмешиваться в вопросы не связанные с работой органов безопасности и давать по ним какие либо советы. В случаях, когда руководящие работники стран народной демократии обращаются к советникам за советами по вопросам политики, экономики, текущих хозяйствено-политических кампаний, улучшения деятельности государственного аппарата или по другим вопросам не связанным с работой

органов безопасности, советникам запрещается давать какие либо рекомендации в этой области, так как это не является их компетенцией.

Одновременно советники обязаны доносить об этом в МГБ СССР для предоставления информации Правительству СССР.

3. Советники МГБ СССР, а также инструкторы и их аппараты дают практические советы работникам органов безопасности стран народной демократии по следующим вопросам:

– о возможных улучшениях организационной структуры органов безопасности, милиции пограничных и внутренних войск;

– о мерах по улучшению агентурно-оперативной и следственной работы органов безопасности и милиции;

– об организации работы по специальной проверке и служебной подготовке кадров оперативных работников органов безопасности и милиции, офицеров пограничных и внутренних войск;

– об организации боевой подготовки и службы в пограничных и внутренних войсках.

При оказании помощи по перечисленным вопросам советники обязаны исходить из местных условий, не допуская механического копирования форм и методов работы органов государственной безопасности СССР.

Все советы и консультации должны даваться только в устной форме.

4. Советники несут персональную ответственность за правильность и форму даваемых ими лично и приданным им аппаратом советов и рекомендаций.

О недостатках имеющих место в агентурно-оператиной и следственной работе органов безопасности, а также в службе пограничных и внутренних войск советники информируют руководителей органов безопасности и по мере надобности руководителей страны, но с санкции МГБ СССР в каждом отдельном случае.

5. Советники МГБ СССР поддерживают деловой контакт с министром (начальником управления) государственной безопасности и его заместителями, а инструкторы с руководителями отделов управлений (департаментов) органов безопасности и войсковых подразделений соответственно линиям работы.

6. Советы оперативным работникам органов безопасности и милиции, а также офицерам пограничных и внутренних войск должны даваться, как правило, в присутствии их прямых начальников.

7. Советники и инструкторы не вмешиваются в вопросы назначения и перемещения работников органов безопасности, милиции пограничных и внутренних войск. Если в процессе работы станут известны серьезные компрометирующие материалы в отношении некоторых работников органов безопасности, советники должны информировать об этом руководителей органов, а в случае необходимости с санкции МГБ СССР руководителей страны, вместе с этим советники не должны вмешиваться в решение вопросов об этих работниках.

8. Советники и инструкторы не должны лично принимать агентуру органов безопасности и допрашивать арестованных.

9. В случаях, когда советникам становятся известными, по данным органов безопасности, компрометирующие материалы в отношении кого-либо из руководящих работников страны, им запрещается давать какие либо советы по расследованию или проверке этих материалов и тем более принимать участие в разработке руководящих работников страны. Советники обязаны рекомендовать руководителям органов безопасности доложить о наличии таких материалов руководству страны и одновременно доложить об их содержании МГБ СССР для информации Правительства СССР.

10. Советники обязаны по просьбе руководителей стран народной демократии, а в отдельных случаях, когда это необходимо и по своей инициативе информировать их о работе аппарата советника и мероприятиях по оказанию помощи органам безопасности страны.

На предоставление информации руководителям стран народной демократии по своей инициативе советники обязаны получать санкцию МГБ СССР.

11. Советникам МГБ СССР в странах народной демократии разрешается в контакте с органами безопасности этих стран вести контрразведывательную работу в капиталистических странах.

12. Советники МГБ СССР в вопросах материально-бытового обеспечения своего аппарата должны руководствоваться договорами, заключенными по этому вопросу между Правительством СССР и правительствами стран народной демократии.

Излишества в материально-бытовом обслуживании аппарата советников недопустимы.

ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 9. Д. 22. Л. 268–271. Копия.

См. также текст Наставления: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 47. Л. 60–62.

Список источников и литературы

Архивы

Архив Президента Российской Федерации (АП РФ):
Ф. 3. Оп. 5. (Подлинные протоколы решений Политбюро с материалами к ним).
Ф. 3. Оп. 24. (Тематическая подборка решений Политбюро ЦК КПСС о реабилитации).
Ф. 3. Оп. 50. (Тематическая подборка решений Политбюро ЦК ВКП(б)–КПСС о вооруженных силах и других вопросах).
Ф. 3. Оп. 58. (Тематическая подборка решений Политбюро ЦК ВКП(б)–КПСС о работе министерств и ведомств и их вопросах).
Ф. 3. Оп. 64. (Тематическая подборка решений Политбюро ЦК ВКП(б)–КПСС по международным вопросам).
Ф. 93. (Постановления Совета Министров СССР).

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ):
Ф. 9401. Оп. 1. (Секретариат НКВД–МВД СССР).
Ф. 9401. Оп. 2. («Особая папка» НКВД–МВД СССР).
Ф. 9401. Оп. 12. (Типографские экземпляры приказов НКВД–МВД СССР).
Ф.7317. (Советская военная администрация в Германии).
Ф. 7077. (Управление Советской военной администрации в провинции Бранденбург).
Ф. 7103 (Управление Советской военной администрации в провинции Мекленбург).
Ф. 7133. (Управление Советской военной администрации в провинции Саксония-Ангальт).
Ф. 7184. (Управление Советской военной администрации в федеральной земле Тюрингия).
Ф. 7212. (Управление Советской военной администрации в федеральной земле Саксония).
Ф. 7523. (Верховный Совет СССР).
Ф. 8131. (Прокуратура СССР).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ):
Ф. 17. Оп. 3. (Решения Политбюро ЦК ВКП(б) и материалы к ним).
Ф.17. Оп. 100 (Личные дела «номенклатурных» работников).
Ф. 17. Оп. 116. (Решения секретариата ЦК ВКП(б) и материалы к ним).
Ф. 17. Оп. 119. (Решения секретариата ЦК ВКП(б) и материалы к ним).
Ф. 17. Оп. 127. (Административный отдел ЦК ВКП(б).
Ф. 17. Оп. 162. (Решения «Особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б) с приложениями).
Ф. 17. Оп. 166. (Решения «Особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б) – подлинники с приложением материалов).
Ф. 558. Оп. 11. (Фонд Сталина).

Российский архив документов новейшей истории (РГАНИ):
Ф. 2. Оп. 1. (Пленумы ЦК КПСС).
Ф. 89. (Материалы рассекреченные к заседанию Конституционного суда РФ по «делу КПСС»).
Картотека входящей корреспонденции в ЦК ВКП(б) из различных ведомств.

Российский государственный военный архив (РГВА):
Ф. 32925. (Управление внутренних войск НКВД в Германии).
Ф. 32686. (63 стрелковая дивизия внутренних войск).
Ф. 32883. (92 пограничный полк).
Ф. 32891. (Управление войск НКВД по охране тыла 1 Украинского фронта).
Ф. 32921. (219 пограничный полк).
Ф. 32933. (105 пограничный полк).
Ф. 32948. (128 пограничный полк).
Ф. 32888. (16 пограничный полк).
Ф. 38816. (331 пограничный полк).
Ф. 38650. (Главное управление внутренних войск НКВД–МВД).

Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ):
Ф. 4-ос. (Делопроизводство НКГБ–МГБ–МВД СССР 1943–1953 гг.).
Ф. 5-ос. (Делопроизводство КГБ с 1954 г.).
Ф. 7. (Акты на приведение приговоров к высшей мере в исполнение).
Ф. 66. (Приказы ВЧК–КГБ).

Монографии, мемуары, статьи

Adelman, Jonathan, ed., *Terror and Communist Politics: The Role of the Secret Police in Communist States*. Boulder and London, 1984.

Andrew, Christopher and Gordievsky, Oleg, *KGB: the inside story of its foreign operations from Lenin to Gorbachev.* London – Sydney – Auckland – Toronto, 1990.

Andrew, Christopher and Mitrokhin, Vasili, *The Mitrokhin Archive: The KGB in Europe and the West.* London, 1999.

Barnaszewski B., *Jak falszowano wybory w roku 1947* // *Odra,* № 9, 1991, s. 15–22.

Bonwetsch B., Borddjugov G., *Stalin und die SBZ: Ein Besuch der SED–Fuehrung in Moskau vom 30. Januar – 7. Februar 1947 // Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte.* Jg.42 (1994), № 3. S. 279–303.

von Broszat, Martin und Weber, Hermann (Hrsg.), *SBZ–Handbuch. Staatliche Verwaltungen, Parteien, gesellschaftliche Organisationen und ihre Führungskräfte in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands 1945–1949*. München, 1993.

Creuzberger, Stefan, Görtemaker, Manfred (Hg.), *Gleichschaltung unter Stalin? Die Entwicklung der Parteien im östlichen Europa 1944–1949*. Paderborn u.a., 2002.

Der Fall Noel Field. Schluesselfigur der Schauprozesse in Osteuropa 1948–1957. Hrsg., kommentiert und uebersetzt von Werner Schweizer und Bernd-Rainer Barth. Vorwort von G.H.Hodos. Berlin, 2002.

Diktaturdurchsetzung: Instrumente und Methoden der kommunistischen Machtsicherung in der SBZ/DDR 1945–1955. Dresden, 2001.

"Erschossen in Moskau…" Die deutschen Opfer des Stalinismus auf dem Moskauer Friedhof Donskoje 1950–1953. Berlin, 2005.

Erler, Peter, *Zur Sicherheitspolitik der KPD/SED in der SBZ.* // *Horch und Guck,* 1998, Nr. 1, S. 30–37.

Foitzik J., *Inventar der Befehle des Obersten Chefs der Sowjetischen Militäradministration in Deutschland (SMAD) 1945–1949. Offene Serie. Hrsg. vom Institut für Zeitgeschichte.* München; London; Paris, 1995.

Foitzik J., *Befehls– und Kommunikationsstruktur der Sowjetischen Militäradministration in Deutschland* // In: Schönhoven K., Staritz D., *Sozialismus und Kommunismus im Wandel. Hermann Weber zum 65. Geburtstag*. Köln, 1993.

Foitzik J., *Sowjetische Militaeradministration in Deutschland (SMAD): 1945–1949; Struktur und Funktion*. Berlin, 1999.

Gorlizki, Yoram and Khlevniuk, Oleg, *Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953*. New York. 2004.

Kaplan, Karel, *Die politischen Prozesse in der Tschechoslowakei 1948–1954.* München, 1986.

Karner, Stefan, Stelzl-Marx, Barbara, (Hg.), *Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung 1945–1945. Beitraege.* Graz–Wien–München, 2005.

Kersten K., *The Establishment of Communist Rule in Poland, 1943–1948*. Berkeley, 1991.

Lemke, Michael, *Einheit oder Sozialismus? Die Deutschlandpolitik der SED 1949–1961*. Koeln, 2001.

Loth W., *Stalins ungeliebtes Kind. Worum Moskau die DDR nicht wollte*. Berlin, 1994.

Meissner, Boris, *Russland, die Westmaechte und Deutschland. Die sowjetische Deutschlandpolitik 1943–1953.* Hamburg, 1953.

Naimark N., *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation 1945–1949.* Cambridge, London, 1995.

Naimark N., *Die Russen in Deutschland. Die Sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949.* Berlin, 1997.

Naimark, Norman, Leonid Gibianski, *The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949*. Boulder (Colo.), 1997.

Nikitin P.I., *Zwischen Dogma und gesundem Menschenverstand: Wie ich die Universitaeten der deutschen Besatzungszone "sowjetisierte"; Erinnerungen des Sektorenleiters Hochschulen und Wissenschaft der Sowjetischen Militaeradministration in Deutschland.* Berlin, 1997.

O'Sallivan Donald, *Stalins "Cordon sanitaire"*. Paderborn–München–Wien–Zuerich, 2003.

Parrish, Michael, *The lesser terror: Soviet state security, 1939–1953*. Westport, Connecticut, London, 1996.

Pelikan, Jiri, *The Czechoslovak political trials, 1950–1954*. London, 1971.

Pike D., *The Politics of Culture in Soviet-Occupied Germany, 1945–1949.* Stanford, 1993.

Punkosti A., *Rakosi a csucson. 1948–1953.* Budapest, 1996.

van Ree, Erik, *The Political Thought of Joseph Stalin, A Study in Twentieth-Century Revolutionary Patriotism*. London – New York, 2002.

Reif-Spirek, Peter, Ritscher, Bodo, (Hg.), *Speziallager in der SBZ: Gedenkstaetten mit "doppelter Vergangenheit"*. Berlin, 1999.

Rice, Condoleezza, *Czechoslovakian Secret Police.* // Adelman, Jonathan, ed., *Terror and Communist Politics: The Role of the Secret Police in Communist States*. Boulder and London, 1984, pp. 155–174.

Ruggenthaler Peter, *Warum Österreich nicht sowjetisiert werden sollte* // Karner, Stefan, Stelzl-Marx, Barbara, (Hg.), *Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung 1945–1945. Beitraege.* Graz–Wien–München, 2005. S. 61–87.

Semjonow W.S., *Von Stalin bis Gorbatschow. Berlin 1995. Tjulpanov S.I. Deutschland nach dem Kriege (1945 – 1949)*. Berlin (Ost), 1986.

Soulet, Jean-François, *Une si longue nuit. L'apogée des régimes totalitaires en Europe 1935–1953.* // Sous la direction de Stephane Courtois. Monaco, 2003. pp. 408–427.

H. Seton Watson, *The East European Revolution*. Oxford, 1950.

Абрасимов П.А. *300 метров от Бранденбургских ворот.* М. 1983.

Абызов В. *Берлин, весна, год 1945-й* // Юность. 1968. № 5.

Брент Д., Наумов В. *Последнее дело Сталина.* М. 2004.

Бирштейн В.Я. *Эксперименты на людях в стенах НКВД.* // Человек. 1997. № 5. С. 114–132.

Бобренев В., Рязанцев В. *Варсанофьевские призраки.* // Родина. 1995. № 11. С. 52–57.

Боков Ф.Е. *Весна победы.* М. 1979.

Бороджей Влодзимеж. *Насилие в Польской Народной Республике (1944–1989)* // *Коммунизм, террор, человек. Дискуссионные статьи на тему "Черной книги коммунизма".* Сост. С.Кройценберг, И. Маннтойфель, А.Штейнигер, Ю.Унзер. Киев. 2001. С. 97–117.

Вайсс Петер Ульрих. *Два режима – одна система (деспотизм в Румынии: 1944–1989 годы)* // *Коммунизм, террор, человек. Дискуссионные статьи на тему "Черной книги коммунизма".* Сост. С.Кройценберг, И.Маннтойфель, А.Штейнигер, Ю.Унзер. Киев. 2001. С. 129–144.

Ватлин А.Ю. *Германия в XX веке.* М. 2002.

Волков В.К. *Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы.* М. 2000.

Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. *Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории.* М. 2002.

Вольф М. *Игра на чужом поле.* М. 1998.

Геббельс Й. *Дневники 1945 года. Последние записи:* Пер. с нем. / Вступ. слово и общ. ред. А.А.Галкина. Смоленск. 1993.

Гибианский Л.Я. *Проблемы международно-политического структурирования Восточной Европы в период формирования Советского блока в 1940-е годы.* // *Холодная Война.* М. 1995.

Горбатов А.В. *Годы и войны.* М. 1980.

Государственная безопасность России: история и современность / Под. общ. ред. Р.Н.Байгузина. М. 2004.

Готвальд Клемент. *Избранное. Воспоминания о К.Готвальде.* М. 1986.

Джилас М. *Лицо тоталитаризма.* М. 1992.

Желицки Б.Й. *Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г.* // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 125–138, № 3. С. 166–186.

Живков Тодор. *Избранные статьи и речи.* Т. 1, 2. М. 1965.

Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления.* Т. 3. М. 1990.

Жуков Ю.Н. *Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков.* М. 2000.

Кардель Эдвард. *Тито и социалистическая революция Югославии.* Белград. 1980.

Карпов М. *Список Визенталя.* // Совершенно секретно. 2003. № 5. С. 28.

Кеннан Дж. *Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана.* М. 2002.

Коваль К.И. *Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне.* М. 1997.

Кокурин А.И., Петров Н.В. *МГБ: структура, функции, кадры.* // Свободная мысль. 1997. № 11.

Колесниченко И.С. *Битва после войны.* М. 1987.

Конасов В.Б. *Судьбы немецких военнопленных в СССР*. Вологда. 1996.

Костырченко Г.В. *Тайная политика Сталина.* М. 2001.

Логинов В.М. *Тени Сталина*. М. 2000.

Материалы по истории Советской военной администрации в Германии в 1945–1949 гг. Авторы – В.В.Захаров, Д.Н.Филипповых, М.Хайнеман. Под ред. А.В.Окорокова. Выпуск 1. М. 1999.

Материалы по истории Советской военной администрации в Германии в 1945–1949 гг. Авторы – В.В.Захаров, Д.Н.Филипповых, М.Хайнеман. Под ред. О.А.Рыжова. Выпуск 2 (Силовые структуры СВАГ). М. 1999.

Мгеладзе А.И. *Сталин. Каким я его знал.* Без указания места издания. 2001.

Микоян А.И. *Так было.* М. 1999.

Михайлов Н. *Выдающийся документ большевизма.* // Правда. 1952. 5 марта.

Мозохин О.Б. *Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953).* М. 2006.

Молотов В.М. *Вопросы внешней политики.* М. 1948.

Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. *Советское руководство и политические процессы Т.Костова и Л.Райка.* // *Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы*. М. 1999. С. 23–35.

Невежин В.А. *Застольные речи Сталина. Документы и материалы.* М. – СПБ. 2003.

Нежинский Л.Н., Челышев И.А. *О доктринальных основах советской политики в годы «холодной войны»* // Отечественная история. 1995. № 1. С. 3–27.

Носкова А.Ф. *«Московские советники в странах Восточной Европы (1945–1953 гг.)* // Вопросы Истории. 1998. № 1.

Очерки истории российской внешней разведки: 1945–1965 годы. Т. 5. М. 2003.

Патоличев Н.С. *Совестью своей не поступлюсь.* М. 1995.

Петров Н.В. *Первый председатель КГБ генерал Иван Серов.* М. 2005.

Пихоя Р.Г. *Советский Союз: история власти. 1945–1991.* Новосибирск. 2000.

Поздняков В.В. *Советская разведка в Америке. 1919–1941.* М. 2005.

фон Путткамер Йоахим. *К вопросу о логике репрессий в коммунистических странах (сравнительный анализ событий в Чехословакии и Венгрии) // Коммунизм, террор, человек. Дискуссионные статьи на тему "Черной книги коммунизма".* Сост. С.Кройценберг, И. Маннтойфель, А.Штейнигер, Ю.Унзер. Киев. 2001. С. 118–128.

50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века (материалы «круглого стола» 4 марта 2003 г.). М. 2005.

Ракоши М. *Воспоминания. «Людям свойственно ошибаться».* Публикаторы А.В.Коротков, В.Т.Середа, А.Д.Чернев, А.А.Чернобаев. // Исторический архив. 1997. № 3.

Семиряга М.И. *Как мы управляли Германией.* М. 1995.

Серебрянников В. *Социально-политические аспекты «холодной войны» 1946–1990-х годов.* // Диалог. 2002. № 1. С. 52–61.

Сталин И.В. *О Великой Отечественной войне Советского Союза.* М. 1950.

Сталин И.В. *Речь на XIX съезде партии 14 октября 1952 г.* М. 1952.

Сталин и холодная война. М. 1998.

Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М. 1999.

Столяров К.А. *Палачи и жертвы.* М. 1998.

Судоплатов П.А.. *Спецоперации.* М. 1997.

Тито И.Б. *Военная мысль и дело.* Белград. 1982.

Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. "Демократическое интермеццо" с коммунистическим финалом. 1944–1948. М. 2002.

Тюльпанов С. *Товарищ Вильгельм* // Неделя. 1976. 5–11 января.

Ульбрихт В. *Исторические достижения Социалистической единой партии Германии.* // Коммунист. 1971. № 6.

Филипповых Д.Н. *Советская военная администрация в Германии: военно-политический аспект деятельности (1945–1949 гг.).* М. 1995.

Филитов А.М. *Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение.* М. 1993.

Филитов А.М. *Советский Союз и германский вопрос в период позднего сталинизма (к вопросу о генезисе «сталинской ноты» 10 марта 1952 года)* // *Сталин и холодная война* / под ред. А.О.Чубарьяна и др. М. 1997. С. 315–349.

Филитов А.М. *СССР и Германский вопрос: поворотные пункты. 1941 – 1961 гг.* // *Холодная война. 1945 – 1963 гг. Историческая ретроспектива: Сборник статей.* М. 2003. С. 223–256.

Хлевнюк О. *Сталин и органы государственной безопасности в послевоенный период* // Cahiers du Monde russe, 42/2–3–4, Avril-décembre 2001, pp. 535–547.

Холодная война: Новые подходы, новые документы. М. 1995.

Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. отв. редактор Н.И.Егорова, А.О.Чубарьян. М. 2003.

Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т.1. Становление «реального социализма» (1945–1965). М. 2000.

Чуйков В.И. *Конец третьего рейха.* М. 1975.

Эренбург И.Г. *Война. 1941–1945.* М. 2004.

Эренбург, Илья Григорьевич. Письма. Т. 2. 1931–1967. «На цоколе историй…». Изд. подготовлено Б.Я.Фрезинским. М. 2004.

Сборники документов, справочная литература

Sowjetische Straflager in Deutschland 1945 bis 1950. Berlin, 1998. Bd. 1, 2.

Stefan Karner, Barbara Stelzl-Marx, Alexander Tschubarjan (Hg.), *Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung 1945–1945. Dokumente.* Graz–Wien–München, 2005.

Архив новейшей истории России. Том. 1 «Особая папка» И.В.Сталина. Каталог документов. М. 1994.

Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т. II. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сборник документов и статей. М. 2001.

Ветераны внешней разведки СССР. М. 1995.

Восточная Европа в документах Российских архивов 1944–1953 гг. Москва–Новосибирск. 1997. Т. 1.

Восточная Европа в документах Российских архивов. 1944–1953 гг. Москва–Новосибирск. 1998. Т. 2.

Доклад Контрольного Совета в Германии Совету Министров иностранных дел. Раздел 2. Денацификация. Берлин. Изд. СВАГ. 1947.

Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М. 1991.

Из Варшавы. Москва, товарищу Берия…: Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. Москва–Новосибирск. 2001.

Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. Под ред. акад. А.Н.Яковлева; сост. В.Наумов, Ю.Сигачев. М. 1999.

Ласло Райк и его сообщники перед Народным судом. Будапешт. 1949.

Лубянка. Справочник. Сост. Кокурин А.И., Петров Н.В. Научн. редактор Пихоя Р.Г. М. 1997.

Лубянка: ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник / Под ред. акад. А.Н.Яковлева; авторы-сост.: А.И.Кокурин, Н.В.Петров. М. 2003.

Неизвестная Россия. XX век. Книга вторая. М.. 1992.

НКВД и польское подполье. 1944–1945. М. 1994.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. М. 1958. Т. 1.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 гг. М. 2002.

Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952: Каталог. Т. 3. М. 2001.

Посетители кремлевского кабинета И.В.Сталина // Исторический архив. 1994. № 6; 1995 №№ 2, 3, 4, 5–6; 1996. №№ 2, 3, 4, 5–6; 1997. № 1.

Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Сост. Артизов А.Н., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н.. Т. 1. М. 2000.

Русский архив. Великая отечественная. Т. 4 (5). Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). Документы и материалы. М. 1995.

СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949. (Сборник документов). Под ред. Б. Бонвеча, Г. Бордюгова, Н. Неймарка. М. 1994.

Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы. Страницы истории / П.Н. Бобылев, В.П. Бокарев, С.В. Липицкий, М.Е. Монин. М. 1987.

Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. М.1998.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. М. 1984. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 дек. 1943 г.).

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. М. 1984. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.).

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. М. 1984. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 авг. 1945 г.).

Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы / Отв. редактор Т.В.Волокитина. М. 1999. Т. 1, 2.

Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 года. М. 1949.

Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М. 1998.

СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. (Die UdSSR und die deutsche Frage. 1941 – 1949: Dokumente aus dem Archiv fuer Aussenpolitik der Russischen Foederation) В 3-х томах. Т. 2: 9 мая 1945 г. – 3 октября 1946 г. / Сост. Г.П.Кынин и Й.Лауфер. М. 2000; Т. 3. 6 октября 1936 г. – 15 июня 1948 г. / Сост. Г.П.Кынин и Й.Лауфер. М. 2003.

СССР–Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949. Сборник документов. М. 1995.

Судебный процесс болгарского государственного преступника Трайчо Костова и его сообщников. Сборник статей и материалов. Изд. отдела информации СКК в Германии. Берлин. 1950.

Периодические издания

Журналы:

Исторический архив

Источник

Отечественная история

Вопросы истории

Новая и новейшая история

Коммунист

Свободная мысль

Человек

Родина

Газеты:

Правда

Известия

Московские новости

Ведомости Верховного Совета СССР (1938–1954 гг.)

Указатель имен[898]

Абакумов Виктор Семенович (1908–1954) – с 1932 г. в органах ОГПУ, в 1938–1941 гг. нач. УНКВД Ростовской обл., с февраля 1941 г. зам. наркома внутр. дел СССР, одновременно с июля 1941 г. нач. Упр. Особых отделов НКВД СССР, в 1943–1946 гг. нач. ГУКР СМЕРШ НКО СССР, в мае 1946 – июле 1951 гг. министр госбезопасности СССР, генерал-полковник (09.07.45). Арестован 12 июля 1951 г., приговорен ВК ВС СССР 19 декабря 1954 г. к расстрелу – 23, 24, 73–75, 77, 78, 80, 81, 84–86, 88–91, 96, 97, 106, 114, 116–120, 132, 133, 142–144, 146, 147, 158–171, 177, 178, 182, 187, 191, 193, 197–199, 203–205, 211, 212, 214, 216, 222–229, 231–233, 238–241, 243, 244, 249–252, 254–256, 260, 264.

Аденауэр (Adenauer) Конрад (1976–1967) – с 1949 г. федеральный канцлер ФРГ – 104.

Аккерман (Ackermann) Антон (1905–1973) – в 1945 – 1946 гг. член ЦК КПГ, в 1946 – 1950 член ЦП СЕПГ – 11.

Александров Георгий Федорович (1908–1961) – в 1940 – 1947 гг. нач. управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) – 28.

Александров Л.П. – представитель Комитета информации при МИД СССР в Болгарии – 190.

Андреев П.Е. – советник МГБ СССР в Монголии – 189.

Анцелиович Ефим Самуйлович (1904–?) – зам. нач. 5 отделения 2 спецотдела НКВД СССР, с 1946 г. зам. нач. отд. «Р» МГБ СССР, инженер-полковник (1949). В ноябре 1953 г. уволен из МВД «по служебному несоответствию» – 250.

Аполлонов Аркадий Николаевич (1907–1978) – в марте 1942 – апреле 1948 гг. зам. наркома – министра внутр. дел СССР по войскам – 185.

Бакакин А.С. – в июне 1947 – июле 1948 гг. зав. отделом судебных и прокурорских органов Упр. кадров ЦК ВКП(б) – 240.

Баккер Гельмут – обвинен советским МГБ в Германии в шпионаже – 96.

Барамия М.И. (1905–?) – в 1943–1951 гг. 2-й секретарь ЦК КП(б) Грузии, в 1951–1953 гг. под арестом по «мингрельскому делу», в апреле 1953 г. освобожден и реабилитирован – 234, 236.

Бежанов Григорий Акимович (1897–1955). Родился в семье кустаря-портного (отец имел мелкую торговлю, умер в 1903). Армянин. В коммунистической партии с 1921. В 1917 г. окончил 1-е коммерческое училище в Тифлисе, в 1918 г. поступил на медицинский факультет Тифлисского ун-та, в 1929 г. экстерном сдал экзамены за 4 курса в ин-те инженеров транспорта в Тифлисе. С 1918 г. работал экспедитором табачной фабрики. В 1919–1920 гг. служил делопроизводителем 11 горной батареи Дашнакской армии в Эриванской губ. С 1920 в РККА. В 1921–1923 гг. в транспортных органах ЧК в Тифлисе, затем зам. директора в упр. Закавказской ж.д. С 1931 г. в органах ГПУ, работал на транспорте, с 1941 г. нач. Транспортного отд. НКВД Октябрьской ж.д., с 1943 г. зам. нач. УНКГБ Ставропольского края, в октябре 1944 – декабре

[898] Более полные биографические сведения о руководящих партийных, советских и государственных деятелях, а также работниках госбезопасности см.: *Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС: Справочник*. М. 1990; *Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг. Историко–биографический справочник* / Сост. В.И. Ивкин. М. 1999; *Ветераны внешней разведки СССР*. М., 1995; Петров Н.В., Скоркин К.В. *Кто руководил НКВД: Справочник* / Общество «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ; Под. ред. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского. М.: Звенья, 1999; *Лубянка: ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник* / Под. ред. акад. А.Н.Яковлева; авторы-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003.

1947 гг. нарком – министр госбезопасности Кабардинской АССР, одновременно в июне 1945 – сентябре 1946 гг. работал нач. оперсектора НКВД–МВД земли Тюрингия. В декабре 1947 г. арестован. Приговорен ВК ВС СССР 17.10.51 по Указу от 07.08.32 и статье 193–17 «а» к 10 годам заключения с последующим поражением в правах на 3 года. Определением Верховного суда СССР от 23.07.53 приговор отменен и дело прекращено. Реабилитирован. Уволен из МВД с 01.08.53 в запас МО «по болезни». Генерал-майор (09.07.45). Лишен звания генерал-майора 30.10.51 пост. СМ СССР № 4185–1926с как осужденный на 10 лет с поражением в политических правах на 3 года «за злоупотребление служебным положением и хищение социалистической собственности» – 72, 80, 259.

Белкин Михаил Ильич (1901–1980) – с 1918 г. в органах ВЧК, в 1944–1945 гг. нач. УКР СМЕРШ 3-го Прибалтийского фронта, с июля 1945 г. нач. опергруппы СМЕРШ в Будапеште, в июле 1946 – июне 1947 гг. зам. нач. 1 Гл. упр. МГБ СССР, в июне 1947 – марте 1950 гг. нач. УКР МГБ Центральной группы войск, затем зам. нач. 1 упр. МГБ СССР, генерал-лейтенант. Арестован 28 октября 1951 г. Освобожден по постановлению Следчасти по ОВД МВД СССР от 4 июня 1953 г. Уволен из МВД «по фактам дискредитации». Работал слесарем-мотористом, контролером, ст. инженером, водителем-испытателем на Автозаводе им. Лихачева (ЗИЛ) в Москве – 158–161, 163, 165, 167, 169–171, 173, 177, 184, 194, 212, 230, 231, 250, 255, 265.

Бенеш Эдвард (1884–1948) – в 1946 – 1948 гг. президент Чехословакии – 210, 211.

Бер Отто – президент округа Магдебург провинции Саксония – 20.

Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – в ноябре 1938 – декабре 1945 – нарком внутренних дел СССР, с 1941 г. зам. председателя СНК – СМ СССР, генеральный комиссар ГБ (31.01.41), Маршал Советского Союза (09.07.45). Расстрелян в декабре 1953 г. – 5, 6, 8, 9, 10, 20, 28, 37, 38, 69, 70, 72–77, 87, 89, 91, 99, 100, 108–110, 120, 126, 132, 135, 142, 144, 171, 177, 178, 182, 183, 185, 195, 199, 203, 205, 212–214, 217–220, 224, 225, 227, 228, 234–237, 242, 243, 249, 251, 253–260.

Берман Якуб (1901–1984) – секретарь ЦК ППР, в 1948 – 1956 член Политбюро ЦК ПОРП – 136, 143, 144.

Берут Болеслав (1892–1956) – в 1944 – 1947 гг. председатель Крайовой Рады Народовой, в 1947 – 1952 гг. президент Польской Республики и председатель Государственного Совета – 129–131, 134–137, 142, 143, 146, 147, 176.

Бесчастнов Алексей Дмитриевич (1913–1998) – ст. советник МГБ СССР в Чехословакии – 195, 217.

Бзиава Константин Павлович (1905–?) – с 1927 г. в органах ОГПУ, в 1946–1951 гг. зам. министра внутр. дел Грузии, в 1951–1952 гг. нач. УКР МГБ Закавказского ВО, генерал-майор (09.07.45), арестован 18 мая 1952 г., освобожден из заключения 10 апреля 1953 г. – 235, 255, 257.

Бзовский – член комиссии по выборам в сейм Польши в 1947 г. – 150.

Биро Золтан (1898–1988) – брат М.Ракоши, в 1948 – 1956 гг. член ЦК Венгерской партии труда – 176.

Блиндерман Владимир Михайлович (1905–1958) – с 1937 г. нач. отделения Центральной лаборатории 12 отд. ГУГБ НКВД СССР, с 1943 г. зам. нач. отд. «Б» НКГБ СССР, полковник ГБ (14.02.43), с 1946 г. нач. отд. «Р» МГБ СССР. В 1951 г. арестован, в 1953 г. освобожден и в августе 1953 г. уволен из МВД «по служебному несоответствию» – 250.

Блинов Афанасий Сергеевич (1904–1961) – в 1946–1951 гг. зам. министра госбезопасности СССР, генерал-лейтенант (09.07.45). С 1951 г. на работе в министерстве госконтроля РСФСР. Лишен звания генерал-лейтенанта в 1954 г. «как дискредитировавший себя за время работы в органах» – 232.

Богданов Семен Ильич (1894–1960) – командующий 2 Гвардейской танковой армией, с июля 1945 – нач. СВА провинции Бранденбург, Маршал бронетанковых войск (01.06.45) – 16.

Болгаринов – нач. политуправления болгарской армии – 201, 203.

Болховитин Анатолий Аркадьевич (1915–?) – с 1938 г. в органах НКВД, следователь Следчасти ГЭУ НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ, с мая 1943 г. ст. следователь, а в июле 1943 – марте 1953 гг. пом. нач. Следчасти НКГБ–МГБ СССР. С апреля 1954 г. нач. следств. отд. упр. милиции УМВД Тамбовской обл., полковник. В 1959 г. исключен из партии – 255.

Борейша (Гольдберг) Е. – польский журналист, с 1948 г. кандидат в члены ЦК ПОРП – 151.

Боярский Владимир Ананьевич (1913–?) – в 1950 – 1951 гг. ст. советник МГБ СССР в Чехословакии, полковник – 188, 195, 213, 214, 216.

Брандт Артур – 50.

Бранков Лазар – 161–165, 168, 171, 172, 176.

Брежнев Леонид Ильич (1906–1982) – с 1956 г. секретарь ЦК, с 1964 г. Первый, затем Генеральный (с 1966 г.) секретарь ЦК КПСС – 56, 246, 247.

Броверман Яков Михайлович (1908–?) – зам. нач. Секретариата МГБ СССР. Арестован 13 ноября 1951 г. Осужден ВК ВС СССР 19 декабря 1954 г. на 25 лет по «делу Абакумова». Освобожден из лагеря в Мордовии 13 ноября 1976 г. – 232, 250, 255.

Булганин Николай Александрович (1895–1975) – с ноября 1944 г. член ГКО и зам. наркома обороны СССР, с марта 1946 г. первый зам. министра вооруженных сил СССР, с марта 1947 г. зам. председателя СМ СССР, в марте 1947 – марте 1949 гг. министр вооруженных сил СССР, с марта 1946 г. кандидат, с февраля 1948 г. – член Политбюро ЦК ВКП(б), генерал-полковник (с 1944 г.), Маршал Советского Союза (в 1947–1958 гг.) – 18, 39, 126, 169, 183, 227, 243, 249, 251, 254.

Вадис Александр Анатольевич (1906–1968). Родился в крестьянской семье. Украинец. В коммунистической партии с 1928 (исключен в 1952). В 1917 г. окончил 4 класса гимназии, был беспризорным в Киеве. В 1920–1922 гг. в РККА, затем батрачил, руководил комсомольской ячейкой детдома. В 1928–1930 гг. в РККА. С 1930 г. в органах ГПУ УССР, в 1939–1941 гг. нач. УНКВД Тернопольской обл., капитан ГБ (06.11.39). С 1941 г. в военной контрразведке, в 1944–1945 гг. нач. УКР СМЕРШ 1-го Белорусского фронта, затем ГСОВГ, с июля 1945 г. нач. УКР СМЕРШ Забайкальско-Амурского ВО, в 1947–1951 гг. нач. Гл. упр. охраны МГБ СССР на ж.-д. и водном транспорте, в январе – ноябре 1951 г. зам. министра госбезопасности УССР. В ноябре 1951 г. уволен из МГБ и направлен на работу в ГУЛАГ. В декабре 1953 г. уволен из МВД «по фактам дискредитации». Генерал-лейтенант (25.09.44). Лишен звания генерал-лейтенанта в 1954 г. «как дискредитировавший себя за время работы в органах» – 75, 233.

Василевский Александр Михайлович (1895–1977) – с февраля командующий 3 Белорусским фронтом, с июня 1945 г. Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке, с 1946 г. нач. Генштаба и зам. министра Вооруженных Сил СССР, Маршал Советского Союза (1943), дважды Герой Советского Союза (29.07.44, 08.09.45) – 18.

Василенко В.Х. (1897–1987) – в 1950–1952 гг. гл. терапевт Лечсанупра Кремля, в 1952 г. арестован по т.н. «делу врачей», освобожден в апреле 1953 г. – 243.

Васильев Сергей Алексеевич – сотрудник МГБ СССР, ст. лейтенант – 138.

Вашкин И.А. – представитель Комитета информации при МИД СССР в Северной Корее – 190.

Веех (Weech) Ганс Пауль, фон (1890–?) – генерал-майор германской армии, взят в плен 9 мая 1945 г. в Карлсбаде (Чехословакия). Репатриирован в 1948 г. – 51.

Великанов П.С. – советник МГБ СССР в Китае – 188.

Вернер Эрнст – обвинен советским МГБ в Германии в шпионаже – 122.

Веселый – нач. УГБ МВД Чехословакии – 212.

Виноградов В.Н. (1882–1964) – терапевт, академик АМН СССР, в ноябре 1952 г. арестован по т.н. «делу врачей», освобожден в апреле 1953 г. – 243, 244.

Власик Николай Сидорович (1896–1967) – в 1946–1952 гг. нач. Гл. упр. охраны МГБ СССР, в мае – декабре 1952 г. зам. нач. Упр. Баженовского ИТЛ МВД, генерал-лейтенант (09.07.45). Арестован 16 декабря 1952 г. Осужден 17 января 1955 г. к ссылке на 10 лет с лишением воинского звания и наград. В мае 1956 г. помилован – 241, 242, 248, 255–257.

Влодзимирский Лев Емельянович (1903–1953) – в 1941–1946 гг. нач. Следчасти по ОВД НКГБ–НКВД–НКГБ–МГБ СССР, затем на руководящей работе в Гл. упр. советским имуществом за границей при СМ СССР. В марте – июле 1953 г. нач. Следчасти по ОВД МВД СССР, генерал-лейтенант (09.07.45). Расстрелян «по делу Берии» – 254, 256, 260.

Вознесенский Николай Алексеевич (1903–1950) – в 1942 – 1949 гг. пред. Госплана СССР, зам. пред. СНК–СМ СССР. Расстрелян по т.н. «Ленинградскому делу» – 39.

Волин А.А. (1903–?) – в 1948 – 1957 председатель Верховного Суда СССР – 107.

Волков Александр Петрович (1904–1974) – с октября 1946 г. зам. нач. 1 Гл. упр. МГБ СССР, с июня 1947 г. зам. нач. 5 упр., а в апреле 1948 – декабре 1951 гг. нач. 5 упр. МГБ СССР, полковник – 256.

Волков Н.Я. – следователь опер. сектора МГБ провинции Бранденбург, осужден на 3 года – 84.

Вольский Константин Павлович – сотрудник МГБ СССР, майор – 138.

Вомачек М. – арестованный в 1949 г. хорват – 231.

Вульц Ганс – 50.

Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) – в 1940–1946 гг. первый зам. наркома иностранных дел СССР, одновременно с 30 мая по 6 августа 1945 г. Политический советник при Главноначальствующем СВАГ; в 1946–1949 гг. зам. министра иностранных дел СССР; в марте 1949 – марте 1953 гг. министр иностранных дел СССР – 93, 97–100, 102, 104, 108, 163.

Гайлер Эргард-Вальтер – обвинен советским МГБ в Германии в шпионаже – 97.

Галкин Лев Федорович (1908–1961) – в 1945 – 1950 нарком – министр ГБ Туркмении, полковник – 72.

Гартман – обвинен советским МГБ в Германии в шпионаже – 96.

Геббельс (Goebbels) Йозеф (1897–1945) – с 1933 г. министр пропаганды Германии, с 1944 г. имперский уполномоченный по проведению мобилизации – 26, 60.

Гегечкори Евгений Петрович (1881–1954) – меньшевик, с мая 1918 г. министр иностранных дел правительства Грузии. С 1921 г. в эмиграции во Франции. Брат жены Берия – 234.

Георгиу-Деж Георге (1901–1965) – в 1945 – 1954 гг. генеральный секретарь ЦК Компартии Румынии – 176, 177, 187, 189.

Гере Эрне (1898–1980) – член Политбюро ЦК Венгерской партии труда – 154, 178.

Глазков М.Ф. – представитель Комитета информации при МИД СССР в Албании – 190.

Гоглидзе Сергей Арсентьевич (1904–1953) – с августа 1951 г. зам. министра госбезопасности СССР, с 20 ноября 1952 г. 1-й зам. министра госбезопасности СССР, генерал-полковник (09.07.45). Расстрелян по «делу Берии» – 107, 184, 237, 242–250, 252, 256, 259, 260.

Голицын Анатолий Михайлович (р. 1926) – офицер разведки МГБ–КГБ, в 1961 г. из резидентуры КГБ в Хельсинки бежал на Запад – 242, 243.

Голубев П. – советский журналист в Болгарии, освещал процесс Костова в 1949 г. – 205.

Голубенков П.В. – советник НКГБ СССР в Болгарии, полковник – 195.

Гомулка Владислав (1905–1982) – в 1945 – 1948 генеральный секретарь ППР – 129–131, 137, 141–144, 150, 176.

Горохов Сергей Федорович (1901–1974) – С 1918 секретарь земотдела в селе, с марта 1920 в РККА, красноармеец Тульской караульной роты, ком. роты, нач. полковой школы 52 Ярославского пехотного полка; руководитель опытного полигона Московского ВО; в 1939 г. окончил Военную академию им. Молотова, с 1939 нач. штаба 99 стр. дивизии в Киевском ВО и на Юго-Западном фронте; с декабря 1941 ком. 124 отдельной стр. бригады Южно-Уральского ВО, МВО; с 1942 командующий группы войск, зам. командующего 51 армии, ком. 37 стр. корпуса, зам. командующего 51 и 7 армий на Сталинградском, 3 и 4 Украинском, Карельском фронтах; с марта 1945 ком. 40 гв. стр. корпуса на 2 Белорусском фронте; с июля 1945 нач. УКС СВАГ; с августа 1948 нач. УВД СВАГ; в декабре 1949 откомандирован в СССР; в 1951 г. окончил Высшие академические курсы Высшей Военной Академии им. Ворошилова, с февраля 1951 на военно-преподавательской работе. Генерал-майор (07.12.42) – 21, 36, 49, 53.

Горшенин Константин Петрович (1907–1978) – с ноября 1943 г. Прокурор СССР, с марта 1946 г. Генеральный прокурор СССР, в январе 1948 – мае 1956 гг. министр юстиции СССР – 103–105, 107.

Готвальд Клемент (1896–1953) – генеральный секретарь ЦК Компартии Чехословакии, с 1948 – президент Чехословакии – 176, 177, 191, 192, 208, 209, 211–213, 215, 216, 275.

Грабский Станислав (1871–1949) – член Лондонского правительства Польши, председатель Национального совета Польши, с 1945 в Польше – вице-президент Краевой Рады Народовой – 129.

Граур Андрей Григорьевич (1905–1957) – с июля 1951 г. представитель Комитета информации при МИД СССР при органах внешнеполитической разведки ГДР, полковник – 125.

Грибанов Михаил Григорьевич (1906–1987) – в 1930 г. окончил Московский государственный университет; с 1941 г. сотрудник НКИД СССР; с 1943 г. пом. зам. наркома иностранных дел; в декабре 1947 – июле 1949 гг. зам. Политического советника СВАГ, в 1949 – 1953 гг. заместитель, затем начальник 3 Европейского отд. МИД СССР, в 1956–1962 гг. Посол СССР в Норвегии. С 1983 г. персональный пенсионер союзного значения – 47, 103–105.

Гришаев Павел Иванович (р. 1918) – с 1938 г. в органах НКВД, пом. нач. Следчасти МГБ СССР, подполковник. Уволен из МВД в октябре 1953 г. «по служебному несоответствию». С 1953 г. на преподавательской работе, с 1969 г. профессор кафедры уголовного права Всесоюзного юридического заочного института, Заслуженный деятель науки РСФСР (1981) – 252.

Громыко Андрей Андреевич (1909–1989) – с 1949 г. 1-й зам. министра иностранных дел СССР, с 1957 г. министр иностранных дел СССР, в 1973–1988 гг. член Политбюро ЦК КПСС – 94–96, 104.

Гротеволь (Grotewohl) Отто (1894–1964) – член СДПГ с 1912 г., в 1945 г. председатель Центрального правления СДПГ, с 1946 г. сопредседатель Центрального правления СЕПГ; с 1949

г. член Политбюро СЕПГ; в 1949 – 1964 гг. премьер-министр ГДР. Трижды Герой Труда ГДР (1954, 1959, 1964) – 24, 43, 65, 67, 68, 85, 89, 103, 115, 117.

Гудериан (Guderian) Хайнц Вильгельм (1888–1954) – в июле 1944 – марте 1945 гг. нач. Генштаба сухопутных войск, генерал-полковник (1940). В марте 1945 г. уволен в запас – 27.

Гузовский Александр Александрович (1904–1986) – с 1928 г. в органах ОГПУ, с 1943 г. нач. 9 отд. 2 упр. НКГБ СССР, с октября 1943 г. на работе в Алжире и Франции по линии разведки НКГБ–МГБ, полковник. С 1947 г. на пенсии, работал нач. отд. научной информации изд-ва иностранной литературы. Арестован в мае 1952 г., освобожден в августе 1954 г., реабилитирован, вернулся в изд-во – 242.

Гуляев П.В. – зав. сектором Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) – 209.

Давыдов Семен Прохорович (1909–1959) – с 1945 г. зам. советника НКВД при МОБ Польши, с 1946 г. советник МГБ СССР при МОБ Польши, в марте 1950 – апреле 1951 гг. уполномоченный МГБ СССР в Германии, полковник – 91, 99, 100, 106, 133–138, 142, 143, 146–149.

Даллес (Dulles) Аллен (1893–1969) – с 1942 г. возглавлял систему политической разведки США в Европе, с 1947 г. работал в ЦРУ, в 1953–1961 гг. директор ЦРУ – 156, 157.

Дамерау – обвинен советским МГБ в Германии в шпионаже – 96.

Двинский Борис Александрович (1894–1973) – в 1944 – 1950 гг. нарком – министр заготовок СССР – 39.

Декан Иштван (1919–1975) – нач. отдела контрразведки УГБ МВД Венгрии – 158, 161.

Денскевич Михаил Ильич (1909–1980) – В 1924 г. окончил семилетнюю школу, работал на лесопильном з-де, в 1933 г. заочно окончил рабфак. С 1931 г. в РККА. С 1932 г. в органах военной контрразведки в Белорусском ВО, участник войны против Финляндии, в декабре 1939 – марте 1940 гг. нач. ОО НКВД 4 стрелковой дивизии Северо-Западного фронта, затем в ОО НКВД Закавказского ВО, в 1943 – 1945 гг. нач. ОКР СМЕРШ Закавказского фронта ПВО. С мая 1945 г. в Германии, нач. опер. группы НКВД Коттбуского округа, в декабре 1947 – июле 1952 гг. нач. опер. сектора МГБ земли Саксония-Ангальт. В 1952 – 1954 гг. нач. УМГБ–УМВД Молодеченской обл. БССР, в 1954 – 1959 гг. зам. пред. КГБ при СМ БССР. С 1959 г. на пенсии. Полковник (26.05.43) – 73.

Дечи Дюла – нач. следственной части УГБ МВД Венгрии – 158.

Джекобсон – руководитель филиала «Джойнт» в Венгрии – 179.

Джилас Милован (1911–1995) – с 1932 член комммунистической партии Югославии (КПЮ), с 1940 член Исполкома КПЮ, с 1948 г. секретарь Исполкома КПЮ, в 1954 г. снят со своих постов и исключен из партии «за антимарксистские, антиленинские ревизионистские устремления». Неоднократно арестовывался властями Югославии. После опубликования книги «Беседы со Сталиным» был вновь арестован «за разглашение государственных тайн» – 26, 275.

Дибелиус Отто (1880–1967) – в 1945 – 1966 гг. евангелический епископ в Берлине–Бранденбурге, в 1949 – 1961 гг. председатель Совета евангелической церкви в Германии, с 1957 г. лишен права въезда в ГДР, а с 1961 г. – в Восточный Берлин – 101–104.

Дильснер (Dilssner) Герхард (1920–1951) – обвинен советским МГБ в Германии в шпионаже, расстрелян в Москве 21 марта 1951 г. Реабилитирован 11 ноября 1994 г. – 96.

Димитров Георгий (1882–1949) – в 1935–1943 гг. генеральный секретарь Исполкома Коминтерна, в 1943–1946 гг. сотрудник аппарата ЦК ВКП(б); с 1946 г. председатель Совета министров Болгарии; с 1948 г. генеральный секретарь ЦК Болгарской компартии – 11, 197, 204, 205.

Доброхотов Василий Павлович (1911–1971) – с сентября 1951 г. нач. Секретариата МГБ СССР, со 2 февраля 1952 г. 1-й зам. нач. 1 Гл. упр. МГБ СССР, с 6 февраля 1953 г. нач. секретариата МГБ СССР, с марта 1953 г. зам. нач. Секретариата МВД СССР, с декабря 1953 г. зам. нач. 2 Гл. упр. МВД СССР, полковник. С марта 1954 г. нач. Секретариата КГБ при СМ СССР, генерал-майор (09.01.57) – 258.

Добрынин Георгий Прокопьевич (1907–1977). Родился в семье рабочего. Русский. В коммунистической партии с 1930 г. В 1939 г. окончил Военную академию им. Фрунзе. С 1925 г. в РККА, по окончании пехотной школы в Ульяновске направлен в войска ОГПУ. В 1939–1947 гг. зам. нач. ГУЛАГ НКВД–МВД СССР, одновременно с сентября 1942 г. в действующей армии, участвовал в обороне Кавказа, в апреле–мае 1944 г. нач. 6-го оперсектора в Евпатории, руководил выселением из Крыма, с сентября 1944 г. нач. Аспиндзского оперсектора по переселению из пограничных районов Грузии, в мае – августе 1945 г. находился в командировке в Германии: служил нач. оперсектора НКВД провинции Мекленбург – Западная Померания. В 1947–1951 гг. нач. ГУЛАГ МВД СССР, с 1951 г. зам. нач. упр. войск охраны промышленности и ж.д. МВД СССР, затем нач. Главной инспекции МВД СССР, с сентября 1952 г. нач. Главного упр. МГБ СССР по контролю и инспектированию ведомственной охраны, в 1954–1959 гг. нач. 7 упр. КГБ при СМ СССР, в 1959–1962 гг. Старший консультант КГБ в Монголии. В июле 1962 г. уволен в отставку по болезни. Генерал-майор (09.07.45) – 72, 73, 76.

Дратвин Михаил Иванович (1897–1953) – С 1910 рассыльный, телеграфист в Петербурге, с октября 1916 г. полевой почтовый чиновник телеграфной конторы литер «Д» на Северном и Западном фронтах; с февраля 1918 г. телеграфист в Петрограде, с 1919 г. в РККА, с сентября 1924 военный советник в Китае; с июня 1926 ком. полка связи, нач., пом., затем нач. войск связи МВО, в 1931 г. окончил Военную академию им. Фрунзе, затем нач. электро-техн. академии РККА в Ленинграде и Москве; с ноября 1937 военный атташе при полпредстве СССР в Китае; с ноября 1938 г. 2-й зам. нач. Развед. упр. при РККА, в январе – ноябре 1939 г. нач. 11 отд. Генштаба РККА, затем нач. упр. делами при НКО СССР, с 1941 г. на фронте, в январе – июне 1945 г. ком. 47 стр. корпуса, с июля 1945 г. зам. нач. Штаба СВАГ по военным вопросам, с ноября 1945 г. нач. Штаба СВАГ, с мая 1947 г. 1-й зам. Главноначальствующего СВАГ, с 1949 г. нач. 10 отд. и зам. нач. 2 Гл. упр. Генштаба Советской Армии, с мая 1951 г. в распоряжении Гл. упр. кадров Военного министерства СССР, в 1952 г. окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. Ворошилова, в январе – декабре 1953 г. зам. нач. Военно-дипломатической академии Советской Армии. Генерал-лейтенант (01.09.43) – 59.

Дубинин Андрей Андреевич (1904–1983) – зпм. наркома ГБ Карело-Финской ССР, в 1945–1946 гг. нач. опер. группы НКВД в Берлине – 73.

Дубровский Дмитрий Георгиевич (1904–1963) – С января 1919 работал в хозяйстве отца, с августа 1921 г. в РККА, курсант, ком. взвода, политрук роты, секретарь партбюро воинской части в ЛВО, Сибирском ВО и в Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии, в 1938 г. окончил Военно-политическую академию им. Ленина, с февраля 1939 г. комиссар 1 Московской стр. див. МВО, с сентября 1939 член Военного Совета 10 армии БВО, с ноября 1941 член Военного Совета 28, затем 61 армий на Брянском, Центральном, Западном, 1 и 2 Белорусских, 1 и 3 Прибалтийских фронтах, с июля 1945 г. нач. УСВА земли Саксония, с ноября 1949 г. представитель СКК в Саксонии, в июне 1950 – июне 1955 гг. член Военного совета – зам. командующего Белорусского ВО по полит. части, освобожден от этой должности «по болезни». В 1956 г. в составе советской делегации выезжал на празднование 750-летия Дрездена. Генерал-майор (06.12.42), генерал-лейтенант (11.05.49) – 16.

Дубровский Константин Васильевич (1904–1962) – в 1945–1946 гг. зам. нач. опер. сектора НКВД-МВД в Берлине – 73.

Евдокименко Георгий Степанович (1914–?) – с сентября 1949 г. зам. советника, а в декабре 1950 – ноябре 1951 гг. советник МГБ СССР в Венгрии – 182, 183, 188, 195.

Евстафеев Серафим Васильевич (1904–1976) – в августе 1951 – мае 1952 гг. зам. министра госбезопасности СССР – 229.

Егоров П.И. (1899–1967) – профессор-терапевт, нач. Лечсанупра Кремля. Арестован по т.н. «делу врачей», освобожден в апреле 1953 г – 224, 243.

Едунов Яков Афанасьевич (1896–1985) – в 1947 – 1951 гг. зам. нач. 2 гл. упр. МГБ СССР – 90.

Епишев Алексей Алексеевич (1908–1985) – в августе 1951 – марте 1953 гг. зам. министра госбезопасности СССР по кадрам – 228.

Есс (Jess) Ганс (1887–1975) – с июня 1945 г. государственный министр и президент провинции Мекленбург, с августа 1945 г. директор государственных железных дорог в Шверине, с 1948 в Западной Германии, зам. президента полиции во Франкфурте-на-Майне – 13, 48.

Жданов Андрей Александрович (1896–1948) – в 1934 – 1948 гг. секретарь ЦК ВКП(б), с 1939 г. член Политбюро ЦК ВКП(б) – 39, 56, 57, 85, 115, 142, 162, 261, 262.

Железников Николай Иванович (1906–1974) – в 1951 – 1953 гг. нач. УКР МГБ ГСОВГ – 106.

Живков Тодор (1911–1998) – секретарь ЦК, с 1954 г. первый секретарь ЦК Болгарской компартии – 206, 207, 276.

Жордания Ной Николаевич (1869–1953) – лидер грузинских меньшевиков, депутат 1-й Госдумы. В 1917–1918 гг. председатель Тифлисского Совета, председатель правительства Грузии. С 1921 г. в эмиграции – 234.

Жуков Георгий Константинович (1896–1974) – в июле 1945 – марте 1946 – Главнокомандующий ГСОВГ – Главноначальствующий СВАГ, Маршал Советского Союза (18.01.43), четырежды Герой Советского Союза (29.08.39, 29.07.44, 01.06.45, 01.12.56) – 15, 16, 18, 21, 26–31, 33–35, 48, 55, 63, 276.

Заводский – зам. нач., затем нач. УГБ МНБ Чехословакии – 212, 214.

Заволжский С.Г. – сотр. аппарата Информбюро – 164, 173, 174, 158.

Зайчиков Василий Никифорович (1919–1988) – в 1940 г. окончил Московский институт инженеров транспорта, затем на руководящей комсомольской работе, с января 1952 г. секретарь ЦК ВЛКСМ, в январе – марте 1953 г. зам. нач. Следчасти МГБ СССР, затем на учебе в ВПШ при ЦК КПСС, в дальнейшем на партийной работе. В 1965–1981 гг. зам. председателя АПН, зав. бюро АПН в Финляндии, с 1981 г. персональный пенсионер союзного значения – 250, 251, 252.

Замбровский Роман (1909–1977) – в 1945 г. член Политбюро, секретарь ЦК ППР – 144.

Запевалин Михаил Александрович (1905–1972) – в мае – августе 1945 г. нач. отд. «Ф» НКВД СССР, генерал-майор – 71.

Зеленин Павел Васильевич (1902–1965) Родился в семье кузнеца. Русский. В коммунистической партии с 1929 г. В 1915 г. окончил 2-классное железнодорожное училище, работал учеником и подручным котельщика на з-де в Запорожье. С 1918 г. в РККА. С 1920 г. в органах ЧК на ж.д. Украины, с декабря 1939 г. нач. ДТО НКВД Белостокской ж.д. С 1941 г. на руководящей работе в органах военной контрразведки, в 1944–1945 гг. нач. УКР СМЕРШ НКО 3-го Белорусского фронта, с июля 1945 г. нач. УКР СМЕРШ НКО – УКР МГБ СССР ГСОВГ. С апреля 1947 г. в распоряжении упр. кадров МГБ СССР. Уволен из МГБ в запас по состоянию здоровья в декабре 1948 г. В октябре 1951 г. был арестован по обвинению в «подрывной деятельности в органах МГБ». Осужден ОСО МГБ СССР 23.08.52 по ст. 58–1«б» УК РСФСР на принудительное лечение «с изоляцией». В мае 1954 г. состав преступления переквалифицирован на ст. 193–17«а» УК РСФСР, и в соответствии с Указом об амнистии от 27.03.53 дело производством прекращено. Освобожден 15.05.54. Генерал-лейтенант (26.05.43). Лишен звания генерал-лейтенанта пост. СМ СССР № 2395–1145сс от 3 декабря 1954 г. «как дискредитировавший себя за время работы в органах госбезопасности и недостойный в связи с этим высокого звания генерала» – 232, 233.

Зеленский Иван Иванович (1901–1985) – сотрудник 4 упр. НКГБ СССР, в 1945–1950 гг. советник НКГБ–МГБ СССР в Болгарии, подполковник – 195.

Зорин Валериан Александрович (1902–1986) – в 1945 – 1955 зам. министра иностранных дел СССР, одновременно в 1950 – 1952 гг. председатель Комитета информации при МИД СССР – 208, 191.

Зубов Петр Яковлевич (1898–1952) – с апреля 1937 г. резидент ИНО НКВД в Чехословакии под фамилией Привалов Н.В., в 1938 г. отозван в СССР и арестован, в 1941 освобожден из-под стражи и направлен на работу в 4 упр. НКВД СССР – 210, 211.

Иванов Александр Александрович (1908–?) – в ноябре 1949 – июле 1953 гг. советник МГБ-МВД СССР в Китае – 188.

Иванов Владимир Васильевич (1909–1966) – в апреле – июле 1953 г. нач. секретариата Особого совещания МВД СССР, генерал-майор (09.07.53). Лишен звания генерал-майора в 1955 г. «как дискредитировавший себя за время работы в органах» – 255.

Иванов Михаил Савельевич (1903–1962) – в ноябре 1951 – июле 1953 гг. ст. советник МГБ-МВД СССР в Венгрии – 195, 220.

Игнатьев Семен Денисович (1904–1983) – в 1951–1953 гг. министр госбезопасности СССР – 98–100, 103–105, 108, 109, 126, 138, 183, 193, 216, 223, 227–231, 235, 238–243, 246–250, 252, 257–259.

Иден (Eden) Антони (1897–1977) – в 1940 – 1945 министр иностранных дел Великобритании, затем лидер оппозиции, с 1951 министр иностранных дел и зам. премьер-министра Великобритании – 129.

Илюшин-Эдельман Илья Израилевич (1897–1974) – с 1919 в органах ВЧК, в 1946–1950 гг. зам. нач. 5 упр. МГБ СССР, генерал-майор (09.07.45). В марте 1950 г. уволен. В феврале 1953 г. арестован. После освобождения из заключения на пенсии в Москве – 249.

Ильяшенко Павел Степанович (1905–?) – с 1938 г. в органах НКВД, с 1941 г. зам. нач. 1 отделения 2 отд. 3 упр. НКВД СССР, в 1940-х гг. зам. нач. отд. МГБ, полковник – 233.

Иткин Леонид Ефимович (1910–1985) – с 1932 г. в органах ОГПУ, с сентября 1939 г. ст. следователь Следчасти ГЭУ, с мая 1940 г. пом. нач. Следчасти ГЭУ НКВД СССР, ст. лейтенант ГБ, в 1941 г. зам. нач. 1 отд. Следчасти НКГБ СССР, с 1943 г. зам. нач. 11 отд. 2 упр. НКГБ СССР, затем зам. нач. следств. отд. УКР МГБ Московского ВО, полковник. В октябре 1951 г. арестован, в марте 1953 г. освобожден и реабилитирован. С 1953 г. на пенсии – 230, 250.

Кабанов Александр Федорович (1899–1975) – с ноября 1938 г. 2 секретарь Сталинградского обкома, в марте 1939 – июле 1942 гг. 1 секретарь Пензенского обкома ВКП(б), в 1942–1944 гг. зам. наркома совхозов СССР, в 1944–1945 гг. председатель Совета народных комиссаров Крымской АССР, с 1945 г. зам. директора пионерского лагеря «Артек», в 1946–1947 гг. министр технических культур РСФСР, с 10 мая 1948 г. зам. Главноначальствующего СВАГ по гражданским делам, в 1949–1951 гг. зам. председателя СКК в Германии по административным делам, с марта 1951 г. зам. нач. Главного управления полезащитного лесоразведения при СМ СССР – нач. управления полезащитных колхозных и совхозных лесных полос, затем советник посольства СССР в Албании, в июне 1955 – августе 1956 гг. член коллегии министерства совхозов СССР – главный инспектор по вопросам удобрений, ядохимикатов и защиты сельскохозяйственных культур от вредителей и болезней – 44, 57, 59.

Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) – в 1928–1939 гг. секретарь ЦК, в 1930–1957 гг. член Политбюро – Президиума ЦК ВКП(б) – КПСС – 95, 99, 202, 236, 253.

Каганович Михаил Моисеевич (1888–1941) – в 1939–1940 гг. нарком авиационной промышленности СССР, затем директор авиационного завода. Брат Л.М. Кагановича. Покончил с собой – 253.

Кадар Янош (1912–1989) – в 1948 – 1950 гг. министр внутренних дел Венгрии, в 1951 арестован и приговорен к пожизненному заключению. В 1954 г. реабилитирован, с 25 октября 1956 г. первый секретарь ЦК Венгерской партии труда, с 1957 г. первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии. Герой Советского Союза (1964) – 158, 159, 172, 178–180, 183.

Кайзер (Kaiser) Якоб (1888–1961) – в 1945 г. один из основателей ХДС в Берлине и Советской зоне оккупации; в 1945–1947 гг. председатель ХДС в советской зоне; в 1946–1949 гг. депутат магистрата Большого Берлина – 63.

Кайзер – житель ФРГ, обвинен советским МГБ в Германии в шпионаже – 103.

Какучая Варлам Алексеевич (1905–1982) – в 1943–1947 гг. нарком – министр госбезопасности Северо-Осетинской АССР, одновременно в 1945–1946 гг. находился в командировке в Берлине. Генерал-майор (09.07.45). В июле 1959 г. арестован, 17 июля 1956 г. осужден на 15 лет. Освобожден в 1968 г. – 72.

Калинин Иван Михайлович – сотрудник МГБ СССР, ст. лейтенант – 138.

Каллаи Дьюла (1910–1996) – 1949 – 1951 гг. министр иностранных дел Венгрии, в 1951 г. арестован и приговорен к 15 годам заключения. В 1954 г. реабилитирован – 183.

Каранадзе Григорий Теофилович (1902–1970) – в 1943–1952 гг. нарком – министр внутр. дел Грузии, генерал-лейтенант (09.07.45). В апреле 1952 – апреле 1953 гг. под следствие по т.н. «мингрельскому делу» – 235, 255, 257.

Карасев Яков Афанасьевич (1894–1969) – с 1908 г. работал шорником на фабрике в Москве, членом правления общества потребителей кооператива кожевеников, инструктором кустарно-промысловой кооперации, в 1932 г. окончил Институт советского права в Москве, в 1936 г. аспирантуру этого института, кандидат юридических наук (1939), работал директором Центрального заочного юридического института, в 1939 – 1945 гг. зав. правового отдела, ст. пом. зав. Секретариата Управдения делами СНК СССР, в июле 1945 – июле 1949 – нач. Правового отдела СВАГ, советский представитель в Правовом директорате СКК в Германии. С сентября 1949 г. директор Всесоюзного юридического заочного института, с января 1952 г. зав. кафедрой трудового права в этом же институте – 44, 49.

Карпенко Николай Матвеевич (1904–?) – в 1947–1951 гг. нач. УМГБ Алтайского края, генерал-майор (23.07.45). Арестован 3 декабря 1951 г., осужден ОСО при МГБ 2 июля 1952 г. «за злоупотребление служебным положением, хищение государственного имущества и ложный донос» на 10 лет. Вышел на свободу 14 ноября 1958 г. инвалидом 3 группы – 232, 233.

Карташев Сергей Николаевич (1914–1979) – в ноябре 1949 – мае 1950 гг. советник МГБ СССР в Венгрии, полковник – 171, 177–181.

Картер – сотр. английской разведки в Германии – 97.

Кастнер (Kastner) Герман Мориц Вильгельм (1886–1957) – в 1945–1947 гг. председатель земельного правления ЛДП Саксонии; в 1946–1948 гг. министр юстиции Саксонии – 68.

Катуков Михаил Ефимович (1900–1976) – с 1919 г. в РККА; в 1935 г. окончил Академические курсы усовершенствования комсостава при Военной академии механизации и моторизации РККА; с января 1943 г. командующий 1-й танковой армии на Воронежском, 1-м Украинском, 1-м Белорусском фронтах; с июля 1945 г. нач. СВА земли Саксония, затем командующий армией, бронетанковыми и мех. войсками ГСОВГ; с 1955 г. генерал-инспектор МО СССР; с 1957 зам. нач. Главного управления боевой подготовки сухопутных войск; с 1963 г. генеральный инспектор МО СССР; генерал-полковник танковых войск (10.04.44), Маршал бронетанковых войск (05.10.59), дважды Герой Советского Союза (23.09.44, 06.04.45) – 16, 41.

Кауфман – руководитель организации «Круг сопротивления» – 99.

Кащеев Е.Г. – в 1952 г. сотрудник 1 Гл. упр. МГБ СССР – 242, 243.

Керник Владислав (1879–1971) – в 1945 – 1949 гг. председатель Главного совета ПСЛ – 142.

Кидин Александр Николаевич (1909–1959) – в 1951–1955 гг. 1-й секретарь Владимирского обкома партии, с 1955 г. зав. отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС по РСФСР, с апреля 1959 г. 1-й секретарь Удмуртского обкома КПСС – 230.

Кинов Иван (1893–1967) – нач. Генштаба Болгарской народной армии – 200, 201, 203.

Клементис Владо (1902–1952) – министр иностранных дел Чехословакии – 176, 213, 215.

Ковальчук Николай Кузьмич (1902–1972) – В 1919 г. окончил два класса школы 2-й ступени, работал разнорабочим в кожевенном производстве и в милиции. С 1926 г. в пограничных войсках в Грузии, с января 1938 г. в органах госбезопасности Грузии, в 1939 – 1941 гг. нач. следственной части УНКВД Ленинградской обл. С 1941 г. на руководящей работе в военной контрразведке, в 1943 – 1945 гг. нач УКР СМЕРШ 4 Украинского фронта, в августе 1945 – мае 1946 гг. нач. УКР СМЕРШ Прикарпатского ВО. С мая 1946 г. зам. министра ГБ СССР, одновременно с сентября 1946 г. Уполномоченный МГБ в Германии. С августа 1949 г. министр ГБ УССР, в марте – мае 1953 г. министр внутр. дел Латвийской ССР, в июне – июле 1953 г. Старший советник МВД в Польше, в сентябре 1953 – мае 1954 гг. нач. УМВД Ярославской обл. Генерал-лейтенант (25.09.44). Лишен звания 23.11.54 Пост. СМ СССР № 2349–1118сс «как дискредитировавший себя за время работы в органах госбезопасности и недостойный в связи с этим высокого звания генерала» – 44, 67, 78, 84, 87–89, 232, 233, 241.

Козырев Николай Николаевич – сотрудник МГБ СССР, капитан – 138.

Коларов Васил (1877–1950) – в 1947 – 1949 гг. зам. председателя Совета Министров и министр иностранных дел Болгарии, с 1949 председатель Совета Министров Болгарии – 196–201, 203.

Колесниченко Иван Созонович (1907–1984) –с февраля 1924 чернорабочий мельницы, зав. политпросветом райкома, секретарь райкома ЛКСМУ в Тульчинском округе, в 1932 г. окончил инженерно-мелиоративный ин-т в Одессе, с марта 1932 г. в РККА, курсант, инструктор-пилот, и.о. военкома упр. ВВС Харьковского ВО, в 1939 г. окончил Высшие военно-политические курсы при Политуправлении РККА, с 1939 г. инспектор Гл. полит. упр. РККА, с 1942 г. член воен. совета 3 гвард. армии на Юго-Западном, 1, 3, 4 Украинских фронтах; с июля 1945 нач. УСВА земли Тюрингия, с ноября 1949 и.о. представителя СКК в Тюрингии; в сентябре 1950 г. откомандирован в СССР, в 1953 г. окончил Высшую военную академию им. Ворошилова, с апреля 1953 нач. политотдела и зам. нач. по полит. части Воен. академии им. Фрунзе, с 1958 г. науч. работник научно-исслед. группы № 4 при Генштабе, с декабря 1960 г. нач. группы научных сотрудников Военно-политической академии им. Ленина; с мая 1964 пенсионер в Москве. Генерал-майор (06.06.43) – 3, 16, 28, 46, 48, 49, 66, 67, 276.

Комаров Владимир Иванович (1916–1954) – с 1938 г. в органах НКВД, с июня 1946 г. зам. нач. Следчасти МГБ СССР, полковник. Арестован 26 июля 1951 г., приговорен ВК ВС СССР 19 декабря 1954 г. к расстрелу «по делу Абакумова» – 228, 250, 255.

Конев Иван Степанович (1897–1973) – в мае 1944 – мае 1945 гг. командующий 1 Украинским фронтом, Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (29.07.44; 01.06.45) – 26, 27.

Коняхин Николай Михайлович (1914–1977) – в 1938 г. окончил механический институт, работал конструктором на заводе, затем на партийной работе, в 1948–1950 гг. слушатель ВШ МГБ СССР, затем военно-юридической академии, в марте – сентябре 1951 г. инструктор административного отд. ЦК ВКП(б), в сентябре 1951 – декабре 1953 гг. зам. нач. Следчасти МГБ–МВД СССР, затем нач. контрразведывательного отд. МВД–КГБ Чувашии. С 1955 г. зам. нач. предприятия п/я 648, нач. отд., затем упр. Исполкома Красного Креста, с 1960 г. зам. директора НИИ–801, с 1967 г. зам. директора НИИ прикладной физики в Москве – 250, 252.

Копржива Л. – министр национальной безопасности Чехословакии – 213, 214.

Королев Николай Андрианович (1907–1986) – в декабре 1950 – августе 1951 гг. зам. министра госбезопасности СССР по милиции. Арестован 4 ноября 1951 г., пробыл в заключении до декабря 1953 г., генерал-лейтенант(31.07.44), лишен генеральского звания в 1954 г. – 232, 250, 255.

Коронди Бала – обвиняемый на процессе Л.Райка – 168, 171.

Корфес (Korfes) Отто, фон (1889–?) – командующий 295 пехотной дивизии немецких войск, генерал-майор. Взят в плен 31 января 1943 г. в Сталинграде, репатриирован в 1948 г. – 50.

Костов Трайчо (1897–1949) – генеральный секретарь Болгарской компартии, заместитель председателя Совета Министров Болгарии, приговорен на показательном судебном процессе в Софии к смерти – 161, 195–200, 203–207, 264, 265.

Котиков Алекандр Георгиевич (1902–1981) – с марта 1917 ученик медника на ф-ке в Москве, с 1919 г. на комсомольской работе, в 1921 г. окончил Тульский коммунистический ун-т, с 1921 г. зав. орг. отд. Привокзального райкома партии в Туле, с июля 1921 боец отряда по чистке парт. аппарата погран. губерний Украины, ответ. секретарь губкомпомгола в Житомире, с 1923 г. секретарь Тульского укома комсомола; с марта 1924 в РККА, красноармеец, ком. отд-я, политрук роты, секретарь парт. бюро конвойного батальона в Кавказской Краснознаменной армии; в 1933 г. окончил Ленинградскую военнно-политическую академию, с 1933 г. инспектор полит. упр. Северо-Кавказского ВО, с 1935 инструктор, а с 1940 зам. нач. орг. отд. Гл. полит. упр. РККА; с июля 1942 нач. полит. отд. 54 армии Волховского фронта, в 1943 г. окончил ускоренные курсы Военной академии им. Фрунзе, с ноября 1943 г. нач. полит. отд. 61 армии 1 Белорусского фронта; с июля 1945 нач. УСВА провинции Саксония; с марта 1946 г. воен. комендант советского сектора Берлина; в декабре 1949 – феврале 1950 гг. военный комендант Советского сектора Берлина и представитель СКК в Берлине; в июле 1950 г. откомандирован на учебу в СССР. В 1952 г. окончил Высшую военную академию им. Ворошилова, с марта 1952 зам. нач. по полит. части гл. упр. авиавооружения ВВС; с сентября 1955 пенсионер в Москве. Генерал-майор (02.11.44) – 16, 20.

Кочегаров Максим Константинович (1899–?) – с 1920 в органах ВЧК. С 1947 г. нач. упр. делами МГБ СССР, генерал-майор. Арестован 25 июля 1951 г., осужден ВК ВС СССР 20 января 1954 г. на 10 лет «за расхищение государственных средств и материальных ценностей». На основании Указа об амнистии 1953 г. срок сокращен до 5 лет. Освобожден из-под стражи 6 декабря 1954 г. – 228, 250, 252, 255.

Кочлавашвили Александр Иванович (1906–1977) – в июне 1952 – марте 1953 гг. министр госбезопасности Грузии, генерал-майор (09.07.45) – 237.

Кошелев Борис Михайлович (1902–?) – с 1936 г. в органах НКВД, до ареста занимал должность нач. 2 отд. ХОЗУ Гл. упр. охраны МГБ СССР, майор интендантской службы, арестован в мае 1952 г. – 242, 249.

Круглов Сергей Никифорович (1907–1977) – в декабре 1945 – марте 1953 гг. министр внутренних дел СССР, в марте – июне 1953 гг. первый зам. министра внутренних дел СССР, до февраля 1956 г. министр внутренних дел СССР, генерал-полковник (09.07.45) – 50, 51, 76, 77, 88, 90, 91, 109, 132, 133, 135, 142, 143, 169, 258.

Крючков Владимир Александрович (р. 1924) – в 1988 – 1991 гг. пред. КГБ СССР – 111, 112.

Кузнецов Алексей Александрович (1905–1950) – в 1946–1948 гг. нач.Управления кадров ЦК ВКП(б), в 1946–1949 гг. секретарь ЦК ВКП(б). Расстрелян по т.н. «Ленинградскому делу» – 84, 85, 87, 224, 225, 240, 249, 251.

Кузнецов Василий Иванович (1894–1964) – с 1915 г. на военной службе; в 1936 г. окончил Военную академия им. Фрунзе; в марте 1945 – апреле 1948 гг. командующий 3 ударной армией 1 Белорусского фронта, ГСОВГ, с июля 1945 г. нач. СВА провинции Саксония (Саксония-

Ангальт); с мая 1948 г. председатель ЦК ДОСАРМ; с сентября 1951 г. председатель ДОСААФ СССР; с 1953 командующий войсками Приволжского ВО; с июня 1957 г. в центральном аппарате МО СССР; генерал-полковник (25.05.43), Герой Советского Союза (29.05.45) – 16.

Кузнецов Иван Михайлович (1916–?) – с 1938 г. в органах НКВД, адъютант, нач. личной охраны В.С. Абакумова – нач. охраны 1 отд. Упр. охраны № 2 Гл. упр. охраны МГБ СССР, подполковник. В 1951 г. арестован – 250.

Лагуткин Емельян Сергеевич (1900–1983) – в феврале 1948 – феврале 1949 гг. нач. УМВД Ленинградской обл., с марта 1949 г. зам. нач. УМВД Калужской обл., генерал-майор. В марте 1950 г. уволен в отставку – 249.

Лангфанг Александр Иванович (1907–1990) – с 1931 г. в органах ОГПУ, в 1938–1940 гг. зам. нач. 3 отд. ГУГБ НКВД СССР, капитан ГБ (17.01.39). С мая 1940 г. на работе во внешней разведке НКВД–МГБ, генерал-лейтенант (09.07.45). С 1950 г. представитель Комитета информации при МИД СССР в Китае. В 1954–1955 гг. зам. нач. УКГБ Красноярского края. Арестован 4 апреля 1957 г. Осужден ВК ВС СССР 9 сентября 1958 г. на 15 лет. Освобожден 4 апреля 1972 г. из лагеря в Мордовии. Проживал в Москве – 190.

Ланци – полковник венгерской армии – 173.

Лапенков Николай Ефимович (1907–1986) – в 1945–1947 гг. нач. отдела внутренних дел СВАГ – 73.

Леонов Александр Георгиевич (1905–1954) – с 1921 г. в органах ВЧК, с мая 1946 г. нач. Следчасти МГБ СССР, генерал-майор. Арестован 13 июля 1951 г., приговорен ВК ВС СССР 19 декабря 1954 г. к расстрелу по «делу Абакумова» – 228, 250, 255.

Лихачев Михаил Тимофеевич (1913–1954) – с 1932 г. в органах милиции, с 1937 г. в органах НКВД, с мая 1946 г. зам. нач. Следчасти МГБ СССР, полковник. Арестован 13 июля 1951 г., приговорен ВК ВС СССР 19 декабря 1954 г. к расстрелу «по делу Абакумова» – 196–199, 212, 213, 228, 250, 255, 265.

Лиховидов – военный прокурор Закавказского ВО – 235.

Лынько Владимир Семенович (1911–1981) – зам. нач. Гл. упр. охраны МГБ СССР, полковник, арестован 10 мая 1952 г., осужден ОСО при МГБ 4 октября 1952 г. на 10 лет «за преступную халатность». Освобожден в апреле 1953 г. из Владимирской тюрьмы, после ареста Берии вновь в заключении до февраля 1954 г. Освобожден «по амнистии» – 242, 255, 249.

Любимов Василий Иванович – сотрудник МГБ СССР, лейтенант – 138.

Людвигов Борис Александрович (1907–?) – с мая 1945 г. нач. особой группы секретариата НКВД СССР, полковник – 71.

Лют – доктор, руководитель организации «Круг сопротивления» – 99.

Маар – депутат ландтага федеральной земли Тюрингия, член ЛДП – 47.

Майоров Н.Я. – пред. Военного трибунала ГСОВГ – 93, 94, 97.

Майрановский Григорий Моисеевич (1899–1964) – с 1937 г. в органах НКВД, заведовал токсикологической лабораторией, проводил опыты на заключенных, приговоренных к смертной казни, убивал их с помощью различных ядов. По заданию руководства МГБ СССР участвовал в тайных убийствах политических противников. Полковник медицинской службы. В декабре 1951 г. арестован, осужден 14 февраля 1953 г. ОСО при МГБ к 10 годам заключения. В 1961 г. освобожден из тюрьмы, без реабилитации – 233.

Макаров Василий Емельянович (1903–1975) – в 1939–1940 гг. секретарь МГК ВКП(б), в 1950–1951 гг. зам. министра госбезопасности СССР по кадрам. Генерал-лейтенант – 228.

Макаров Николай Иванович (1905–?) – нач. отд. 2 гл. упр. МГБ СССР, с 1951 г. зам. Уполномоченного МГБ в Германии. В 1955 г. уволен из КГБ «по фактам дискредитации», исключен из партии – 159–161, 165, 167, 169–171, 173, 194, 212, 213, 265.

Маклярский Исидор Борисович (1909–1978) – с 1927 г. в органах ОГПУ, арестован 1 мая 1937 г., освобожден «за недоказанностью преступления», работал в системе ГУЛАГа и УПВИ НКВД, в 1943–1946 гг. нач. отд. в 4 упр. НКГБ СССР, полковник ГБ (30.04.45). В 1947 г. уволен из МГБ, писатель-драматург, член Союза советских писателей. Арестован 6 ноября 1951 г., освобожден «по амнистии» 21 ноября 1953 г., но без реабилитации. Остались в силе обвинения в измене Родине, вредительстве, антисоветской агитации и т.п. – 73, 232.

Малевский М.А. – военный атташе посольства СССР в Венгрии – 165, 166.

Маленков Георгий Максимилианович (1902–1988) –в 1939–1946, 1948–1953 гг. секретарь ЦК, одновременно в 1939–1946 гг. нач. Управления кадров ЦК ВКП(б), в 1941–1945 гг. член ГКО, в 1946–1957 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)–КПСС, в 1946–1953, 1955–1957 гг. зам. председателя, в 1953–1955 гг. председатель Совета Министров СССР – 5, 11, 75, 89, 91, 94, 95, 99, 106, 108, 115, 126, 135, 159, 162, 165, 169, 171, 177, 178, 182, 183, 187, 199–203, 205, 212–214, 219, 224, 225, 227–230, 236, 241–243, 246, 247, 249, 251, 252–255, 259, 260.

Малик Яков Александрович (1906–1980) – в 1946 – 1953 гг. зам. министра иностранных дел СССР – 106, 107.

Мальков Павел Михайлович (1904–1983) – в 1938 г. окончил Военную академию им. Фрунзе, с 1938 г. в органах госбезопасности; в июле 1945 – августе 1948 гг. нач. ОВД–УВД СВАГ, генерал-майор (09.07.45) – 44, 76, 77, 87.

Мамулов Степан Соломонович (1902–1976) – в марте – апреле 1953 г. нач. Секретариата МВД СССР, затем зав. отд. ЦК КП Грузии, генерал-лейтенант (09.07.45). Арестован 30 июня 1953 г., осужден 28 сентября 1954 г. к 15 годам тюремного заключения – 258.

Мартиросов Георгий Иосифович (1906–?) – В 1919 г. окончил начальную школу в Тифлисе. С 1922 г. в органах госбезопасности Азербайджана и Грузии, в 1930 г. окончил Высшую пограничную школу ОГПУ в Москве, с 1939 г. нач. ДТО НКВД Белорусской, затем Латвийской ж.д., с февраля 1941 г. нарком внутр. дел Арм.ССР, с мая 1943 г. нарком ГБ АрмССР, в июне 1945 – июне 1947 гг. нач. опер. сектора НКВД–МВД–МГБ провинции Саксония. С июля 1947 г. зам., а с ноября 1951 г. нач. УМГБ Горьковской обл. С августа 1952 г. министр ГБ АрмССР, в марте 1953 – мае 1954 гг. министр внутр. дел АрмССР, с мая 1954 г. нач. УКГБ Архангельской обл. В мае 1955 г. уволен в запас «по служебному несоответствию». В 1955 г. исключен из КПСС. Генерал-майор (09.07.45) – 80, 84.

Марчик Владимир Филиппович (1912–1986) – зам. министра ГБ Белоруссии – 212, 216, 217.

Маршалл – полковник венгерской полиции – 173.

Маршалл (Marshall) Джорж Кэтлетт (1880–1959) – в 1947 – 1949 гг. госсекретарь США – 210.

Масленников Владимир Иванович (1910–1972) – с 1938 г. в органах НКВД, нач. оперативного отд. Гл. упр. охраны МГБ СССР, арестован 5 февраля 1953 г. за то, что «преступно относился к поступавшим к нему сигналам о вредительском лечении руководителей партии и правительства». Освобожден из-под стражи с полным прекращением дела и реабилитацией 18 апреля 1953 г. по постановлению следственной части по ОВД МВД СССР – 249, 255.

Матерн (Matern) Херман (1893–1971) – в 1945–1946 гг. член ЦК КПГ, в 1946–1948 гг. председатель земельного правления СЕПГ Берлина и член Центрального секретариата СЕПГ – 11.

Матусов Яков Наумович (1908–1967) – сотрудник 2 упр. НКГБ СССР, полковник ГБ (16.04.43), уволен из МГБ в июле 1946 г., работал зав. центральной юридической консультацией

и сохранял дружеские связи с бывшими сослуживцами в МГБ. Арестован 2 ноября 1951 г., реабилитирован и освобожден из заключения 5 июня 1953 г. – 232, 239, 255.

Мгеладзе Акакий Иванович (1910–1980) – в апреле 1952 – апреле 1953 гг. 1-й секретарь ЦК КП Грузии, затем работал директором совхоза – 236, 237, 276.

Мельников Григорий Александрович (1898–1972) – в 1911 г. окончил церковно-приходскую школу, с 1919 г. в органах госбезопасности; в декабре 1946 – декабре 1951 гг. зам. Уполномоченного МГБ в Германии, генерал-майор – 80.

Меркулов Всеволод Николаевич (1895–1953) – в апреле 1943 – мае 1946 гг. нарком – министр госбезопасности СССР, генерал армии (09.07.45). Расстрелян «по делу Берии» – 76, 77, 133, 195, 224, 240, 254, 256, 260.

Мешик Павел Яковлевич (1910–1953) – в мае – июне 1945 г. зам. командующего 1 Украинским фронтом по делам гражданской администрации. Генерал-лейтенант (26.05.43). Расстрелян «по делу Берии» – 5–8, 10, 13, 28, 132, 255, 260.

Мещанов Павел Самсонович (1900–1983) – сотр. НКГБ, намечался на работу в Германию – 72.

Миколайчик Станислав (1901–1966) – в 1943–1944 гг. премьер-министр польского эмигрантского правительства в Лондоне, в 1945–1947 гг. член Временного правительства Польши в Варшаве, в 1947 г. эмигрировал – 129, 130, 133–136, 140–143, 146, 147, 149–152.

Микоян Анастас Иванович (1895–1978) – в 1935–1966 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б), в 1938–1949 гг. нарком (министр) внешней торговли СССР, одновременно в 1937–1955 гг. зам. председателя СНК (Совмина) СССР, в 1942–1945 гг. член ГКО – 95, 99, 216, 276.

Миронов Александр Николаевич (1896–1968) – с 1923 г. в органах ОГПУ, нач. внутр. тюрьмы МГБ СССР, полковник. С 1953 г. на пенсии – 255.

Михаелис Ганс – военнопленный немец – 50.

Мокичев К.А. – зам. Генерального прокурора СССР – 227.

Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986) – в 1926–1957 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)–КПСС, в 1939–1949 гг. нарком (министр) иностранных дел СССР – 17, 50, 51, 63, 84, 85, 87–92, 95, 99, 100, 115, 117, 131, 135, 142, 159, 177, 178, 182, 183, 199, 200–203, 205, 210, 212–214, 227, 236, 253, 276.

Морозов Г.Ф. – сотр. следчасти МГБ СССР, полковник – 217.

Мухин Григорий Денисович (1901–?) –с февраля 1917 г. писарь, счетовод в магазине; с января 1918 г. в РККА, красноармеец охранной роты, в 1919 г. окончил 1-е курсы комсостава РККА в Москве, затем ком. роты, политком батальона мор. пехоты, пом. нач. штаба, ком. полка БВО, ОКДВА, в Сибирском, Харьковском ВО; в 1931 г. окончил курсы усовершенствования комсостава шифровально-штабной службы, в 1937 г. – курсы «Выстрел» МВО, с июня 1941 г. ком. 720 и 918 полков, нач. штаба дивизии, командир 247 стр. дивизии на Западном, 1 Белорусском фронтах; с июля 1945 г. нач. ОКС УСВА провинции Саксония. В ноябре 1946 г. откомандирован в Управление кадров Сухопутных сил. С марта 1947 г. военный комиссар Полоцкой обл. Генерал-майор (31.10.42) – 21.

Мюллер (Müller) Винценц Фердинанд (1894–?) – генерал-лейтенант немецкой армии, командир 12 армейского корпуса, взят в плен 8 июля 1944 г., репатриирован в 1948 г. – 50.

Нерядов-Ефремов Евгений Константинович (1906–1979) – в 1945 г. нач. опер. группы НКВД в Берлине – 73.

Нибелунг (Nebelung) Людвиг (1905–1951) – обвинен советским МГБ в Германии в шпионаже, расстрелян в Москве 7 февраля 1951 г. – 96.

Никитин Александр Вениаминович (1909–1971) – в 1945 г. зам. нач. опер. сектора НКВД провинции Саксония, в 1945–1946 гг. зам. нач. опер. сектора НКВД-МГБ провинции Бранденбург – 73.

Никитин Дмитрий Михайлович (1899–1969) – в 1945–1947 гг. нач. опер. сектора НКВД-МГБ земли Мекленбург – 76.

Никифоров Александр Тихонович (1902–1968) – с 1923 г. в органах ОГПУ, в 1946–1951 гг. нач. УМГБ Тамбовской обл., генерал-майор (23.07.45). В январе – апреле 1952 г. под следствием в Бутырской тюрьме. В декабре 1952 г. осужден ВК ВС СССР на полтора года «за клевету». В январе 1953 г. лишен генеральского звания. С 1952 г. ст. инженер Мосгоргеотреста – 233.

Никифоров Леонид Николаевич – сотрудник МГБ СССР, подполковник – 138.

Новобратский Лев Ильич (1907–1980) – сотр. МГБ, генерал-майор, намечался к поездке в Прагу в 1949 г. – 211.

Носек В. – министр внутренних дел Чехословакии – 176, 208.

Нушке (Nuschke) Отто (1883–1957) – в 1945–1947 гг. член правления ХДС в советской зоне оккупации, в 1947–1948 гг. исполняющий обязанности председателя ХДС, с сентября 1948 г. председатель ХДС в советской зоне оккупации – 68.

Обручников Борис Павлович (1905–1988) – с февраля 1941 г. зам. наркома – министра внутр. дел СССР по кадрам, в июле 1952 – марте 1953 гг. зам. министра госбезопасности СССР, в марте – июле 1953 г. нач. упр. кадров МВД СССР, генерал-лейтенант (09.07.45), лишен звания в 1955 г. – 73,257, 258.

Огненович Милан – обвиняемый на процессе Л.Райка – 168, 171.

Огольцов Сергей Иванович (1900–1977) – в ноябре 1952 – марте 1953 гг. 1-й зам. министра госбезопасности СССР, в апреле – июле 1953 г. под следствием по обвинению в убийстве С. Михоэлса. В 1954 г. уволен в запас. Генерал-лейтенант (09.07.45), лишен генеральского звания в 1959 г. – 159, 184, 200–202, 203, 205, 213, 225, 227–229, 241, 243, 244, 246, 247, 256.

Окулицкий Леопольд (1898–1946) – участник Варшавского восстания, командующий Армией Крайовой. В июне 1945 г. приговорен ВК ВС СССР к 10 годам, умер 24 декабря 1946 г. в больнице Бутырской тюрьмы – 130.

Осубка-Моравский Эдвард (1909–1997) – с 1945 г. председатель Совета Министров Временного правительства национального единства Польши – 129, 140, 142–144, 150.

Павловский Семен Григорьевич (1906–?) – зам. нач. отд. 2 Гл. упр. МГБ СССР, полковник. Арестован в октябре 1951 г., освобожден в 1953 г. В феврале 1954 г. уволен из МВД «по служебному несоответствию» – 230.

Палкин Арон Моисеевич (1903–?) – с 18 июля 1946 г. нач. отд. «Д» МГБ СССР, полковник. Арестован 19 октября 1951 г. Осужден ВК ВС 13 октября 1952 г. на 15 лет (за хищения). Освобожден из лагеря досрочно 29 мая 1956 г. – 137, 138, 140, 141, 146, 147, 151, 230, 233, 250, 266.

Палфи Дердь (1909–1949) – зам. министра обороны Венгрии, генерал-лейтенант. В октябре 1949 в связи с процессом Л.Райка приговорен к смерти – 160, 161, 165, 168, 171, 175.

Панюшкин Александр Семенович (1905–1974) – с 1927 г. в пограничных войсках ОГПУ–НКВД, с 1938 г. в центральном аппарате НКВД СССР, на разведывательной и дипломатической работе, в 1944 – 1947 гг. 1-й зам. зав. отделом международной информации ЦК ВКП(б), комиссар госбезопасности (01.08.44), генерал-майор (31.05.54) – 11.

Папков Сергей Прокофьевич – сотрудник МГБ СССР, подполковник – 138.

Патоличев Николай Семенович (1908–1989) – в 1946 – 1947 гг. секретарь ЦК ВКП(б) – 39, 277.

Патракеев Сергей Васильевич (1919–1985) – с ноября 1949 г. советник МГБ СССР в Румынии – 188, 187.

Пауль Андреас – немец, осужден советским Военным Трибуналом – 107.

Пауль (Paul) Рудольф (1893–1978) – в 1945 г. обер-бургомистр г. Гера; в 1945–1947 гг. премьер-министр Тюрингии; член СЕПГ с 1946 г. В августе 1947 г. бежал в Западный Берлин – 46, 48, 49.

Первухин Михаил Георгиевич (1904–1978) – в 1952–1957 гг. член Президиума ЦК КПСС, в 1957–1961 гг. кандидат в члены Президиума ЦК КПСС – 108.

Перицкий – член ПСЛ в Штеттине – 139.

Перхорович Франц Иосифович (1894–1961) – с 1915 г. в армии, в 1916 г. окончил школу прапорщиков, с 1918 г. в РККА, в 1941 г. окончил курсы «Выстрел», с 1941 командир полка, дивизии, корпуса на 1-м Украинском, 1-м Белорусском, Западном, Воронежском фронтах; с ноября 1944 г. командующий 28-й, затем 47-й армиями; с июля 1945 – 1-й зам. нач. СВА провинции Саксония по делам гражданской администрации, с февраля 1946 г. командующий 28 армией Белорусского ВО, с апреля 1947 нач. упр. Всевобуча Главного штаба сухопутных войск, с июля 1951 г. на пенсии. Генерал-лейтенант (27.01.45), Герой Советского Союза (06.04.45) – 16.

Петер (Peter) Габор (1906–1993) – нач. УГБ Венгрии, генерал-лейтенант. В январе 1953 г. арестован, в марте 1954 приговорен к пожизненному заключению. В 1960 г. амнистирован – 157, 158, 161, 164, 179, 181–184.

Петров Николай Николаевич (1915–?) – с 1939 г. в органах НКВД, в июле 1950 – октябре 1951 гг. советник МГБ в Северной Корее, полковник (1949). В октябре 1951 – феврале 1953 гг. под следствием – 233.

Пик (Pieck) Вильгельм (1876–1960) – с 1935 г. председатель ЦК КПГ; в 1933–1945 гг. в эмиграции; в 1946 г. – председатель КПГ, в 1946–1954 гг. председатель СЕПГ, в 1949 – 1960 гг. президент ГДР. Герой Труда ГДР (1951) – 16, 61, 65–68, 83–86, 88, 89, 103, 106, 107, 113–115, 117, 118, 122.

Питовранов Евгений Петрович (1915–1999) – в декабре 1950 – октябре 1951 гг. зам. министра госбезопасности. Арестован 28 октября 1951 г., освобожден 1 ноября 1952 г. С 5 января 1953 г. нач. упр. по разведке за границей ГРУ МГБ СССР, генерал-майор (09.07.45) – 97, 228, 229, 231, 240–244, 246, 247, 259.

Плотников Алексей Симонович – сотрудник МГБ СССР, инженер-полковник – 138.

Покотило Сергей Викторович (1903–?) – сотр. НКГБ СССР, намечался на работу в Германию – 72.

Полевой (Кампов) Борис Николаевич (1908–1981) – советский журналист, писатель, корреспондент газеты «Правда» – 150, 151.

Пономарев Борис Николаевич (1905–1995) – с 1920 г. на комсомольской и партийной работе, в 1944 – 1946 гг. зам. зав. Отделом международной информации ЦК ВКП(б), в 1947 – 1949 гг. нач. Совинформбюро при СМ СССР, с сентября 1947 г. зам., а с 1948 г. 1-й зам. зав. Отделом внешних сношений ЦК ВКП(б), с апреля 1949 г. 1-й зам. председателя Внешнеполитической Комиссии ЦК ВКП(б), с 1955 г. зав. Международным отделом ЦК КПСС, с 1961 г. секретарь ЦК КПСС, с 1972 г. кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, с 1986 г. на пенсии – 67.

Попель Кароль – предс. партии «Стронництво праци» – 143.

Поскребышев Александр Николаевич (1891–1965) – в 1934–1952 гг. зав. особым сектором ЦК ВКП(б), в 1952–1953 гг. секретарь Президиума и Бюро Президиума ЦК КПСС – 93, 108, 227, 238, 240, 242.

Поташев Алексей Иванович (1909–1987) – сотр. НКГБ, в 1945 направлен в Германию, полковник – 72, 73.

Пранге Горст – обвинен советским МГБ в Германии в шпионаже – 122.

Прокопенко Андрей Васильевич (1915–1989) – в 1953 г. советник МВД СССР в Румынии – 219.

Прудников Михаил Сидорович (1912–1992) – сотр. НКГБ, в 1945 направлен в Германию, подполковник – 74.

Пуш (Pusch) Альфред (1908–1951) – обвинен советским МГБ в Германии в шпионаже, расстрелян в Москве 21 марта 1951 г. Реабилитирован 11 ноября 1994 г. – 96.

Пушкин Георгий Максимович (1909–1963) – в 1949 – 1952 гг. глава дипломатической миссии СССР в ГДР, в 1952 – 1953 гг. зам. министра иностранных дел СССР – 107.

Радкевич Станислав (1903–1987) – в 1945 – 1954 гг. министр общественной безопасности Польши, в 1957 г. исключен из партии – 137, 178.

Райк Ласло (1909–1949) – в 1946 – 1948 гг. министр внутренних дел, с 1948 г. министр иностранных дел Венгрии, арестован и приговорен к смерти в 1949 г. Реабилитирован в 1955 г. – 153–164, 166–171, 173–179, 182, 183, 194, 204, 211, 214, 215, 246, 264, 265.

Райхман Леонид Федорович (1908–1990) – с 1933 г. в органах ОГПУ, с 1946 г. зам. нач. 2 Гл. упр. МГБ СССР, генерал-лейтенант (09.07.45). Арестован в октябре 1951 г., освобожден после смерти Сталина. В мае – июле 1953 г. нач. Контрольной инспекции при министре внутр. дел СССР. Уволен 17 июля «по служебному несоответствию», арестован 21 августа 1953 г. «за тяжкое преступление против КПСС». Осужден ВК ВС 15 августа 1956 г. на 5 лет, освобожден из Бутырской тюрьмы 10 ноября 1956 г., работал юрисконсультом в Москве – 229, 230, 250, 255, 258.

Ракоши Матиас (1892–1971) – с 1945 г. генеральный секретарь Венгерской партии труда, с 1956 г. проживал в СССР – 154–157, 159–179, 181–184, 188, 277.

Ранкович Александр (1909–1983) – в 1948 – 1953 министр внутренних дел Югославии – 161, 162, 164, 167, 201.

Рапава Авксентий Нарикиевич (1899–1955) – руководящий работник НКВД–МГБ Грузии, с 1948 г. министр юстиции Грузии. Арестован в ноябре 1951 г., освобожден в апреле 1953 г., в апреле – июле 1953 г. министр госконтроля Грузии. Арестован 17 июля 1953 г., приговорен ВК ВС СССР на процессе в Тбилиси 19 сентября 1955 г. к расстрелу – 235, 255, 257.

Ребров А.Н. – пом. нач. опергруппы НКВД на острове Рюген, капитан – 20.

Ревес – нач. военной контрразведки Венгрии, генерал – 181.

Рек Тадеуш – зам. генерального секретаря партии «Польско стронництво людове» – 136.

Рик Альфред – нач. полиции р-на Бернбург – 14, 15.

Риман (Riemann) Виллибальд (1916–1952) – обвинен советским МГБ в Германии в шпионаже, расстрелян в Москве 26 июня 1952 г. – 98.

Ричфорд – сотр. английской разведки в Германии – 97.

Рогаткин Александр Петрович – сотрудник МГБ СССР, ст. лейтенант – 138.

Рогаткин Сергей Петрович – сотрудник МГБ СССР, капитан – 138.

Рогов Вячеслав Павлович (1900–1972) – в 1946–1949 гг. нач. 4 упр. МГБ СССР, затем секретарь парткома МГБ СССР, генерал-майор (26.05.43). Уволен из МГБ 24 октября 1951 г., затем на работе в ГУЛАГе – 229, 232.

Ромер – член Лондонского правительства Польши – 129.

Рубинштейн – нач. департамента охраны МОБ Польши, полковник – 176.

Рудаков Евгений Васильевич (1905–1970) – сотр. НКГБ, в 1945 г. направлен на работу в Восточную Пруссию, полковник – 73.

Рухадзе Николай Максимович (1905–1955) – с июля 1945 г. нач. УКР СМЕРШ Тбилисского ВО, в октябре 1945 – январе 1946 гг. в командировке в Германии, в 1948–1952 гг. министр госбезопасности Грузии, генерал-лейтенант (02.11.44). Арестован 11 июля 1952 г., приговорен ВК ВС СССР на процессе в Тбилиси 19 сентября 1955 г. к расстрелу – 234, 235, 237, 238, 251, 255.

Рюмин Михаил Дмитриевич (1913–1954) – в 1951–1952 гг. нач. Следчасти МГБ – зам. министра госбезопасности СССР, полковник (04.10.51). С ноября 1952 г. ст. контролер министерства госконтроля СССР. Арестован 17 марта 1953 г. Приговорен ВК ВС СССР 7 июля 1954 г. к расстрелу – 226–232, 238, 242–244, 252, 256.

Савченко Иван Тихонович (1908–?) – в августе 1951 – июле 1952 гг. зам. министра госбезопасности СССР – 229.

Савченко Сергей Романович (1904–1966) – с ноября 1951 г. нач. 1 Гл. упр. МГБ – зам. министра госбезопасности СССР, генерал-лейтенант (09.07.45) – 240.

Салаи Андраш (1917–1949) – зам. зав. отделом партийных кадров ЦК Венгерской партии труда, приговорен на процессе Л.Райка к смертной казни. Реабилитирован в 1955 г. – 168, 171, 174, 175, 187.

Сафонов Григорий Николаевич (1904–1972) – в 1948–1953 гг. Генеральный прокурор СССР – 88, 91, 103–105, 107, 235.

Сафонов Петр Васильевич (1899–1971) – сотр. НКВД, в 1945 г. направлен на работу в Германию, полковник – 73.

Сахаровский Александр Михайлович (1909–1983) – советник МГБ СССР в Румынии – 188, 211.

Свердлов Андрей Яковлевич (1911–1969) – сын деятеля большевистской партии Якова Моисеевича Свердлова (председателя ВЦИК в 1917–1919 гг.). Работал нач. цеха на Автозаводе им. Сталина (ЗИС), в январе 1938 г. арестован НКВД по обвинению в троцкизме. С ноября 1938 г. в органах НКВД, работал в секретно-политическом отд. В 1945–1951 гг. зам. нач. отд. «К» МГБ СССР, полковник. Арестован в октябре 1951 г., освобожден 18 мая 1953 г. В июне – августе 1953 г. пом. нач. 4 отд. 4 упр. МВД СССР, с 1 сентября 1953 г. уволен в запас. Работал ст. научным сотрудником в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – 230, 239, 250, 255.

Свобода Людвик (1895–1975) – в 1945 – 1950 министр национальной обороны Чехословакии, генерал армии – 208, 217.

Семенов Владимир Семенович (1911–1992) – с 1939 г. на дипломатической работе, в 1945–1946 гг. зам. политического советника, в 1946–1949 гг. политический советник СВАГ – 41, 53, 54, 61, 63, 65, 85, 94–96, 100–104, 106, 107, 115, 117, 118.

Семичастнов Иван Ф. (1905–?) – с 1949 г. первый зам. председателя СКК в Германии, с 1953 г. уполномоченный министерства внешней торговли в ГДР, с 1954 г. зам., а с 1965 г. первый зам. министра внешней торговли СССР – 100–107.

Селивановский Николай Николаевич (1901–1997) – с 1922 в органах ГПУ, в 1943–1946 гг. зам. нач. ГУКР СМЕРШ, с января 1945 г. уполн. НКВД по 4 Украинскому фронту, с апреля 1945 г. советник при министерстве общественной безопасности Польши. В 1946–1951 гг. зам. министра госбезопасности СССР, арестован 2 ноября 1951 г., в 1953 г. освобожден и в августе 1953 г. уволен в запас. Генерал-лейтенант (26.05.43) – 132, 133, 232, 250, 255, 229, 241.

Сеньи Тибор (1903–1949) – зав отделом кадров ЦК Венгерской партии труда, осужден в сентябре 1949 г. к смертной казни. Реабилитирован в 1955 г. – 156–159, 168, 171, 172, 174, 175.

Серов Иван Александрович (1905–1990) – в 1941–1954 гг. зам. наркома (министра) внутренних дел СССР, одновременно в июне 1945 – феврале 1947 гг. зам. Главноначальствующего СВАГ по делам гражданской администраци; комиссар ГБ 2 ранга (04.02.43), генерал-полковник (09.07.45), генерал армии (08.08.55), Герой Советского Союза (29.05.45), лишен звания Героя Советского Союза и понижен в звании до генерала-майора в 1963 г. – 5–7, 10, 15, 20, 21, 27, 32, 36–39, 50, 71–78, 91, 109, 127, 131, 132, 225, 233, 249, 258, 259.

Сиднев Алексей Матвеевич (1907–1958). Родился в семье кочегара. Русский. В коммунистической партии с 1931 г. В 1921 г. окончил школу 1 ступени в Саратове, в 1928 г. – рабочий вечерний университет, в 1932 г. – Ленинградскую военно-инженерную школу, в 1939 г. – три курса Московской военно-инженерной академии. С 1928 г. в РККА. С 1939 г. на руководящей работе в военной контрразведке, с 1941 г. на фронте, в 1944–1945 гг. зам. нач. УКР СМЕРШ 1-го Белорусского фронта. В июне 1945 г. – декабре 1947 гг. нач. оперсектора НКВД–МВД–МГБ Берлина. С декабря 1947 г. министр госбезопасности Татарской АССР. В январе 1948 г. арестован. Осужден 6 октября 1951 г. ОСО МГБ и направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу. В июле 1953 г. освобожден из-под стражи и уволен из МВД «по фактам дискредитации». Генерал-майор (26.05.43) – 233, 259.

Сизов Александр Федорович (1905–1962) – в 1946–1949 гг. военный атташе посольства СССР в Чехословакии, генерал-майор танковых войск – 211.

Скосырев (Скосарев) Михаил Александрович (1906–?) – в 1917 г. окончил церковно-приходскую школу, батрак, рассыльный, ученик конторщика, с 1927 г. председатель батрацкого комитета, с 1928 г. в РККА, в 1931 г. окончил кавалерийскую школу, служил в 29 кавалерийском полку 5 кавалерийской дивизии, старшиной, политруком, нач. клуба, в июле 1945 – декабре 1946 гг. зам. нач. СВА – нач. УСВА провинции Мекленбург и Западной Померании, генерал-майор (19.01.44). Исключен из партии в 1947 г. –16, 22.

Сланский Рудольф (1901–1952) – в 1945 – 1951 гг. генеральный секретарь Компартии Чехословакии, после показательного судебного процесса повешен – 176, 188, 208, 213–217.

Смирнов Андрей Андреевич (1905–1982) – в 1943–1949 гг. зав. 3 Европейским отделом НКИД–МИД СССР, в 1957–1966 гг. Посол СССР в ФРГ – 4.

Смирнов Владимир Иванович (1895–1972) – в 1945 г. нач. ОКР СМЕРШ МВД СССР, комиссар ГБ – 73.

Соботтка (Sobottka) Густав (1886–1953) – в 1945–1946 гг. член ЦК КПГ, в 1945–1948 гг. второй вице-президент, затем президент немецкого Центрального управления топливной промышленности в советской зоне – 11.

Соколов В.Е. – следователь опер. сектора МГБ провинции Бранденбург, осужден на 3 года – 84.

Соколов Владимир Павлович (1903–1969) – в 1949 – 1950 гг. нач. отд. спецлагерей МВД в Германии – 90.

Соколовский Василий Данилович (1897–1968) – с 1945 г. зам., в 1946–1949 гг. Главноначальствующий СВАГ – Главнокомандующий ГСОВГ, генерал армии (27.08.43), Маршал Советского Союза (03.06.46), Герой Советского Союза (29.05.45) – 21, 38, 39, 41, 51, 52, 63, 65, 86, 118.

Соловьев В.А. (р. 1907) – писатель-драматург – 231.

Сорокин Г.А. – сотр. следчасти МГБ СССР, полковник – 217.

Спандарьян Сергей Суренович (1909–1980) – представитель Комитета информации при МИД СССР в Румынии – 190.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953) – с 1922 г. Генеральный секретарь ЦК РКП(б) – ВКП(б), с 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б) – КПСС, одновременно в 1941–1953 гг. Председатель СНК – СМ СССР, Герой Советского Союза (26.06.45) – 3–5, 10, 17, 24, 26–28, 33–35, 37–39, 43, 53, 55–58, 60, 61, 63–70, 77, 78, 80, 81, 84–89, 91–94, 97, 98, 100–103, 105, 106, 109, 111, 114–121, 123, 124, 128–135, 137, 138, 142–147, 154–157, 159–167, 169–171, 174–178, 180–182, 184, 186, 187, 190, 191, 194–205, 207–209, 211–214, 216–218, 222–231, 233–254, 256, 257, 259–266, 271, 277.

Стефанов И. – министр финансов Болгарии – 198.

Степанов Николай Дмитриевич – сотрудник МГБ СССР, капитан –138.

Стрцелеки Отто – обвинен советским МГБ в Германии в шпионаже – 122.

Студников Лев Александрович (1909–1981) – советник НКГБ СССР в Болгарии, полковник – 195.

Судариков Федор Иванович (1905–1971) – в 1935 г. окончил Московский ин-т истории и философии, с 1938 г. в органах госбезопасности; в июле – декабре 1945 г. нач. опергруппы НКВД г. Бернбург, майор. С 1948 г. в МГБ Белоруссии – 15.

Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1996) – в 1946–1950 гг. нач. Службы «ДР» МГБ СССР, с октября 1950 г. нач. Бюро № 1 МГБ СССР, в марте – мае 1953 г. нач. 9 отд. и зам. нач. 2 Гл. упр. МВД СССР, в мае – июле 1953 г. нач. 9 отд. МВД СССР, генерал-лейтенант (09.07.45). Арестован 21 августа 1953 г., осужден ВК ВС 12 августа 1958 г. на 15 лет, освобожден в 1968 г. – 50, 71, 210, 225, 233, 277.

Суслов Михаил Андреевич (1902–1982) – в мае 1947 – январе 1982 гг. секретарь ЦК ВКП(б) – КПСС, с 1955 г. член Президиума – Политбюро ЦК КПСС – 65, 107–109, 162, 209, 256.

Суханов Д.Н. – помощник Г.М.Маленкова – 94, 227.

Суходольский Владимир Николаевич (1907–1966) – с 1938 г. в органах НКВД, с 1939 г. зам. нач. 1 отд. ГЭУ НКВД СССР, капитан ГБ. В 1940–1941 гг. нач. отд. НКВД Эстонии, с 1941 г. нач. УНКГБ–УНКВД Тульской обл., с 1943 г. нач. УНКГБ–УМГБ Тульской обл., генерал-майор (09.07.45). Ст. советник МГБ СССР в Болгарии – 72, 195.

Сюганов В.П. – сотр. МГБ СССР – 164.

Сюч Миклош – брат Эрне Сюча – 183.

Сюч Эрне – зам. нач. УГБ МВД Венгрии – 158, 166, 182, 183.

Тавдишвили Мирон (Мириан) Кириллович – с декабря 1951 г. заместитель министра госбезопасности Грузии, подполковник, арестован в 1952 г., освобожден из заключения в октябре 1953 г. по амнистии. Уволен в январе 1954 г. из МВД «по фактам дискредитации» – 238.

Телегин Константин Федорович (1899–1981) – с 1918 г. в РККА, в 1931 г. окончил Военно-политическую академию им. Толмачева в Ленинграде, с декабря 1939 военком войск НКВД по охране тыла, член Военного Совета МВО, Донского, Сталинградского, Центрального, 1 Белорусского фронтов; в июне 1945 – мае 1946 гг. 1-й член Военного Совета ГСОВГ, генерал-лейтенант. С 1946 г. слушатель Высших академических курсов усовершенствования политсостава. В январе 1948 – июле 1953 гг. находился в заключении. Реабилитирован в 1953 г. С августа 1956 г. на пенсии. Генерал-лейтенант (24.08.43) – 29.

Тито Иосип (1892–1980) – генеральный секретарь Союза коммунистов Югославии – 154–156, 160–162, 164, 165, 167, 172, 174–176, 180, 189, 196, 199, 201, 204, 206, 214–216, 262, 264, 278.

Тишков Арсений Васильевич (1909–1979) – советник посольства СССР в Венгрии, резидент советской разведки, полковник – 155, 163, 166.

Ткач Иван Родионович (1900–1970) – в 1912 г. окончил сельскую приходскую школу, с 1926 г. в органах госбезопасности, в 1929 г. окончил школу Транспортного отдела ОГПУ, с мая 1945 г. нач. опергруппы НКВД–МВД района Ратенов, с ноября 1946 г. нач. Ратеновского уездного отдела МГБ. майор. С февраля 1947 г. на пенсии, работал проводником артели «Трудовик» в Одессе – 21.

Толстой Алексей Николаевич (1883–1945) – русский, советский писатель – 28.

Трехалин Борис Васильевич – сотрудник МГБ СССР, ст. сержант – 138.

Труфанов Николай Иванович (1900–1982) – с августа 1916 телеграфист; с июля 1917 г. телефонист ударного батальона 38 стр. див. Северного фронта, с декабря 1917 г. работник почты, телеграфист гор. телеграфа Ярославля, с ноября 1919 в РККА, красноармеец, нач. полевой телеграфной конторы, ком. взвода кав. полка, пом. ком. 63 полка в Украинском ВО, МВОв 1939 г. окончил Военную академию им. Фрунзе, с 1939 г. нач. штаба дивизии на Финском фронте, с 1941 г. нач. штаба корпуса, армии, командовал 51 армией, с 1943 г. зам. командующего 69 армией, с июля 1945 воен. комендант Лейпцига ГСОВГ; с октября 1945 нач. отдела, зам. нач. УСВА, а с декабря 1946 нач. УСВА провинции Мекленбуг, с апреля 1949 слушатель воен. академии им. Ворошилова, затем, нач. управления боевой и физической подготовки, командующий армией, зам. командующего войсками Дальневосточного ВО, в 1957 – 1959 г. военный советник в Китае, генерал-майор (30.05.42), генерал-лейтенант (11.07.45), генерал-полковник (08.08.55). С июня 1960 на пенсии – 49.

Узлов – в 1953 г. советник МВД СССР в Румынии – 219.

Ульбрихт (Ulbricht) Вальтер (1893–1973) – член политбюро ЦК КПГ с 1935 г.; в 1946–1949 гг. зам. председателя СЕПГ, в 1950 – 1953 гг. генеральный секретарь ЦК СЕПГ, в 1953 – 1971 гг. первый секретарь ЦК СЕПГ, с сентября 1960 г. председатель Государственного совета, председатель Национального совета обороны ГДР. Трижды Герой Труда ГДР (1953, 1958, 1963), Герой Советского Союза (1963) – 11, 12, 51, 57, 58, 62, 64, 65, 67, 68, 83, 88, 89, 103, 113, 114, 117, 118, 122, 124, 127, 278.

Утехин Георгий Валентинович (1906–1987) – в 1949–1951 гг. нач. 1 упр. МГБ СССР, генерал-майор (02.11.44). Арестован 29 октября 1951 г., освобожден 21 марта 1953 г. С 4 апреля 1953 г. зам. нач. 4 упр. МВД СССР, с 1 сентября 1953 г. нач. 1 отд. УМВД Челябинской обл. – 193, 232, 250, 255, 266.

Фаркаш Владимир (р. 1925) – в 1946 – 1956 сотрудник УГБ МВД Венгрии, сын М.Фаркаша, за участие в проведении репрессий конца 1940-х годов в октябре 1956 г. арестован, в 1957 г. приговорен к 12 годам заключения, в 1960 амнистирован – 158, 159, 161.

Фаркаш Михай (1904–1965) – в 1948 – 1953 гг. министр обороны Венгрии, как организатор проведения репрессий конца 1940-х годов в октябре 1956 г. арестован, в 1957 г. приговорен к 14 годам заключения, в 1960 амнистирован – 157, 158, 175, 178, 181, 182.

Фастовский Илья Ефимович (1899–1971) – с 1920 г. в органах ВЧК, нач. 4 отделения 5 отд. 3 упр. НКВД СССР, с 1943 г. в НКГБ–МГБ, полковник. В феврале 1953 г. арестован, в июле 1953 г. освобожден – 249.

Федоров Павел Федорович – сотрудник МГБ СССР, майор – 138.

Федюнинский Иван Иванович (1900–1977) – с 1920 г. в РККА, с июля 1943 г. командующий 11, 2 армиями на Западном, Ленинградском, 2 Белорусском, 2 Прибалтийском фронтах, с июля 1945 г. нач. СВА провинции Мекленбург и Западная Померания. С февраля 1946 г. командующий войсками Архангельского ВО, с ноября 1951 г. зам., а с ноября 1953 г. 1 зам. главнокомандующего ГСОВГ, с апреля 1954 г. командующий войсками Закавказского ВО, с декабря 1957 – Туркестанского ВО, с декабря 1965 г. военный инспектор – советник группы генеральных инспекторов МО СССР, генерал-полковник (05.10.44), генерал армии (08.08.55), Герой Советского Союза (29.08.1939) – 16, 17.

Фельчак Зигмунт (?–1946) – предс. партии «Стронництво праци», умер 3 июля 1946 г. – 143.

Филатов Виктор Дмитриевич (1910–1972) – представитель Комитета информации при МИД СССР в Венгрии – 190.

Филатов Степан Иванович (1901–1980) – С 1919 г. доброволец в РККА, в 1920 г. демобилизован по болезни. В 1923 г. окончил Елецкий педагогический техникум, затем на комсомольской работе. С 1925 г. в органах госбезопасности в Воронеже и Тамбове, с 1939 г. зам. нач. УНКВД Хабаровского края, с 1940 г. в центральном аппарате НКВД СССР, в феврале – июне 1941 г. нач. 1 отд. 3 упр. НКГБ СССР, в 1941 – 1944 гг. нарком внутр. дел – нарком госбезопасности Кабардино-Балкарской АССР (с 1944 после выселения балкарцев – Кабардинской АССР). В 1945 – 1946 гг. зам. нач. УНКГБ Молотовской обл. В марте 1946 – марте 1950 гг. нач. опер. сектора НКВД–МВД–МГБ провинции, с 1947 г. – земли Бранденбург. С апреля 1950 г. Ст. советник МГБ СССР при органах МВД Болгарии, с декабря 1951 г. зам. министра ГБ Удмуртской АССР, в марте – апреле 1953 г. нач. УМВД Казанской обл., затем зам. нач. УМВД Челябинской обл. С июля 1954 г. на пенсии в Москве. В июне 1956 г. был исключен из партии за допущенные им нарушения «социалистической законности», в августе 1971 г. восстановлен в КПСС. Генерал-майор (09.07.45) – 188, 195.

Филд Ноэль (1904–1970) – в 1925 г. окончил Гарвардский университет, политолог, журналист. Работал в Госдепартаменте США, тайный член Компартии США. В 1935 г. завербован НКВД, с 1936 г. работал в Женеве, сотрудничал с Управлением стратегических служб США. В 1949 г. арестован в Праге, затем в заключении в Венгрии. В 1954 г. оправдан венгерским судом, остался в Венгрии – 156–158.

«Филиппов» – псевдоним Сталина в переписке с лидерами стран Восточного блока – 162, 163, 167, 187, 193, 199, 201, 212.

Филиппов Анатолий Иванович (1913–1982) – представитель Комитета информации при МИД СССР в Чехословакии – 190.

Фирсов Александр Игнатьевич – сотрудник МГБ СССР, майор – 138.

Фитин Павел Михайлович (1907–1971) – в 1943–1946 гг. нач. 1 упр. (разведка) НКГБ СССР, генерал-лейтенант (09.07.45) – 240.

Фокин Петр Максимович (1900–1979). Родился в семье крестьянина. Русский. В коммунистической партии с 1921 г. С 1919 г. в РККА. В 1922–1924 гг. в органах ГПУ в Самаре и Ташкенте, затем на работе в советской торговле, в 1932 г. заочно окончил 1-й курс Московской академии снабжения. С 1930 г. вновь в органах ОГПУ, с 1941 г. нарком внутр. дел Крымской АССР, в 1944–1946 гг. нач. УНКГБ–УМГБ Крымской обл., одновременно в июне

1945 – феврале 1946 гг. работал нач. оперсектора НКВД провинции Бранденбург. В июле 1946 г. снят с должности нач. УМГБ Крымской обл. «за использование служебного положения в корыстных целях». С 1947 г. зам. нач. УМГБ Бобруйской обл. В ноябре 1951 г. уволен в запас по состоянию здоровья. Генерал-лейтенант (09.07.45) – 11, 72.

Франке-Грикш (Franke-Gricksch) Альфред (1906–1952) – обвинен советским МГБ в Германии в шпионаже, расстрелян в Москве 18 августа 1952 г. Реабилитирован 17 мая 1995 г. – 100.

Фридман Исаак Эммануилович (1902–1967) – с 1932 г. в органах ОГПУ, зам. нач. отделения 4 отд. ГУГБ НКВД СССР, в январе 1939 г. уволен, работал преподавателем ВШ НКВД, в войну в СМЕРШ, в 1940-х гг. пом. нач. отд. МГБ СССР, полковник. В феврале 1953 г. арестован, освобожден в июле 1953 г. – 249.

Хазанов М.М. – советник посольства СССР в Чехословакии – 211.

Хорстман (Horstmann) Отто (1912–1952) – обвинен советским МГБ в Германии в шпионаже, расстрелян в Москве 22 февраля 1952 г. – 98.

Христозов Р. – министр внутренних дел Болгарии – 196, 199, 203.

Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) – с 1939 г. член Политбюро ЦК ВКП(б), в 1938 – 1947 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Украины, в 1953 – 1964 Первый секретарь ЦК КПСС, одновременно с 1958 г. председатель СМ СССР, Герой Советского Союза (17.04.64) – 39, 95, 99, 126, 141, 219, 230, 243, 246, 247, 254, 258–260.

Хюбенер (Hübener) Эрхард (1881–1958) – в 1945 г. один из основателей ЛДП в Галле, в 1945–1946 гг. президент провинциального управления (назначен властями США); в 1946–1949 гг. премьер-министр Саксонии-Ангальт – 48, 57.

Цанава Лаврентий Фомич (1900–1955) – с 1921 г. в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ, в январе – июле 1945 г. уполномоченный НКВД СССР по 2 Белорусскому фронту, в 1943–1951 гг. нарком-министр ГБ БССР, генерал-лейтенант (09.07.45). В октябре 1951 – феврале 1952 гг. зам. министра госбезопасности СССР, одновременно с ноября 1951 г. нач. 2 Гл. упр. МГБ СССР. Арестован 4 апреля 1953 г., умер под следствием – 5–10, 238, 256.

Цепков Виктор Георгиевич (1905–1976) – с 1938 г. в органах НКВД, с 1944 г. пом. нач. Следчасти НКГБ–МГБ СССР, подполковник, в 1947–1950 гг. нач. Следчасти МГБ УССР, в июне 1950 – сентябре 1951 гг. зам. министра госбезопасности УССР, с октября 1951 г. зам. нач. Следчасти МГБ СССР, полковник. Арестован в марте 1953 г., освобожден и реабилитирован в августе 1953 г. С 1954 г. в милиции, с 1955 г. на пенсии – 236, 256.

Циранкевич Юзеф (1911–1989) – в 1945 – 1948 гг. генеральный секретарь ЦК ППС – 143.

Цончев – управляющий торговым банком в Болгарии – 198.

Чайковский Герман Маркович (1909–?) – с 1930 г. в органах ОГПУ, в 1941 г. зам. нач. 2 отд. 2 упр. НКГБ СССР, с 1942 г. в УНКВД Приморского края, в 1940-х гг. нач. отделения МГБ СССР, полковник. В феврале 1953 г. арестован, освобожден в мае 1953 г. – 249.

Чарквиани Кандид Нестерович (1907–1994) – в 1938–1952 гг. 1-й секретарь ЦК КП(б) Грузии – 236.

Чанков Г. – секретарь ЦК Болгарской компартии – 197.

Чеботарев – сотр. СКК в Германии – 101.

Червенков Вылко (1900–1980) – секретарь ЦК, а в 1950 – 1954 гг. генеральный секретарь ЦК Болгарской компартии – 197, 199, 200, 201, 203, 206, 207.

Чернов Александр Васильевич (1911–1978) – зам. наркома ГБ Коми АССР, в 1945 г. направлен на работу в Германию, майор – 74.

Чернов Иван Александрович (1906–1991) – в 1946–1951 гг. нач. Секретариата МГБ СССР, полковник. Арестован в ноябре 1951 г. Осужден ВК ВС СССР 19 декабря 1954 г. по «делу Абакумова» на 15 лет. Освобожден в 1966 г. – 229, 232, 250, 255.

Чернявский Виталий Геннадиевич (1920–2005) – в 1953 г. ст. советник МВД СССР в Румынии, майор – 219.

Черчилль (Churchill) Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965) – в 1940–1945 гг. премьер-министр и министр обороны Великобритании – 129, 130, 141, 145.

Чуйков Василий Иванович (1900–1982) – с 1917 на флоте, с 1918 в РККА, в 1925 окончил Военную академию им. Фрунзе, с июля 1945 г. нач. СВА земли Тюрингия, затем зам., 1-й зам. Главнокомандующего ГСОВГ; с 1949 главнокомандующий ГСОВГ; с марта 1949 главноначальствующий СВАГ; с ноября 1949 председатель СКК в Германии; с мая 1953 командующий войсками Киевского ВО; с апреля 1960 главнокомандующий сухопутными войсками и зам. министра обороны СССР; с июля 1961 нач. гражданской обороны СССР; с 1972 генеральный инспектор группы генеральных инспекторов министерства обороны СССР, генерал-полковник (27.10.43), генерал армии (12.11.48), Маршал Советского Союза (10.03.55). Герой Советского Союза (19.03.43) – 3, 16, 53, 68, 91–97, 99–104, 108, 278.

Шавер Б.М. – военный прокурор ГСОВГ в 1948 г. – 87, 90.

Шария Петр Афанасьевич (1902–1983) – в 1938–1943 гг. на руководящей работе в разведке НКВД–НКГБ, комиссар ГБ 3 ранга (14.02.43). С августа 1943 г. секретарь ЦК КП(б) Грузии по пропаганде, затем профессор философского ф-та Тбилисского гос. ун-та. Арестован 15 февраля 1952 г., освобожден в марте 1953 г. В апреле – июне 1953 г. пом. 1-го заместителя председателя СМ СССР (Берии). Вновь арестован 27 июня 1953 г., осужден ВК ВС СССР 28 сентября 1954 г. на 10 лет – 235, 255, 257.

Шаров Василий Михайлович (1907–?) – с мая 1924 г. продавец кооператива в пос. Каменка, в 1930 г. окончил ф-т сов. права Ленинградского ун-та, в 1933 г. – аспирантуру при Комунистической академии в Ленинграде, с 1930 г. юрисконсульт, экономист акционерного об-ва Севзапторга, доцент ин-та инженеров водного транспорта и ин-та подготовки парт. кадров горкома ВКП(б) в Ленинграде; с 1934 г. в РККА, преподаватель, секретарь парт. бюро, и.о. нач. полит. отд. арт. курсов усовершенствования ком. состава РККА ЛВО, с января 1939 г. нач. отд. пропаганды и агитации полит. упр. ЛВО, 7 армии, Северо-Западного фронта, нач. отд. культурно-просветительных учреждений Гл. упр. полит. пропаганды НКО СССР; с июля 1941 г. военком опер. группы войск Петрозаводского направления Северо-Западного фронта, зам. нач., нач. полит. отд. 7 армии, 5 танковой армии на Степном, Воронежском, 2 Украинском, 3 Белорусском, 1 Прибалтийском фронтах; с октября 1944 г. зам. ком. корпуса, нач. полит. отд. 8 гв. Прикарпатско-Берлинского мех. корпуса 1 танковой армии на 1 и 2 Белорусских фронтах и в ГСОВГ, с июля 1945 г. нач. УСВА земли Бранденбург, с ноября 1949 г. представитель СКК в земле Бранденбург; с июля 1950 в распоряжении Гл. полит. упр. ВС СССР, затем служил зам. командующего бронетанковыми и механизированными войсками по полит. части в Одесском ВО, нач. полит. отд. воен.-науч. и исследовательских учреждений МВО. В феврале 1956 г. уволен в запас по болезни. Генерал-майор (29.09.43) – 11, 16.

Шваб Карел – зам. министра внутренних дел Чехословакии – 176, 214, 215.

Швальбе Станислав (1898–1996) – в 1945 – 1948 гг. председатель Главного совета Польской социалистической партии (ППС) – 144.

Шварцман Лев Леонидович (1907–1955) – родился в семье банковского служащего, отец служил в Белой армии и в 1919 г. погиб в бою. В 1924 г. окончил трудовую школу в Киеве, работал разносчиком газет, репортером, зав. отделом редакции газеты «Московский комсомолец» и ответственным секретарем редакции газеты «Рабочая Москва», с 1937 г. в органах НКВД, с декабря 1938 г. пом. нач. Следчасти НКВД СССР, сентября 1939 г. зам. нач.

Следчасти ГЭУ НКВД СССР, с февраля 1941 г. зам. нач. Следчасти НКГБ СССР, с августа 1941 г. зам. нач. Следчасти НКВД–НКГБ–МГБ СССР, полковник. Арестован 13 июля 1951 г. Приговорен ВК ВС СССР 3 марта 1955 г. к расстрелу – 196–200, 203–205, 228, 230, 243, 244, 250–252, 255, 260, 265.

Швермова М. – секретарь ЦК компартии Чехословакии – 214–216.

Шейнин Лев Романович (1906–1967) – следователь Прокуратуры СССР, писатель, драматург. Арестован 19 октября 1951 г., освобожден в ноябре 1953 г. – 230.

Шенейман Фридрих (1892–1954) – бургомистр деревни Гарделеген, расстрелян по приговору советского военного трибунала – 32.

Шерхорн Генрих – полковник вермахта – 50.

Шефер Рихард (1894–1945) – в июле 1945 г. бургомистр дер. Кольштедт округа Мюльхаузен земли Тюрингия. 25 августа 1945 г. приговорен к расстрелу – 32.

Шикин Иосиф Васильевич (1906–1973) – с июля 1942 г. зам. нач. Главного политуправления Красной Армии, с 1946 г. нач. Главного политуправления Вооруженных сил СССР, генерал-полковник (1945) – 65.

Шкирятов Матвей Федорович (1883–1954) – с 1939 г. зам. председателя Комиссии партийного контроля, с 1952 г. председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС – 227.

Шкляренко (Школа) Тихон Тихонович (1912–?) – представитель Комитета информации при МИД СССР в Польше – 190.

Шлинг Отто – секретарь крайкома компартии Чехословакии в Брно – 214–216.

Шлюгер Шолом Самойлович (1912– ?) – с 1936 г. в органах НКВД. с ноября 1947 г. зам. нач. отд. «2–В», затем отд. «2–Г» 2 Гл. упр. МГБ СССР, полковник ГБ (1943), с января 1952 г. зам. нач. 2 отд. УМГБ Горьковской обл. Уволен из МВД в июле 1953 г. – 255.

Шойом Ласло (1908–1950) – нач. Генштаба Венгерской армии, генерал-лейтенант, в 1950 приговорен к смертной казни. Реабилитирован в 1956 г. – 160

Шрайбер (Schreiber) Вальтер Пауль (1893–?) – генерал-майор медицинской службы немецкой армии. Арестован органами НКВД в Берлине 30 апреля 1945 г. Репатриирован в 1948 г. – 50, 52.

Шубняков Федор Григорьевич (1916–1998) – с 1937 г. в органах НКВД, в январе – ноябре 1951 г. нач. 2 Гл. упр. МГБ СССР, полковник (13.12.46). Арестован в ноябре 1951 г., освобожден в марте 1953 г. С 17 марта 1953 г. зам. нач. 1 Гл. упр. МВД СССР, в 1954 г. зам. нач. 2 Гл. упр. КГБ при СМ СССР, с ноября 1954 г. на работе в Австрии. С ноября 1958 г. в действующем резерве КГБ – зам. директора по режиму отделения Института прикладной математики АН СССР. В мае 1965 г. уволен в запас – 229, 232, 255.

Шумерус – депутат ландтага федеральной земли Тюрингия, член ЛДП – 47.

Эйтингон Наум Исаакович (1899–1981) – в 1946–1950 гг. зам. нач. Службы «ДР» МГБ СССР, с октября 1950 г. зам. нач. Бюро № 1 МГБ СССР, генерал-майор (09.07.45). Арестован в октябре 1951 г., освобожден 19 марта 1953 г. В мае – июле 1953 г. нач. 9 отд. МВД СССР, генерал-лейтенант (09.07.45). Арестован 20 августа 1953 г., осужден ВК ВС СССР 6 марта 1957 г. на 12 лет, освобожден в марте 1964 г. – 225, 230, 233, 250, 255, 258.

Эккель Ганс Рихард – обвинен советским МГБ в Германии в шпионаже – 99.

Эльснер Фред (1903–1977) – с 1920 г. член КПГ, с 1936 в СССР, с 1945 г. член секретариата КПГ, затем член Центрального правления СЕПГ – 85, 115, 117.

Эльстер – депутат ландтага федеральной земли Тюрингия, член ЛДП – 47.

Энде Вильгельм – 107.

Эрбан Э. – член Президиума ЦК компартии Чехословакии – 215.

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) – советский писатель, публицист – 25, 28, 278.

Этингер Яков Г. (1887–1951) – врач, профессор-консультант, арестован а ноябре 1950 г., умер под следствием – 226, 227.

Югов Антон (1904–1991) – в 1944–1949 гг. министр внутренних дел Болгарии – 195–197, 207.

Юстус Пал (1905–1965) – в 1948 – 1949 г. член ЦК Венгерской партии труда, зам. председателя Венгерского радио, на процессе Л.Райка приговорен к пожизненному заключению. В 1955 г. освобожден и реабилитирован – 158, 159, 168, 171.

Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938) – в 1934–1936 гг. нарком внутр. дел СССР, расстрелян – 231.

Якайт (Jakeit) Вольдемар (1894–1952) – обвинен советским МГБ в Германии в шпионаже, расстрелян в Москве 10 апреля 1952 г., реабилитирован 21 ноября 1994 г. – 98.

Янко Петер – председатель суда на процессе Л.Райка – 172.

Предметно-тематический указатель

Австрия – 108, 109, 176

Албания – 56, 177, 186, 190, 191, 220, 261

Болгария – 56, 144, 176, 185, 186, 188, 190, 195-207, 215, 220, 261, 264, 265
– Болгарская коммунистическая партия – 195-198, 201, 203, 205-207
– Генеральный штаб – 200, 202, 203
– МВД – 195, 196, 202, 203, 219
– Министерство обороны – 201, 202
– процесс по делу Т.Костова – 195-207

Ватикан – 214

Великобритания (Англия) – 53, 115, 141, 196, 207

Венгрия – 56, 153-184, 186, 188, 190, 194, 195, 211, 214, 215, 218, 220, 221, 261, 264, 265
– Венгерская коммунистическая партия – 156
– Венгерская партия трудящихся – 158, 161, 181, 183
– МВД – 154, 157, 158, 161, 172, 178, 179
– МИД – 183
– Министерство обороны – 157, 158, 161, 165, 166, 181
– процесс по делу Л.Райка – 153-177, 211
– УГБ МВД – 157, 158, 161, 164, 165, 171, 177-183, 188, 218

Германия:
– административное деление – 12, 19, 47, 48, 82
– Восточная Пруссия – 4
– выборы в местные органы самоуправления – 40-43
– ГДР – 68, 89-95, 97-103, 105-111, 122, 124, 125, 127, 218, 261
– границы – 4, 59, 60
– денацификация – 43-45
– ДПГ – 48
– Западная Германия – ФРГ – 103, 125, 247
– Контрольный Совет – 43, 262
– КПГ – 12, 18, 40, 62
– ЛДП – 24, 42, 45, 47, 48, 68, 88, 113
– Национальный комитет «Свободная Германия» – 12, 51
– немецкая полиция – МВД ГДР – 49-53, 59, 75, 92, 108, 111, 113-115, 117, 120, 122, 123, 126
– немецкие органы госбезопасности – МГБ ГДР – 80, 81, 107, 111, 114, 116-127
– немецкие органы самоуправления – 1, 3, 5, 6-9, 11-14, 19, 40, 44-49, 66-68
– НСДАП – 44, 46, 88, 112
– репрессии против немецких граждан – 1, 4, 6, 9, 14, 20-21, 24-30, 32, 58, 59, 70-71, 74, 78, 83, 84, 86-109, 119, 121-123, 127
– СВАГ – 1-3, 10, 11, 15, 16-18, 21-23, 28-30, 36-42, 44-47, 49, 50, 52-55, 59, 62-68, 75, 79, 85-87, 112, 117, 118

– СДПГ – 40, 42, 48, 62, 65, 88, 113
– СЕПГ – 24, 37-45, 47, 48, 58, 60, 61, 64-68, 83, 85-88, 92, 112-119, 123-125, 127
– СКК – 68, 90, 91, 94, 95, 97, 103, 106-108
– Советская зона оккупации – 1, 3, 37, 44, 52, 57, 84, 90, 159, 185, 232, 257, 259, 262
– Советское акционерное общество «Висмут» – 82, 100, 101, 122
– «Союз немецких офицеров» – 51
– УСВА земель и провинций – 13-17, 20-23, 41, 45, 46, 48, 49, 55, 59, 62, 75
– ХДС – 40, 42, 45, 47, 63, 68, 88, 113

ГКО (ГОКО) – 5, 8, 70, 72

Греция – 141, 177

«Джойнт» – Американский объединенный еврейский комитет по распределению фондов – 178, 179

Информационное бюро коммунистических партий – 56, 155, 161, 162, 164, 173, 176, 204, 261

Испания – 154, 173, 214

Красная Армия – Вооруженные силы СССР – 1, 3, 4, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 24-26, 28, 29, 31-35, 55, 56, 65, 67, 69, 70, 119, 128-130, 185, 202, 208, 211, 261
– 1 Белорусский фронт – 4, 5, 10, 27, 76, 131, 132, 232
– 2 Белорусский фронт – 4, 5, 8, 9, 10
– 1 Украинский фронт – 4, 5, 7, 8, 10, 13, 25, 28
– ГСОВГ – 15-17, 29-31, 33-35, 71, 79, 87, 93, 94, 96, 98, 100, 106, 123

Карательные органы СССР:
– аппарат Уполномоченного НКВД-МГБ в Германии – 7, 10, 23, 24, 65, 67, 70-85, 89-91, 93, 99, 106, 109-111, 119-123, 126
– КГБ – 111, 112, 127, 220, 221
– Комитет Информации при СМ – МИД СССР – 51, 78, 82, 124, 125, 162, 163, 189-191, 211
– НКГБ-МГБ – 6, 8, 10, 11, 23, 24, 44, 48, 50, 53, 64, 69, 71-73, 76-86, 88-91, 94, 96, 97, 102, 106, 107, 111, 112, 114, 116, 118, 119, 123-125, 133, 137, 138, 143, 145, 146, 147, 153, 158, 159, 161, 164, 168, 170, 171, 177, 182-184, 185, 187-191, 193-200, 202, 203, 205, 210-214, 216, 217, 222-254, 256, 257, 265
– НКВД-МВД – 4, 5, 8, 9, 10, 11, 14, 20, 21-23, 25, 26, 50-53, 58, 69-78, 80, 82, 85, 87, 90, 91, 109-112, 119, 120, 129, 131-133, 136, 142, 143, 185, 210, 217-219, 233, 242, 254, 256-260, 262, 263
– ОГПУ – 49
– СМЕРШ – 6-8, 21, 22, 26, 33, 69, 71, 73, 74, 75, 77, 119, 120, 131-133, 185, 232

Китайская Народная Республика – 186-190, 192, 262

Коммунистическая партия Советского Союза:
– XX съезд КПСС – 206
– XXII съезд КПСС – 206

ЦК ВКП(б) – 11, 28, 37, 49, 53, 65, 93, 94, 96, 100, 103, 111, 114, 118, 127, 159, 193, 209, 224, 227-229, 237, 238, 240, 241, 244, 245, 247, 248, 250, 252, 253, 255, 256, 258-260
– Политбюро ЦК ВКП(б) – Президиум ЦК КПСС – 63, 68, 78, 89, 91, 93, 96, 97, 99, 100, 103-107, 109, 110, 118, 124, 125, 133, 177, 186-191, 193, 195, 203, 213, 214, 217, 219, 226, 227, 234, 236, 238, 241, 246, 253-256, 258-261
– Бюро Президиума ЦК КПСС – 107, 109, 251
– Секретариат ЦК ВКП(б) – ЦК КПСС – 80, 189, 190

Конференции союзных держав:
– Потсдамская – 43, 131, 134
– Ялтинская – 129, 130, 134

Корейская Народная Демократическая Республика – 186-193, 233, 262

Монголия – 189, 219

НКИД – МИД СССР – 4, 18, 94, 95, 98, 101-103, 112

Организация Объединенных Наций – 191-193

Палестина – 179

Польша – 56, 72, 76, 78, 128-152, 165, 172, 175, 176, 186, 190, 214, 220, 261
– Армия Крайова – 130
– КРН – «Крайова Рада Народова» – 129
– министерство общественной администрации – 132
– МОБ – 132, 133, 136, 137, 142, 144, 145, 152, 176, 219
– ПКНО – Польский комитет национального освобождения – 129
– ППР – 129-131, 134, 136, 142, 144-148, 152
– ППС – 129, 134, 136, 142, 143-145, 149
– ПСЛ – 133, 134, 136, 137, 139, 141, 142, 147, 149-152
– Стронництво Демократичне – 135, 136
– Стронництво Людове – 135, 136
– Стронництво Праци – 135, 136, 143

Президиум Верховного Совета СССР – 102, 107, 138, 139

Румыния – 56, 165, 185, 186, 187-190, 219, 220, 261

СНК – СМ СССР – 15, 51, 52, 75, 83, 86, 87, 89, 91, 94, 105, 108, 115, 118, 166, 211, 224, 225, 229, 230, 238, 243, 245, 262

США – 43, 53, 60, 115, 141, 157, 158, 179, 192, 193, 207, 216, 247

Франция – 53, 115, 154, 173

Чехословакия – 56, 154, 164, 165, 172, 175, 176, 178, 185, 186, 188, 190, 191, 195, 207-217, 220, 221, 261, 263
– КПЧ – 176, 208-211, 214-216

– МВД – 208, 209, 215
– МИД – 213
– МНБ – 156, 176, 213, 214, 219
– процесс по делу Р.Сланского – 215-217
– Социал-демократическая партия – 211
– СТБ – аппарат госбезопасности в составе МВД (Statni Tajna Bezpecnosti) – 205, 208, 212

Швейцария – 156, 157

Югославия – 56, 144, 155, 156, 161, 162, 164, 173, 176, 189, 199, 210, 216, 261, 262
– УДБ (управление госбезопасности) – 162

Stalinism and Sovietization 1945–1953

A study of archival materials on Stalin, the NKVD-MGB, Germany and other countries in Central and Eastern Europe

Conclusion (theses)

In this research project the study of archive sources is of the utmost importance, and paramount even to the analysis of contemporary historical literature on the subject. This is partly related to the fact that many archive materials that can shed light on the history of the problem, as discussed before, remain inaccessible to researchers up to the present day.

Only during a very short period between 1991 and 1995 the author was able to see and study these documents. It is, therefore, above all important to introduce these unique documents to historians. This relates especially to the almost uninvestigated question of Stalin's serious dissatisfaction with the work of the Soviet state security and the MGB purges he arranged in 1951-1953. Until now in historical literature there are no intelligible explanations why Stalin organized this new wave of arrests among the Chekist bosses. Nevertheless the immediate connection between Stalin's initiatives in the "people's democracies" on the one hand, where he conducted reforms in the sphere of the state security's management and purged its leadership and apparatus, and in the USSR on the other hand, where he also decided to subject the MGB organs to serious purges and reorganizations, is obvious. Interestingly, during Stalin's MGB purges in 1951 many people were arrested who as MGB advisers had helped to prepare show-trials in Eastern Bloc countries. One of the reasons was their expertise in "secret methods of Sovietization" – falsifying elections, repressing political enemies, and compromising and eliminating leaders of satellite countries who did not share Stalin's ideological objectives or followed his "hard line" only hesitantly.

Apart from the scientific literature mentioned above, the present investigation mainly uses archive sources. Subjects of study were the Archive of the President of the Russian Federation (AP RF), the State Archive of the Russian Federation (GARF), the Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI), the Russian Archive of Documents of Contemporary History (RGANI), the Central Archive of the Federal Security Service (TsA FSB), and the Russian State Military Archive (RGVA). The majority of the documents used in the text are brought into scientific circulation for the first time.

Chapters 1 and 2 describe the formation of a German version of socialism in Germany's eastern occupation zone. General problems and inevitable developments are discussed, as well as Stalin's outlines and specific recipes for political reconstruction. For the

first time attention is drawn to such problems as the formation of the organs for German self-governance under the control and with the aid of the NKVD. Using new documents, mechanisms of subordinating and influencing Eastern Germany's ruling elite to Moscow are made clear. Moreover, in Chapter 2 the specific devices of Soviet repressive policy, methods of suppressing resistance and peculiarities in the way the law was administered in the Soviet occupation zone of Germany are investigated. Here for the first time the organization of Germany's own secret police is studied in detail based on documents.

Chapter 3 presents the history of the falsification of the results of a referendum and elections to the Polish Seym in 1946-1947 in the context of efforts by the Soviet and Polish state security to isolate political enemies. The fact that the Soviet MGB falsified the results of the Poles' will has not been sufficiently investigated in scientific literature until now.

In **Chapters 4 and 5**, decision making mechanisms on arresting leading figures in "Eastern Bloc" countries and the underlying causes of these repressions are studied reliably and in detail, using Hungary, Bulgaria, and Czechoslovakia as examples. Furthermore, hidden aspects of the preparations for the infamous political spy trials in these countries are shown in detail for the first time with the help of a large quantity of Soviet MGB archive documents.

Finally, **Chapter 6** deals with the almost uninvestigated final years of Stalin's reign. Up to now there have hardly been scientific publications dedicated to the campaign of cadre purges and political arrests in the Soviet Union's MGB apparatus, launched by Stalin in 1951-1953, despite the profusion of publicistic literature on this subject. Some historians not only decline Stalin's responsibility, but even come the point of claiming that Stalin was almost removed from power in February 1951[1]. There has been a lot of writing about the arrests of Abakumov and other MGB leaders, but versions of events presented by commentators (about the scale of the arrests, about their reasons and about Stalin's final goals) are not "fact proof". On a strictly documentary basis, using previously completely unknown archive sources, this chapter investigates the pace and the mechanism of Stalin's MGB purges, their aim and Stalin's personal role as organizer and inspirer of a new round of repressions.

The material presented in this work gives good reasons to discern two main periods of intelligence activity and operations by Soviet state security advisers in Central and Eastern European countries. The first period began when the Red Army arrived in 1944-1945 and ended in August 1949, when Stalin decided to curtail secret intelligence work in the satellite

[1] Yu.N. Zhukov, *Tayny Kremlya. Stalin, Molotov, Beriya, Malenkov.* Moscow 2000, p 545.

countries. The second period lasted from August 1949 till the middle of 1953, when the new Kremlin leadership decided to limit the interference of Soviet state security representatives in matters of the Eastern European countries and the GDR and to reduce their operations exclusively to advisory tasks. Moreover, the ground for such a turnabout and revision of MGB advisers' activity was laid by a decision of the Politburo of the TsK VKP(b) of 22 October, 1951. However, while Stalin extended the purges and his campaign of political repressions, this decision could not be carried out without digressions and infringements.

The initial list of countries ranked by the Kremlin as its lasting allies was drawn up as long ago as 1947, using similarity of their conducted social and economic policy to the "historical experiment of the USSR" as a criterion. The point of transforming Eastern Bloc countries, the theoretical foundation of this process and its final goal were formulated with the utmost clarity on 25 September, 1947, in Zhdanov's address to the information conference of representatives of Communist Parties in Poland. First, he pointed out that in Yugoslavia, Bulgaria, Romania, Poland, Czechoslovakia, Hungary, and Albania an agrarian reform had been carried out, which had led to the "liquidation of the landowning class", and that heavy industry and banks had been nationalized. As Zhdanov went on, thus "the ground was laid for state public property, and a new type of state – the people's republic – was created, where power belongs to the people, heavy industry, transport and banks belong to the state and a bloc formed by the population's working classes and headed by the workers' class is the leading force. The result was not only that the peoples of these countries got rid of the vices of imperialism, but also that the ground was laid for a passage to the way of socialist development"[2].

It took another two years before it was eventually decided to form a "Soviet bloc" and to secure the status of the satellite countries. It is true that during this period Yugoslavia defected from this bloc. The point here is not "Stalin's subjectivism" or Tito's ambitions, about which historians still write from time to time. The most important factor was bloc discipline and subordination to Moscow even in trivialities. And so the main reason was that Yugoslavia was the only country that did not recognize Stalin's unconditional dictate. With the exception of Yugoslavia, the countries named by Zhdanov in September 1947 were included in the resolution of the Council of Ministers of the USSR of 2 August, 1949 on the prohibition of Soviet intelligence activity in "people's democracies", which became a kind of

[2] *Soveshchaniya Kominforma, 1947, 1948, 1949. Dokumenty i materialy.* Moscow 1998, p 153.

separation of “friends” and “foes”. In the Asian region North Korea and parts of China controlled by Mao Zedong were included.

One can state with confidence that already at the beginning of 1945 Stalin had a clear and sensible plan for the Sovietization of Eastern Europe and the formation of a pro-Soviet bloc of Eastern European countries. This is testified not only by Stalin’s revelations, uttered in an inner circle of “close friends”. The entire complex of social-economic transformations in these countries finalized under the control of local Communists – Moscow’s protégés – leaves no doubt about this either. This was the only guarantee that Eastern European countries were irreversibly included into the Soviet bloc.

The territory of the Soviet occupation zone of Germany is a typical and clear example of downright Sovietization with the aid of the Soviet NKVD using repressive methods. In contrast to other Eastern European countries, where the Kremlin removed enemies by secret devices and by the hands of the local political police, here methods of terror and neutralization of the enemies of regime were adopted openly and widely. Special NKVD camps located on the sites of Nazi concentration camps and prisons served as instruments of social purge. And whereas in the western zones the process of denazification, conducted according to the resolution of the Allied Investigation Commission in Germany, exclusively affected former active Nazis, in the Soviet zone not only those, but also a wide circle of German officialdom, important proprietors, and the aristocracy suffered from the blows. It was they who made up the majority of the population in the special NKVD camps in Germany and perished there. So this was a process of destruction of “former ruling classes”, as post-revolutionary Russia had seen earlier. It was people like these who were traditionally considered incorrigible enemies. Stalin held that simply purging former Nazis was an insufficiently radical measure, or more precisely, one that hit way off the mark. In Stalin’s reasoning “not-too-active” and average Nazis could still very well become new communist fellow-travellers, whereas traditional democratic strata, for example those of the social democracy, never would.

Soviet MGB advisers in Central and Eastern Europe in 1949-1953 played the role of political deputies of the Kremlin. Straightly carrying out Stalin’s will, they participated in policy making, including repression. They recovered very sensitively how individual country leaders were disposed to him. In case of unwillingness to maintain contacts or to share information they influenced opinion about these persons in Moscow for the worse, spreading rumours about various hostile groupings within the leadership of “people’s democracies”. Thus, relations to the USSR were in a way a criterion and a principle for determining

groupings and their characteristics[3]. The real background behind this division mostly lay in a simple fact: the place where this worker or another had been in emigration during the war. If this was in the USSR, there was no problem, if in the West, there was. Information on "hostile groupings" and their dangerous plans, forwarded to Moscow regularly by MGB advisers, played a decisive role in the escalation of repressions in Eastern European countries around 1950.

Political purges and repressions in Eastern European countries developed unevenly. In Czechoslovakia, for example, preparations for the large-scale trial of "traitors" from the highest political ranks began somewhat later than in other countries. However, the pace of these preparations, the indispensable participation of Soviet state security agents and the results were identical to analogous trials in Hungary and Bulgaria.

Such political lawsuits of "enemies" of socialist reforms and of various "secret protégés of imperialism" and "agents of Tito" were themselves intended in the first place as a means to discipline and educate the leaders and the populations of "people's democracies". They were the apotheosis of larger-scale purges conducted in the society as a whole. The propagation of the methods of 1937-1938 to the countries newly included into the Soviet orbit was not simply a matter of Stalin's nostalgic passion for primitive terror. For the Soviet leader this was a major and indispensable element in conducting political reforms and in preparing the ground for the construction of socialism. First, repressions were extended: to the "class-alien", to the "nationalists" and to persons with connections abroad (by correspondence or relatives), and only then they came down also upon all layers of the state's and the party's authorities. In this way, first, social homogeneity was realised, a thing important and dear to Stalin in creating the basis of a steady socialist structure, and second, the risk of a potential restoration of the past order was eliminated. This process was made irreversible by murdering people of a defined class, outlook and behaviour who in communist theory were not capable of being "re-educated".

The specific role of Soviet state security agents in preparing show-trials consisted in the following. Above all, they instructed local investigators, informed Moscow (Stalin, Abakumov) about the progress of the investigations, conducted investigations and forwarded examination protocols of the most important of the accused to Stalin for assessment and correction, and conducted conferences with local investigators to deal with "investigative shortcomings". In these matters the strictest secrecy was maintained about the very fact that

[3] T.V. Volokitina, G.P. Murashko, A.F. Noskova, T.A. Pokivaylova, *Moskva i Vostochnaya Evropa. Stanovlenie politicheskich rezhimov sovetskogo tipa (1949-1953): Ocherki istorii.* Moscow 2002, p 515.

Soviet representatives were present, so that no rumours would arise about "Soviet interference in the matter of arrests". Stalin himself scrutinized and asserted the accusatory conclusions. This is confirmed by documents in the László Rajk and Traicio Kostov cases.

The procedure to "prepare" the accused came down unchanged from the times of the "Moscow trials" of 1936-1938. Thus, state security agents Belkin and Makarov, old hands from the times of the "Great Terror", reported from Hungary in August 1949 on the preparations for the trial of László Rajk:

> "We work every day with each of the accused personally <...> our aim is to specify separate points in the testimonies of the accused, to eliminate contradictions and to keep up the accused's determination to speak at the court trial in the same way as they spoke during the preliminary investigation" ... "each day we have confrontations with 8 informers, who are kept in the cells together with the accused in order to find out about the mood and intentions of each accused in view of their behaviour and tactics at the forthcoming court trial"[4].

The political court trials launched by Stalin in Eastern European countries were an important element in the Sovietization of these countries and in making them meet Stalin's standards for political social structures. Furthermore, the campaign of spy mania and disclosure of "enemies" in satellite countries aimed at laying the ground for another unmasking campaign inside the USSR. It is not a coincidence that simultaneously with the preparations of trials in Hungary and Bulgaria in the summer of 1949, in the USSR the so-called "Leningrad case" was unrolled, at which a number of Stalin's recent comrades-in-arms and eminent figures of the VKP(b) were repressed. This can also be said with regard to the direction of the repressions. When, in the satellite countries as well as in the USSR, persecutions and repressions were directed to the Jews, one new aspect was clearly revealed: that Stalin's repressive policy dealt with nationalities. Undoubtedly, spy trials in the Eastern European countries in a certain sense became proving ground for MGB operations in the USSR plotted by Stalin in 1951-1953 against specific categories and groups in the population.

And it is definitely not a coincidence that the victims of the campaign of arrests and purges of the Soviet MGB in 1951-1953 were Chekists, who had worked earlier as advisers and had been sent on missions in Eastern European countries. They were extremely well informed about the trials that went on in these countries and knew much about their leaders. Lieutenant general M.I. Belkin assisted at the Rajk case. M.T. Likhachev and L.L. Shvartsman of the MGB investigation department prepared the Kostov case in Bulgaria,

[4] TsA FSB. f. 4-os. op. 7 d. 14. l. 254-257 (sent to Stalin on 19 August, 1949).

whereas Likhachev had also been in Prague in April 1950 just before arrests burst out there. Colonel A.M. Palkin falsified the results of a referendum in favour of the Communists during a special secret mission in Warsaw, and finally, Major General G.V. Utekhin, as chief of the Soviet MGB's first department, supervised the operations of all Soviet MGB advisers in the "people's democracies". And indeed, in the second half of 1951 they were all arrested during the MGB purges. And this is understandable. According to Stalin's habits, it was essential that such carriers of negative knowledge had to be eliminated from time to time.

The content and nature of the Soviet state security advisers' activities changed after Stalin's death in 1953. Now advice and aid in organizing the state security's work came to the foreground. The reason for this lies in a change in the Kremlin's policy, now intended above all to mitigating the international situation, and in the refusal to use methods of political terror. Because of this, the advisory apparatuses reduced their activities to their original intentions. However, there is a second reason: local state security organs had matured sufficiently and no longer needed substitutes for their operations or coercion in conducting repressions. All that was needed was to keep an eye on them and to give advice on how to act in this situation or another. Nevertheless, when the situation aggravated, Soviet KGB advisers again entered the phase of downright and active repressive operations, as they did in 1949-1953, acting as substitutes of their "fraternal" local state security agents who had lost their heads. At least this was the case in Hungary in 1956 and in Czechoslovakia in 1968, when the people came out against communist dictatorship. Moreover, in Czechoslovakia after the example of post-war Germany operational KGB sections were created, which were active up to the beginning of the 1970s.

Stalinisme en Sovjetisatie 1945-1953

Een onderzoek van archiefmateriaal aangaande Stalin, de NKVD-KGB, Duitsland en andere landen in Centraal- en Oost-Europa

Conclusie en samenvatting

In dit onderzoek is de studie van archivalia van het grootste belang, ook en vooral bij de analyse van de eigentijdse historische literatuur betreffende het onderwerp. Dit heeft te maken met het feit dat veel archiefmateriaal dat licht kan werpen op de historische achtergrond van de kwesties die in dit boek worden besproken, tot op de dag van vandaag voor onderzoekers ontoegankelijk is gebleven.

Slechts gedurende een zeer korte periode, tussen 1991 en 1995, was de auteur in staat om deze documenten in te zien en te bestuderen. Daarom is het van het grootste belang om historici kennis te laten maken met deze unieke documenten. Dit betreft vooral het tot nu toe nauwelijks onderzochte probleem van Stalins grote ontevredenheid over het werk van de staatsveiligheidsdienst van de USSR en de zuiveringen die hij op het Ministerie van Staatsveiligheid (MGB) doorvoerde in 1951-53. Tot op heden kan in de historische literatuur niet op een bevredigende wijze worden uitgelegd waarom Stalin deze nieuwe golf van arrestaties onder de Tsjeka-chefs liet plaatsvinden. Niettemin moet er een duidelijk verband zijn tussen aan de ene kant Stalins optreden in de volksdemocratieën, waar hij hervormingen doorvoerde in de organisatie van de staatsveiligheid en het apparaat en het leiderschap ervan zuiverde, en anderzijds de situatie in de USSR waar hij ook besloot om de organen van de MGB flink te zuiveren en te reorganiseren. Opvallend is dat gedurende de zuivering van de MGB in 1951 veel mensen werden gearresteerd die als MGB-adviseurs geassisteerd hadden bij de voorbereiding van de showprocessen in landen van het Oostblok. Zij waren experts in de “geheime methoden van sovjetisering” – het vervalsen van verkiezingen, het onderdrukken van politieke vijanden en het compromitteren en elimineren van de leiders van satellietstaten die Stalins ideologische doelstellingen niet onderschreven of slechts aarzelend zijn “harde lijn” volgden.

In afwijking van de bestaande literatuur over het onderwerp wordt in deze studie voornamelijk archiefmateriaal gebruikt. Geraadpleegd werden het Archief van de President van de Russische Federatie (APRF), het Staatsarchief van de Russische Federatie (GARF), het Russische Staatsarchief voor Sociale en Politieke Geschiedenis (RGASPI), het Russische

Staatsarchief voor Documenten betreffende de Eigentijdse Geschiedenis (RGANI), het Centrale Archief van de Federale Veiligheidsdienst (TsaFSB) en het Russische Militaire Staatsarchief (RGVA). De meerderheid van de documtenten die in dit proefschrift worden benut, is nooit eerder in de openbaarheid gebracht.

Hoofdstuk 1 en 2 beschrijven de inrichting van een vorm van sovjetsocialisme in de Oostelijke bezettingszone van Duitsland. Algemene problemen en onvermijdelijke ontwikkelingen worden besproken, alsmede ook Stalins richtlijnen en speciale aanwijzingen voor politieke reconstructie. Voor de eerste keer wordt aandacht besteed aan vraagstukken zoals de formatie van organen voor Duits zelfbestuur onder de controle en met de steun van de NKVD. Aan de hand van niet eerder gepubliceerde documenten worden de mechanismen duidelijk via welke de Oost-Duitse regerende elite onderworpen en beïnvloed werd. Bovendien worden in hoofdstuk 2 de speciale methoden van onderdrukking onderzocht die in de sovjetpolitiek werden toegepast, de manieren waarop verzet de kop werd ingedrukt en de wet in de Russische bezettingszone van Duitsland werd toegepast. In dit hoofdstuk wordt ook voor het eerst de organisatie van Duitslands eigen geheime politie in detail en op grond van documenten onderzocht.

Hoofdstuk 3 behandelt de geschiedenis van de vervalsing van de resultaten van een referendum en de verkiezingen voor de Poolse Sejm in 1946-47 in het kader van de pogingen ondernomen door de Poolse en de sovjetstaatsveiligheidsdienst om politieke tegenstanders te isoleren. Deze manipulatie van de politieke wil van de Polen is tot nu toe onvoldoende bestudeerd in de wetenschappelijke literatuur.

In d**e hoofdstukken 4 en 5** wordt de besluitvorming die leidde tot de arrestatie van vooraanstaande figuren in het Oostblok, met name in Hongarije, Bulgarije en Tsjechoslowakije, en de oorzaken die aan deze vervolgingen ten grondslag lagen diepgaand onderzocht. Verder worden bepaalde, tot nu toe verborgen gebleven aspecten die de voorbereiding van de beruchte showprocessen in deze landen betreffen, voor het eerst belicht aan de hand van een grote hoeveelheid documtenten uit het MGB-archief.

Tenslotte worden in **Hoofdstuk 6** de laatste jaren van Stalins heerschappij behandeld, die tot nu toe nauwelijks degelijk onderzocht zijn. Hoewel deze periode uitbundige aandacht heeft gekregen in de publicistiek, bestaan er maar enkele studies gewijd aan zuiveringscampagnes gericht tegen partijkaders en de politieke arrestaties onder MGB-functionarissen in de Sovjetunie die door Stalin in 1951-1953 ontketend werden. Sommige historici wijzen Stalins verantwoordelijkheid hiervoor niet alleen van de hand, maar beweren

zelfs dat Stalin in februari 1951 bijna ten val werd gebracht.[5] Er is veel geschreven over de arrestatie van Abakoemov en andere MGB-leiders, maar de weergave van gebeurtenissen door commentatoren (waar het de omvang van de arrestaties, hun oorzaken en Stalins bedoelingen betreft) wordt niet voldoende door feiten gestaafd. Het tempo en het mechanisme van Stalins zuiveringen van de MGB, de bedoelingen erachter en Stalins peroonlijke rol als organisator en inspiratiebron worden in dit hoofdstuk uitsluitend onderzocht op basis van documenten uit tot nu toe niet gebruikte archivalia.

Het materiaal dat in deze studie wordt gepresenteerd geeft alle reden om twee perioden te onderscheiden in de activiteiten ondernomen door adviseurs van de sovjetstaatsveiligheidsdienst in Centraal- en Oost-Europese landen. De eerste periode begon toen het het Rode Leger binnenviel in 1944-45 en eindigde in augustus 1949, toen Stalin besloot om het inlichtingenwerk in de satellietstaten te beperken. De tweede periode duurde van augustus 1949 tot het midden van 1953, toen het nieuwe sovjetleiderschap besloot om de bemoeienis van vertegenwoordigers van het sovjetveiligheidsapparaat met de interne aangelegenheden van Oost-Europese landen te beperken en hun werkzaamheden uitsluitend een adviserend karakter kregen. De basis voor zo'n koerswijziging waarbij de taken van de MGB-adviseurs werden herzien, werd al gelegd door een besluit van het Politburo van het CC van de VKP(b) van 22 oktober 1951. Toen Stalin echter zijn zuiveringen en politieke repressies uitbreidde, kon dit besluit niet volledig en onaangetast worden doorgevoerd.

Reeds in 1947 werd door het Kremlin een lijst opgesteld van landen die voortaan als permanente bondgenoten te boek stonden. Als criterium daarvoor gold dat deze landen op identieke wijze hun sociale en economische politiek op het "historische experiment van de USSR" hadden afgestemd. Het belang van deze transformatie van de Oostbloklanden, de theoretische basis van dit proces en het uiteindelijke doel ervan werden met de grootst mogelijke duidelijkheid vastgelegd op 25 september 1947 in een rede die door Zjdanov werd gehouden op een conferentie in Polen die tot doel had om de afgevaardigden van de communistische partijen over deze zaken te informeren. Allereerst wees hij erop dat in Joegoslavië, Bulgarije, Roemenië, Polen, Tsjechoslowakije, Hongarije en Albanië een landbouwhervorming was doorgevoerd die geresulteerd had in "de liquidatie van de grondbezittende klasse" en dat de zware industrie en de banken genationaliseerd waren. "Zo", vervolgde Zhdanov, "zijn de grondslagen gelegd voor het publieke staatseigendom en daarmee is een nieuw type staat ontstaan – *de volkskrepubliek* – waar de macht in handen is

[5] Joe.N. Zjoekov, *Tajny Kremlja. Stalin, Molotov, Berija, Malenkov*. Moskou 2000, p. 545.

van het volk, de zware industrie, transport en banken in handen zijn van de staat en die geleid wordt door een politiek blok gevormd door de werkende klassen van de bevolking onder aanvoering van de arbeidersklasse. Het resultaat is dat de volken van deze landen zich niet alleen bevrijd hebben van de kwalen van het imperialisme, maar ook dat voor hen nu de weg naar een socialistische ontwikkeling open ligt."[6]

Het duurde nog twee jaar voordat er uiteindelijk werd besloten om een sovjetblok te vormen en de status van de satellietlanden veilig te stellen. Wel scheidde Joegoslavië zich in deze periode van dit blok af. "Stalins subjectivisme" of "Tito's ambities" waarover historici nog steeds nu en dan schrijven, waren hierbij niet van belang. Wat telde was discipline en onderwerping aan Moskou zelfs in onbelangrijke details. Joegoslavië's onwil om zich te voegen naar Stalins onvoorwaardelijk dictaat was de voornaamste oorzaak van de afsplitsing. Met uitzondering van Joegoslavië werden de landen die door Zjdanov in september 1947 waren genoemd, opgenomen in de resolutie van de Raad van Ministers van de USSR van 2 augustus 1949 over het verbod op activiteiten van sovjetinlichtingendiensten in volksdemocratieën, waarmee ook een soort scheiding tussen "vrienden" en "vijanden" tot stand kwam. Uit de Aziatische gebieden werden Noord-Korea en die delen van China die onder controle van Mao Zedong stonden, aan de lijst toegevoegd.

Men kan rustig beweren dat Stalin reeds in het begin van 1945 over een helder en uitgedacht plan beschikte om Oost-Europa te sovjetiseren en een blok van Oost-Europese landen te vormen. Dit wordt niet alleen bewezen door de uitlatingen die Stalin in de intieme kring van zijn "beste vrienden" deed. Het gehele ingewikkelde samenstel van sociaal-economische hervormingen uitgevoerd onder de controle van lokale communisten, die de beschermelingen van Moskou waren, laat daar evenmin enige twijfel over bestaan. Alleen onder deze voorwaarde konden de Oostbloklanden onherroepelijk in het sovjetblok worden opgenomen.

Het gebied van de sovjetzone in Duitsland is een typisch en duidelijk voorbeeld van regelrechte sovjetisatie met behulp van de NKVD, die niet schroomde repressieve maatregelen te nemen. In tegenstelling tot andere Oost-Europese landen, waar het Kremlin zijn tegenstanders langs slinkse wegen en door inschakeling van de lokale politieke politie verwijderde, werd in bezet Duitsland voor dat doel openlijk en uitgebreid terreur toegepast. Speciale kampen van de NKVD gevestigd in voormalige nazi-concentratiekampen en -gevangenissen dienden als instrumenten voor sociale zuivering. Terwijl in de Westelijke

[6] *Sovesjtsjanija Kominforma, 1947, 1948, 1949. Dokoementy i materialy*. Moskou 1998, p. 153.

bezettingszones het proces van de-nazificatie volgens de richtlijnen van een geallieerde onderzoekscommissie uitsluitend van toepassing was op op mensen die als nazi actief waren geweest, werden in de sovjetzone niet alleen deze mensen gestraft, maar ook een veel grotere groep, die Duitse ambtenaren, mensen met veel bezit en de aristocratie omvatte. Zij waren het die in meerderheid de speciale kampen van de NKVD in Duitsland bevolkten en daar omkwamen. Dit was dus een proces waarbij de "voormalige heersende klassen" werden uitgeroeid, zoals dat eerder ook in Rusland na de revolutie had plaatsgevonden. Zulke lieden werden traditioneel als onverbeterlijke vijanden beschouwd. Stalin vond het uitsluitend vervolgen van voormalige nazi's niet radicaal genoeg, of beter gezegd, onvoldoende doelmatig. Volgens zijn opvattingen konden niet al te actieve en gewone nazi's nog zeer wel veranderen in nieuwe aanhangers van de communistische zaak, terwijl de traditioneel democratisch gezinde lagen van de bevolking, bijvoorbeeld de sociaal-democraten, deze ommezwaai nooit zouden maken.

In 1949-53 speelden de sovjetadviseurs van de MGB in Centraal- en Oost-Europa de rol van politieke afgevaardigden van het Kremlin. Zij voerden Stalins wil rechtsstreeks uit en namen actief deel aan de politieke besluitvorming en de onderdrukking. Zij registreerden elke nuance in de houding die politieke leiders in diverse landen tegenover de sovjetleider aannamen. Indien zij contact schuwden of geen informatie wilden uitwisselen met de adviseurs, zorgden deze laatsten ervoor dat de mening over deze leiders in Moskou ongunstig werd beïnvloed door geruchten te verspreiden over verschillende vijandige groeperingen binnen het leiderschap van de volksdemocratieën. De betrekkingen met de USSR vormden zo de toetssteen en het selectieprincipe om vast te stellen welke groeperingen er bestonden en wat voor kenmerken deze bezaten.[7] Het werkelijke criterium voor deze indeling in groeperingen bestond meestal uit een simpel feit: de plaats waar de ene of een andere functionaris als emigrant vertoefd had gedurende de oorlog. Als dit in de USSR was geweest, bestond er geen probleem, maar als hij of zij in het Westen had gewoond, was dit wel het geval. Informatie over "vijandige groeperingen" en hun gevaarlijke plannen die regelmatig door MGB-adviseurs aan Moskou werd doorgegeven, speelde een doorslaggevende rol in de escalatie van de onderdrukking in Oost-Europese landen rond 1950.

Politieke zuiveringen en vervolgingen in Oost-Europese landen volgden niet geheel hetzelfde patroon. In Tsjechoslowakije bijvoorbeeld begonnen de voorbereidingen voor het grootscheepse proces tegen de "verraders" uit de hoogste politieke kringen wat later dan in

[7] T.V. Volokitina, G.P. Moerasjko, A.F. Noskova, T.A. Pokivajlova, *Moskva i Vostotsjnaja Jevropa. Stanovlenië polititsjeskich rezjimov sovetskogo tipa (1949-1953): Otsjerki istorii*. Moskou 2002, p. 515.

andere landen. Het tempo van deze voorbereidingen, de onmisbare deelname van officieren van de sovjetstaatsveiligheidsdienst en de resultaten waren echter gelijk als bij soortgelijke processen in Hongarije en Bulgarije.

Zulke politieke processen tegen de "vijanden" van socialistische hervormingen, tegen diverse "heimelijke beschermelingen van het imperialisme" of tegen "agenten van Tito" hadden in de eerste plaats tot doel om de leiders en de bevolking van volksdemocratieën te disciplineren en op te voeden. Zij waren de apotheose van zuiveringen die op grotere schaal in de samenleving als geheel werden doorgevoerd. De toepassing van de methoden van 1937-38 in landen die nog maar pas binnen de invloedssfeer van de Sovjetunie waren gebracht, was niet eenvoudigweg het gevolg van Stalins nostalgische voorkeur voor primitieve terreur. Voor de sovjetleider was dit een belangrijk en onmisbaar element bij het doorvoeren van politieke hervormingen en de egalisatie van het terrein voor de constructie van het socialisme. Eerst werd de onderdrukking uitgebreid van de "klassevijanden" naar de "nationalisten" en mensen met contacten in het buitenland (via correspondentie of door familieleden), pas daarna werden alle geledingen van de staat en de autoriteiten binnen de partij aangepakt. Op die manier werd sociale homogeniteit bereikt en dat was om twee redenen een belangrijke aangelegenheid voor Stalin. Ten eerste werd hierdoor de basis voor een stabiele socialistische structuur gelegd en ten tweede was nu het risico van een potentiële restauratie van het *ancien régime* uit de weg geruimd. Dit proces werd onomkeerbaar gemaakt door de mensen te vermoorden die volgens de communistische theorie niet "heropgevoed" konden worden omdat zij tot een bepaalde klasse behoorden met een daarbij passende levensbeschouwing en overeenkomstig gedrag.

De officieren van de sovjetstaatsveiligheidsorganen vervulden bij de voorbereiding van showprocessen een specifieke rol. In de eerste plaats instrueerden zij lokale opsporingsambtenaren, informeerden Moskou (Stalin, Abakoemov) over de voortgang van het gerechtelijk onderzoek, namen verhoren af, stuurden verslagen van de verhoren van de belangrijkste beklaagden naar Stalin ter beoordeling en correctie, en hielden bijeenkomsten met de lokale autoriteiten om "tekortkomingen bij het onderzoek" aan te pakken. Over deze aangelegenheden werd de strengste geheimhouding bewaard, vooral aangaande de aanwezigheid van sovjetvertegenwoordigers, want er mochten geen geruchten ontstaan over "sovjetbemoeienis met arrestaties". Elk detail van de aanklachten werd door Stalin persoonlijk beoordeeld en bekrachtigd. Dit wordt bevestigd door documenten betreffende de rechtzaken van László Rajk en Traicio Kostov.

De procedures om de beklaagden te "prepareren" waren niet veranderd sinds de dagen van de Moskouse processen in 1936-38. Over de voorbereidingen van het proces tegen László Rajk berichtten de officieren van de staatsveiligheidsdienst Belkin en Makarov, oude bekenden uit de tijd van de Grote Terreur, in augustus 1949 bij voorbeeld als volgt:

> "We werken elke dag persoonlijk met iedere beklaagde […] ons doel is om bepaalde punten uit de getuigenissen van de beklaagden naar voren te halen, om tegenstrijdigheden te elimineren en de bereidheid van de beklaagden om tijdens het proces dezelfde dingen te zeggen als tijdens het vooronderzoek in stand te houden […] elke dag hebben we bijeenkomsten met 8 informanten, die bij de beklaagden in de cel zitten om de stemming en de bedoelingen van elke beklaagde te peilen met het oog op hun gedrag en taktiek tijdens het aanstaande proces."

De politieke processen die door Stalin in de Oost-Europese landen bevolen werden, vormden een belangrijk element in de sovjetisatie van deze staten die aan Stalins eisen betreffende hun politiek-sociale structuur moesten gaan voldoen. Tevens vormde de maniakale jacht op spionnen en de ontmaskering van "vijanden" in satellietlanden ook de rechtvaardiging voor een nieuwe terreurgolf in de USSR. Het is geen toeval dat gelijktijdig met de voorbereiding van de processen in Hongarije en Bulgarije in de zomer van 1949 de zogenaamde "Leningrad-affaire" in gang gezet werd, waarbij een aantal van Stalins recente strijdmakkers en prominente figuren uit de VKP(b) vervolgd werden. Hetzelfde kan worden opgemerkt over de groepen waartegen de terreur zich richtte. Toen zowel in de satellietlanden als in de USSR bleek dat vooral joden het moesten ontgelden, wees dat op iets nieuws, namelijk dat Stalins repressieve politiek zich nu tegen bepaalde nationaliteiten richtte. Ongetwijfeld dienden de processen tegen spionnen in de Oost-Europese landen in zekere zin als een testcase voor de MGB-operaties die door Stalin in 1951-53 werden beraamd tegen speciale sociale categorieën en groeperingen uit de bevolking.

En het is zeker geen toeval dat de slachtoffers van de arrestaties en zuiveringen binnen de MGB in 1951-53 Tsjekisten waren die eerder als adviseurs naar de Oost-Europese landen waren gezonden. Zij kenden alle details van de processen die in deze landen plaatsvonden en zij wisten tevens veel over hun superieuren. Luitenant-generaal M.I. Belkin had geassisteerd bij het proces tegen Rajk. M.T. Lichatsjov en L.L. Sjvartsman van de onderzoeksafdeling van de MGB hadden de zaak tegen Kostov in Bulgarije voorbereid. Lichatsjov was in april 1950 ook in Praag geweest kort voordat daar een golf van arrestaties plaatsvond. Kolonel A.M.

Palkin had gedurende een speciale en geheime missie in Warschau de resultaten van een referendum vervalst ten gunste van de communisten. Ten slotte had generaal-majoor G.V. Oetechin, als hoofd van de Eerste Afdeling van de MGB, de supervisie gehad over de operaties van alle sovjetadviseurs in de volksdemocratieën. En inderdaad, zij werden allen in de tweede helft van 1951 gearresteerd gedurende de zuivering van de MGB. Dit lag voor de hand. In Stalins manier van denken was het essentieel dat de bezitters van zoveel belastende informatie af en toe uit de weg geruimd werden.

De inhoud en de aard van de activiteiten die door door sovjetadviseurs ondernomen werden, veranderden na Stalins dood in 1953. Nu werd advies en assistentie bij de organisatie van het werk voor de staatsveiligheidsdienst belangrijker. Dit kwam door een politieke koerswijziging van het Kremlin dat zich vooral richtte op een vermindering van de internationale spanning en politieke terreur voortaan wenste te vermijden. Daarom kon het apparaat van adviseurs zich voortaan wijden aan zijn oorspronkelijke taken. Er bestond echter ook een tweede reden: de lokale organen voor de staatsveiligheid hadden voldoende stabiliteit en rijpheid bereikt. Zij hadden geen buitenstaanders meer nodig om taken over te nemen. Zij hoefden niet langer gedwongen te worden om repressie uit te oefenen. Zij dienden alleen nog maar in de gaten te worden gehouden en advies te krijgen in bijzondere omstandigheden. Niettemin, zodra de situatie verslechterde, traden KGB-adviseurs opnieuw direct op en namen het initiatief tot repressieve operaties op dezelfde manier als in 1949-53. In die jaren waren zij opgetreden als plaatsvervangers van lokale “bevriende” staatsveiligheidsofficieren die in paniek waren geraakt. Dit herhaalde zich in Hongarije in 1956 en in Tsjechoslowakije in 1968 toen het volk in actie kwam tegen de communistische dictatuur. In Tsjechoslowakije werden zelfs, zoals in het naoorlogse Duitsland, operationele secties van de KGB ingericht die tot het begin van de jaren zeventig actief bleven.

Stalinisme en Sovjetisatie 1945-1953

Een onderzoek van archiefmateriaal aangaande Stalin, de NKVD-KGB, Duitsland en andere landen in Centraal- en Oost-Europa

Conclusie en samenvatting

In dit onderzoek is de studie van archivalia van het grootste belang, ook en vooral bij de analyse van de eigentijdse historische literatuur betreffende het onderwerp. Dit heeft te maken met het feit dat veel archiefmateriaal dat licht kan werpen op de historische achtergrond van de kwesties die in dit boek worden besproken, tot op de dag van vandaag voor onderzoekers ontoegankelijk is gebleven.

Slechts gedurende een zeer korte periode, tussen 1991 en 1995, was de auteur in staat om deze documenten in te zien en te bestuderen. Daarom is het van het grootste belang om historici kennis te laten maken met deze unieke documenten. Dit betreft vooral het tot nu toe nauwelijks onderzochte probleem van Stalins grote ontevredenheid over het werk van de staatsveiligheidsdienst van de USSR en de zuiveringen die hij op het Ministerie van Staatsveiligheid (MGB) doorvoerde in 1951-53. Tot op heden kan in de historische literatuur niet op een bevredigende wijze worden uitgelegd waarom Stalin deze nieuwe golf van arrestaties onder de Tsjeka-chefs liet plaatsvinden. Niettemin moet er een duidelijk verband zijn tussen aan de ene kant Stalins optreden in de volksdemocratieën, waar hij hervormingen doorvoerde in de organisatie van de staatsveiligheid en het apparaat en het leiderschap ervan zuiverde, en anderzijds de situatie in de USSR waar hij ook besloot om de organen van de MGB flink te zuiveren en te reorganiseren. Opvallend is dat gedurende de zuivering van de MGB in 1951 veel mensen werden gearresteerd die als MGB-adviseurs geassisteerd hadden bij de voorbereiding van de showprocessen in landen van het Oostblok. Zij waren experts in de “geheime methoden van sovjetisering” – het vervalsen van verkiezingen, het onderdrukken van politieke vijanden en het compromitteren en elimineren van de leiders van satellietstaten die Stalins ideologische doelstellingen niet onderschreven of slechts aarzelend zijn “harde lijn” volgden.

In afwijking van de bestaande literatuur over het onderwerp wordt in deze studie voornamelijk archiefmateriaal gebruikt. Geraadpleegd werden het Archief van de President van

de Russische Federatie (APRF), het Staatsarchief van de Russische Federatie (GARF), het Russische Staatsarchief voor Sociale en Politieke Geschiedenis (RGASPI), het Russische Staatsarchief voor Documenten betreffende de Eigentijdse Geschiedenis (RGANI), het Centrale Archief van de Federale Veiligheidsdienst (TsaFSB) en het Russische Militaire Staatsarchief (RGVA). De meerderheid van de documtenten die in dit proefschrift worden benut, is nooit eerder in de openbaarheid gebracht.

Hoofdstuk 1 en 2 beschrijven de inrichting van een vorm van sovjetsocialisme in de Oostelijke bezettingszone van Duitsland. Algemene problemen en onvermijdelijke ontwikkelingen worden besproken, alsmede ook Stalins richtlijnen en speciale aanwijzingen voor politieke reconstructie. Voor de eerste keer wordt aandacht besteed aan vraagstukken zoals de formatie van organen voor Duits zelfbestuur onder de controle en met de steun van de NKVD. Aan de hand van niet eerder gepubliceerde documenten worden de mechanismen duidelijk via welke de Oost-Duitse regerende elite onderworpen en beïnvloed werd. Bovendien worden in hoofdstuk 2 de speciale methoden van onderdrukking onderzocht die in de sovjetpolitiek werden toegepast, de manieren waarop verzet de kop werd ingedrukt en de wet in de Russische bezettingszone van Duitsland werd toegepast. In dit hoofdstuk wordt ook voor het eerst de organisatie van Duitslands eigen geheime politie in detail en op grond van documenten onderzocht.

Hoofdstuk 3 behandelt de geschiedenis van de vervalsing van de resultaten van een referendum en de verkiezingen voor de Poolse Sejm in 1946-47 in het kader van de pogingen ondernomen door de Poolse en de sovjetstaatsveiligheidsdienst om politieke tegenstanders te isoleren. Deze manipulatie van de politieke wil van de Polen is tot nu toe onvoldoende bestudeerd in de wetenschappelijke literatuur.

In d**e hoofdstukken 4 en 5** wordt de besluitvorming die leidde tot de arrestatie van vooraanstaande figuren in het Oostblok, met name in Hongarije, Bulgarije en Tsjechoslowakije, en de oorzaken die aan deze vervolgingen ten grondslag lagen diepgaand onderzocht. Verder worden bepaalde, tot nu toe verborgen gebleven aspecten die de voorbereiding van de beruchte showprocessen in deze landen betreffen, voor het eerst belicht aan de hand van een grote hoeveelheid documtenten uit het MGB-archief.

Tenslotte worden in **Hoofdstuk 6** de laatste jaren van Stalins heerschappij behandeld, die tot nu toe nauwelijks degelijk onderzocht zijn. Hoewel deze periode uitbundige aandacht heeft

gekregen in de publicistiek, bestaan er maar enkele studies gewijd aan zuiveringscampagnes gericht tegen partijkaders en de politieke arrestaties onder MGB- functionarissen in de Sovjetunie die door Stalin in 1951-1953 ontketend werden. Sommige historici wijzen Stalins verantwoordelijkheid hiervoor niet alleen van de hand, maar beweren zelfs dat Stalin in februari 1951 bijna ten val werd gebracht.[1] Er is veel geschreven over de arrestatie van Abakoemov en andere MGB-leiders, maar de weergave van gebeurtenissen door commentatoren (waar het de omvang van de arrestaties, hun oorzaken en Stalins bedoelingen betreft) wordt niet voldoende door feiten gestaafd. Het tempo en het mechanisme van Stalins zuiveringen van de MGB, de bedoelingen erachter en Stalins peroonlijke rol als organisator en inspiratiebron worden in dit hoofdstuk uitsluitend onderzocht op basis van documenten uit tot nu toe niet gebruikte archivalia.

Het materiaal dat in deze studie wordt gepresenteerd geeft alle reden om twee perioden te onderscheiden in de activiteiten ondernomen door adviseurs van de sovjetstaatsveiligheidsdienst in Centraal- en Oost-Europese landen. De eerste periode begon toen het het Rode Leger binnenviel in 1944-45 en eindigde in augustus 1949, toen Stalin besloot om het inlichtingenwerk in de satellietstaten te beperken. De tweede periode duurde van augustus 1949 tot het midden van 1953, toen het nieuwe sovjetleiderschap besloot om de bemoeienis van vertegenwoordigers van het sovjetveiligheidsapparaat met de interne aangelegenheden van Oost-Europese landen te beperken en hun werkzaamheden uitsluitend een adviserend karakter kregen. De basis voor zo'n koerswijziging waarbij de taken van de MGB-adviseurs werden herzien, werd al gelegd door een besluit van het Politburo van het CC van de VKP(b) van 22 oktober 1951. Toen Stalin echter zijn zuiveringen en politieke repressies uitbreidde, kon dit besluit niet volledig en onaangetast worden doorgevoerd.

Reeds in 1947 werd door het Kremlin een lijst opgesteld van landen die voortaan als permanente bondgenoten te boek stonden. Als criterium daarvoor gold dat deze landen op identieke wijze hun sociale en economische politiek op het "historische experiment van de USSR" hadden afgestemd. Het belang van deze transformatie van de Oostbloklanden, de theoretische basis van dit proces en het uiteindelijke doel ervan werden met de grootst mogelijke duidelijkheid vastgelegd op 25 september 1947 in een rede die door Zjdanov werd gehouden op een conferentie in Polen die tot doel had om de afgevaardigden van de communistische partijen over deze zaken te informeren. Allereerst wees hij erop dat in Joegoslavië, Bulgarije, Roemenië,

[1] Joe.N. Zjoekov, *Tajny Kremlja. Stalin, Molotov, Berija, Malenkov*. Moskou 2000, p. 545.

Polen, Tsjechoslowakije, Hongarije en Albanië een landbouwhervorming was doorgevoerd die geresulteerd had in "de liquidatie van de grondbezittende klasse" en dat de zware industrie en de banken genationaliseerd waren. "Zo", vervolgde Zhdanov, "zijn de grondslagen gelegd voor het publieke staatseigendom en daarmee is een nieuw type staat ontstaan – *de volkskrepubliek* – waar de macht in handen is van het volk, de zware industrie, transport en banken in handen zijn van de staat en die geleid wordt door een politiek blok gevormd door de werkende klassen van de bevolking onder aanvoering van de arbeidersklasse. Het resultaat is dat de volken van deze landen zich niet alleen bevrijd hebben van de kwalen van het imperialisme, maar ook dat voor hen nu de weg naar een socialistische ontwikkeling open ligt."[2]

Het duurde nog twee jaar voordat er uiteindelijk werd besloten om een sovjetblok te vormen en de status van de satellietlanden veilig te stellen. Wel scheidde Joegoslavië zich in deze periode van dit blok af. "Stalins subjectivisme" of "Tito's ambities" waarover historici nog steeds nu en dan schrijven, waren hierbij niet van belang. Wat telde was discipline en onderwerping aan Moskou zelfs in onbelangrijke details. Joegoslavië's onwil om zich te voegen naar Stalins onvoorwaardelijk dictaat was de voornaamste oorzaak van de afsplitsing. Met uitzondering van Joegoslavië werden de landen die door Zjdanov in september 1947 waren genoemd, opgenomen in de resolutie van de Raad van Ministers van de USSR van 2 augustus 1949 over het verbod op activiteiten van sovjetinlichtingendiensten in volksdemocratieën, waarmee ook een soort scheiding tussen "vrienden" en "vijanden" tot stand kwam. Uit de Aziatische gebieden werden Noord-Korea en die delen van China die onder controle van Mao Zedong stonden, aan de lijst toegevoegd.

Men kan rustig beweren dat Stalin reeds in het begin van 1945 over een helder en uitgedacht plan beschikte om Oost-Europa te sovjetiseren en een blok van Oost-Europese landen te vormen. Dit wordt niet alleen bewezen door de uitlatingen die Stalin in de intieme kring van zijn "beste vrienden" deed. Het gehele ingewikkelde samenstel van sociaal-economische hervormingen uitgevoerd onder de controle van lokale communisten, die de beschermelingen van Moskou waren, laat daar evenmin enige twijfel over bestaan. Alleen onder deze voorwaarde konden de Oostbloklanden onherroepelijk in het sovjetblok worden opgenomen.

Het gebied van de sovjetzone in Duitsland is een typisch en duidelijk voorbeeld van regelrechte sovjetisatie met behulp van de NKVD, die niet schroomde repressieve maatregelen te

[2] *Sovesjtsjanija Kominforma, 1947, 1948, 1949. Dokoementy i materialy*. Moskou 1998, p. 153.

nemen. In tegenstelling tot andere Oost-Europese landen, waar het Kremlin zijn tegenstanders langs slinkse wegen en door inschakeling van de lokale politieke politie verwijderde, werd in bezet Duitsland voor dat doel openlijk en uitgebreid terreur toegepast. Speciale kampen van de NKVD gevestigd in voormalige nazi-concentratiekampen en -gevangenissen dienden als instrumenten voor sociale zuivering. Terwijl in de Westelijke bezettingszones het proces van de-nazificatie volgens de richtlijnen van een geallieerde onderzoekscommissie uitsluitend van toepassing was op op mensen die als nazi actief waren geweest, werden in de sovjetzone niet alleen deze mensen gestraft, maar ook een veel grotere groep, die Duitse ambtenaren, mensen met veel bezit en de aristocratie omvatte. Zij waren het die in meerderheid de speciale kampen van de NKVD in Duitsland bevolkten en daar omkwamen. Dit was dus een proces waarbij de "voormalige heersende klassen" werden uitgeroeid, zoals dat eerder ook in Rusland na de revolutie had plaatsgevonden. Zulke lieden werden traditioneel als onverbeterlijke vijanden beschouwd. Stalin vond het uitsluitend vervolgen van voormalige nazi's niet radicaal genoeg, of beter gezegd, onvoldoende doelmatig. Volgens zijn opvattingen konden niet al te actieve en gewone nazi's nog zeer wel veranderen in nieuwe aanhangers van de communistische zaak, terwijl de traditioneel democratisch gezinde lagen van de bevolking, bijvoorbeeld de sociaal-democraten, deze ommezwaai nooit zouden maken.

In 1949-53 speelden de sovjetadviseurs van de MGB in Centraal- en Oost-Europa de rol van politieke afgevaardigden van het Kremlin. Zij voerden Stalins wil rechtsstreeks uit en namen actief deel aan de politieke besluitvorming en de onderdrukking. Zij registreerden elke nuance in de houding die politieke leiders in diverse landen tegenover de sovjetleider aannamen. Indien zij contact schuwden of geen informatie wilden uitwisselen met de adviseurs, zorgden deze laatsten ervoor dat de mening over deze leiders in Moskou ongunstig werd beïnvloed door geruchten te verspreiden over verschillende vijandige groeperingen binnen het leiderschap van de volksdemocratieën. De betrekkingen met de USSR vormden zo de toetssteen en het selectieprincipe om vast te stellen welke groeperingen er bestonden en wat voor kenmerken deze bezaten.[3] Het werkelijke criterium voor deze indeling in groeperingen bestond meestal uit een simpel feit: de plaats waar de ene of een andere functionaris als emigrant vertoefd had gedurende de oorlog. Als dit in de USSR was geweest, bestond er geen probleem, maar als hij of zij in het

[3] T.V. Volokitina, G.P. Moerasjko, A.F. Noskova, T.A. Pokivajlova, *Moskva i Vostotsjnaja Jevropa. Stanovlenië polititsjeskich rezjimov sovetskogo tipa (1949-1953): Otsjerki istorii*. Moskou 2002, p. 515.

Westen had gewoond, was dit wel het geval. Informatie over “vijandige groeperingen” en hun gevaarlijke plannen die regelmatig door MGB-adviseurs aan Moskou werd doorgegeven, speelde een doorslaggevende rol in de escalatie van de onderdrukking in Oost-Europese landen rond 1950.

Politieke zuiveringen en vervolgingen in Oost-Europese landen volgden niet geheel hetzelfde patroon. In Tsjechoslowakije bijvoorbeeld begonnen de voorbereidingen voor het grootscheepse proces tegen de “verraders” uit de hoogste politieke kringen wat later dan in andere landen. Het tempo van deze voorbereidingen, de onmisbare deelname van officieren van de sovjetstaatsveiligheidsdienst en de resultaten waren echter gelijk als bij soortgelijke processen in Hongarije en Bulgarije.

Zulke politieke processen tegen de “vijanden” van socialistische hervormingen, tegen diverse “heimelijke beschermelingen van het imperialisme” of tegen “agenten van Tito” hadden in de eerste plaats tot doel om de leiders en de bevolking van volksdemocratieën te disciplineren en op te voeden. Zij waren de apotheose van zuiveringen die op grotere schaal in de samenleving als geheel werden doorgevoerd. De toepassing van de methoden van 1937-38 in landen die nog maar pas binnen de invloedssfeer van de Sovjetunie waren gebracht, was niet eenvoudigweg het gevolg van Stalins nostalgische voorkeur voor primitieve terreur. Voor de sovjetleider was dit een belangrijk en onmisbaar element bij het doorvoeren van politieke hervormingen en de egalisatie van het terrein voor de constructie van het socialisme. Eerst werd de onderdrukking uitgebreid van de “klassevijanden” naar de “nationalisten” en mensen met contacten in het buitenland (via correspondentie of door familieleden), pas daarna werden alle geledingen van de staat en de autoriteiten binnen de partij aangepakt. Op die manier werd sociale homogeniteit bereikt en dat was om twee redenen een belangrijke aangelegenheid voor Stalin. Ten eerste werd hierdoor de basis voor een stabiele socialistische structuur gelegd en ten tweede was nu het risico van een potentiële restauratie van het *ancien régime* uit de weg geruimd. Dit proces werd onomkeerbaar gemaakt door de mensen te vermoorden die volgens de communistische theorie niet “heropgevoed” konden worden omdat zij tot een bepaalde klasse behoorden met een daarbij passende levensbeschouwing en overeenkomstig gedrag.

De officieren van de sovjetstaatsveiligheidsorganen vervulden bij de voorbereiding van showprocessen een specifieke rol. In de eerste plaats instrueerden zij lokale opsporingsambtenaren, informeerden Moskou (Stalin, Abakoemov) over de voortgang van het

gerechtelijk onderzoek, namen verhoren af, stuurden verslagen van de verhoren van de belangrijkste beklaagden naar Stalin ter beoordeling en correctie, en hielden bijeenkomsten met de lokale autoriteiten om "tekortkomingen bij het onderzoek" aan te pakken. Over deze aangelegenheden werd de strengste geheimhouding bewaard, vooral aangaande de aanwezigheid van sovjetvertegenwoordigers, want er mochten geen geruchten ontstaan over "sovjetbemoeienis met arrestaties". Elk detail van de aanklachten werd door Stalin persoonlijk beoordeeld en bekrachtigd. Dit wordt bevestigd door documenten betreffende de rechtzaken van László Rajk en Traicio Kostov.

De procedures om de beklaagden te "prepareren" waren niet veranderd sinds de dagen van de Moskouse processen in 1936-38. Over de voorbereidingen van het proces tegen László Rajk berichtten de officieren van de staatsveiligheidsdienst Belkin en Makarov, oude bekenden uit de tijd van de Grote Terreur, in augustus 1949 bij voorbeeld als volgt:

> "We werken elke dag persoonlijk met iedere beklaagde […] ons doel is om bepaalde punten uit de getuigenissen van de beklaagden naar voren te halen, om tegenstrijdigheden te elimineren en de bereidheid van de beklaagden om tijdens het proces dezelfde dingen te zeggen als tijdens het vooronderzoek in stand te houden […] elke dag hebben we bijeenkomsten met 8 informanten, die bij de beklaagden in de cel zitten om de stemming en de bedoelingen van elke beklaagde te peilen met het oog op hun gedrag en taktiek tijdens het aanstaande proces."

De politieke processen die door Stalin in de Oost-Europese landen bevolen werden, vormden een belangrijk element in de sovjetisatie van deze staten die aan Stalins eisen betreffende hun politiek-sociale structuur moesten gaan voldoen. Tevens vormde de maniakale jacht op spionnen en de ontmaskering van "vijanden" in satellietlanden ook de rechtvaardiging voor een nieuwe terreurgolf in de USSR. Het is geen toeval dat gelijktijdig met de voorbereiding van de processen in Hongarije en Bulgarije in de zomer van 1949 de zogenaamde "Leningrad-affaire" in gang gezet werd, waarbij een aantal van Stalins recente strijdmakkers en prominente figuren uit de VKP(b) vervolgd werden. Hetzelfde kan worden opgemerkt over de groepen waartegen de terreur zich richtte. Toen zowel in de satellietlanden als in de USSR bleek dat vooral joden het moesten ontgelden, wees dat op iets nieuws, namelijk dat Stalins repressieve politiek zich nu tegen

bepaalde nationaliteiten richtte. Ongetwijfeld dienden de processen tegen spionnen in de Oost-Europese landen in zekere zin als een testcase voor de MGB-operaties die door Stalin in 1951-53 werden beraamd tegen speciale sociale categorieën en groeperingen uit de bevolking.

En het is zeker geen toeval dat de slachtoffers van de arrestaties en zuiveringen binnen de MGB in 1951-53 Tsjekisten waren die eerder als adviseurs naar de Oost-Europese landen waren gezonden. Zij kenden alle details van de processen die in deze landen plaatsvonden en zij wisten tevens veel over hun superieuren. Luitenant-generaal M.I. Belkin had geassisteerd bij het proces tegen Rajk. M.T. Lichatsjov en L.L. Sjvartsman van de onderzoeksafdeling van de MGB hadden de zaak tegen Kostov in Bulgarije voorbereid. Lichatsjov was in april 1950 ook in Praag geweest kort voordat daar een golf van arrestaties plaatsvond. Kolonel A.M. Palkin had gedurende een speciale en geheime missie in Warschau de resultaten van een referendum vervalst ten gunste van de communisten. Ten slotte had generaal-majoor G.V. Oetechin, als hoofd van de Eerste Afdeling van de MGB, de supervisie gehad over de operaties van alle sovjetadviseurs in de volksdemocratieën. En inderdaad, zij werden allen in de tweede helft van 1951 gearresteerd gedurende de zuivering van de MGB. Dit lag voor de hand. In Stalins manier van denken was het essentieel dat de bezitters van zoveel belastende informatie af en toe uit de weg geruimd werden.

De inhoud en de aard van de activiteiten die door door sovjetadviseurs ondernomen werden, veranderden na Stalins dood in 1953. Nu werd advies en assistentie bij de organisatie van het werk voor de staatsveiligheidsdienst belangrijker. Dit kwam door een politieke koerswijziging van het Kremlin dat zich vooral richtte op een vermindering van de internationale spanning en politieke terreur voortaan wenste te vermijden. Daarom kon het apparaat van adviseurs zich voortaan wijden aan zijn oorspronkelijke taken. Er bestond echter ook een tweede reden: de lokale organen voor de staatsveiligheid hadden voldoende stabiliteit en rijpheid bereikt. Zij hadden geen buitenstaanders meer nodig om taken over te nemen. Zij hoefden niet langer gedwongen te worden om repressie uit te oefenen. Zij dienden alleen nog maar in de gaten te worden gehouden en advies te krijgen in bijzondere omstandigheden. Niettemin, zodra de situatie verslechterde, traden KGB-adviseurs opnieuw direct op en namen het initiatief tot repressieve operaties op dezelfde manier als in 1949-53. In die jaren waren zij opgetreden als plaatsvervangers van lokale “bevriende” staatsveiligheidsofficieren die in paniek waren geraakt. Dit herhaalde zich in Hongarije in 1956 en in Tsjechoslowakije in 1968 toen het volk in actie kwam tegen de communistische dictatuur. In Tsjechoslowakije werden zelfs, zoals in het

naoorlogse Duitsland, operationele secties van de KGB ingericht die tot het begin van de jaren zeventig actief bleven.